Сергей Алмазов

Про Стёпу

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Философско-приключенческая повесть с элементами фантастики и трансерфинга для взрослых и детей.

- Сергей Алмазов
  -
  - От автора
  - Часть 1
    -
    - Глава 1. Знакомство
    - Глава 2. Тайна
    - Глава 4. Трудности
    - Глава 5. Неудача
    - Глава 6. Сюрприз
    - Глава 7. Идея
    - Глава 8. Любовь
    - Глава 9. Игра
    - Глава 10. Душа
    - Глава 11. Счастье
    - Глава 12. Боль
    - Глава 13. Время
    - Глава 14. Ника
  - Часть 2
    - Глава 15. Соня
    - Глава 16. Живая еда
    - Глава 17. Здоровье
    - Глава 18. Комната страха
    - Глава 19. Инстинкт
    - Глава 20. Вино
    - Глава 21. Ломехузы
    - Глава 22. Бесконечность
    - Глава 23. Хаос
    - Глава 24. Деньги
    - Глава 25. Пангея
    - Глава 26. Акуна Матата
    - Глава 27. Совесть
    - Глава 28. Полёт
    - Заключение
  - Благодарности
- notes
  - 1

Сергей Алмазов
Про Стёпу

Взрослая книга для детей

* * *

Детская книга для взрослых

От автора

Перед вами не обычная книга. Гибридная — как сейчас модно говорить. Почему гибридная? Гибрид сочетает в себе порой не сочетаемые элементы. Как шутят некоторые: это «смесь бульдога с носорогом». Так кто же в нашей книге «бульдог», а кто «носорог»? И почему понадобилось их смешивать?

Начнём с того, что всё новое рождается из старых компонентов. Из их соединения. Музыка рождается из семи нот, картины из семи цветов, литература из слов, новые вещества из базовых атомов и молекул. Но мы пошли дальше, и смешали детскую сказку с картинками и философско-мировоззренческий текст. Зачем нам это понадобилось?

Дело в том, что все мы привыкли к тому, что есть определённые правила. И все следуют им. Но ведь эти правила кто-то придумал. Почему мы не можем придумать свои правила? Иногда правила можно, и даже нужно менять, если они не соответствуют времени или ситуации.

Всё меняется. Ещё 50 лет назад люди были совсем другими. Посмотрите фильмы 40–50 годов. Посмотрите, какие там люди. Они не такие, как мы и наши современники. Совсем не такие. Они не лучше и не хуже нас. Они — другие. Раньше и книги были совсем другие, и картины… и музыка… Но эти же самые картины, книги и музыка в своё время вызвали немало споров и «справедливой» критики. И не факт, что все из них дошли до наших дней, а не были признаны «неправильными» и не отправились в печку или на помойку…

А наука? Если бы не было нонконформистов, мы бы до сих пор считали, что Земля плоская и покоится на трёх китах…

Конечно, консерватизм — это тоже хорошо. До определённого момента. Но, когда все жанры сформированы, выработаны определённые каноны и правила, они — эти правила становятся своего рода рамками, границами. Постепенно эти рамки наполняются информацией. Потом информации становится тесно в плотине этих рамок. Неизбежно начинаются повторы, топтание на месте, застой и, как следствие, утрата интереса. Сейчас наблюдается именно такое явление. Во всех сферах. Нам просто необходим ренессанс, обновление, «неформат», если угодно…

Конечно, смешать «бульдога» с «носорогом» — это ещё не ренессанс. Во всём нужна гармония. Необходим разумный синтез старого с привнесением новых элементов. Эта книга — попытка синтезировать классическую детскую литературу и довольно

пёстрый мировоззренческий трактат, который, в свою очередь, является синтезом науки, религии и ностальгических экскурсов в советское прошлое. Надеемся, что книга понравится всем — и детям, и взрослым.

Почему взрослым должна нравиться книга про детский садик? А почему им нравится фильм «Усатый нянь»? Потому, что детский садик — это тоже интересно. Но фильм ведь не только об этом. Этот фильм о любви. И о космосе. Вот и наша книга тоже — и о детском садике, и о Любви, и о Космосе.

А почему детям должна нравиться книга, которая не только о детском садике? А почему им нравится фильм «Усатый нянь»? Потому что всем, даже самым маленьким интересно — а что же там, за забором ИХ детского садика? А там Космос. И Любовь. А если не только за забором? А что, если Космос в каждом из нас? И Любовь…? Что может быть интересней?

Наш мир меняется. Стремительно меняется. Рождается новое поколение, которому уже не достаточно читать про то, что уточка делает «кря-кря», а курочка делает «ко-ко». Они с 2-х лет «сидят» в Интернете и разбираются в таких вещах, которые предыдущему поколению в их возрасте и не снились, не говоря уже о более старших поколениях. Сейчас очень не простые дети. Все — не только с индиго-аурой. Об этом говорят и педагоги и учёные. Эти дети обладают сверхспособностями по сравнению с их сверстниками из предыдущих поколений. И эти дети нуждаются в новых книгах. Очень важно дать им правильное направление в том изобилии информации, которое их окружает. Но, вместе с тем, они всё-таки дети и им вряд ли будут интересны научные статьи без картинок и диалогов.

Возможно, ещё не все дети готовы сразу усвоить ту информацию, которая содержится в нашей книге. Это не страшно. Сразу всё понимать и не обязательно. Непонятное тоже может нравиться, а понятное иногда может быть скучным…

Наша книга намеренно написана не совсем «детским» языком. Дело в том, что «детским» язык детей делают сами взрослые, «агукая» и «сюсюкая» с ними. До 3 лет это может быть оправданным ходом, но потом начинается «взрывное» развитие детского сознания. Идёт закладка багажа на всю жизнь. И очень важно не упустить момент. Дать ребёнку именно те знания, которые не будут балластом в его багаже, а помогут ему ориентироваться в нашем мире. Особенно сейчас, когда доминирует СМС-стиль, делающий сознание клиповым — не способным воспринимать «многа букаф».

Возможно, не все ещё готовы к подобного рода текстам. А кто-то УЖЕ не готов. Учёные-лингвисты бьют тревогу, говорят,

что наш язык стремительно деградирует, вырождается. Этого нельзя допустить и наша задача не опускаться до нижней планки понимания, а подтягивать отстающих до среднего уровня. И не беда, если какие-то моменты попадут в сознание ребёнка не до конца пОнятыми. Главное — что они попадут. Понимание может прийти и позже. Детская память очень цепкая. В детстве энергетика сильная и всё, что производит впечатление на ребёнка, обращает на себя его внимание — неизбежно становится его памятью. И, может не сразу, но со временем обязательно всплывёт, выстрелит. Поэтому так важно наполнить ребёнка «правильной» информацией. Важно именно сейчас, когда информация стала оружием, и за умы наших детей развернулась самая настоящая битва. Таковы реалии нашего мира. И нашим детям жить в этом мире. Каким бы уютным ни был наш собственный «мирок», ребёнок окунается во «взрослую» жизнь с первых дней своего существования. Чего стоит хотя бы выпуск «новостей» по телевизору с бесконечными катастрофами и военными действиями или «разборки» соседей за стеной с перечислением всех физиологических особенностей друг друга? Поэтому и готовить ребёнка к «взрослой» жизни приходится чуть ли не с пелёнок.

Как это делать? Необходимо говорить с ним не только о «детском». Объяснять — почему всё так, а не иначе. Именно поэтому в нашей книге идёт речь о Любви, Душе, Жизни, Смерти и других базовых вещах для каждого человека. Ведь такие понятия как «душа» или «любовь»… они «заезжены» дальше некуда. Сразу вспоминается фильм «Операция Ы…», где герой Пуговкина пытался приобщить Федю к высоким материям, чем вызвал откровенную зевоту. «Душеспасительные» книги в большинстве своём назидательны и скучны. Они чрезмерно серьёзны и пафосны. Сейчас никто не хочет их читать. Отсюда и крайности. Именно из-за этого возникла теория о «привлекательности греха». Докатились до «занятий любовью», «однополой любви» и прочих извращений. В своём истинном виде Любовь стала уже не интересна. Захотелось чего-то более «продвинутого». Потянуло на «клубничку». А ведь это абсурд. Нет ничего интереснее Любви. И важнее. Сейчас вот все ищут национальную идею для страны, а она давно уже найдена: «Люби — и делай что хочешь». Осталось только научиться любить. Успеть научиться…

Не обошли мы своим вниманием и такие понятия, как Деньги, Ложь, Совесть, Подвиг… Дети очень ценят, когда с ними общаются на равных. Не «сюсюкают» и не «снисходят» до их уровня. Необходимо быть искренними с детьми, и тогда они не

только откроются нам и будут доверять, но и будут нас лучше понимать. Да и мы будем понимать своих детей лучше. А это так необходимо, особенно теперь, когда «гаджеты» заменили многим детям их родителей.

А ведь родители тоже меняются. Наша жизнь становится более циничной, прагматичной, лживой и даже жестокой. И это не потому, что Мир такой. Нет, это «взрослые» заигрались в свои взрослые игры и поставили Мир на край бездны. Но Мир выживет, как уже выживал не один раз, а вот «взрослые», если не одумаются, то опять станут детьми. Только не такими, как их дети, а на несколько тысяч лет моложе, если повезёт. А то и на миллион. Хотим ли мы такого «детства»?

А может быть, хватит нам «взрослеть»? Между нами и нашими детьми выросла стена. Стена непонимания, гордыни и собственной знАчимости. Пора начать разбирать эту стену. Необходимо стирать грань между родителями и детьми, но делать это сверху вниз, не «овзрослияя» детей, а, если угодно, самим «впадая в детство». В какое детство? Конечно, не в то, где сопли и памперсы. Детство — это ещё и мощнейшая энергетика, постоянный восторг от всего, жажда знаний и буйство желаний — чистых желаний, а не «завоевать весь мир». Это открытость и бескорыстность, настоящая дружба и отсутствие вредных привычек (ковыряние в носу не в счёт)… здоровье, красота и чистота, наконец. Так что плохого в таком детстве? На что мы его променяли? Что такого хорошего есть во «взрослой» жизни, от чего нужно ограждать детей? Так ли уж нам самим нужны все эти фильмы 18+, ночные клубы, алкоголь, табак, наркотики и прочие сомнительные удовольствия? Может быть, наши достижения, ради которых стоит забыть о детстве — это беспорядочные связи и гастрономические вакханалии? Древний Рим готов с этим поспорить. Так ради чего мы стремимся поскорее повзрослеть? Где больше счастья — в собственной круизной VIP яхте или в детском паровозике в парке? Песня «Босоногий мальчик» Леонида Агутина именно об этом… Пусть будет яхта, и лимузин пусть будет, но только пусть они будут наполнены «детьми», а не как в другой известной песне — такой скотобазой, что некуда сесть.

Помните поговорку: «Если бы молодость знала, если бы старость могла»? Это реально! Именно к этому мы и призываем. Долой старость. Да здравствует вечная молодость! Эликсир молодости не нужен — наша Душа вечно молода. Секрет бессмертия в осознании своего «Я».

Об этом наша книга. За «детской» формой в ней скрыто вполне «взрослое» содержание, даны практические советы по многим житейским вопросам. Эта книга поможет всем понять, что

мы УЖЕ счастливы и не нужно никуда бежать.

Мы уверены, что таких книг в ближайшем будущем появится множество. Время диктует свои законы. Закон нашего времени — это объединение. Не смешЕние, а именно объединение. И пусть бульдог остаётся бульдогом, а носорог носорогом, но пусть каждый из них чувствует, что он часть Единого, Целого. Ведь Единое — это не значит единообразие. Оркестр един, но это не сотня одинаковых скрипачей или трубачей. Единство заключается в Гармонии. И пусть эта Гармония будет с нами всегда. Приятного всем прочтения.

Часть 1

Дети мечтают поскорее стать взрослыми.
Взрослые мечтают хотя бы на время вернуться в детство.
Эта книга для тех и для других.[1]

Глава 1. Знакомство

Стёпа был самый обыкновенный лягушонок. Как все. Хотя, наверное, так нельзя говорить. Ведь каждый в своём роде хоть в чём-то, но обязательно необыкновенный. Главное — найти в себе это необыкновенное и тогда дело в шляпе.

Но Стёпа пока не мог похвастаться чем-то необычным. А впрочем, если поискать…

С некоторых пор не было ничего на свете такого, о чём Стёпа мог бы сказать: «Я это не люблю». Стёпа любил всё! Конечно, он мог сказать маме: «Я не хочу кушать!» Или: «Я потом соберу игрушки». Но вот сказать: «Я не люблю мухлеты» (это такие котлеты из мух), Стёпа не мог.

— Почему? — спросите вы, — разве можно любить мухлеты?

Оказывается, можно любить, но при этом не хотеть.

— Как это? — спросите вы.

Вот в этом и был Стёпин секрет…

А началось всё в один самый обыкновенный день. Хотя и дней обыкновенных тоже не бывает. Ведь нельзя же сказать: «Сегодня тот же день, что был вчера»? Как нельзя дважды войти в одну и ту же воду, так же нельзя и дважды прожить один и тот же день. И если один день и похож на другой — то только потому, что мы невнимательны…

Если вам кажется, что жизнь вокруг вас однообразна и скучна — загляните в микроскоп. И перед вами откроется целая Вселенная. А Вселенная не может быть скучной. Потому что скучно только то, что нами уже изучено. А кто может похвастаться тем, что изучил Вселенную?

После того как вы посмотрели в микроскоп, посмотрите опять вокруг себя. Но уже новыми глазами. Всё, что вы видели в микроскопе — всё это вокруг вас. Каждая пылинка и каждая ворсинка уникальны. С каждой из них происходят какие-то события. И каждая из них может рассказать вам свою историю. От вас потребуется только внимание. Для того чтобы увидеть и услышать что-то новое, нужно ненадолго отвлечься от себя. Чуть-чуть. В любое время. Когда вам становится скучно — самое время отвлечься от себя и посмотреть на мир как в микроскоп. И скучно уже не будет. И день будет необыкновенным. И жизнь перестанет быть однообразной…

А Стёпа как всегда проснулся, почистил зубы. Потом они с папой сделали зарядку — они каждое утро начинали с зарядки, в то время как мама готовила завтрак (это была мамина зарядка). В этот раз на завтрак был паштет из комаров и чай с мухами

(лягушки питаются в основном комарами и мухами).

Потом все засобирались по своим делам — кто на работу, кто в садик, а кто за покупками — в магазин и на рынок.

— Дорогая, где моё жабО? — спрашивал обычно папа перед выходом.

— Оно не свежее, дорогой — надень лучше кофту, — отвечала обычно мама.

Наконец Стёпа с папой отправились в детский садик, а мама помахала им рукой из окна.

Садик располагался недалеко от их дома. Это был красивый двухэтажный домик, окружённый деревьями и кустами. Во дворе садика был небольшой прудик, который служил местом для прогулки Стёпиной и соседней группы — черепашек.

— Пока пап, — крикнул Стёпа и поскакал к двери с надписью «Квакуши». Это была его группа.

— До вечера, — сказал папа и, глядя на часы, заспешил на трамвай.

В садике было весело. Утро всегда начиналось с разминки. Воспитательница — Жанна Аркадьевна играла на пианино, и все дружно под музыку делали упражнения. Хотя Стёпа уже сделал дома зарядку, он радостно приседал и махал руками вместе со всеми — ему нравились подвижные игры. Потом был завтрак, и Стёпа съел запеканку из комаров и выпил чашку горячего пчелиного молочка. С аппетитом у Стёпы всё было в порядке.

После завтрака группа приступала к занятиям. Сегодня была «лепёжка», и всем раздали пластилин. Стёпа, высунув язык, принялся лепить самолёт. Самолёт был реактивный — Стёпа решил, что пропеллер ему не вылепить. Дело продвигалось. Стёпа уже представлял себя, летящим в этом самолёте. Он ещё никогда не летал на самолёте, и это была его мечта. Правда, иногда он с папой и мамой поднимался на колесе обозрения. Конечно, полётом это назвать было нельзя, но для Стёпы и такое событие много значило. Он полюбил то состояние, когда отрываешься от земли, и внутри живота тоже что-то отрывается и начинает щекотать, постепенно холодком подбираясь к горлу…

Стёпа уже приступил к завершающей фазе и начал отделывать кабину, как вдруг заметил, что Павлик за соседним столом лепит точно такой же самолёт, как у него. Это не понравилось Стёпе и он, прикрыв рукой своё творение, стал превращать самолёт в «космический корабль многоразового использования» — они с папой недавно смотрели передачу про этот корабль.

— Ничего, так даже лучше, — подумал неунывающий Стёпа.

Павлик, не успевший скопировать хвост, приседал и

приподнимался со стула, пытаясь заглянуть в творческое пространство Стёпы. Но Стёпа плечом совсем перекрыл видимость, и Павлику ничего не оставалось, как изобрести хвост самому. Самолёт получился оригинальный и Павлик тоже решил, что так даже лучше. Все остались довольны.

После занятий группа дружно высыпала во двор на прогулку.

Жанна Аркадьевна уселась на кувшинку и свистком дала команду: «В воду». Прудик тут же наполнился плавающими и резвящимися лягушатами, которые стали плескаться и нырять, играть в догонялки и громко квакать.

Стёпа сначала принялся плавать брассом. Потом стал нырять под воду, представляя себе, что он Жаб Ив Кусто, про которого они недавно смотрели передачу с папой. Потом он стал булькать под водой, пытаясь сказать: «Жанна Аркадьевна», но у него получалось только «Бульба Бульбабовна». Вконец утомившись от этих дел, Стёпа решил отдохнуть в одиночестве. Доплыв до противоположного берега, он растянулся на тёплом песочке.

Вот тут и произошла чудесная встреча, после которой Стёпа окончательно перестал быть обыкновенным лягушонком.

Не успел он закрыть глаза, жмурясь от солнышка, как вдруг услышал слабенький голос, который сказал:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, — сказал Стёпа и оглянулся. Возле него оказалась маленькая улитка в красивом перламутровом домике, который отливал розовым цветом и чудесно искрился на солнышке. Улитка приветливо выглядывала из домика и смотрела на Стёпу своими глазками, которые располагались на кончиках усиков — необычайно подвижных и гибких.

— Как вас зовут? — спросила улитка.

— Стёпа, а вас?

— Меня зовут Ульяна, но ты можешь называть меня Уля, — сказала улитка, подползая поближе к Стёпе.

— Очень приятно, — сказал вежливый Стёпа, одновременно соображая — как ещё можно его называть, кроме Стёпы. Ничего не придумав, он спросил:

— А вы кто?

— Я улитка, — сказала Уля. — А ты, наверное, лягушонок?

— Да, верно, — ответил Стёпа. — А вы из какой группы?

— Из средней.

— А, «Жемчужинки» — знаю, — воскликнул Стёпа. — Но ведь ваша группа совсем с другой стороны, как же вы… ты здесь очутилась?

— Я здесь часто бываю. И тебя видела уже. Вот только не решалась познакомиться…

— А почему ты не со своей группой?

— Ты ведь тоже захотел побыть один, правда?

— Да, я… Ну, мне… В общем — да.

— Вот и мне иногда хочется побыть одной. Хотя, конечно, у нас там совсем не так шумно, как у вас. Там все такие медленные. Только и делают, что ползают…

— А как же ты сюда попала? — недоумевал Стёпа.

Уля очень внимательно посмотрела на Стёпу. Потом немножко подумала. Потом опять посмотрела на Стёпу и сказала:

— Прилетела.

— Как прилетела? Разве ты умеешь? — удивился Стёпа.

— Ты это в том смысле, что «рождённый ползать летать не может…»?

— Нет… — Стёпа ещё не слышал этого изречения, и оно ему сразу не понравилось. — Просто я не видел, чтобы улитки летали.

— А если ты увидишь, как я летаю — ты сможешь себе сказать: «Теперь я видел всё»?

— Н-нет… наверное…

— И это прекрасно, согласись.

— Д-да… наверное… но… почему?

— Да потому, что если бы ты так себе сказал — это было бы ужасно, — улыбнулась Уля.

— А… а почему? Разве это плохо — увидеть всё?

— И умереть?

— Как это?

— Так говорят: «Увидеть всё и умереть».

— А что это значит?

— Это значит, что если ты увидишь всё — тебе больше не за чем будет жить.

— А почему?

— Ну, представь себе такую жизнь. Каждый день одно и то же… Ничего нового…

Стёпа на секундочку представил себе такой «день сурка».

— Д-да… Это ужасно… Но и улитки ведь тоже, каждый день не летают… Вот я и удивился.

— А вот то, что ты удивился — это прекрасно. Это дар. Не все могут удивляться.

— А почему?

— Наверное, многие боятся этого.

— А что в этом такого… страшного?

— Боятся всегда неизвестного. И удивляет всегда тоже неизвестное. Кого-то полёт улитки может удивить, а кого-то может напугать.

— А от чего это зависит? От воспитания? — Стёпа где-то

слышал, что всё зависит от воспитания.

— И от воспитания, конечно, тоже…

— А от чего ещё?

— От характера.

— А что такое характер?

— Это твой внутренний настрой. У тебя он положительный. И ты удивляешься. А у кого-то характер отрицательный, и он будет бояться или сердиться.

— А что, это… характер можно воспитывать?

— Не знаю. Все рождаются уже со своим характером.

— А смелость — это тоже характер?

— Это часть характера, его черта.

— А говорят, что смелыми не рождаются, а становятся.

— Некоторые — да. Но в основном характер переделать сложно. Не многим это дано.

— А многие видят, как ты летаешь?

— Нет. Пока никто не видел.

— Но… тогда…

— Хочешь спросить — не обманываю ли я тебя?

— …Нет, — засмущался Стёпа.

— И правильно. Зачем мне тебя обманывать? Мне от тебя ничего не нужно…

— А обманывают только тогда, когда что-нибудь нужно?

— Конечно… Вам ещё не читали рассказ «Фантазёры»?

— Нет ещё…

— А нам читали. Там как раз про обман… Чем обман отличается от простых фантазий.

— И чем он отличается?

— Тем, что обман всегда корыстный… для себя. А фантазии — для других.

— А ты не фантазируешь?.. Ну, что ты прилетела…

— Значит, всё-таки не веришь?

— Нет, что ты… верю… а… тебе не влетит? Может быть, тебя уже ищут? — решил зайти с другой стороны хитрый Стёпа.

— Не влетит, — успокоила его Уля. — Наша Маргарита Степановна и не заметит. Она ещё медленнее остальных.

— А у вас в группе ещё кто-нибудь умеет летать?

— Не знаю… Я не видела.

— И у нас тоже никто не умеет…

— Думаю, что и в других группах никто не летает.

— А ты, это вот… Ну… пролетись немножко… — прямо попросил Стёпа, исчерпав свои уловки — без особой, впрочем, надежды.

— Хорошо, — вдруг согласилась Уля. — Если ты никому не

расскажешь.

— Я не… Никому.

И тут произошло самое настоящее чудо. Ульяна вдруг приподнялась в воздух и плавно растворилась, ничего не сказав на прощанье.

Глава 2. Тайна

Весь вечер Стёпа был сам не свой. Не находил себе места, пытаясь понять, что же всё-таки произошло. Даже когда мама приготовила на ужин Стёпину любимую комарилью, Стёпа рассеянно тыкал вилкой, глядя в одну точку. Даже когда папа после ужина предложил поиграть в «Черепашек-Ниндзя», Стёпа пробормотал что-то невнятное, продолжая думать о своём.

— Стёпа, что с тобой — ты не заболел? — забеспокоилась мама.

— Может вызвать врача? — засуетился папа.

— Нет, всё нормально, — очнулся Стёпа. — Спасибо мама, комарилья была замечательная — просто пальчики оближешь…

Но мысли о странном исчезновении Ули всё равно не покидали Стёпину голову.

На следующий день Стёпа еле дождался прогулки. Когда, наконец, прозвучала команда: «В воду», Стёпа со всего разбегу нырнул и сразу поплыл на другой берег прудика — туда, где вчера он так неожиданно расстался с Улей.

Но там никого не оказалось, и Стёпа — как самый настоящий охотник на комаров, залёг в воду, выставив наружу только свои лягушачьи глазки. Как два пузырька на воде. Никто не мог бы и подумать, что тут кто-то затаился. А Стёпа ждал…

Вдруг воздух на берегу сгустился и принял очертания Улиного домика. Хлоп, — и домик упал на песок. Тут же из него показались Улины глазки, которые смотрели прямо на два крошечных пузырька на воде.

— Привет Стёпа, — сказала Уля, обращаясь к пузырькам.

— Бубль вубль, — пробулькал Стёпа, не сообразив, что находится под водой. Он так был поражён Улиным появлением, что даже забыл, где находится.

— Привет Уля, вот это да! Как это у тебя получается? — выпалил Стёпа, вынырнув из воды.

— Тсс, — испуганно сказала Уля и посмотрела по сторонам. — Тише…

— Ой, прости… Кстати, а как ты узнала, что я здесь? Я ведь под водой был…

— Ты так громко думал, что я сразу тебя заметила.

— Что значит — громко думал? Разве ты можешь слышать чужие мысли?

— Да, это очень просто. Надо только немножко потренироваться.

— А ты меня научишь? — Стёпе вдруг очень сильно

захотелось услышать чью-нибудь мысль. Хоть самую маленькую.

— Может быть, всё зависит от тебя, — загадочно улыбнулась Уля, приближаясь к Стёпе.

— Я буду стараться, — пообещал Стёпа и приготовился слушать.

— Ладно, попробую. Но тебе придётся делать кое-какие упражнения, ты готов?

— О, я люблю упражнения, — оживился Стёпа и слегка подпрыгнул от нетерпения. — Я только не люблю спать и… рыбий жир…

— Вот с этого и начнём.

— С рыбьего жира?

— Нет. Ты сказал, что не любишь…

— Ну да. А разве можно любить рыбий жир?

— Не только можно, но и нужно…

— Но он же противный. Вам разве не дают?

— Дают. Мне тоже не нравится, но дело не в этом. Дело в том, что мы не должны говорить: «Я не люблю».

— А почему? — удивился Стёпа. — Что тут такого?

— Ну, понимаешь, это как в сказке — волшебное заклинание. Каждый раз, когда ты говоришь: «Я не люблю», ты окружаешь себя стеной, которая становится всё толще и толще…

Стёпа недоумённо посмотрел вокруг себя, но никакой стены не увидел.

— Эта стена невидимая, — пояснила Уля. — Но она намного прочнее каменной…

— И всё из-за рыбьего жира? Неужели он такой могущественный?

— Нет, — засмеялась Уля. — Дело не в рыбьем жире. Это относится ко всему на свете.

— Но мне же не нравится вкус рыбьего жира…

— Вот так и говори: «Мне не нравится» или: «Я не хочу». А слова «не люблю» или «ненавижу» просто забудь и всё.

— Значит, получается, что всё надо любить?

— Вот именно. Если ты перестанешь говорить «не люблю» — ты сможешь полюбить…

— А зачем мне всё любить? Я люблю маму, папу, бабушку, дедушку… А тут рыбий жир ещё…

— Понимаешь, Стёпа… Когда мы говорим «люблю» — это не может относиться к рыбьему жиру или мороженому. Это слишком маленькие вещи для такого понятия как Любовь. Мороженое может нравиться, рыбий жир может не нравиться. А любить можно и нужно только весь мир…

— А квак… то есть как это — весь мир? Всё-всё?

— Да, представь себе.

— Это что же — я должен любить маму так же, как и рыбий жир?

— Немного не так. Надо просто любить. Всё и всех на свете. Любить мир таким, какой он есть, никого не выделяя и никого не исключая…

— Но… как же… любить маму не больше, чем рыбий жир…?

— Понимаешь — то, что ты сейчас считаешь любовью, это… ну, я не знаю… привязанность, симпатия, нежность… А Любовь — она не может быть больше или меньше. Она или есть, или её нет.

— А разве можно любить пиявок или уколы?

— Не так. Я же говорю — любить нужно не уколы отдельно, а весь Мир — с уколами, пиявками и даже змеями.

— Но они же могут нас съесть, — ужаснулся Стёпа. — Как же можно любить змей?

— Но ведь и ты можешь кого-то съесть… комарика, например. Что же теперь, и себя не любить?

— Но…

— Если полюбить весь Мир таким, какой он есть — то Мир полюбит тебя… Хотя нет, Мир нас любит всегда… но он похож на зеркало. Как ты к нему, так и он к тебе. Если ты сможешь его полюбить — он откроется тебе. Станет твоим другом. И тогда пиявки от тебя отстанут, а уколы не будут болючими. И змеи не будут попадаться тебе на пути. Любить — это не значит хотеть. Любить — это значит чувствовать своё единство со всем, что есть на свете.

— Значит, и себя тоже надо любить?

— Конечно. Если ты не будешь отделять себя от остального Мира, ты будешь любить себя так же, как и всех остальных… Ведь в том, чтобы любить себя нет ничего такого… постыдного… Ты любишь не «себя любимого», а… свои клеточки, которые являются отдельными сущностями и выполняют для тебя очень тяжёлую работу… Любишь своё сознание, которое является отдельным телом, и тоже служит тебе верой и правдой… Любишь каждый байтик информации, которая составляет твою Индивидуальность… Все твои тела, органы и микроорганизмы, живущие с тобой в симбиозе — все они твои друзья и без них твоя жизнь невозможна. Как же можно их не любить?

— Какие тела? Какие микроорганизмы? А кто же тогда «Я»?

— А ты и есть всё это в целом…

— А что такое единство со всем на свете?

— Ну, понимаешь, весь Мир… он един… Ну, как тебе сказать?.. Он целый… Он не делится на наше и не наше. Всё в Мире наше. И мы тоже не отдельные, не свои собственные, а чьи-

то…

— А чей я?

— Ты общий, — засмеялась Уля, заметив Стёпино смущение.

— Но как же… я же отдельно от тебя… ну, я же — вот, а ты — вот. Я же не твой… — Стёпа совсем запутался.

— А ты представь себе, что ты листик на дереве. Дерево — это Мир в целом. А мы с тобой два листика на одной ветке. Мы как бы отдельные, но всё равно мы одно целое…

— Но ведь у листиков есть хвостики и они этими хвостиками держатся за дерево. А где наши хвостики?

— Они есть. У всех. Только их не видно…

— А какие они?

— Хвостики? Ну… это даже не хвостики. Хвостик — он только с одной стороны, а мы связаны с Миром со всех сторон… Ладно, представь себе, что ты не листик, а капелька воды. Вот смотри, пруд — это Мир, а мы все — это капельки, из которых пруд состоит…

— Но ведь в пруду капелек не видно, а меня видно…

— Но ведь они там есть?

— Есть… наверное… не знаю…

— А ты брось в воду камешек.

Стёпа бросил камень в пруд и увидел, как во все стороны разлетелись брызги.

— Вот видишь, капельки всегда там…

— А что с нами случилось? Почему нас видно?.. Кто бросил камень в Мир?

— Никто не бросал. Мир так устроен. Он — то разделяется, то опять сливается. Это как вдох и выдох, как день и ночь, как зима и лето…

— Значит, Мир тоже дышит?

— Конечно…

— Вот смешно — Мир выдохнул нас… А… а если мы улетим?

— Куда? Улетать некуда — всё вокруг нас это наш Мир. Вода в пруду может испаряться — капельки попадают на небо. Потом идёт дождик, и капельки возвращаются обратно.

— А куда я вернусь?

— Туда, где ты был, пока не родился.

— А где я был?

— Там же, где и я — в мире, только невидимом.

— Но ведь я и сейчас в мире…

— Правильно. Мир большой, и он не только то, что мы видим. Очень многого мы видеть не можем, но оно существует.

— А почему я не помню тот мир, где всё вместе?

— Так нужно. Придёт время — и ты всё вспомнишь.

— А откуда ты это знаешь?

— Это мне дедушка сказал. Он меня научил — и летать, и мысли слышать.

— А какие упражнения надо делать, чтобы слышать мысли?

— А, это очень просто. Надо чаще думать о других. Представлять себя на их месте. Мы ведь постоянно думаем только о себе. О том, что нужно нам. А ты попробуй представить себя на месте того, чью мысль ты хочешь услышать. Делай это почаще, и у тебя получится.

— ЗдОрово. А летать — так же просто научиться?

— Нет, летать будет посложнее. Тут придётся запастись терпением…

— Эх, не люблю я ждать.

— Ну вот видишь — не всё так просто. Ты опять сказал: «Не люблю», и положил ещё один кирпичик в свою стену.

— Ой, прости, я больше не буду не любить… ну то есть буду любить… — и спать, и ждать… и рыбий жир, — Стёпе так хотелось полететь, что он был готов на всё.

— Ладно, договорились. А чтобы летать, нужно убедить себя в том, что ты это можешь.

— Как это?

— Ну, вот ты — можешь прыгать?

— Ещё как, — и Стёпа продемонстрировал Уле, что прыгать он умеет.

— Отлично. Ты веришь в то, что можешь прыгать? Или знаешь это наверняка?

— Конечно, знаю.

— Теперь твоя задача узнать, что ты можешь летать.

— А откуда я это узнаю?

— А откуда ты узнал, что можешь прыгать?

— Я не помню… Я всегда умел прыгать.

— Правильно. Ты не знал, что это невозможно, поэтому это было легко.

— А разве летать — возможно?

— Но я же летаю.

— Да-а, — неуверенно произнёс Стёпа.

— Конечно, это не так просто, как прыгать. Надо потренироваться. Для начала попробуй захотеть чего-нибудь попроще, и представляй себе, что это у тебя уже есть.

— А велосипед можно? — это была давняя мечта Стёпы, он все уши проквакал папе, но папа покупать ему велосипед не спешил. Говорил, что Стёпа ещё слишком мал для велосипеда, пусть немного подрастёт.

— Можно и велосипед. Главное — представляй себе, что

велосипед уже у тебя в кармане… ну то есть, что ты уже катаешься на нём. Представь себе как можно подробнее. Во всех деталях. Даже как он пахнет и какой он на ощупь. Воображение-то у тебя есть?

— Ещё как есть — я даже могу представить, какой у него воздух в колёсах.

— И какой же?

— Тугой, и пахнет резиной.

— Вот и отлично. Держи эту картинку у себя перед глазами и считай, что велосипед уже твой.

— А сколько ждать придётся?

— Ну, придётся подождать, конечно. Всё зависит от тебя. Мир так устроен, что сначала появляется идея, потом эта идея должна превратиться в мыслеформу. Мыслеформа должна стать устойчивой, набрать силу. И только потом она может стать видимой. Если мыслеформа наберёт достаточно энергии, она не сможет не проявиться. Это закон…

— Какой закон?

— Закон соответствия. Если в мыслях у тебя одно, а в реальности совсем другое, то это — несоответствие. И оно должно быть устранено… Или ты смиряешься с реальностью, и твои мысли становятся отражением этой реальности, или твои мысли побеждают, и реальность начинает меняться в соответствии с ними.

— А откуда мысле… форма берёт силу? Что это за энергия?

— Наша энергия. Думая о чём-то, мы отдаём свою энергию тому, о чём мы думаем. Поэтому думать лучше о хороших вещах. И чем чаще мы думаем о чём-то — тем быстрее оно сможет проявиться. И главное — никаких сомнений. Сомнения сжигают всю энергию и разрушают мыслеформу. Придётся начинать сначала.

— А как реальность начинает меняться? Что её меняет?

— Наши мысли… Наши желания… Но одного желания недостаточно. Необходимо иметь решимость и действовать. Без действия энергии не будет, и мечты останутся мечтами…

— А что надо делать? Как действовать, чтобы, например, получить велосипед?

— Ну… для начала попросить родителей…

— Думаешь, я не просил? Ещё как просил…

— Значит, неправильно просил, — улыбнулась Уля. — Теперь ты знаешь, как правильно. Надо просить и знать, что ты получишь то, что хочешь. Даже если сразу тебе откажут. Это просто необходимо для того, чтобы энергия начала наполнять мыслеформу…

— Если бы я своими глазами не видел, как ты летаешь — ни за что бы не поверил, что всё это правда. Но раз ты летаешь — наверное, и в самом деле всё так и есть.

— Ой, мне пора, — вдруг заволновалась Уля. — Кажется, Маргарита Степановна меня ищет…

— Приходи завтра.

— Постараюсь. А ты пока потренируйся.

— Хорошо, договорились, — Стёпа не успел квакнуть: «До свидания», как Уля уже растворилась в воздухе.

Глава 3. Тренировка.

Стёпа так много узнал за один раз, что у него кружилась голова и мысли, как букашки расползались в разные стороны.

Он уже стал думать, не приснилось ли ему всё это? Но потом подумал, что даже если летать он не сможет, то уж велосипед ему в любом случае не помешает. И тогда Стёпа решил:

— А что? Надо что-то делать. Не булькать же всю жизнь? Когда ещё я вырасту… а велосипед нужен уже сейчас. Попробую.

Всю дорогу домой Стёпа представлял себе, как он крутит педали своего велосипеда, звонит в звонок, накачивает шины. Даже представил себе, как он упал и пребольно ударился носом об руль — воображение у Стёпы и правда было будь здоров.

Когда Стёпа с папой пришли домой, мама готовила ужин, и Стёпа решил что неплохо было бы послушать, о чём она думает. Он сел за стол и принялся представлять себя на месте мамы: вот он берёт ложку и помешивает в кастрюле, потом достаёт ножик и мелко режет луковицу… Тут и у Стёпы и у мамы защипало глаза, и они оба прослезились.

— Ну вот, кажется, получается, — обрадовался Стёпа. И сейчас же он ни с того, ни с сего вдруг подумал: «Надо посолить».

В это же самое мгновение мама достала из шкафчика соль и принялась солить то, что варилось в кастрюле.

— Ух-ты, работает! Не обманула Уля, — подумал восхищённо Стёпа. — А ну-ка, послушаем ещё…

Но тут мама велела Стёпе мыть руки и садиться ужинать.

— Эх, как не вовремя этот ужин, — с досадой подумал Стёпа, но не стал спорить и послушно пошёл мыть руки.

За ужином Стёпа опять вспомнил про велосипед. Он проложил дорожку в каше, поставил кусочки петрушки вместо деревьев и стал рулить ложкой, представляя себе что едет по тарелке на велосипеде, объезжая препятствия и лихо наклоняясь на виражах.

Воображение его так разыгралось, что ветер свистел в ушах и Стёпа не сразу услышал, как мама сказала ему:

— Стёпа, не балуйся, кушай аккуратно, а то вон каша летит

во все стороны.

Стёпа резко затормозил и вспомнил, что на одной мечте далеко не уедешь. Необходимо ещё и действие.

— Папа, а я уже большой? — начал он издалека.

— Ну, довольно таки большой, — не понял, куда ветер дует, папа.

— Тогда купи мне пожалуйста велосипед.

— Ах, ты в этом смысле. Ну, видишь ли, сынок… Большой — это понятие относительное. Относительно головастика ты уже довольно большой, а относительно велосипеда вроде и маловат ещё, — папа любил всё объяснять доходчиво.

— Не работает, — отчаянно подумал Стёпа. — Ладно, зайдём с другой стороны…

— Папа, а когда ты был маленький — что ты любил больше всего?

— Дай подумать… Наверное, мультики. В наше время не было видео плееров и домашних кинотеатров. Мультики показывали по выходным, и я целую неделю ждал этого счастливого момента…

— Как целую неделю? А что же ты любил всё остальное время?

— Вот мультики и любил. Чем недоступнее цель — тем она желаннее. То, что тебе легко достаётся — не так ценится. А мультики — это была мечта… Наши родители об этом знали и использовали этот рычаг управления нами на всю катушку. Остаться на выходные без мультиков было смерти подобно. Без мороженого мы бы выжили, без прогулки — тоже. А вот без мультиков — как без кислорода…

— А ты часто оставался без мультиков?

— Угадай…

— Ну… раз ты живой — то, наверное, ни разу…

— Нет, один раз всё-таки остался…

— А за что?

— За рубль.

— За какой рубль?

— Я залез в шкаф, когда родителей не было дома. Там была шкатулка с какими-то бумагами. В ней ещё лежали деньги. Я взял один рубль и бросил его на пол. Потом поднял и спрятал в карман, уверенный в том, что я его нашёл. Я сам себя убедил в том, что нашёл этот рубль и, таким образом, совесть моя была чиста.

Вечером мы с папой пошли гулять, и я всю дорогу говорил о том, что хорошо было бы найти рубль. Папа рассеянно соглашался со мной, не подозревая — какую афёру я затеял.

Потом папа отвлёкся, а я достал рубль из кармана и устроил целое представление, разыграв его находку. Папа был поражён. Он по своему простодушию принял всё за чистую монету и был в восторге от моей проницательности и… находчивости во всех смыслах этого слова.

— А что ты сделал с этим рублём?

— Да что… купил какую-то чушь… Не помню уже…

— Ну а как тебя раскусили?

— Деньги эти оказались чужие. Мама должна была на них купить подарок своей начальнице. Они всем отделом собирали… Если бы я был умнее, и не строил из себя предсказателя Нострадамуса, возможно, что пропажу бы и не заметили. Подумали, что сами ошиблись. Но моё подозрительное поведение сразу поместило меня в разряд подозреваемых. Пяти минут дознания хватило, и я раскололся.

— И что тебе было?

— Долгая беседа о воровстве, лжи, совести и чести. Потом «угол» вместо мультиков — был как раз выходной…

— И как ты это перенёс?

— Я был виноват, наказание было справедливым, поэтому перенёс довольно легко. К тому же, я все мультики знал почти наизусть. Когда они начались, со всех сторон до меня долетали звуки из чужих телевизоров. Звуки были знакомые, и я понял, что мультики старые и потерял я не очень много…

— И ты больше так не делал?

— Нет, конечно. Я запомнил этот случай на всю жизнь…

— Из-за мультиков?

— Нет. Папа очень хорошо мне объяснил, что обманывать плохо. Что, обманывая других, мы теряем гораздо больше, чем приобретаем. Ведь наша репутация — то, что о нас думают остальные стОит несоизмеримо больше, чем те сомнительные выгоды, которые даёт нам обман. Соврав, даже один раз, мы надолго, если не навсегда прощаемся с репутацией честного и приобретаем репутацию обманщика. Хуже этого может быть только репутация вора. Ведь воровство и обман всегда рядом. Обманщик, по сути, тоже вор. Но он ворует абстрактные вещи — идеи, мысли, обстоятельства. А вор идёт дальше и ворует материальные вещи. Жить с клеймом вора или лжеца — это настоящая каторга. Это невыносимый груз для тех, кто слышит голос совести. А тем, кто этого голоса не слышит или не хочет слышать, можно только посочувствовать. Их судьба незавидна. Ведь совесть — это наш путеводитель по миру. Лишая себя совести мы теряем ориентацию в пространстве и блуждаем, не ведая, что творим. Лучше лишиться руки или ноги, чем совести…

Я плакал и обещал больше никогда так не делать… Так вот… Но мультики тоже были очень хорошим стимулом для нас. Нам хватало одной только угрозы остаться без мультиков, чтобы мы были самыми послушными детьми на свете. Некоторые родители даже злоупотребляли этим рычагом. В нашем доме жил Вася. Его было очень трудно загнать домой — кушать. Родители что только не придумывали, чтобы заманить его. Помню, сидим мы всем двором в песочнице и строим крепость. Песочница у нас была — будь здоров… Строим, значит, крепость и тут в окно высовывается Васина мама и кричит на весь двор: «Вася, домой!». Вася ноль внимания. Потом на балкон выходит Васин папа в полосатых пижамных штанах и оглашает двор суровым: «Василий, сейчас же домой!». Результат тот же. А нам уже интересно — чья возьмёт? И тут вдруг в окне появляется Васина бабушка и кричит ласковым голосом: «Василёк, мультики!»

Весь двор срывается с места и устремляется по своим подъездам. Все, кроме Васи. Никаких мультиков и в помине не было. Это оказалась военная хитрость Васиной бабушки — тоже, впрочем, безуспешная. Вася был стреляный воробей, и на такую мякину его было не провести. Не то, что мы… Мы все были поражены этим коварством. Я полчаса переключал телевизор с одного канала на другой, пытаясь найти эти мультики. И, хоть каналов у нас было всего три, но переключались они с трудом. Ручка переключателя сломалась, и переключать приходилось плоскогубцами. Так что можешь себе представить, как я любил эти мультики…

— Так всё детство и мучался? А когда же появились домашние кинотеатры?

— Совсем недавно… Сначала появились видеомагнитофоны.

— А что это такое?

— О… это был… предел мечтаний… Такой большой ящик, куда вставлялась большая видеокассета с каким-нибудь фильмом…

— А у тебя такой был?

— Нет, что ты… Это было целое состояние. Он стоил почти как машина… или квартира. Мы с друзьями ходили смотреть «видик» в видеосалон.

— А что это за видеосалон?

— Такая небольшая комната, где стоял телевизор, «видик» и куча стульев — насколько хватало места. Набивалось нас туда штук тридцать. Духота была страшная — кондиционеров тогда тоже не было…

— А что вы смотрели? Мультики?

— Сначала показывали мультики — «Том и Джерри», а потом,

когда зал заполнялся, показывали фильмы.

— А какие?

— В основном ужастики или боевики.

— А что это такое?

— Ужастики — фильмы ужасов. Про разных монстров или живых мертвецов…

— Страшные?

— Тогда было страшно, а сейчас… наверное, было бы смешно.

— А самый первый был какой?

— Сейчас… дай подумать… кажется «Тлярь»…

— Какая ещё тлярь? — прыснул от смеха Стёпа.

— Да я уже толком и не помню… Ползала там какая-то нечисть… всех жрала, чавкала и брызгалась какой-то гадостью…

— А боевики — это что такое?

— Это стрелялки всякие… «Хищник» помню… там ещё этот… играл… как его… Негршварцер вроде…

— Шварценеггер, — напомнила мама.

— А… да, точно. Шварцнеггер…

— Интересное?

— Ну, так… Тоже про монстра. Охотился за черепами. Головы у всех отрывал и сушил на веточках…

— Кто, Шваркц… негр… ер?

— Нет, хищник этот… Инопланетянин… Приезжий он был… А Шварц его в конце уконтрапупил…

— А как ему это удалось?

— Не помню уже… из лука, что ли… Там ещё перевод был ужасный… Какой-то гнусавый переводчик «с дасборкоб»… Весь фильм так и говорил. Да, ещё там, в паузах, начинало всё шипеть — видно звук автоматически повышался… В общем — то ещё удовольствие… Потом ещё помню этот… Кокон-варвар… что ли?

— «Конан-варвар», — подсказала мама.

— Да, точно «Конан-варвар»… ещё «Конан-разрушитель» был…

— А кто это такие?

— Это тоже со Шнегр… Шварценеггером… Про викингов. Интересное… Ещё про Сильвестра было, и про крепкого… как его… орешка… что ли?

— Для Золушки? — спросил Стёпа.

— Для какой Золушки?

— А мне мама рассказывала, что ей в детстве нравился фильм «Крепкий орешек для Золушки».

— Ты всё напутал, малыш, — засмеялась мама. — Мне нравился фильм «Три орешка для Золушки».

— А этот… крепкий, что он делал?

— Да что ему было делать? Спасал мир, что ж ещё…

— От кого?

— Не помню уже…

— И что, спас?

— Как видишь, — улыбнулся папа. — Э-э-х, чего там только не было в этих фильмах… От кого только не спасали наш бедный мир… Кто только не спасал…

Папа с мамой вспомнили ещё несколько фильмов, которые в своё время произвели на них впечатление.

Наконец Стёпа решил, что можно опять забрасывать невод.

— Папа, а что ты теперь любишь?

Папа, захваченный врасплох с велосипедом, на этот раз решил быть начеку.

— Что ты имеешь в виду? В каком, так сказать, контексте?

Стёпа не понял, при чём здесь тесто, но не подал виду и продолжал допрос:

— Ну, кроме нас с мамой? Что ещё?

— Ах, в этом смысле… ну, бабушку с дедушкой люблю, свою работу люблю, — папа задумчиво почесал бороду.

— И всё?

— Нет, ну много чего люблю. Вот, например, в одном ресторанчике такая вкусная комар-джоба… Мы с приятелями… — папа предался, было, сладостным воспоминаниям но, увидев мамин недоумённый взгляд, понял, что взболтнул лишнего, закашлялся и замолчал.

— А что ты не любишь? — продолжал допрос въедливый Стёпа.

— Хм, своего начальника, — улыбнулся папа. — Ужасный брюзга и придира.

— А он из нашего мира?

— Он из мира ворчунов, — улыбнулся папа, и Стёпа не понял — шутит он или нет.

— А можно любить весь мир, даже если сюда прокрадётся несколько начальников из мира ворчунов? — поставил папу в тупик неожиданным вопросом Стёпа.

— Что за странная идея?

— Но, ведь правда, что любовь — это самое главное на свете?

— Разве?.. А почему ты так решил?

— А помнишь, мы недавно смотрели концерт по телевизору? Твой любимый «Ква-ртет»?

— Да, помню…

— Они же пели: «Всё, что нужно — это любовь»…

— Да, было дело… — папе было приятно, что Стёпа

интересуется его любимой музыкой.

— А если бы тебе за это дали велосипед — ты бы смог полюбить весь мир? — у Стёпы была своя логика, не всегда понятная папе.

— Послушай, малыш. Я понимаю, что тебе хочется получить этот велосипед. Но, давай потерпим ещё немножко — нам обещали на работе квартальную премию, может быть, что-нибудь придумаем…

— Кажется, работает, — в восторге подумал Стёпа.

А папа, в свою очередь подумал: «Да, сын растёт. Вот ведь какие проблемы поднимает…»

После ужина Стёпа с папой решили поиграть в шашки. Обычно папа выигрывал, поэтому Стёпа решил подслушать — о чём папа думает и угадать все его ходы. Стёпа представил себя папой. Нахмурил брови, поправил воображаемые очки, и вдруг в его голове возникло слово «ЖабИм». Стёпа никогда раньше не слышал этого слова и не мог понять — что же оно значит. А тем временем папа незаметно прошёл в дамки и принялся громить Стёпу на левом фланге. Партия была проиграна, и Стёпа заметно приуныл.

— Вот тебе и потренировался, — подумал он. — Жабим какой-то. Разве бывают такие мысли?

— Ну, ничего, не расстраивайся. В другой раз обязательно выиграешь, — приободрил папа Стёпу и отправился смотреть телевизор — сегодня передавали концерт. Выступал известный джазовый оркестр под управлением маэстро Антонио Жабима.

Глава 4. Трудности

На следующий день Стёпе не терпелось поделиться с Улей своими достижениями и сомнениями. Как назло, занятия затянулись. Сегодня была аппликация. Стёпа быстренько вырезал из зелёной бумаги кувшинку, наклеил её на голубой лист картона и потирал в нетерпении руки. Но Павлик в этот раз решил не искать лёгких путей и затеял нечто необыкновенное. Сначала он — как и Стёпа, взял синий лист картона и по привычке стал повторять все Стёпины движения. Но когда увидел, что кроме кувшинки ничего больше не предвидится, подумал что это слишком просто и начал оглядываться по сторонам в поисках вдохновения. К его сожалению, никто не делал ничего на синем фоне. И тогда Павлик сказал себе: «Будь, что будет». И отважился на Творчество. Он решил сделать кораблик. Да не простой, а трёхмачтовый клипер — он тоже иногда смотрел телевизор с папой.

Парусов у клипера было превеликое множество, и они не хотели приклеиваться на бумагу, а приклеивались на локти, на стол и на другие, не подходящие для этого вещи и предметы.

Когда Павлик почесал себе лоб, то на лбу после этого появилась бизань-мачта. Павлик долго её искал, поочерёдно приклеивая на себя различные части такелажа, отдирая их и приклеивая на место. Мачту он так и не нашёл, в итоге пришлось вырезать ещё одну, утратив при этом бом брамсель.

Но вот занятия окончились. Все пошли переодеваться. Стёпа оделся самый первый и уже караулил возле выхода, досадуя на то, что толстенькая Лида так медленно собирается. Наконец все были готовы, и дверь с треском распахнулась. Первым бежал Стёпа. Когда группа построилась на берегу, Стёпа увидел, что соседняя группа черепашек уже вовсю плещется в воде, а их воспитательница — Зинаида Витальевна сидит на листике кувшинки в тени под кустом и вяжет какой-то носок.

Вот раздался свисток Жанны Аркадьевны, который в данный момент означал команду: «В воду». Стёпа сделал самый длинный прыжок, на который только был способен и плюхнулся, подняв небольшой фонтанчик брызг.

Посередине прудика был крохотный островок. Стёпа решил расположиться на нём и понаблюдать оттуда, как Уля появится. Интересно, увидит ли она его на этот раз?

Но, стоило только Стёпе устроиться на островке по всем правилам военной тактики, как вдруг сзади неожиданно раздался незнакомый голос:

— Эй, ты чего тут распластался? Это наш остров и посторонним сюда вход запрещён.

Стёпа оглянулся и увидел трёх небольших черепашек, которые полукругом стояли за ним и всячески демонстрировали своё неодобрение.

— Простите, я не знал… Раньше было можно…

— А теперь нельзя. Это пиратский остров — Торти… тьфу, Тортуга… а мы здесь хозяйничаем. Так что или убирайся, или плати пиастры, — сказал нарочно хриплым, но тоненьким голоском самый маленький из черепашек.

— Но у меня нет пиастр… Если хотите, я завтра нарву и принесу вам целый букет — у меня возле дома, кажется, растут…

— Нужен нам твой букет… Выкуп давай, — нахмурив брови, сказал средний из черепашек.

— А, это я могу. Я как раз собирался вЫкупаться…

— Карямба! Да он издевается над нами, ребята, — сказал самый высокий и худой из черепашек и угрожающе вытянул шею, отчего стал ещё выше и худее. — Давайте его проучим.

— На рею его, на рею, — закричали остальные. Впрочем, кричали они довольно тихо, чтобы не привлечь внимание Зинаиды Витальевны.

Стёпа не знал, что такое «нарею», как, впрочем, не знали этого и сами горе-пираты. Но догадывался, что ничего хорошего от этой «нареи» ему не видать. Поэтому он попятился, и уже готов был прыгнуть в воду, но оступился и упал на спину. Тут же самый маленький и самый проворный из пиратов кинулся к нему и схватил его за ногу. Двое остальных подоспели с флангов и схватили Стёпу за руки.

— Попался, голубчик. Ребя, держите его крепче, — пронзительно пискнул маленький. Двое других зафиксировали Стёпу так, что он не мог и пошевелиться.

— Итак, — вспомнил, что надо хрипеть коротышка, — ты приговариваешься к самой страшной и смертельной смерти…

— А за что? — опешил Стёпа.

— За то, что… без разрешения втор… м-м-м… ся…

— Вторгся, — поправил средний.

— Да, вторгся в наши черти… черту… ги…

— Чертоги.

— Да, чертоги. И нарушил наши покои…

— Но я же не знал… Здесь же нигде не написано, что это ваша Тортюга… Чертога… ну, что это ваши покои, в общем…

Пираты стали тихонько совещаться. Формально Стёпа был прав — нужно было хотя бы повесить пиратский флаг — Весёлый Роджер… Высокий и средний пираты склонялись к тому, что на

первый раз пленника можно и отпустить, но коротышка быстро затушил очаг демократии и плюрализма:

— Приговор окончательный и обжалы…ванию не подлежит, — процедил он сквозь зубы, смерив своих соратников презрительным взглядом. — Перед смертью ты имеешь право выкурить свою последнюю трубку и загадать своё смертельное желание, — безапелляционно заявил он Стёпе.

— А вы мне дадите эту смертельную трубку? У меня своей нет… — решил тянуть время Стёпа.

Пираты замешкались и стали опять совещаться вполголоса. Оказалось, что трубки нет и у них, несмотря на то, что они были пираты, а пираты — как известно, без трубки не живут.

— Ладно, — торжественно объявил средний пират, вновь обретя совещательный голос. — Вместо трубки ты можешь выпить свою последнюю бутылку рома и загадать своё смертельное желание.

— Ну… что же делать… давайте вашу бутылку, — с сожалением заядлого курильщика протянул Стёпа, оглядываясь украдкой по сторонам и соображая тем временем, как вырваться из этой западни.

Как и следовало ожидать, бутылки с ромом у пиратов тоже не оказалось. Это было безобразие. Позор. Где это было видано, чтобы от пирата не пахло ромом? Пират без рома всё равно что… черепаха без панциря. Стёпе следовало бы потребовать «Книгу жалоб и предложений» и написать там всё, что полагается в таких случаях. Но Стёпа ещё не был настолько искушён в житейских делах и ждал, что будет дальше. После ещё одного непродолжительного совещания было решено оставить Стёпу без последних радостей жизни и ограничиться одним, но всё-таки смертельным желанием.

— А что это за желание такое? — с притворным интересом спросил Стёпа.

— Ты можешь пожелать перед смертью всё… что пожелаешь.

— Всё-всё?

— Да, только побыстрее… — прогулка подходила к концу, и было бы очень досадно не успеть до свистка соблюсти все приличествующие ритуалы. Кто их только придумал?

— Тогда я желаю перед смертью выкурить трубку и выпить бутылку рому, — не мудрствуя лукаво объявил Стёпа.

Это был тупик. Как поступать в таких ситуациях ни в книжках, ни в фильмах ничего сказано не было. Черепашки ошарашенно посмотрели на Стёпу, как будто он проделал какой-то невероятный фокус.

— Ну тебе же сказали — нету, — попытался спасти честь

пиратского мундира маленький пиратик, совсем уже детским голосом.

— А что же мне делать? — расстроенным голосом спросил Стёпа, как бы давая понять, что он не против самой смертельной из смертей, лишь бы были соблюдены все бюрократические формальности.

— Ну, пожелай что-нибудь другое… — унылым голосом предложил тощий и унылый пират.

— А что, например? — Стёпа уже начал входить во вкус.

— Ну что… что? Неужели нет других желаний? Только выпить и покурить?

— Вообще-то я не пьющий… но дело принципа.

— Вот и хорошо… пожелай что-нибудь принципиально другое.

— А что у вас есть?

— Ну, что… что? Мало ли чего? Тебе то что? — начал опять сердиться, хотя всё ещё шёпотом, маленький пират.

— Ну, как же… Мне же нужно… это… желание исполнить…

— Вот и давай желай поскорее, не задерживай.

— А что вы умеете? — продолжал издеваться Стёпа. Это был вопрос на засыпку.

— Может тебе стишки почитать? Или песенку спеть? — спросил средний пират таким голосом, что Стёпа не понял — шутит он или нет.

— А вы только пиратские песенки знаете?

— А тебе какие надо? «В лесу родилась ёлочка», что ли?

— Нет, но… про сундук мертвеца мне мотив не нравится…

Других пиратских песен горе-пираты к своему стыду не знали… впрочем, как и пиратских стихотворений.

— Может, тогда спляшете что-нибудь? Пиратское…

Совещание продолжилось. К сожалению, пиратских танцев в садике тоже не разучивали. А Стивенсон этот момент как-то неосмотрительно упустил. Положение начинало становиться безвыходным. Тогда Стёпа решил пойти на другую военную хитрость:

— А может быть, я вам спляшу? Яблочко хотите? Почти пиратский танец…

— Какое ещё яблочко?

— Танец такой. Морской. Неужели не знаете? Эх вы… а ещё пираты.

— Ну, валяй, — вздохнул долговязый. Ему уже не терпелось покончить с этой канителью. Никто его не предупреждал, что быть пиратом так утомительно.

— Тогда отпустите меня, — как можно безобиднее предложил

Стёпа, чтобы не вызвать никаких подозрений.

Длинный и средний пираты ослабили свои цепкие хватки и отпустили Стёпины руки. Оставался только маленький пират. Он всё ещё держал Стёпу за ногу. Свобода была рядом. Она манила Стёпу своей доступностью. Воздух свободы пьянил не хуже рома. И Стёпа совершил роковую ошибку. Он посчитал, что сможет справиться с коротышкой, и сделал рывок, не дожидаясь, пока тот отпустит его сам, или раскусит его хитрый манёвр и поднимет тревогу. Посчитал, но не рассчитал… Коротышка оказался цепче, чем показалось Стёпе. Рывок не удался, а коротышка заверещал своим пронзительным и тонким голоском:

— А-а-а! Держите его! Уйдёт…

Верные клевреты опять подпёрли Стёпу с двух сторон, ещё пуще прежнего. Этим неудавшимся побегом Стёпа усугубил своё, и так не самое лучшее, положение. Пираты осерчали и жаждали крови.

— Всё, ты попал… Пацаны, давайте его… это… вздёрнем, — бушевал по-прежнему тоненьким голоском цепкий коротыш.

Остальные мялись, не понимая — что это значит. Коротышка и сам представления не имел о том, как и куда надо вздёрнуть. Пауза затягивалась…

И тут прозвучал спасительный для всех свисток Зинаиды Витальевны, означавший команду: «Из воды». Двое боковых пиратов облегчённо вздохнули, ослабив свои хватки, но не отпуская Стёпиных рук до конца.

— Считай, что на этот раз тебе повезло, — радостно произнёс третий. Он был рад тому, что их реноме не пострадало, и пиратская честь была соблюдена. — В следующий раз, если поймаем… — торжественно и хрипло продолжил коротышка, но понял, что опять наступает на те же грабли — ему нечего было предложить Стёпе… Впрочем, немного поразмыслив, он нашёл спасительный вариант:

— Заколотим тебя в бочку и… — на этом его вдохновение закончилось.

— Бросим акулам на съедение, — выручил товарища средний пират-черепашка.

— Зарази меня гром, — подытожил долговязый.

Все трое отступили от Стёпы и, как витязи морские, скрылись в пучине вод.

Стёпа встал, отряхнулся и поплыл к своему берегу, переваривая происшествие. Да, день явно не задался, что и говорить. Весь день Стёпа размышлял над свалившейся на него проблемой, но так и не смог ничего придумать.

По дороге домой Стёпа решил ничего не говорить папе — он

не хотел жаловаться. Да и, кроме того, не представлял себе — чем папа смог бы ему помочь.

Когда они пришли домой — оказалось, что день не задался не только у Стёпы. С мамой тоже произошёл не очень приятный случай. Она купила на рынке свежих комаров, положила их в авоську и всю дорогу домой радовалась удачной покупке, прикидывая, что лучше из них приготовить — пирожки или пельмени. Но комары оказались настолько свежие, что пока мама дошла домой, они все разлетелись…

Глава 5. Неудача

Ужин был невесёлый. Настроение у всех было подавленное. Папа тоже прожил свой не самый счастливый день. Его начальник именно сегодня решил оправдать своё звание самого ворчливого из ворчунов. Начав с самого утра, он за целый день успел наворчать столько, что к вечеру папа чувствовал себя разбитым корытом, у которого сидела ворчливая старуха из сказки про Золотую Рыбку.

Вместо пельменей со свежими комарами на ужин были консервы «Завтрак туриста» из дохлых мух с перловкой. Для полного несчастья не хватало только…

— Не хочу я этот «завтрак», — заупрямился Стёпа.

— Но у нас больше ничего нет, — виновато заморгала мама.

— Не упрямься, малыш, — устало сказал папа, без особого удовольствия ужиная завтраком какого то туриста…

— Я не люб… не хочу это… Я лучше чаю выпью. С хлебом и маслом…

— У нас и масло закончилось, я забыла купить, — ещё более виновато заморгала мама. Казалось, что она сейчас расплачется…

Стёпа понял, что нельзя быть таким эгоистом и попытался заглотить порцию «завтрака», изобразив подобие улыбки. Улыбка, впрочем, вышла довольно корявая и неискренняя.

Тогда папа решил немножко подсластить пилюлю. А чем это можно сделать, как не сравнением с чем-то, ещё более худшим.

— Вот нашим бабушкам и дедушкам и такой «Завтрак туриста» был за счастье. Ты, Стёпа, не знаешь, что такое голод…

— А что такое голод?

— Это когда вообще нечего есть.

— Совсем, совсем?

— Да, представь себе.

— И что же они делали?

— Ну что…? Ели живых комаров… и мух…

— А почему?

— Ну… такие вот были времена…

— А почему они их не варили? Огня тогда тоже не было? — не без резона поинтересовался Стёпа.

— Огонь… был… но… нужда была, вот и не варили.

Стёпа, конечно же, должен был поинтересоваться — что же такое нужда, но почувствовал, что сейчас этого делать не стоит. Скорее всего, он прочитал мысли папы, а может быть мамы… а может быть мама услышала мысли папы, а Стёпа, поскольку сидел ближе к маме, услышал её мысль о том, что для разговоров

о нужде сейчас не самое подходящее время.

— А разве можно есть сырых комаров? — вместо этого спросил он.

— Вот, представь себе… Ели…

— И мультиков у них не было? — решил сделать папе приятное Стёпа.

— Да какие уж там мультики…

— И что же они смотрели?

— Да что им было смотреть? В кино разве что ходили… «Чапаева» смотрели…

— Какого «Чапаева»?

— Был такой фильм. Про Василия Ивановича и Петьку…

— А что они делали?

— Воевали. С белыми…

— А они какие были? Чёрные?

— Нет, красные…

— Индейцы? Вот здорово!

— Да нет, какие индейцы? Обыкновенные они были… бледнолицые… — слегка сконфуженно произнёс папа.

— А эти, белые, тогда были кто?

— Тоже… бледнолицые. Ну, то есть такие же, как и Чапаев с Петькой… Только враги.

— А почему они воевали? Что они не поделили?

— Ну… у них были разные взгляды…

— На что?

— На… жизнь.

— И что, из-за этого надо было воевать, убивать друг друга? Ведь можно же было взглянуть на жизнь как-то по-другому?

— Наверное… нельзя… Там всё сложно было… Одни долгие годы угнетали других, обращались с ними по-скотски… Хотя, какое они имели на это право?.. Ведь все мы равны… Конечно, это не правильно… и так продолжаться больше не могло… не должно было… И те, кого угнетали, взяли в руки оружие и… Пошло-поехало… Те, кто угнетали, не могли допустить, чтобы их… домашний скот вдруг предъявлял им какие-то права… А те, кого угнетали… у них накопилось очень много обид и претензий… Так что противоречия были неразрешимые… Да ещё наши «партнёры» из-за границы всячески подливали масла в огонь этой братоубийственной войны… Ну… в общем… Такое вот кино…

— А мультиков тогда совсем не было?

— Не было. Потом, правда, появились диафильмы.

— А что это такое?

— Это… Были такие проекторы. Туда вставлялась плёнка, и

нужно было вручную её крутить. Внутри проектора горела лампочка и на стене появлялась картинка. Картинка была неподвижная, поэтому там были надписи…

— Какие надписи?

— Под каждой картинкой было написано — что там происходит, и кто что сказал. Это было как книжка с картинками…

— У тебя тоже… такое было?

— Да, мы с папой вешали на стену простыню и вечером, когда становилось темно, включали диапроектор. Это называлось «смотреть плёнки».

— А что вы смотрели?

— Много чего… Про Пифа помню, про Мойдодыра… про Кота в Сапогах…

— А какой был самый любимый?

— Самый любимый? Наверное… «Затерянный мир».

— А что это?

— Это про экспедицию, которую организовал профессор Челленджер. Он обнаружил заповедное место, где сохранились динозавры…

— Кто…?

— Это такие доисторические гигантские животные.

— Ух-ты! А у тебя не сохранилось этого диа… проектора?

— Нет, он, наверное, у дедушки остался. Когда пойдём к нему в гости, я посмотрю в чулане…

— И «Затерянный мир» обязательно посмотри. Я тоже хочу…

— Ладно, поищем. А пока я могу почитать тебе книгу. Её написал Конан Дойл.

— А он тоже викинг?

— Почему викинг?

— Ну, ты же говорил, что были такие викинги… Конан-варвар и Конан-разрушитель…

— А-а-а, — заулыбался папа, — нет, это другой Конан. Его звали Артур. Артур Конан Дойл. Он написал много хороших книг. И про Шерлока Холмса, и про профессора Челленджера… Хочешь, почитаем?

— Да, хочу.

Вечер был спасён, и остаток его папа со Стёпой провели в компании профессора Челленджера и его друзей — отважного лорда Рокстона, предприимчивого журналиста Мелоуна и учёного-зануды Саммерли, путешествуя по загадочным местам, полным приключений. Недостатка в них не было. Стёпа с головой окунулся в эти приключения. Его глаза горели — он так увлёкся, что и думать забыл о своих проблемах с черепашками. Теперь его

проблемой были динозавры. Он вместе с папой и профессором Челленджером еле успевал спасаться от них. Воображение Стёпы так разыгралось, что он не заметил перехода от действительности ко сну. Всю ночь он убегал от динозавров, скрываясь в густой бороде профессора Челленджера. И только утром Стёпа опять вспомнил о черепашках…

Проблема с черепашками была серьёзная, и Стёпа не знал, с какой стороны к ней подойти. Можно, конечно, попытаться переплыть прямо на другой берег, минуя злосчастный островок… Но Стёпа не был уверен, что не наткнётся на черепашек в воде. И не известно ещё — что хуже. Лучше с ними совсем не пересекаться. Стёпе ни капельки не хотелось оказаться в бочке. Акул он пока не встречал, но видел по телевизору. Ничего хорошего от съедения ими он себе не представлял. Кроме того, ему совсем не хотелось, чтобы кто-нибудь чем-нибудь заразился.

Но и без Ули Стёпа уже не представлял себе жизни. Надо было искать выход. И Стёпа решил лететь. Он стал вспоминать все Улины рекомендации.

— Так, очень сильно захотеть, — Стёпа изо всех сил сжал кулаки и решил, что этого будет достаточно.

— Потом представлять себе, что это у меня уже есть, — Стёпа закрыл глаза и представил себе, как он поднимается в воздух, раскинув руки. И летит над прудиком. Пролетает злосчастный островок, где подпрыгивают в бессильной злобе трое пиратов и плавно приземляется на желанном берегу.

— Есть, — подумал Стёпа, — Что там ещё? Держать картинку перед глазами.

Всю дорогу в садик Стёпа представлял себе полёт. Один раз ему показалось, что он уже летит. Но это папа, который держал Стёпу за руку, поднял и перенёс его через лужу.

— Стёпа, смотри под ноги.

— Ладно, — сказал Стёпа, а сам подумал: «Уже немножко получается». И ещё сильнее стал представлять себе полёт.

Кончилось это тем, что папа сам чуть не упал в лужу, потому что Стёпа, не видя дороги, стал путаться у него в ногах.

— Стёпа, что с тобой? Проснись. Ты даже ходить толком не можешь, а ещё велосипед хочешь…

— Могу! Могу! — при слове «велосипед» Стёпа вернулся с неба на землю и зашагал как солдат на параде.

На занятиях сегодня было чтение. Жанна Аркадьевна читала из толстой книги рассказ про «Лягушку-путешественницу», которую утки понесли по воздуху в тёплые края. Стёпе рассказ очень понравился. Правда, конец был неожиданный. Там лягушка квакнула и упала на землю. Но Стёпу это не смутило. Он решил

лететь во чтобы то ни стало, но на всякий случай не квакать по пути. Стёпа подумал, что рассказ — это уже начало исполнения его плана. Это придало ему уверенности в своих силах.

Как только была дана команда купаться, Стёпа разогнался изо всех сил, расставил руки в стороны, оттолкнулся как можно сильнее и…

Ничего не вышло! Нет, конечно, немножко он пролетел, может быть даже больше, чем обычно, но это было совсем не то, на что он рассчитывал. Стёпа плюхнулся животом в воду, подняв целый фонтан брызг.

До сих пор чемпионом по брызгам в группе была толстенькая Лида. Когда она прыгала «бомбочкой», поджав под себя толстенькие ножки, водоём выходил из берегов и Жанна Аркадьевна с Зинаидой Витальевной подскакивали на своих кувшинках. А брызги были такие же, как от настоящей бомбочки не очень большого калибра.

Стёпин результат был очень неплох и мог бы поспорить за первенство с Лидой. Но Стёпу сейчас это совсем не радовало.

— Не получилось, — с тоской подумал Стёпа, готовый расплакаться от горя. И тут же взлетел ракетой вверх, растерянно переворачиваясь в воздухе.

К сожалению Стёпы, полёт оказался недолгим. И причиной его было вовсе не Стёпино желание. Оказалось, что это Лида, не потерпев конкуренции и горя желанием отстоять титул чемпиона по брызгам, решила не оставить Стёпе ни единого шанса. Она собрала всю свою волю в кулак, вернее не в кулак, а туда, где находится центр тяжести. От этого масса её тела выросла как минимум втрое. Теперь её ничто не могло остановить. Она разбежалась как следует и произвела такой плюх, что взлетел не только Стёпа, но и Жанна Аркадьевна с Зинаидой Витальевной чуть не попадали со своих кувшинок.

Зинаида Витальевна решила, что это цунами и хотела дать команду: «Всем на берег». Но с перепугу свистнула не в свисток, а в носок, который вязала, и вместо свиста раздалось какое то фырчание. А Жанна Аркадьевна свой свисток вообще уронила в воду, и теперь не знала, что ей делать. Тем временем Зинаида Витальевна разобралась — где свисток, а где носок, дунула куда следует, и раскатистым свистом скомандовала всем черепашкам: «На берег». А Жанна Аркадьевна попросила нескольких лягушат, чтобы они достали ей свисток со дна прудика. Путь к цели был свободен, и Стёпа решил, что этот шанс нельзя упускать. Он изо всех сил устремился на другой берег и перескочил через злосчастный островок — благо там уже никого не было.

Ульяны тоже не было. Стёпа был в отчаянии, но вдруг песок

на берегу зашевелился и из-под него показался Улин домик.

— Приветик, а я тоже умею прятаться, — Уля, лукаво улыбаясь, выглянула из домика.

— Ой, привет. Как я рад тебя видеть.

— И я рада тебя видеть. Почему вчера не пришёл?

— У меня мало времени — потом расскажу. Сейчас нас позовут на берег, а сюда я не могу пока приходить. Надо что-то придумать.

— Хорошо, завтра суббота — выходной. Приходи ко мне домой. Я живу на окраине, возле леса. Дом с трубой. Увидишь. Там всё расскажешь.

— А как же я попаду к тебе? Меня одного не отпустят.

— Ну, придумай что-нибудь. Я буду ждать.

Тут, наконец, раздался свисток Жанны Аркадьевны. Сначала булькающий и неуверенный, он постепенно окреп и набрал силу, огласив окрестности не хуже Соловья-Разбойника.

— Всё, мне пора, — в отчаянии крикнул Стёпа. — Постараюсь что-нибудь придумать.

— Я уверена, что у тебя всё получится. Главное — никаких сомнений.

— Попробую…

— Не попробую, а буду. Никаких сомнений.

— Хорошо, буду непременно.

— То-то же. Ну, пока.

— До завтра.

Глава 6. Сюрприз

Весь вечер Стёпа пытался придумать, как ему попасть к Уле. Сказать папе он не мог — ведь Уля просила никому про неё не говорить. Самому отправиться тоже было нельзя. Хоть лес был не так уж и далеко — всего пару трамвайных остановок, но всё равно у Стёпы не было денег на билет. А если просить у папы, придётся ему рассказать — для чего нужны деньги.

В задумчивости Стёпа съел мухароны, в задумчивости выпил чай, но так ничего и не придумал.

После ужина они обычно играли с папой, или смотрели телевизор все вместе. Сегодня мама смотрела сериал про Жабуарию и Стёпа с папой решили поиграть в «Черепашек-ниндзя».

Стёпа всегда с лёгкостью обыгрывал папу, но сегодня игра у него не клеилась. Он был такой рассеянный, что постоянно пропускал удары. Кроме того, «Черепашки-ниндзя» напоминали Стёпе о его неприятностях с черепашками-пиратами. В итоге он проиграл с разгромным счётом. Папа не мог не обратить внимания на это. Сначала ему нравилось выигрывать, но потом он стал замечать Стёпину рассеянность.

— Стёпушка, что с тобой? Ты себя хорошо чувствуешь?

— Да папа, всё хорошо, — сказал Стёпа в задумчивости.

— Но я же вижу, что ты какой-то рассеянный. Ты что, с улицы Бассейной? — пытался взбодрить его папа, но Стёпа только слегка улыбнулся в ответ и продолжал думать о своём.

Так ничего и не добившись, папа пожелал Стёпе спокойной ночи и отправился к маме. До Стёпы ещё долго доносились их голоса, которые что-то горячо обсуждали.

А Стёпа ничего не смог придумать и решил, что утро вечера мудренее — так любил повторять его дедушка Кваня, который жил в деревне вместе с бабушкой Квашей и шмелём Шариком.

Шарик был охотничий шмель, и они с дедушкой часто отправлялись на охоту. Охотились они в основном на комаров, но иногда приносили и мошек, из которых бабушка Кваша делала вкусную окрошку.

Но больше всего Стёпе нравились бабушкины пирожки с комарами. Воспоминания о бабушкиных пирожках немножко утешили Стёпу, и он заснул с улыбкой.

На следующее утро Стёпа проснулся оттого, что услышал, как хлопнула входная дверь. Затем послышались голоса папы с мамой и ещё какое-то позвякивание и постукивание. Стёпа почувствовал, что происходит что-то необычное, вскочил с кровати и скорее

распахнул дверь.

Первое, что он увидел — был новенький велосипед. Рядом стоял довольный папа и чуть дальше, тоже довольная — мама. Стёпа, не поверив своим глазам, кинулся обнимать сначала папу, потом велосипед, потом маму, потом опять велосипед, потом папу с мамой, потом просто велосипед, велосипед и ещё раз велосипед.

— Вот здорово! Спасибо, — кричал он, и счастью его не было конца. Глаза его горели, от былой задумчивости не осталось и следа. Папа с мамой тоже были счастливы.

Когда Стёпа завтракал, то подумал, что велосипед появился очень кстати — ведь на нём можно отправиться в гости к Уле. Он аж подпрыгнул от радости — решилась его проблема, да ещё и таким великолепным образом.

После завтрака папа помог Стёпе спустить велосипед и с гордостью посмотрел, как Стёпа сделал первый круг. А Стёпе стало немного жалко папу из-за того, что он не может покататься на велосипеде.

— Ну, давай сынок, смотри внимательно на дорогу, — папа помахал на прощанье рукой и Стёпа помчался по дорожке, радостно крутя педали.

До леса и правда было не очень далеко. Не прошло и пяти минут, как Стёпа увидел впереди конец дороги и голубоватую кромку леса. Ещё через пару минут он уже подъезжал к небольшому домику, похожему на домики, которые улитки носят на себе. Только у этого домика была ещё труба. Стёпа сразу понял, что это Улин дом и поехал прямо к нему. Возле домика был заборчик с калиткой.

Стёпа смело вошёл туда и закатил велосипед.

Не успел он осмотреться, как открылась дверь и из дома показалась Уля, вся сверкая перламутром и радостно улыбаясь.

— Привет, Стёпа. Как я рада, что у тебя всё получилось!

— Привет, Уля. Смотри, что мне подарили!

— Какой красивый велик. Можно потрогать?

— Конечно. Смотри — здесь и багажник есть. Я смогу тебя покатать, если захочешь.

— Здорово. Я очень даже захочу, но сначала пойдём, я познакомлю тебя с дедушкой.

Они вошли внутрь, и Стёпа заметил, что в домике было очень уютно.

— Проходи в комнату, — пригласила Уля.

Комната была небольшая и светлая. Вдоль стен стояли шкафы с книгами, посредине был круглый стол с красивой скатертью, а в углу стояло большое кресло, в котором и

располагался Улин дедушка.

— Вот, познакомься. Это мой дедушка. Его зовут Ульрих и он очень хороший.

— Здравствуйте, — робко прошептал Стёпа, не решаясь подойти ближе.

— Здравствуй Стёпа. Проходи, не бойся, — сказал дедушка мягким бархатным голосом. — Уля мне рассказывала о тебе. Я рад, что ты пришёл. Садись вот сюда поближе, — дедушка придвинул Стёпе стул и внимательно посмотрел на него.

Дедушка Ульрих сразу понравился Стёпе. Как и все дедушки, он был старенький, но ещё очень бодрый. У него были внимательные глаза на таких же длинных усиках как у Ули, седая бородка и мягкий тёплый шарф вокруг шеи.

— А не выпить ли нам чайку по случаю знакомства? Улюшка, организуй пожалуйста.

— Хорошо, дедушка. Стёпа, ты какое варенье будешь — вишнёвое или крыжовниковое?

Стёпа никогда не ел ни вишнёвого, ни крыжовникового варенья и не знал, что ответить. Дедушка заметил Стёпино замешательство и выручил его:

— А ты давай и то и другое — там видно будет. Правда, Стёпа?

— Да, спасибо.

Через несколько минут все сели за стол перед дымящимся самоваром и принялись пить душистый чай из разных трав, в которых дедушка был большой специалист.

— Стёпа, ну как тебе варенье, нравится? — спросила Уля.

— Очень. Особенно вишнёвое.

— А что там у тебя за неприятности? Расскажи.

Стёпа, сначала стесняясь дедушкиных внимательных глаз, начал рассказывать и про черепашек, и про неудачу с полётом, и про свои сомнения. Постепенно оживляясь, он перестал стесняться и даже воспроизвёл в лицах встречу с пиратами. Уля с дедушкой внимательно слушали, не перебивая. Когда Стёпа закончил свой рассказ, дедушкины глаза горели лукавым светом, а Уля наоборот — была встревожена.

— Что же ему делать, дедушка? — спросила она.

— Ну, для начала не переживать. Всё в порядке. Ничего страшного не происходит.

— А как же мне быть с черепашками? Они ведь злые…

— Это тебе кажется, что они злые. На самом деле это такая игра. Нет ни добра, ни зла. Есть только игра в добро и зло.

— Квак… то есть как это? — не понял Стёпа.

— Ну, это как в театре. Сегодня артист играет злого

разбойника, а завтра — доброго волшебника.

— А зачем вообще нужны злые разбойники?

— Выходит, что и они для чего-то нужны. Вот ты, Стёпа, хотел бы ты смотреть фильм или спектакль, в котором ничего не происходит? Где нет никаких проблем, все счастливы — сидят и пьют чай?

— Наверное, нет. Это не интересно…

— Правильно. Наша жизнь и без того течёт медленно и размеренно. Не хватало ещё смотреть на всё это в кино… Как бы смешно это не звучало, но нам не хватает приключений в жизни. Поэтому мы и ходим в кино, в театр, в цирк… Да-да, именно цирка нам не хватает в жизни… Нам просто необходим конфликт. Нужны разные точки зрения. Больше тебе скажу — без конфликта не будет развития. Ни в жизни, ни в театре. Вся драматургия построена именно на конфликте. Вот для этого и нужны злые разбойники. А в сладостной атмосфере рождается только кариес…

— А что, разве черепашки не настоящие? Разве они артисты?

— Видишь ли, дружок, наш мир — это своего рода театр…

— А-а, я слышал по радио, что весь мир театр, а мы все актёры в нём.

— А кто же тогда зрители? — поинтересовался дедушка.

— Там про это ничего не сказали. А кто зрители?

— А мы и зрители, и актёры одновременно, — лукаво подмигнул одним глазом дедушка и отхлебнул из большой красной чашки с красивым цветком.

— Что-то я совсем запутался, — пробормотал Стёпа. — Как можно быть одновременно и актёром и зрителем?

— Можно, если представлять себе, что всё вокруг — это игра и иногда смотреть на себя со стороны.

— А как это — смотреть на себя со стороны?

— Это как проснуться во сне, не просыпаясь окончательно. Понять, что ты спишь и продолжать смотреть сон уже осознанно… Это возможно и в жизни. Ведь бОльшую часть своей жизни мы спим…

— Как спим? Что это значит?

— Это значит, что жизнь с нами случается — как и сон. Не мы живём свою жизнь… вернее не мы управляем своей жизнью, своей реальностью, а реальность управляет нами. А мы как бы плывём по течению…

— А разве можно управлять своей реальностью?

— Не только можно, но и нужно. Нужно жить осознанно. Для того чтобы это сделать, как раз и необходимо смотреть на себя со стороны. Это не так легко, но если немного потренироваться —

вполне возможно. Если допустить, что мир — это театр, сделать это будет ещё проще. Открою тебе маленький секрет. Иногда во время спектакля что-то происходит, и актёр начинает существовать отдельно от себя. Он действительно видит и слышит себя со стороны. Это не метафора. Всё происходит по-настоящему. Я не знаю, как тебе описать это состояние — это волшебное ощущение. Думаю, что не всякий актёр на это способен…

— Дедушка раньше выступал на сцене, — шепнула Уля.

— А я могу посмотреть на себя со стороны? — Стёпе тоже захотелось волшебного ощущения.

— Хочешь прикоснуться к тайне? — загадочно улыбнулся дедушка.

— Ага, — Стёпа затаил дыхание и приготовился к чудесам.

— Ну, тогда смотри сюда, — показал дедушка на зеркало, которое висело слева от Стёпы. — Что ты видишь?

— Вижу комнату… Вижу, как мы сидим и пьём чай…

— Присмотрись внимательно, и ты увидишь, что мир в зеркале немножко отличается от нашего…

Стёпа стал смотреть в зеркало и увидел, что там всё наоборот. Правое там находится слева, а левое — справа. У дедушки Ульриха одна половинка лица улыбалась, а вторая была серьёзная. В зеркале эти половинки поменялись местами, и от этого дедушка изменился. Стёпа даже немножко испугался и посмотрел на настоящего дедушку. Дедушка улыбнулся правильной стороной и подмигнул нужным глазом. Уля в зеркале тоже выглядела немножко непривычно. Только Стёпа был такой же, как всегда и это его успокоило.

— Ну, как тебе Зазеркалье? — отвлёк Стёпу дедушка. — Когда окажешься в затруднительном положении, представь себе, что ты стоишь перед зеркалом и смотришь на всё со стороны. Побудь зрителем в театре. Делай это почаще, и тебе будет легче управлять своей реальностью…

— А как мне узнать, кто я сейчас — зритель или актёр?

— Когда ты наблюдаешь — ты зритель, когда действуешь — актёр.

— А черепашки, они кто?

— Если проснуться в этом сне, или посмотреть в зеркало — то станет видно, что черепашки такие же, как все. Когда они там, на острове — они актёры, которые играют роль пиратов. Когда они дома — они актёры, которые играют роль маленьких послушных черепашек.

— Значит, они не злые?

— Конечно, нет. Нам не нужно делить мир на чёрное и белое,

злое и доброе, холодное и горячее. Это тоже роли и они очень часто меняются местами.

— Как это?

— Ну, вот скажи, к примеру — этот чай, горячий он или холодный?

— Был горячий, теперь немножко остыл…

— А скоро будет холодный, если не допьём, — хихикнула Уля.

— Правильно. Так и всё в мире. Сейчас оно кажется горячим, потом — холодным. То, что кому-то кажется злом, другому представляется добром…

— А это как?

— Ну, например — комары. Кто-то считает их злом…

— А-а, понял! — воскликнул Стёпа, для которого комары были исключительно добром.

— Всё относительно, Стёпа. Сегодня — так, а завтра может быть по-другому. День сменяется ночью, а лето — зимой. У всего есть обратная сторона…

— Но ведь ночью темно, а днём — светло. И это для всех…

— Это всё тоже относительно. Сова, например, ночью видит лучше, чем днём…

— А… варенье?

— Что варенье?

— Оно не горячее и не холодное… Какая у него обратная сторона?

— Оно сейчас есть, но очень скоро его не будет. Съедим, — облизнулась Уля и засмеялась.

— Но ведь варенье вкусное. Значит, все считают его только хорошим. Разве оно может быть плохим?

— Варенье на блюдечке — это хорошо, — сказал дедушка, — но то же самое варенье на белой рубашке или скатерти — это уже другая роль. Как минимум, злого разбойника…

— А ведь и правда, — подумал Стёпа. Ему не раз попадало от мамы, когда он пачкал рубашку чем-нибудь вкусным и хорошим — например, мороженым, которое никто и не подумает назвать плохим.

— Но есть в мире кое-что, у чего нет обратной стороны, — торжественно произнёс дедушка.

— Что это? — Стёпе ещё никогда не было так интересно.

— Об этом мы поговорим в следующий раз, — дедушка умел интриговать не хуже Ули…

— А как мне быть с черепашками? Если я опять окажусь с ними на одной сцене в одном спектакле?

— Есть роли, которые мы вынуждены играть. Например, мне

никуда не деться от роли дедушки, Уля играет роль Ули, а ты — Стёпы. Эти роли выбрали не мы, вернее их выбрал не наш разум, а наша Душа. Поэтому и отказаться от этих ролей не так-то просто. А от роли жертвы пиратов можно отказаться, если она тебе не подходит.

— А как мне отказаться от роли жертвы пиратов? Они же меня не отпустят.

— Насколько я понял, ты ещё не слишком глубоко погрузился в эту роль, поэтому и отказаться от неё будет не так уж и трудно. В дальнейшем старайся не попадать в такие роли, которые тебе не нравятся. Просыпайся. Сразу уходи в зрительный зал, наблюдай оттуда за ситуацией и принимай правильное решение. А сейчас воспользуйся антрактом, и выбери себе другую роль.

— Как это?

— Предложи им другую игру. Не в пиратов, а в то, что нравится тебе.

— А если они не захотят?

— Заинтересуй их. Помни, что они никакие не пираты, а обыкновенные черепашки, которым так же, как и тебе нравится всё интересное. Придумай что-нибудь необычное. Чтобы они забыли про своих пиратов, и сразу включились в твою игру. Стань на время режиссёром.

— Ух-ты, мне нравится. Я попробую.

— Главное — уверенность в своих силах, тогда всё получится, — напомнила Уля.

— Да, я помню…

Тут на кухне пробили часы, и Стёпа стал собираться домой.

— Ну что ж, я очень рад был с тобой познакомиться, — сказал дедушка. — Приходи к нам почаще.

— Спасибо, мне тоже у вас понравилось. Обязательно приду.

— Вот и славненько. До свидания. Ульяша, проводи Стёпу.

— До свидания, дедушка Ульрих.

Стёпа с Улей вышли на крыльцо и стали прощаться:

— Завтра придёшь?

— Конечно. Мне очень хочется узнать — что же имеет только одну сторону.

— Ну, тогда до завтра.

— Ага, до завтра.

Глава 7. Идея

Стёпа вернулся с прогулки разгорячённый и радостный. Мама с папой тоже были довольны.

— Как велосипед? — спросил папа.

— Велосипед просто замечательный. Жалко, что ты не можешь покататься.

— Ничего, я смотрю на тебя — как ты доволен, и мне тоже хорошо.

— А у тебя в детстве был велосипед?

— Когда я был совсем маленький, у меня был трёхколёсный велосипедик. Кажется, он назывался «Гном»… Да, точно — Гном. А потом у меня появился самокат. Сначала, правда, это была кроватка на колёсиках, в которой я спал. Потом — когда я подрос, дедушка разобрал кроватку и сделал мне из неё самокат. Он был весь деревянный. Но больше ни у кого такого не было, и все просили у меня покататься.

— И ты давал?

— Конечно. А что?

— Н-нет. Ничего… А у кого-то из вашего двора был велосипед?

— Не помню, может быть и был… Помню, что у старших мальчишек был «дырчик».

— Это что? Велосипед с дырявым колесом?

— Нет, — засмеялся папа. — Это такой… мопед.

— А что такое мопед?

— Это мотовелосипед. Велосипед с моторчиком. Ещё не мотоцикл, но уже и не велосипед.

— А почему он назывался дырчик?

— Потому, что он делал «дыр-дыр-дыр»…

— А какой там был моторчик? Электрический?

— Нет. Самый настоящий — бензиновый.

— А быстро он ездил?

— Если честно, как он ездил я не помню. Помню только, как мальчишки его всё время ремонтировали. Он всегда стоял разобранный и все только и делали, что искали для него запчасти. Иногда, правда, его пытались завести. Он делал «дыр-дыр-дыр», пускал облако синего дыма и опять надолго умолкал…

— А почему?

— Опять в нём что-то ломалось.

— А тебе не разрешали на него садиться?

— Какое там. Нам — мелюзге, даже близко подходить не разрешали.

— А что вы могли натворить?

— Ну… мало ли? Они и сами на него дышать боялись… Вдруг сломается…

— Так он же и так ломался…

— Вот поэтому и боялись.

— Наверное, он поэтому и ломался, что они боялись…

— Наверное.

— А тебе очень хотелось прокатиться на этом… мотопеде?

— Не помню… Скорее всего, я и не мечтал о такой роскоши. Самое большее, на что мы — мелкие, могли рассчитывать — это понюхать, как он пукает.

— Кто?

— Дырчик.

— И как он пукал?

— Очень вкусно. Туда заливался не чистый бензин, а смесь бензина и масла. И запах был особенный… Хотя мне нравилось нюхать всё, что работало на бензине — и машины и мотоциклы. Только грузовики и автобусы пукали невкусно.

— Почему?

— Они работали не на бензине, а на солярке.

— А что, солярка невкусно пахнет?

— А ты разве не нюхал?

— Я как-то особой разницы не замечал… Мне — что бензин, что солярка… Одинаково пахнут.

— Ну ты даёшь… Разве так можно? А карбид-то ты, небось, и не нюхивал?

— Карбид? А что это такое?

— Эх ты… Стёпа… Карбид — это в наше время была главная валюта. Мальчачья. У девчонок, наверное, была своя валюта — не знаю, какая… Может резиночки… мелки или коробочки от гуталина какие-нибудь…

— А зачем коробочки?

— Да они играли в эти… квадратики… классики… — пинали коробочку от гуталина, набитую песком. Или скакали по резинкам.

— Как скакали?

— Ну, две девчонки становились и натягивали себе на ноги резинку, а третья должна была выскакивать на ней разные фигуры…

— А карбид — это что?

— Это химический… такой… минерал. Карбид кальция, если не ошибаюсь. Его раньше использовали для сварки. Набивали в бак, заливали водой и герметично закрывали. Происходила химическая реакция, и выделялся горючий газ — ацетилен. Этот

газ шёл по трубкам к сварочному аппарату…

— А для чего он был нужен вам?

— А мы воровали у сварщиков камешки этого карбида, потом бросали в бутылку, наливали туда воды и крепко забивали пробкой. Через пять минут граната была готова. К тому времени у нас уже горел костёр, в центре которого лежали кирпичи с нарисованными на них крестами. Когда граната доходила до нужной кондиции, самый достойный из нас бросал её в костёр…

— А зачем кресты?

— Это значило что кирпичи — не просто кирпичи, а немецкий танк…

— А почему бутылку кидал самый достойный, а не по очереди?

— Потому, что промахнуться было нельзя. Нужно было попасть по кирпичам, чтобы бутылка разбилась. Тогда горючий газ, который образовался в бутылке, взрывался…

— А если не попасть по кирпичам?

— Тогда ты был мазила, а бутылка лежала в костре и ждала своего часа. Потом, конечно, она всё равно взрывалась. Но нам хотелось предсказуемости…

— А ты тоже бросал?

— Да, как-то раз и мне выпала честь.

— Ты попал?

— Вроде да…

— Ну ты даёшь… Я бы ни за что не забыл…

— Да попал, конечно попал. Взрыв был что надо… Мы вообще любили взрывать.

— А что вы ещё взрывали?

— Взрывпакеты всякие. Селитру с марганцовкой… ещё магний вроде — тёрли напильником. Пчёлки делали…

— Какие пчёлки?

— Такие гильзочки от учебной винтовки — «мелкашка» назывались. Они маленькие жёлтенькие были. Набивали их серой от спичек, зажимали плоскогубцами, вставляли в пустой спичечный коробок, поджигали и прятались. Был взрывчик, и пчёлку красиво разрывало. Получался такой цветочек. У меня была целая коллекция разорванных на ленточки пчёлок…

— И что, вам всё это нравилось?

— Глупый вопрос. Конечно, нравилось.

— Неужели это так интересно… взрывать?

— Ну, тогда гаджетов у нас не было. Такие вот у нас были стрелялки… Тебе этого не понять…

— Почему?

— Потому, что сейчас всё по-другому… Я вот даже

представления не имел о таких вещах, которые ты просто не замечаешь. Да если бы мне кто-то сказал, что у меня будет электронная книга, в которой будут тысячи томов, я бы ни за что не поверил. А если бы получил эту книгу то, наверное, сошёл бы с ума.

— Отчего?

— От того, что в наше время хорошие книги были роскошью. Я специально ходил в «Дом книги» в подписной отдел, чтобы просто посмотреть на «Библиотеку приключений».

— Как это?

— А вот так. Чтение для нас было очень важной частью жизни, не просто развлечением. Во всяком случае, для меня. А нормальных книг было не купить. В библиотеках всё интересное сразу расхватывалось. Правда, можно было сдать кучу макулатуры, чтобы получить талончик и купить на него одну книжку… Ещё была так называемая «подписка» — своего рода лотерея. Приходилось дежурить несколько дней и ночей возле магазина, чтобы получить другой заветный талончик — на серию книг. Самой желанной была серия «Библиотека приключений». Я, конечно же, и мечтать не мог заполучить эти книги. Ходил в магазин, как в музей, чтобы поглазеть да облизнуться…

— И что же ты читал?

— Ну… как-то удавалось достать что-нибудь более-менее интересное. У друзей, у знакомых… Записался во все окрестные библиотеки, не считая школьной. Библиотекарши меня любили и давали домой книги из читального зала… Если мы с родителями приходили к кому-нибудь в гости, у кого была приличная библиотека — я сразу хватал самую интересную книжку и весь вечер читал. Если не успевал прочитать, то всячески демонстрировал, что не уйду, пока не прочитаю до конца. Хозяевам книжки ничего не оставалось, как дать мне её домой. Один раз, правда, не дали. И я хорошо помню — кто это был, — глаза папы при этих словах стали узенькими, но одновременно колючими.

— А кто это был?

— Да были там одни… Дядя Абаж и тётя Жаба. На редкость неприятные. У них была роскошная библиотека, но сами они книг не читали и никому не давали. Книги стояли у них для красоты…

— Для какой красоты?

— Ну… считалось престижным иметь хорошую библиотеку. Так же, как хрусталь и ковры… Всё это называлось «дефицит». Раньше многое так называлось. Купить можно было в общем-то всё, но какое-то не такое… И книги не интересные, и джинсы не трущиеся и музыка не… модная. Хорошие пластинки было не

купить. Приходилось переписывать музыку друг у друга на кассеты или бобины…

— Какие бобины?

— Это такие катушки с плёнкой… Для магнитофона. На одну бобину или кассету помещалось 90 минут музыки, поэтому приходилось экономить… Экономили всё. И фотоплёнку… На одну плёнку можно было снять 36 кадров… Не говоря уже о том, что для того чтобы проявить плёнку и напечатать эти 36 фотокарточек, приходилось проделывать кучу манипуляций.

— А почему так было?

— Что именно?

— Почему всё было так сложно?

— Нет, Стёпа. Всё было гораздо проще, чем сейчас. Да, был дефицит многих вещей. О многом из того, что есть сейчас мы и мечтать не могли… Но это изобилие, которое есть сейчас… оно не только облегчает нам жизнь, но и усложняет её. Сейчас информации в мире столько, что мы теряемся в ней. Столько книг, что не знаешь — за какую схватиться. А тогда такой проблемы не было. Достал книгу — читаешь её. Купил пластинку — слушаешь. Подчеркнул карандашиком в программе телепередач мультики или «В гостях у сказки» — дождался и смотришь…

— А если не достал?

— А если не достал — идёшь на улицу и взрываешь немецкий танк…

— Но ведь вы могли покалечиться от этих взрывалок…

— Да, могли. И калечились. Кому-то в нашем дворе палец на руке оторвало, кому-то глаз выбило…

— Но это же ужасно…

— Согласен. Именно это нам и говорили взрослые… но кто ж их слушает…?

— И что, даже когда случилось… это… вы всё равно не перестали взрывать?

— Переставали… на какое то время… Довольствовались малым.

— Чем?

— Поджигательствовали…

— Что?

— Да разное… Вот, шепотуху, например…

— Что ещё за шепотуха?

— Пластмасса такая особая была. Из неё линейки делали и шарики для пинг-понга. Шарики мы берегли, а вот линейки было не жалко. Мы их специально в «Детском мире» скупали. В школьном отделе. Потом продавщица заподозрила что-то

неладное и перестала нам продавать эти линейки, так мы девчонок вместо себя подсылали. Сначала подействовало, а потом и им уже не давали…

— А что вы с этой… шепотухой делали?

— Поджигали, а потом сразу тушили. От неё валил очень густой дым потрясающей вонючести…

— И что потом? Нюхали?

— Да просто веселились. Особенно, если в классе поджечь или в туалете…

— А если нечего было взрывать или поджигать, как вы веселились?

— Ну… положим, что взрывать и поджигать у нас всегда было что… В крайнем случае, можно было сложить домик из спичек и поджечь его… Или, когда совсем лень было что-то придумывать, можно было просто поджечь полный коробок спичек. Это считалось крайним расточительством и делалось только тогда, когда нам перепадал целый блок спичек…

— А если спичек не было?

— Уверяю тебя, скучать мы не умели. Можно было делать маленькие шарики из лопнувшего воздушного шара и хлопать их…

— А как их делать?

— Ты что, и этого не умеешь? Ну ты даёшь… Прикладываешь лопнувший шарик ко рту и втягиваешь в себя воздух. У тебя во рту надувается маленький шарик, ты закручиваешь его — чтобы воздух не выходил и хлопаешь обо что-нибудь твёрдое… Хоть об голову — свою или товарища. Главное, чтобы была твёрдая. Ещё хлопушки делали из бумаги, но они не очень громко хлопали… Куда лучше было пакеты из-под молока хлопать. Они удобные были для этого — треугольные. На пол его кладёшь и ногой — хлоп. Вполне сносный взрывчик получался…

— А совсем не взрывать вы не могли?

— Стреляли ещё. Из всего, что только можно. Из прищепок, из рогаток, луки маленькие делали со стрелами из ампул для ручек… Самострелы-самопалы разные…

— А по кому вы стреляли?

— Смотря из чего… В основном оружие было не летальное. Стреляли по банкам, по мишеням всяким — на заборе мелом рисовали… Катапутьты делали и стреляли камешками по корабликам из бумаги. Я дома по солдатикам стрелял. Из трубочки — пластилином. И из рогатки — шпульками.

— Какими ещё шпуньками? — прыснул Стёпа.

— Как, ты и этого не знаешь? Э-э-х, молодёжь… Шпульки — это такие… кусочки проволоки, загнутые буквой Л. Для

малокалиберной рогатки.

— А были ещё крупнокалиберные?

— Да. Эти уже считались летальным оружием. Они стреляли камнями или железными шариками.

— А взрослые вам разрешали стрелять из рогаток и этих… катапультов?

— Нет, конечно. Периодически конфисковывали у нас всё оружие… но мы не сдавались. Швыряли с балкона всё, что только можно. Один раз я был в гостях у своего соседа — Гошки. В тот раз мы с ним чего только не вытворяли. Были каникулы и все наши друзья разъехались по лагерям и по бабушкам. Из нашего двора только мы двое остались в городе. Мы перепробовали с Гошкой всё, на что была способна наша, воспалённая жарой и свободой, фантазия. А дурь из нас так и лезла. Тогда Гошка предложил бросаться с балкона напальчниками с водой. В аптеках продавались такие резиновые напальчники. Для того чтобы если поранил палец, можно было забинтовать и сверху надеть этот напальчник — тогда можно было мочить палец в воде… В общем, наполнили мы водой несколько напальчников и с успехом сбросили эти водородные бомбы на уличных кошек и собак. Гошка жил на пятом этаже, так что хлюпнуло будь здоров…

— А как же кошки и собаки? Разве им было не больно и не обидно?

— Не знаю… Больно, наверное, не было, а вот обидно — пожалуй. Особенно кошкам — они ведь купаться не любят. А собаки, я думаю, были рады освежиться — была летняя пора и жара стояла градусов тридцать-сорок…

— И что было дальше?

— А дальше… Напальчники у нас быстро закончились. А боевой дух — нет. Что нам оставалось делать? Стали шарить по кухне в поисках чего-то, подходящего для бомбардировки. Когда такой азарт, мозги отключаются полностью. Залезли в холодильник, а там — яйца. Не сговариваясь, мы с Гошкой берём по паре штук в каждую руку и несёмся на балкон в поисках очередной жертвы. Как на грех — ни одной кошки… и даже мышки. Тут смотрим, идёт кто-то… в шляпе. Ну, это был его выбор. Мы как стихия — обрушивались на всех без разбору. Кошка — так кошка, шляпа — так шляпа… И вот, четыре пары яиц устремились к цели, сверкая на прощанье кружочками надписей «первый сорт». Эти яйца Гошкина мама потом ещё долго ему припоминала… Отбомбившись, мы присели — чтобы цель нас не засекла, и результатов бомбометания не видели. Только услышали несколько «крак-крак» и какое-то невнятное

бормотание после этого. Тут задним местом мы почувствовали, что совершили… как говорила Гошкина мама «шкоду». Решили разбегаться. Я побежал к себе — на первый этаж, а Гошка остался и стал заметать следы. Первое что я увидел, прибежав домой, была шляпа, вся перепачканная яйцами. Оказалось, что это папа — дедушка Квася, решил сменить имидж и приобрёл себе шляпу. Раньше он шляп не носил, поэтому я и подумать не мог, когда бомбил, что это мог быть мой папа. А чужого папу было не жалко… Вернее, в тот момент совсем не думаешь, что эта шляпа может быть чьим-то папой… Может быть даже твоим… А дедушка Квася с тех пор больше шляп не носил.

— А что тебе за это было? Ремня получил?

— Нет, дедушка Квася был противником телесных наказаний. Он считал, что насилие — это последнее прибежище некомпетентности. А вот бабушка Кваля могла себе позволить рукоприкладство… Хотя нет, не руко… У неё для этого был свой инструментарий. Например — пластмассовая рапира. Очень удобная вещь. По-моему, она же мне и подарила этот набор из двух рапир и двух масок для фехтования. Наверное, выбирала для себя…

— Вы что, фехтовали с бабушкой?

— Нет, фехтовать мне так и не довелось. Я боялся этих рапир как огня, даже не прикасался к ним. Это бабушка фехтовала по моей зад… корме. Потом я как-то раз тайком вынес эти рапиры из дома и выбросил их на помойку…

— И что же бабушка стала прикладывать к твоей… корме?

— Она на ближайший же праздник подарила мне набор пластмассовых городков…

— Зачем?

— Чтобы дубасить меня битой от городков…

— Больно?

— Нет, с рапирой это не шло ни в какое сравнение. Бита была широкая и не слишком тяжёлая… А вот рапира была тонкая и свистела в воздухе как пуля каждый раз, когда бабушка делала замах…

— А что тебе было за шляпу?

— «Угол» и длинная беседа о долге, чести и любви к ближнему…

— И это помогло?

— Думаю, да. С тех пор я больше никогда не обижал ни кошек, ни собак. Да и шляп — тоже.

— А что тебе сказал дедушка Квася?

— Он сказал, что всем больно и неприятно, если по ним стрелять или бросать в них что-то. Что ко всем надо относиться

так, как ты хочешь, чтобы относились к тебе. И если уж так хочется пострелять, то нужно выбирать неживые цели…

— А если бы я сейчас взрывал или поджигал, что бы ты мне сказал на это?

Папа почесал бороду — вопрос был не из простых. Ведь он с таким упоением рассказывал об этих, довольно опасных занятиях, в полной уверенности в том, что Стёпе и в голову не придёт этим заниматься… Папа понял, что нужно быть осмотрительнее, и — раз уж его молодость была довольно таки бурной, не стоит так уж романтизировать её… Во всяком случае, гордиться этим точно не стоит.

— Думаю, что я приложил бы все усилия для того, чтобы ты этого не делал, — очень серьёзно сказал папа. — Это по-настоящему опасно. И для тебя, и для окружающих. Я говорю, как практик… Тем более, что сейчас есть много альтернативных вариантов. В крайнем случае, можно пострелять из чего-нибудь безопасного… из прищепки, например.

— А чем вы стреляли из прищепки?

— Из прищепки можно было сделать самострел — он стрелял спичками… А ещё можно было сделать самопал. Он стрелял пистонами…

— А ты мне сделаешь?

— Сделаю. Только для этого надо найти деревянную прищепку…

— А я у мамы вроде видел две таких.

— Значит надо одну… зарезервировать, — подмигнул папа Стёпе. Ему всё же было приятно вспомнить своё детство и заинтересовать этим Стёпу.

— А вы только стрелялки изобретали? Можно же было ещё какие-нибудь… каталки придумать, раз «дырчик» вам не давали…

— Будь спок, — гордо приподнял бровь папа. — С этим у нас тоже был полный порядок. Катались на всём, что только каталось. Особенно зимой. Санок, понятно, на всех не хватало — катались на картонках, фанерках… Особо одарённые катались на полиэтиленовых пакетах с поролоновыми подстилками… Летом с той же горки катались внутри железной бочки — это называлось «тренировкой космонавтов». А однажды мы всем двором построили «тачку»…

— Какую тачку?

— О, это было чудо инженерной мысли. Сделали мы её из старого ящика и трёх подшипников…

— А что такое подшипники?

— Это такие железные колёсики, внутри которых есть шарики. Колёсики надевались на палки, сверху ставилось сиденье

из досок, и получался такой небольшой автомобильчик без крыши.

— Типа скейта?

— Ну, если можно представить себе скейт на трёх железных колёсиках, то — да.

— А почему три подшипника? У скейта ведь четыре колеса.

— Сзади было два колеса, а спереди — одно. Оно ставилось на палку, которая могла поворачиваться в разные стороны. Этим рулём можно было управлять и рукой, и ногой.

— А как эта тачка ездила? Без мотора?

— Обычно мы толкали друг друга — один едет, другой бежит и толкает в спину, или тащит на верёвке. Ещё можно было скатываться с уклона… Конечно, грохот от этой тачки стоял на всю улицу. Когда едешь — трясётся всё, даже зубы стучат. Но это было настоящее счастье. Сейчас мне такого счастья уже не испытать.

— А почему?

— Ах, если бы знать…

— А что такое счастье?

— Хм, — папа почесал бороду и задумался. — Наверное, это радость, которая наполняет тебя всего без остатка. Счастье — это, пожалуй, самое лучшее из того, что с нами случается. Жаль только, что оно так быстро проходит.

— А куда оно проходит?

— Не знаю. Наверное, в нас есть дырочки, через которые радость вытекает из нас… А счастье, оно всегда рядом с нами — только и ждёт, когда мы наполнимся радостью.

— А что это за дырочки в нас?

— Наверное, это наши заботы и проблемы. Через них радость и утекает из нас.

— Но я же вижу, как часто ты смеёшься… Значит, радости тебе хватает. Почему же ты не счастлив?

— Наверное, я стал слишком большой, и моей радости уже недостаточно, чтобы наполнить меня всего, — с грустью в голосе произнёс папа. — Да и дырочек — проблем прибавилось. Я весь как дуршлаг в этих проблемах и заботах. Тут смейся, не смейся, а счастья не видать… Вот ты маленький, проблем у тебя не много — ведь правда? И твоей радости должно быть достаточно для счастья, — папа погладил Стёпу по голове.

Стёпе стало жалко папу.

— А зачем эти проблемы и заботы? Неужели без них нельзя жить?

— Жизнь так устроена. Я бы с радостью согласился жить без проблем…

— А откуда берётся радость?

— Сложно сказать. Изнутри.

— Из головы?

— Нет, скорее из души. Хотя наука и не признаёт наличие души…

— А наличие радости наука признаёт?

Папа рассмеялся:

— Такими вещами наука не занимается, есть более серьёзные задачи.

— А почему радость это не серьёзно? Ты же сам говоришь, что без радости нет счастья, а счастье — это самое лучшее, что у нас есть?

Папа не нашёл, что ответить Стёпе и пошел на балкон курить свою трубку.

После ужина мама поспешила к телевизору. Была сорок восьмая серия «Жабуарии» и Стёпе с папой ничего не оставалось, как отправиться играть в «Черепашек-ниндзя».

Сегодня Стёпа был в ударе и разделал папу под орех. Стёпе выпало быть Леонардо, а это был его любимый персонаж. Он был самый смелый и решительный из всех черепашек и отлично владел двумя самурайскими мечами — катанами. Стёпа вместе с Леонардо победил всех своих врагов во главе со злобным Шрёддером, роль которого досталась папе.

Тут внезапно зазвонил телефон — звонил папин начальник, и Стёпа остался один. Взгляд его упал на зеркало и Стёпа вспомнил весь разговор с дедушкой Ульрихом.

— А ведь и правда театр, — подумал Стёпа. — Вот я в роли Леонардо, а папа в роли Шрёддера…

Стёпа стал думать о том, что можно предложить черепашкам взамен их пиратства.

— Идея! — воскликнул вдруг Стёпа. — Я предложу черепашкам играть в «Черепашек-ниндзя». Как же я сразу не догадался?

И Стёпа принялся обдумывать, как можно заинтересовать этой игрой черепашек, чтобы они забыли про свои пиастры и тортуги.

— Так, первым делом нужно изготовить маски, — решил Стёпа. И полез в шкаф, где у мамы хранились разные лоскуты и обрезки ткани.

Черепашек-ниндзя было четверо. Леонардо, Рафаэль, Микеланджело и Донателло. Черепашек-пиратов было трое. Стёпа решил, что ему придётся сыграть роль черепашки-ниндзя. Тем более, что ему очень нравилось быть в роли Леонардо, и отдавать эту роль он никому не хотел.

У Леонардо была синяя маска и два самурайских меча. Стёпа потащил из шкафа кусок маминой юбки из синего крепдешина, одновременно соображая — из чего бы ему изготовить оружие.

— Для начала пусть будет деревянное. У папы вон даже самокат был деревянный, и ничего, — подумал Стёпа.

Следующим был Рафаэль. Он носил красную маску и владел парой кинжалов. Стёпа разрыл среди лоскутов кусок старой скатерти из красного бархата.

— Отлично, Рафаэль будет доволен.

Потом дошла очередь до Микеланджело, у которого была оранжевая маска, а также пара нунчак. Нунчака представляет собой две бамбуковых палки, связанных короткой цепью.

— Вместо цепи сойдёт и верёвочка, — подумал Стёпа. — А вместо бамбука возьмём тростник, который растёт на берегу прудика.

Стёпа добыл из шкафа кусок своей старой футболки оранжевого цвета, и был спокоен за Микеланджело.

Ну, и последним был Донателло, который носил фиолетовую повязку и отлично владел шестом — бо.

— Шест мы сделаем из камыша, а эта фиолетовая штанина от папиных брюк будет к лицу нашему Донателло.

Стёпа достал большие ножницы и вырезал из всех лоскутов маски с прорезями для глаз.

— Ну вот, костюмы у нас есть. Реквизит растёт на берегу. Осталось только убедить актёров, — подумал Стёпа и отправился спать.

Глава 8. Любовь

На следующий день было воскресенье, но Стёпа вскочил чуть свет — ему не терпелось отправиться к Уле с дедушкой.

Увидев, что мамы на кухне ещё не было, Стёпа захотел сам приготовить завтрак.

— И маме помогу, и быстрее позавтракаем, — решил он.

Готовить Стёпа ещё не умел, но часто помогал маме. Поэтому, не долго думая, он принялся за стряпню. Решено было приготовить омлет с мухами. Стёпа быстренько достал всё необходимое, взбил миксером в мисочке и вылил на горячую сковородку. Накрыл крышкой и стал тем временем резать хлеб, заваривать чай и убирать со стола.

Услышав, что кто-то гремит кастрюлями на кухне, проснулась мама. Каково же было её удивление, когда она вошла на кухню и обнаружила, что Стёпа сам приготовил завтрак, и даже успел помыть посуду. Мама так обрадовалась, что расцеловала Стёпу и пошла радовать папу.

За завтраком стали решать, как провести этот выходной день. Погода была отличная, и папа предложил всем вместе сходить в кино, а потом прогуляться в парке и поесть мороженое.

Предложение было очень заманчивое, но у Стёпы были другие планы.

— А можно я покатаюсь на велосипеде? — попросил Стёпа и жалобно посмотрел на маму.

Мама, после всего, что успел сделать с утра Стёпа, не могла ему отказать. Стёпа выбрал правильную тактику — если хочешь что-нибудь получить, необходимо что-нибудь отдать.

— Как хочешь, милый. А мы с папой всё же сходим в кино, правда, дорогой?

— Конечно. Тем более, что в таком случае мы можем посмотреть что-нибудь про любовь…

Ох уж это «про любовь»… Стёпа с трудом представлял себе, что это такое — как только по телевизору показывали кино «про любовь», Стёпу тут же выпроваживали из комнаты и говорили, что ему такое смотреть ещё рано.

— А что значит «про любовь»? — попытался дознаться Стёпа.

Но попытка не удалась. Папа с мамой переглянулись и смущённо заулыбались.

— Когда подрастёшь — обязательно узнаешь, малыш, — потрепал Стёпу по голове папа. А мама засуетилась, убирая со стола.

— Сколько в мире тайн… — подумал Стёпа. — Ладно, по

крайней мере, одной загадкой сегодня станет меньше. Надеюсь, дедушка Ульрих расскажет мне о том, что не имеет другой стороны.

После этого все собрались и вышли на улицу. Мама с папой пошли в одну сторону, а Стёпа — так уж получилось, покатил в обратном направлении.

Очень скоро он оказался возле Улиной калитки. Не успел он её открыть, как в дверях дома показалась Уля.

— Привет, Стёпа. Как хорошо, что ты приехал. Давай покатаемся на твоём велосипеде.

— Привет, Уля. Садись вот сюда — на багажник.

И Стёпа с Улей покатили по дорожке, которая вела вдоль леса. Уля крепко держалась за Стёпу, и они разогнались так сильно, как только могли. Ветер свистел в ушах, деревья быстро мелькали, а глаза слезились.

— Ух, как здорово! — кричала сзади Уля, а Стёпа, не переставая крутить педали, улыбался гордый и довольный — наконец то и он мог вызвать Улин восторг.

Обратно домчали так же быстро. Да ещё и резко затормозили, подняв целое облако пыли. Стёпа сегодня явно был в ударе.

— Спасибо, было очень здорово. Так быстро я ещё не ездила — мой домик чуть не отклеился, — смеясь сказала Уля и спустилась с велосипеда.

Тут открылась дверь, и на крыльце показался дедушка Ульрих.

— Дедушка, а мы катались на велосипеде! — закричала Уля. — Было так весело, Стёпа настоящий гонщик.

— Молодцы. А теперь я предлагаю всем вместе отправиться на прогулку в лес. Стёпа, ты не против?

— Конечно, нет. Я очень люблю гулять в лесу.

— Вот и хорошо, а велосипед пока оставим дома.

В лесу было замечательно. Стояла самая чудесная пора. Растения зеленели и цвели, птицы громко пели, а бабочки весело порхали. Всё вокруг жужжало, чирикало и пахло изо всех сил. Стёпа тоже не удержался и квакнул от переполнявших его чувств.

— Как красиво, — сказал он. — Это даже лучше, чем кино и мороженое…

— Сейчас будет ещё красивее, — радостно подмигнула Уля.

И действительно, тропинка вывела всех к небольшому ручейку, который давал о себе знать, весело журча. На полянке ручеёк превращался в крошечное озерцо, спрыгивая сверху небольшим водопадиком. Здесь решили сделать привал и отдохнуть.

Стёпа сел на камень и стал смотреть на водопад как

зачарованный. Вода устремлялась вниз, переливаясь всеми цветами радуги, и разбивалась о камень с радостным плеском. Капельки весело подскакивали и тут же ныряли в озеро, сливаясь в единое целое.

Уля и Стёпа любовались игрой капелек, а дедушка, закрыв глаза, слушал музыку воды.

— Какие они весёлые, хоть и живут всего один миг, — задумчиво сказал Стёпа. — Дедушка Ульрих, а что — капельки умирают, когда тонут в воде? — спросил он с тревогой.

— Нет, милый — смерти вообще нет. Жизнь переходит из одной формы в другую. Была капелька — стала ручейком. Потом она может стать облачком, потом — дождиком, снежком… и так без конца.

— Значит капельки действительно живые?

— Конечно. Всё вокруг нас живое, и надо всегда об этом помнить.

— И даже камни живые?

— Не только камни. Ты, наверное, удивишься, но и твой велосипед — он тоже живой.

— Квак? — Стёпа квакнул и так и остался сидеть с открытым ртом.

— Да, представь себе, — улыбнулся дедушка произведённому на Стёпу эффекту.

— Но ведь он же железный…

— Ну и что? Железо такое же живое, как и пластмасса, и резина… и даже стекло. Чтобы жить, не обязательно разговаривать.

— А что обязательно?

— Движение — вот что такое жизнь.

— Но ведь камни не двигаются.

— Это только так кажется. Камни, как и всё в Мире, состоят из мельчайших частиц, которые непрерывно двигаются.

— И всё состоит из этих частиц?

— Да…

— И мы тоже?

— Всё-всё.

— Это что же, я и мой велосипед — мы… одинаковые?

— Ну, в какой то степени — да. Все мы состоим из одинаковых частиц.

— А что же нас отличает?

— У тебя нет руля, а велосипед не умеет квакать, — захохотала Уля.

— Значит жизнь — это и есть то, у чего нет другой стороны? — спросил Стёпа.

— Можно и так сказать, но раз есть слово «смерть» — будем условно считать её другой стороной жизни.

— А что же тогда?

— Любовь, — улыбнулся дедушка.

— Ой, — Стёпа ожидал услышать всё что угодно, но только не это. — Как любовь?

— Да, представь себе — это так.

— Но ведь любовь — это же… — Стёпа замялся, не зная, как сформулировать то, что он хотел сказать. — Вот недавно мама смотрела по телевизору сериал, который «про любовь» и который мне «ещё рано». А я немножко дверь приоткрыл и одним глазком глянул — интересно же. Так вот там сначала целовались, а потом и говорят: «От любви до ненависти один шаг», потом дерутся, потом плачут…

Уля так и покатилась со смеху.

— Ох уж эти сериалы, — улыбнулся в бороду дедушка. — Видишь ли, дружок, та любовь, которая противопоставляется ненависти, на самом деле любовью не является. Самая большая путаница у нас именно со словом «любовь». Под этим словом понимают всё, что угодно — но только не то, что оно на самом деле обозначает.

— А что оно обозначает?

— Ну, если в двух словах, то любовь — это всё.

— И всё? — Стёпа не мог понять, шутит дедушка или нет.

— Что такое любовь — настоящая Любовь, объяснить очень трудно и даже невозможно. Как, например, невозможно описать словами запах розы тому, кто её не нюхал, или вкус клубники тому, кто её ни разу не пробовал. Любовь можно пережить, испытать, но невозможно определить. Это чувство более высокого порядка, чем те, что позволяет анализировать наш разум. Проще объяснить, чем Любовь не является. А то, что у нас принято называть словом «любовь» — это лишь грани той настоящей Любви, о которой я говорю. Влюблённость, симпатию, радость и даже страсть мы принимаем за настоящую Любовь, хотя это всего лишь влюблённость, симпатия, радость и страсть. Вот, например, наказание — это тоже одна из граней Любви. Родители наказывают своих детей из-за любви к ним…

— А ненависть?

— А ненависть слишком ничтожна для того, чтобы противостоять Любви. Конечно, она не является гранью Любви, также как и презрение и равнодушие. Но эти качества не вселенского масштаба. Ненавидеть может только не очень развитая личность, а вот Любовь — она бесконечна. Любовь, в высшем своём проявлении — это то, благодаря чему существует

наш Мир. Она — причина возникновения нашего Мира. Любовь удерживает всё в единстве и равновесии. Она скрепляет весь Мир, не даёт ему разрушиться. Любовь — это и есть Жизнь. Она движет всем — от самых маленьких частиц до огромных галактик в Космосе…

— А мне папа говорил, что это гравитация движет планеты, звёзды и галактики…

— Правильно тебе папа говорил. Но гравитация — это всего лишь инструмент Любви. Послушный инструмент. Любовь управляет всем в Мире. И гравитацией тоже.

— А если Любовь — это всё, то откуда тогда берётся ненависть?

— Хороший вопрос. Да, Любовь пронизывает всё. Как радиоволны. И нас в том числе. Но есть наше сознание. Оно похоже на радиоприёмник. Оно настраивает нас на определённую частоту, отрезая все остальные частоты. Эта частота и определяет — что для нас является реальностью. Кто-то настроился на передачу о Любви, а кто-то отыскал среди множества волн слабенькую волну ненависти и настроился на неё. Это его реальность, хотя вокруг него и бушует океан Любви.

— Значит ненависть — это не Любовь. Она отдельно от неё. Тогда получается, что Любовь — это не всё?

— Нет, дружок. Любовь — это всё. Нет ничего вне Любви. А ненависть… её просто не существует. Так же, как не существует и тьмы.

— А почему тьмы не существует? Она же есть…

— Есть не тьма, а свет. Вот свет действительно существует. А тьмы как таковой нет. То, что мы называем тьмой — это всего лишь отсутствие света. Если ты стоишь здесь, а потом уходишь — ведь на этом месте не появляется кто-то, кого зовут Нестёпа? Там просто тебя нет. И всё. Так же нет и тьмы, и ненависти. Это всего лишь иллюзия отсутствия Любви. Кто-то может думать, что есть ненависть, и что она такая же сильная, как и Любовь. Но это не так. Это заблуждение. Как и сама ненависть. А Любовь допускает такие понятия, как ненависть или злоба для того, чтобы был конфликт, было развитие — мы с тобой уже говорили об этом.

— А почему кто-то настраивается на волну ненависти? Зачем ему это нужно?

— Это происходит не сразу, а постепенно. Если часто повторять: «Я не люблю» — наш приёмник переключается на эту волну.

— Значит Любовь не такая сильная? Она не может победить наше сознание?

— Ей это не нужно. Она ни с кем не воюет. И в этом её сила.

Она просто даёт возможность нам самим выбрать её. Это должен быть наш сознательный выбор. Кроме того, не все готовы принять Любовь в чистом виде. Вернее — никто не готов. Это великая Сила и она способна сжечь тех, кто не готов к её вибрациям. Поэтому её и приходится «разбавлять» такими понятиями, как ненависть, злоба, презрение или равнодушие…

— А почему равнодушие? Что в нём… такого?

— Равнодушие — это, если можно так выразиться, предсмертное состояние. Когда запас энергии подходит к концу, появляется равнодушие. И это очень опасно…

— А почему?

— Потому, что равнодушные не нужны Миру. От них нет никакой пользы. Они ни на что не способны. Даже разбойник полезнее Миру, чем равнодушный…

— Чем?

— Тем, что в нём есть энергия, а значит и Любовь. Он способен измениться и стать героем. А равнодушный может только промолчать… Говорят, что именно с их молчаливого согласия делаются все преступления в мире.

— Значит, Любовь — это энергия?

— Гм… Ты знаешь, а ведь ты прав. Я как-то раньше не думал об этом… но так получается. Во всяком случае, без энергии Любви точно не будет…

— А как же ненависть и злоба? В них ведь тоже нет Любви а энергия есть.

— Ну, мы же с тобой договорились, что Любовь — это всё. А ненависть и злоба — это иллюзия отсутствия Любви. Разбойнику КАЖЕТСЯ, что он никого не любит, но очень часто оказывается, что от ненависти до Любви всего один шаг. Именно так, а не наоборот. От Любви к ненависти дороги нет.

— Значит, и у меня есть Любовь?

— Конечно, у всех она есть. Без Любви ничто в мире не может существовать. Поэтому, когда кто-то говорит: «Я не люблю» — он как бы исключает себя из Мира, отказывается в нём существовать. Это очень опасно.

— А что с ним может случиться?

— Это путь к одиночеству. А одиночество — это самое страшное, что только можно себе представить.

— Даже страшнее змеи?

— Конечно. Вот только представь себе, что ты остался совсем один. В полной пустоте, где нет никого и ничего, и это навсегда…

Стёпа стал представлять себе полную пустоту, но даже его фантазии не хватило на это.

— Получается, что одиночество — это обратная сторона

Любви?

— Молодец, Стёпа! Ты очень точно подметил. Надеюсь, что никто и никогда не познает полного Одиночества, и Любовь будет оставаться без своей противоположности.

— А как её почувствовать, эту Любовь?

— Для этого нужно перестать чувствовать своё одиночество. Даже если рядом никого нет.

— А как это сделать?

— Представь себе что ты — это капля из ручья, — дедушка показал на весёлые брызги. Сейчас ты капля, а через мгновение ты опять будешь ручьём. Всё, что вокруг тебя — деревья, цветы, букашки, земля, небо — это всё твой ручей. То есть всё вокруг тебя — это твоё. Так же, как твоя рука или нога. А значит, всё вокруг тебя — это ты сам. Люби всё вокруг, и ты никогда не останешься один.

— А любить всё вокруг надо так же, как себя?

— А по-другому и не получится. Когда ты по-настоящему любишь, ты любишь всё и всех одинаково. И себя тоже. Ты ощущаешь себя частью Целого, и чувствуешь своё единство со всем на Свете…

Стёпа закрыл глаза, и вдруг ему показалось, что он растворился в пространстве. Ему стало тепло и так спокойно, что он не заметил, сколько времени прошло, прежде чем он очнулся.

— Я, кажется, понял, — сказал Стёпа, открывая глаза и приходя в себя. — Мне кажется, что Любовь похожа на солнечный свет…

— Браво! Именно на солнечный свет. Солнышко светит всем одинаково. И «хорошим» и «плохим». Не выбирает. Кстати — так Любовь и можно отличить от, скажем, симпатии. Симпатия похожа на свет фонарика. Ты светишь только на того, кто тебе симпатичен. А если ты любишь — ты светишься сам. И всем вокруг тебя становится тепло и светло…

— Дедушка, ты сам похож на солнышко, — правда, Стёпа?

— Да, с вами тепло и… светло.

— Спасибо, мои дорогие. Но, должен вам сказать, что всё, что вы видите во мне — это не моё, это ваше. Моё — это то, что я вижу в вас.

— А что ты видишь в нас? — спросила заинтригованная Уля.

— Я вижу, что вы тоже маленькие солнышки. Надеюсь, что вы никогда не превратитесь в простые фонарики…

— А зачем мы оторвались от целого? — спросил вдруг Стёпа.

— В этом и есть смысл жизни. В движении, в разнообразии. Если бы мы не оторвались — ничего бы не было. Была бы одна большая, неподвижная капля и всё.

Стёпа ещё раз посмотрел на капельки воды, и ему стало казаться, что они не такие уж и одинаковые. Одни были более крупные, другие — помельче. Одни были вытянутые, другие толстенькие. Стёпе даже стало казаться, что у каждой капельки есть своё лицо, они разговаривают и смеются.

— Дедушка, значит мы живём для того, чтобы не было скучно? — спросила Уля.

— Да, можно и так сказать. Я не могу себе представить кого-нибудь, кто живёт для того, чтобы ему было скучно, — сказал дедушка, и все засмеялись.

После этого все отправились домой. Стёпа попрощался с дедушкой, а с Улей они договорились, что Стёпа постарается преодолеть все препятствия и они встретятся на берегу прудика. Потом он выкатил свой велосипед, посмотрел на него внимательно и сказал:

— Так значит, ты живой?

Велосипед слегка скрипнул, и Стёпе в этом скрипе послышалось слово «да».

— Прости, я не знал, что ты живой и не разговаривал с тобой. Я буду звать тебя Веля, можно?

Велосипед опять утвердительно скрипнул, и Стёпе вдруг стало так хорошо, как никогда не было. Он понял то, о чём говорил дедушка Ульрих. Понял, что всё вокруг живое и что он — Стёпа никогда не останется в одиночестве. От этого Стёпе стало так радостно, что он запел свою любимую песенку про голубой вагон, и покатил домой, чувствуя себя абсолютно счастливым.

Глава 9. Игра

Когда Стёпа вернулся, родители были уже дома.

— Ну как, накатался? — спросила мама.

— Да, было очень здорово. А вы были в кино?

— Ага.

— А кино было «про любовь»?

— Да, вот только любовь быстро закончилась…

— А разве так бывает?

— Да, к сожалению бывает. Любовь оказалась несчастливая. Корабль утонул, Джек замёрз, а Роуз осталась одна.

— Как, совсем одна?

— Да, и это очень печально…

— И что, она умерла?

— Нет, она прожила долгую жизнь.

— И что же она делала?

— Она много чего успела… Скакала на лошади, летала на самолёте… Ей даже удалось побывать на затонувшем корабле вместе со своей внучкой.

— Ну вот, а ты говоришь, что она осталась совсем одна. Так ведь не бывает. Никто не может остаться совсем один.

— Да, пожалуй ты прав, малыш.

— Получается, что любовь не закончилась. Роуз ведь продолжала любить?

— Да, наверное.

— Значит, любовь не может быть несчастливой.

— Конечно, Стёпушка, — мама погладила Стёпу и ласково улыбнулась.

Вечером по телевизору было кино про мушкетёров. И хоть оно тоже было «про любовь», Стёпу первый раз в жизни не выпроводили, а разрешили смотреть. Стёпе фильм очень понравился. Он с горящими глазами следил за приключениями мушкетёров, вскакивал во время погонь и подпевал доблестным рыцарям, когда они пели песни. Отправляясь спать, Стёпа решил, что когда вырастет — обязательно будет работать мушкетёром. Пожелав маме с папой спокойной ночи, он не забыл и про велосипед:

— Спокойной ночи, Веля. Можно ты будешь моим мушкетёрским конём?

Велосипед одобрительно звякнул цепочкой и Стёпа, погладив его на прощанье, отправился спать.

На следующий день Стёпе предстояло большое испытание. Он взял с собой маски черепашек-ниндзя, и всю дорогу в садик

пытался представить себе, как он будет уговаривать черепашек играть в его игру.

Занятия в этот день закончились быстро. Все сложили из мозаики нехитрые узоры, и через несколько минут группа была уже на берегу. Раздался свисток, и Стёпа с замиранием сердца поплыл навстречу своей судьбе. Когда он подплывал к островку, то увидел, что черепашки были уже там, и о чём-то громко спорили.

— Нет, я буду Д'Артаньяном. У меня и шпага есть, — кричал самый маленький из черепашек, размахивая ивовым прутиком.

Двое других черепашек не могли смириться с тем, что кто-то — а не они будут Д'Артаньянами. Тем более, что прутик свисал и напоминал всё что угодно, но только не шпагу. Назревал конфликт. А без конфликта — как известно, нет развития. И развитие не заставило себя долго ждать…

Стёпа тоже вспомнил, что непременно хотел быть мушкетёром и, подплывая к берегу, уже и думать забыл про свои маски.

— Привет ребята, — сказал он, выскакивая на берег.

— А, пресноводный моллюск пожаловал… Принёс выкуп? — черепашки прекратили спорить и переключили всё своё внимание на Стёпу.

Стёпа вспомнил слова дедушки Ульриха о том, что нужно стать на время режиссёром и, не давая черепашкам опомниться, выпалил:

— Предлагаю играть в мушкетёров. Вы трое будете доблестными мушкетёрами его величества короля!

Черепашки посмотрели на Стёпу с изумлением. Они были очень удивлены произошедшими с ним переменами.

— Ты, — показал Стёпа на самого высокого, — будешь благородным Атосом.

— Ты, — сказал он среднему, — будешь мужественным Портосом.

— А ты, — повернулся Стёпа к маленькому, — будешь хитроумным Арамисом…

— А ты конечно же будешь Д'Артаньяном… — ехидно сказал первым пришедший в себя Арамис и насмешливо поглядел на Стёпу.

Но это был уже совсем не тот взгляд, что раньше. Это не был взгляд хищника на свою жертву. Это был взгляд равного на равного себе. Стёпа больше не был жертвой пиратов, и это придало ему сил:

— Но ведь так получается, — стал горячо отстаивать свою позицию Стёпа. — Вас трое, и мушкетёров тоже трое. А

Д'Артаньян — он как бы отдельно от них. Вот я и буду Д'Артаньяном, и никому из вас не будет обидно.

— А ведь и правда, ребята. Так и выходит. Давайте возьмём его, — сказал Атос и положил два пальца правой руки на левую руку (как в кино).

— Ладно уж. Только чур — не задаваться, — примирительно сказал Арамис и тоже положил два пальца на руку.

Портос утвердительно кивнул и двумя пальцами поддержал товарищей.

Стёпа радостно скрепил договор о братстве, положив свои два пальца на руку, и все вместе принялись обсуждать детали.

— Нужны ещё шпаги, — сказал Арамис. — Да и шляпы тоже.

— Я поплыву на тот берег за прутиками для шпаг, а вы пока нарвите листья лопуха и сделайте из них шляпы, — сказал Стёпа, вспомнив про Улю.

На том и порешили. Стёпа нырнул в воду и быстро поплыл к Улиному берегу.

Когда он подплыл, то сразу увидел Улю. И она была не одна. Рядом с ней была маленькая и очень грустная ящеричка.

Стёпа выскочил из воды, радостный от того, что видит Улю. Но присутствие ящерички его смущало.

— Привет, Стёпа! Хорошо, что ты пришёл. Познакомься — это Яна.

— Очень приятно…

— Здравствуйте, — сказала Яна заплаканным голосом, и Стёпа понял, что с ней случилась какая-то неприятность.

— У Яны беда. Она принесла в садик папину запонку — поиграться, а мальчишки отняли её и спрятали. Теперь Яна не знает, что делать.

— А что за мальчишки?

— Из нашей группы, — всхлипнула Яна. — Их четверо, и от них никому нет жизни. Только и делают, что всех обижают.

— А где их найти?

— Там, за углом наша площадка. Они считают себя разбойниками. В кустах у них логово и они там прячут всё награбленное.

— А как выглядит твоя запонка?

— Она очень красивая, с драгоценным камешком. Я хотела поиграть в принцессу и взяла у папы. Он не знает… Больше так никогда не бу-у-ду. — Яна совсем расстроилась, и в её маленьких глазках показались слезинки.

— Ладно, ждите меня здесь, — сказал Стёпа и, не мешкая, поплыл обратно на Тортугу.

Черепашки были на месте. Они нарвали лопухов и теперь

прикидывали, как из них сделать шляпы.

— Ребята, есть боевое задание, — сказал Стёпа, выпрыгивая на берег. Он вкратце изложил черепашкам суть проблемы и все вместе начали соображать, как взять приступом логово бандитов.

— А что, мне нравится, — сказал Арамис. — Гвардейцы Кардинала похитили алмазную подвеску Королевы, и мы должны её вернуть…

— Точно. Проучим этих канальев, пусть не обижают слабых, — сказал Атос.

— Один за всех, и все за одного, — добавил Портос.

— Тогда все за мной! — скомандовал Стёпа и бросился в воду.

Через минуту вся компания была уже на берегу.

Стёпа представил Яну и Улю черепашкам, а черепашки, немного смущаясь, представились сами. Уля показала Стёпе взглядом на черепашек и подмигнула:

— Молодец, — мол. — Ловко ты их обработал…

Стёпа смущённо прокашлялся и сказал Яне:

— Веди нас прямо в логово…

— Стоп, а где наши шпаги? Как мы будем сражаться? — вспомнил вдруг Арамис.

— И шляп у нас нет, — сказал Портос.

Тут Стёпа вспомнил про маски черепашек-ниндзя. Они до сих пор были у него.

— Вот смотрите. Это нам поможет пройти незаметно в лагерь противника. — Стёпа раздал черепашкам маски, не забыв взять себе синюю.

Все надели маски, выломали крепкие прутики и были готовы на подвиги.

Яна с воодушевлением смотрела на их приготовления — она уже перестала всхлипывать, и верила в успех всего предприятия.

— Вперёд, — скомандовал Арамис. — Он по прежнему оставался вожаком черепашьей команды и не намерен был уступать лидерство какому-то там Д'Артаньяну.

Яна пошла вперёд, а Уля, немного поодстав, сказала Стёпе:

— Ты знаешь, я с вами не пойду — я ползаю медленно, только задержу вас. Идите без меня, а завтра расскажешь, как всё прошло.

— Хорошо, до завтра, — сказал Стёпа и поскакал вдогонку.

Логово бандитов оказалось большим кустом шиповника. Яна издалека показала мушкетёрам-ниндзя этот куст, но сама наотрез отказалась приближаться к нему.

— Ладно, ждите нас здесь, ваше величество, — зашептал хриплым писком Арамис, и все ползком направились прямо к

цели.

Охраны никакой не было, и мушкетёрам удалось подобраться к самому логову незаметно. Там царило веселье. Четверо бандитов оказались довольно симпатичными маленькими ящеричками. Они были зеленовато-коричневого цвета и почти сливались с окружающей их растительностью. Вот кому маски были не нужны — они были почти незаметны и могли бы стать настоящими ниндзя.

Стёпа слегка раздвинул ветки шиповника и увидел, как ящерички радостно скакали вокруг столика, сделанного из небольшого пня. На столике лежали запонка, конфета, кусочек булочки и машинка из «киндер-сюрприза». Это была их сегодняшняя добыча.

— Ну вот, наши сокровища растут с каждым днём, — радостно крикнул один из разбойников, похожий на маленького дракончика.

— Нам бы ещё золотую карету заполучить, — сказал второй разбойник, сверкая глазками, похожими на две маленькие бисеринки.

— Скоро мы будем самые богатые и всех победим, — воскликнул третий…

— И кого вы собираетесь победить этой конфетой, монсеньёры? — спросил вдруг Арамис, внезапно выступив из-за веток.

Ящерички не ожидали вторжения на свою территорию и замерли, высунув раздвоенные язычки.

— Защищайтесь, судари, — сказал Атос, внезапно появившись с другой стороны и держа перед собой прутик-шпагу.

Ящерички все вместе повернулись к нему, оторопев от неожиданности.

— А ля гер, ком а ля гер, — торжественно изрёк Портос, появившись с третьей стороны.

Ящерички совсем растерялись, стали спиной друг к другу и испуганно смотрели на черепашек, не понимая — кто это и что им угодно.

Тут на сцене появился Стёпа, которому уже было жалко этих горе-разбойников.

— Что же это вы, любезные? Маленьких обижаете…

— А м-мы не обижаем… — тихонько пробормотал один из грабителей.

— А кто у Яны запонку отобрал?

— Это он, — трусливо показал пальцем дракончик на своего приятеля.

— Это не я, это Яша, — жалобно произнёс второй разбойник.

— Что Яша, сразу Яша — я вообще тут ни при чём, — пряча глаза, забормотал третий.

— А кто у Ядвиги булочку изо рта выдернул, скажешь не ты?

— Она мне сама отдала — сказала, что уже наелась…

— А киндер у Ярика, скажешь не ты отжал?

— Я не…

— Ну всё, хватит, — сказал Стёпа. — Эх вы. Галантерейщики вы, а не разбойники…

— И никакие они вовсе не судари, — брезгливо поморщился Арамис. Даже пачкаться не хочется.

— Вот по кому Бастилия плачет, — заключил Атос.

Яша быстро-быстро заморгал глазами — видимо из сочувствия к заплаканной Бастилии. Все остальные потупили свои взоры.

— Мы больше не будем. Мы всё вернём. Не убивайте нас…

— Ладно уж, на первый раз прощаем. Но учтите — мы будем рядом. Если только узнаем, что вы опять кого-то обидели — пощады не ждите, — грозно сверкнул глазами из-под маски Портос.

— Честное бандитское…

— А я не верю этим хитрым рожам, — сказал Арамис. — Особенно тому, с физиономией гасконца, — и указал на Яшу.

Яша забегал глазками-бисеринками в разные стороны, пытаясь придать своей физиономии вид, внушающий доверие. Однако не преуспел в этом, вызвав ещё больше подозрений со стороны проницательного Арамиса.

— Ладно, пошли ребята, — сказал Стёпа, и великолепная четвёрка гордо удалилась.

— Здорово мы их… — не успев отойти как следует, зашумели черепашки-мушкетёры-ниндзя.

— Я сейчас, — вдруг бросил Стёпа и ускакал обратно в логово дракончиков.

Он смело подошёл к столу, на котором всё ещё лежали сокровища, взял запонку и сказал оторопевшим разбойникам:

— Это я сам верну хозяйке, а остальное — то, что вы награбили раньше, раздайте всё до последнего…

— Хорошо, хорошо — нам ничего и не нужно вовсе… — заискивающе ответил Яша за всех, пытаясь, видимо, заручиться доверием Стёпы. Однако в этом он тоже не преуспел. И вдобавок получил три презрительных взгляда от своих товарищей.

Стёпа выскочил из логова и направился туда, где они оставили Яну. Черепашки были уже там.

— Держи своё сокровище… ваше королевское величество, — протянул Яне запонку Стёпа.

— Спасибо, вот здорово! Как же это вам удалось? — в восхищении воскликнула Яна.

— А, пустяки. Ничего сложного, — нарочно небрежно ответил хриплым фальцетом Арамис.

— Мы к вашим услугам, сударыня, — шаркнул ножкой Атос.

— Пурква па, — подытожил Портос.

— Спасибо, какие вы благородные. Вы мне очень помогли. Я буду помнить вашу доброту…

— Ты… вы, наверное, хотели сказать «Мерси боку», ваше величество? — решил помочь королеве благородный Атос.

— А что это значит?

— … э-э-э…Ну, всё что ты сказала раньше, только короче.

— Тогда мерси боку, ребята.

Вся четвёрка раскланялась и направилась в свои владения, тем более что прогулка уже заканчивалась и с другого берега раздались призывные свистки.

Глава 10. Душа

На следующий день Стёпе удалось поболтать с Улей как следует.

Он подробно рассказал ей все вчерашние приключения. Уля слушала, затаив дыхание, и Стёпе это нравилось.

— Я очень рада за тебя, — сказала Уля, дослушав Стёпину историю до конца. — Ты всё сделал правильно.

— Спасибо, — сказал Стёпа. — Ещё бы летать научиться…

— Думаю, что теперь самое время приступить к тренировкам.

— А с чего мне начать?

— С чистого листа, как говорит мой дедушка.

— А это как?

— Это значит забыть всё, что ты знал раньше…

— Как, всё забыть? Совсем?

— Нет, конечно. Это так говорят. На самом деле тебе нужно изменить свой взгляд на Мир. Мир не такой, как ты о нём думаешь. В нём всё возможно. И летать могут не только птицы…

— Но как же?.. Вот, например, я бросаю камень, — Стёпа взял камень и подбросил его вверх. Камень лететь не захотел, и очень быстро занял своё привычное место. — Видишь, он летать не хочет…

— Вот именно, НЕ ХОЧЕТ.

— Значит, он может, но не хочет?

— Верно. Ему это не нужно — поэтому он и не хочет. В нашем мире всё так устроено. Всё идёт по… сейчас вспомню точно… по пути наименьшего сопротивления — вот.

— Кв… как это?

— Понимаешь, всё в природе движется с помощью энергии…

— Какой? Электрической?

— Да, можно и так сказать… А природа очень экономная, и не хочет тратить энергию просто так.

— И что это значит?

— А это значит, что без особой нужды камень летать не станет — ведь для полёта нужна энергия. А в природе всё стремится к покою, к экономии энергии…

— Но ведь жизнь — это движение…

— Да, это так. Движение мельчайших частиц никогда не утихает. А чем больше частица — тем больше ей хочется отдохнуть, — Уля улыбнулась, и Стёпа не знал — шутит она или нет.

— А я — это тоже частица?

— Да, мы все части целого.

— Но я не хочу отдыхать, я хочу летать! — воскликнул Стёпа.

— Вот этим ты и отличаешься от камня. Теперь твоя задача превратить твоё желание в… сейчас вспомню… в НА-МЕ-РЕ-НИ-Е.

— А это что такое?

— Намерение — это желание что-то сделать плюс твёрдая уверенность в том, что ты это можешь. Вот, например, я сейчас намерена подползти к тебе поближе. Я НЕ ВЕРЮ в то, что могу это сделать, а ТОЧНО ЗНАЮ, что сделаю это сейчас, — Уля приблизилась к Стёпе, реализовав тем самым своё намерение.

— А летать для тебя так же просто, как ползать?

— Намного проще. Р-раз — и я уже там, ползти труднее.

— А почему ты не хочешь, чтобы я рассказал о тебе другим?

— Ну, во-первых, тебе никто не поверит. Я не хочу, чтобы тебя считали вруном. Во-вторых — далеко не все такие, как ты…

— А какой я?

— Ну, вот такой… неугомонный. Все хотят отдыхать, а ты — летать.

— А это плохо?

— Это не плохо и не хорошо. Это есть. Ты — такой, другие — другие. И пусть так будет. Если другим может не понравиться то, что я умею летать — значит лучше им об этом и не говорить.

— А почему им это не понравится? Может быть, они тоже захотят летать?

— Я раньше тоже так думала, но дедушка сказал, что это не так.

— Эх, жалко. Вот бы было здорово, если бы все умели летать…

— Не знаю. Пусть лучше будет так, как есть. Нельзя сделать кого-то счастливым, если он этого не хочет…

— А себя можно сделать счастливым?

— Конечно.

— А как? Вот мой папа не знает, как это сделать…

— Я думаю, что сделать надо одно — научиться видеть. Счастье… оно ведь не приходит и не уходит. Оно всегда с нами. А приходит… умение это счастье увидеть… почувствовать.

— А как получить это… умение?

— Это очень просто — надо чтобы Душа и разум подружились… чтобы наш разум перестал заниматься только собой и… открылся, впустил в себя Душу. Тогда счастье просто хлынет на нас…

— А что такое душа? Вот наука, например, не признаёт наличие души.

— Кто тебе сказал?

— Папа.

— Ну не знаю, что это за наука такая. Мы недавно с дедушкой смотрели передачу «Очевидное — невероятное» — там как раз было про сознание и подсознание…

— Да, мы с папой тоже смотрели. И что?

— А то, что подсознание — это и есть Душа… Ну, вернее это инструмент Души. Душа… она… ну, в общем, я и сама толком не знаю всего… Есть ещё сверхсознание… Дедушка говорил, что Душа многослойная, состоит из… ладно, не будем усложнять. Пока будем считать, что Душа — это подсознание.

— А сознание?

— А сознание — это разум.

— А что такое подсознание? Я передачу смотрел, но ничего не понял.

— Я тоже из передачи мало что поняла. Мне дедушка объяснил, что мы состоим не только из тела, но ещё из разума и Души. Причём тело совсем не главное у нас. Главное — это Душа.

— А почему?

— Потому, что Душа вечная, а тело — нет. Наше тело состоит из клеточек. Эти клеточки живут не долго. Так что тело постоянно обновляется. Вот представь себе, что твой прошлый день рождения праздновал не ты, а другой Стёпа…

— Но я же… А почему тот другой Стёпа был такой же?.. Ну, вот это пятнышко было же?..

— Потому, что наше тело строится по программе. Наша Душа даёт команды, а клеточки послушно их исполняют.

— А Душа не меняется?

— Меняется, конечно, но не так, как тело. Она… накапливает информацию. А так, она вечная.

— А как это — вечная?

— Это значит, что она была всегда и будет всегда.

— Даже когда мы умрём?

— Да. Помнишь, дедушка говорил, что смерти нет? Это потому, что Душа не умирает.

— А что она делает?

— Как что? Живёт.

— А где она живёт?

— Она живёт в том мире, который мы не видим.

— А что это за мир?

— Это… как бы тебе объяснить?.. Тебе сны снятся?

— Конечно.

— Вот то, что тебе снится — это и есть мир, в котором живёт Душа.

Стёпа стал вспоминать, что ему сегодня приснилось. Весь сон он скакал на велосипеде, как на лошади. Какой при этом был мир

вокруг он вспомнить не смог, и решил в следующий раз обратить на это внимание.

— А разум в каком мире живёт?

— А разум живёт в мире мыслей.

— А этот мир можно увидеть?

— Этот мир у каждого свой. Кто-то видит свои мысли, кто-то — нет.

Стёпа наморщил лоб и попытался увидеть свои мысли. Это было так комично, что Уля не выдержала и прыснула от смеха.

— Ну как, увидел?

— Не очень. Мысли как букашки расползаются. Я лучше ночью попробую, сейчас слишком светло… А как подружить сны и мысли?

— Нет, их дружить не обязательно. Сны — это не сама Душа. Это мир, в котором она живёт. А Душа — это…ну, как бы тебе объяснить… это тот в тебе, кто не думает а просто всё знает…

— Что, во мне ещё кто-то есть?

— Да, и этот «кто-то» на самом деле и есть ты. Самый настоящий. А твоё туловище, руки, ноги — это как бы твой скафандр для путешествия в этом мире.

— Ой, — такого поворота Стёпа совсем не ожидал. Оказывается, он — не он, а какой-то костюм для кого-то, кто сидит у него внутри.

— А этот… Душа, он… она какая?

— Она похожа на жемчужину. Вначале каждый из нас представлял собой маленькую Искорку Любви, о которой говорил дедушка. Эта Искорка и была той песчинкой, вокруг которой со временем возникает жемчужина. Потом — слой за слоем, вокруг Искорки начинала формироваться некая… Сущность. Это ещё не была наша Душа в том виде, в каком она находится сейчас. У камней тоже есть эта Искра, но их Душа находится в зачаточном состоянии. Первые проблески Души, как Сущности начинаются у растений. Постепенно, наслаивая на себя опыт прожитых жизней, Душа становится Индивидуальностью — то есть единственным и неповторимым Существом…

— А как появляется разум?

— Разум каждый раз умирает вместе с телом и каждый раз накапливается новым телом. Это как оперативная память в компьютере. Знаешь, что это такое?

— Да, у нас с папой есть компьютер.

— Ну вот. Наше тело — это «железо» компьютера, монитор. Наш разум — это оперативная память, а наша Душа — это жёсткий диск, вернее информация, которая содержится на жёстком диске. Приблизительно, конечно. Ведь жёсткий диск

может сломаться и информация с него исчезнет, а наша Душа вечная…

— Но ведь если мы — это Душа, а Душа бессмертная… почему тогда все так боятся смерти?

— Ну не все… Для меня смерть — это как сон. Мы каждый вечер «умираем» и каждое утро «рождаемся» опять… А боятся только те, кто считает себя телом. Таких, правда, большинство. Боятся, ищут эликсир бессмертия, колдуют… А надо всего лишь вспомнить о Душе. И ходить никуда не нужно. Эта Жемчужина в каждом из нас. Она ближе близкого…

— А её… эту Жемчужину можно увидеть?

— Пожалуй, что нет. Её можно представить себе, можно почувствовать в себе…

Стёпа стал представлять себе кусочек Любви, который находится у него внутри, но его воображение отказывалось на этот раз с ним сотрудничать.

— Не представляется…

— Хорошо. А что такое совесть ты знаешь?

— Да, это я знаю. Нам Жанна Аркадьевна целый рассказ про неё читала.

— Ну так вот, совесть — это и есть голос нашей Души.

— Такой… слабенький? Я думал…

— Это пока он слабенький. Пока наше сознание его заглушает своим… криком. Наша задача в том и состоит — уравновесить наш разум и… совесть. Чтобы их голоса для нас звучали одинаково громко.

— Ну хорошо, но… ведь голос можно только слышать. А мне бы очень хотелось всё-таки увидеть…

— Ладно, я тебе помогу. Есть один способ увидеть Душу, — сказала Уля загадочным голосом, и Стёпа приготовился к очередному чуду.

— Глаза — это отражение Души в нас. То несказуемое, что отличает настоящий глаз от искусственного и есть Душа. По глазам можно очень много узнать. Глаза никогда не врут — Душа врать не умеет…

Стёпа встретился взглядом с Улей и попытался разглядеть в них ту самую Душу, как вдруг почувствовал необычайный поток. Это были не только мысли и чувства, но ещё обрывки каких-то сюжетов, истории и даже звуки. Как будто он за секунду посмотрел несколько передач и фильмов. Правда, пересказать то, что он узнал, Стёпа не смог бы. Но узнал он очень много. Была там и грусть и радость. И красота и нежность. Даже музыка… Стёпа немного смутился, как будто узнал чужую тайну.

— А про меня тоже можно узнать по глазам?

— Конечно, — сказала Уля таким голосом, что Стёпа понял — не только её история попала к Стёпе, но и Стёпины секреты перестали быть его секретами.

Стёпа ещё сильнее засмущался и решил больше не смотреть никому в глаза (и тут же об этом забыл — ведь он был простодушный лягушонок).

— И что, Душа всё-всё знает?

— Ну, как тебе сказать… Вообще-то знать или не знать может только наш разум. А Душа… она живёт в двух мирах. В нашем — где можно что-то знать или не знать, и в том мире, где думать не надо. Где знание не скрыто, как здесь, а лежит на поверхности. Целиком. Это Знание называется Истина. И наша Душа находится в контакте с Истиной. Если её попросить, она может передать нам часть этого Знания.

— А почему часть?

— Потому, что наш разум не способен вместить Истину. Истина бесконечна, а разум, даже самый большой, имеет пределы. Познать Истину — это всё равно, что в обычный глобус попробовать затолкать всю Землю…

— Ну ладно. Всё не надо… но пусть Душа мне скажет, как мне научиться летать.

— А она тебе и скажет. Обязательно. Но для этого ей необходимо найти общий язык с твоим разумом. Понимаешь, Душа не умеет думать. Ей не нужно выбирать. Ей всегда всё понятно. А наш разум — наоборот, ничего не знает наверняка. Он всё время сомневается и думает: «да или нет», «правильно или неправильно»…

— А зачем он тогда нужен, если Душе всё понятно?

— Всё в мире нужно. Без разума Душа заскучает. Там — в её мире, ничего не происходит. В привычном нам смысле. Нет никаких приключений. Всё тихо. Сны, которые мы видим, видит наш разум. Душа, хоть и живёт в мире снов, но для неё этот мир неподвижен. Там нет времени, а значит — нет и событий. А Душа хочет развиваться. Ей нравится играть. Только в игре Душа может действовать. Только приходя в наш мир, Душа приобретает опыт — те самые слои перламутра, из которых состоит жемчужина. Игра должна быть честная — без поддавков. Ради этой игры мы и рождаемся. Если с нами ничего не происходит, то такая жизнь с точки зрения Души считается пустой. Конечно, с точки зрения разума все эти «приключения» выглядят как проблемы, но в решении этих проблем рождается что-то новое. Создавая проблемы, Душа приглашает разум в игру. Она не играет против разума, она играет вместе с ним. Душа знает, как решить проблемы и подсказывает разуму. Только он не всегда понимает

— что происходит, и не всегда слышит голос Души.

— Для него-то это совсем не игра…

— Тем интереснее…

— А если не просто проблема а, скажем… случится несчастье? Это тоже Душе понравится?

— Ты кино про мушкетёров смотрел?

— Да.

— Тебе понравилось?

— Очень. А при чём тут?..

— Когда ты смотрел — ты думал, что это кино, что актёры играют, осветители светят, а оператор снимает?

— Нет. Тогда и смотреть было бы не интересно.

— Верно. А ведь там — в кино, было много несчастья. Д'Артаньян потерял свою любимую…

— Да… и что?

— Ты бы хотел посмотреть ещё такое же кино?

— Д-да, но… я ведь всё равно знаю, что это кино… и что это про других, а со мной ничего не случится…

— Правильно. Для Души наша жизнь — это кино. Она знает, что с ней ничего произойти не может. Она ведь бессмертна…

— Ой, что-то это как-то…

— Нет, конечно, всё не так странно, как ты подумал. Конечно, наша Душа никого не убивает. И не желает ничьей смерти. Если будут одни несчастья и проблемы, то Душе такая жизнь не нужна — так же, как и нам не интересно будет кино, где все только и делают, что страдают и умирают. Дело именно в ПРЕОДОЛЕНИИ препятствий…

— Да… тебе легко говорить…

Тут Уля как-то странно посмотрела на Стёпу. Стёпа только на секундочку опять взглянул Уле в глаза, и вдруг понял, что Уля имеет право говорить ему всё, что сказала. Хотя ей это и не легко. Стёпа немного смутился и решил сменить тему.

— А как мне узнать то, что знает Душа?

— Ты опять не понял. Ты — это и есть твоя Душа. И ты всё знаешь. Нужно только вспомнить…

— Значит, я забыл, как летать?

— Да. Ведь во сне мы можем летать без проблем.

— А как вспомнить?

— Вот для этого и нужны тренировки. Нужно научиться управлять своими мыслями. Чтобы они перестали быть букашками, а были послушными тебе.

— Ничего себе. Разве это возможно?

— Очень даже возможно. Не позволяй мыслям разбредаться и жить своей жизнью. Представь себе, что мысли — это маленькие

овечки, а Душа — это пастух, который их пасёт. Сначала овечки будут непослушными, и будут разбегаться в разные стороны. Но ты их воспитывай, загоняй обратно. Со временем они станут послушными, и будет тебе счастье.

— А радость?

— Что радость?

— Папа говорил, что счастье — это когда радость наполняет нас полностью…

— Да, это так. Если Душа и разум будут хотеть одного и того же, будут друзьями — будет тебе и радость. Радость приходит из Души, а разум не всегда её впускает…

— Значит, нужно сделать так, чтобы овечки хотели того же самого, чего хочет пастух?

— Да, именно в таком порядке, а не наоборот.

— А Душа всегда знает, чего она хочет?

— Хороший вопрос, хотя и не совсем точный. Душа, конечно, может чего-то и не «знать». Она может не знать, чего она хочет в данный момент. Но вот чего она не хочет — она знает точно. Если твой разум что-то хочет, а внутренний голос говорит «нет», то лучше его послушаться…

— А скафандр-Стёпа? Что ему делать?

— Ну, тут всё просто. Ему нужно послушно исполнять все команды. И делать только то, что хотят Душа и разум.

— И тогда я полечу?

— Непременно.

— А как это происходит? Ты же не летаешь по воздуху, как птица, ты просто появляешься из ниоткуда.

— Да, тут всё немножко по-другому… Можно, конечно, летать и как птица, но это слишком… энергозатратно. Законам физики это может и не понравиться… хотя иногда и коровы летают, как птицы. Мы смотрели с дедушкой передачу про торнадо — там не только коровы летали, но даже дома и машины… Но это скорее исключение из правил. А я сначала перемещаю свой… дубль, потом — вслед за дублем, перемещается физическая оболочка.

— А что это за дубль такой? У меня он тоже есть?

— Это наше «тонкое» тело. У всех оно есть… Но я всего не знаю, пусть лучше дедушка тебе о нём расскажет. А ты пока тренируй своих овечек.

— Ладно. Попробую… сделаю.

— Ну, вот и хорошо.

Глава 11. Счастье

Стёпа так заболтался с Улей, что совсем забыл про своих мушкетёров. А ведь они сегодня собирались совершить дюжину подвигов. Он попрощался с Улей и заспешил на встречу со своими новыми друзьями.

Черепашки, тщетно прождав Д'Артаньяна и не дождавшись, решили начать совершать подвиги без него. Для начала они всё-таки соорудили себе шляпы из лопухов. Потом сделали мушкетёрские накидки из газет, освежили шпаги из прутиков и только тогда принялись за подвиги.

Первым делом они атаковали остатки лопухов. Это была великая битва. Издалека могло показаться, что скачет табун лошадей — пыль стояла столбом. Гвардейцев было не меньше сотни. Атос был ранен колючкой в руку, но продолжал сражаться, приговаривая из последних сил: «Я задержу их, ничего…» Арамиса враги загнали в крапиву и почти окружили, но тут вовремя пришёл на выручку Поротос. Он принялся рубить в капусту не только гвардейцев-лопухов, но и коварную крапиву-Миледи с репейником-Рошфором. Кардиналу-горицвету пришлось не сладко, досталось также и ни в чём не повинному Герцогу-папоротнику. Если бы Арамис вовремя не оттащил Портоса, то получил бы своё и ничего не подозревающий хвощ-Ля Шене, который очень не вовремя сказал: «Я здесь, ваше величество». Хотя, может быть, Портосу это только послышалось…

Этот подвиг отнял все силы у мушкетёров. Они попадали в песок от усталости и лежали, закатив глаза и тяжело дыша.

— А ведь скажут, что нас было четверо… — чуть отдышавшись, изрёк Портос.

— Да. И где только этот прогульщик Д'Артаньян? — сипло произнёс Арамис.

— У своей кузины, наверное, — слабым голосом, не открывая глаз, пробормотал Атос.

— Нет, кузина-белошейка это у меня. А у него Подстанция, — поправил его Арамис.

— Не Подстанция а Конструкция, — уточнил Портос.

— Сам ты Конструкция. Не Конструкция а эта… Конституция, — вспомнил Арамис.

— А сколько у нас мушкетов? — поинтересовался Атос.

— Столько же, сколько и пистолей — ни одного, — ответствовал Арамис.

— Зря мы вчера не распотрошили этих канальев. Пара троек пистолей нам бы не помешала, — заключил Атос.

Все трое тяжело вздохнули. За этим занятием их и застал свежий, полный сил Д'Артаньян.

— Привет, ребята! Кажется, я что-то пропустил? — сказал он, глядя на их истерзанные газеты и остатки лопухов, превращённые в силос.

— Хорош гусь, нечего сказать. Мы тут Ля-Рошели освобождай, а он прохлаждается со своими… Станциями, — не повернув головы, скрипнул Арамис.

— Но я же… А что тут произошло?

— Ничего особенного. Подрались с гвардейцами, — сухо сказал Атос.

— А… зачем подрались? — спросил первое, что пришло на ум Стёпа.

— Подрались просто потому что… подрались, — ответил первое, что пришло на ум Портос.

Стёпе было не очень удобно перед своими друзьями за то, что он пропустил такую важную кампанию, и он не знал, как ему добиться их расположения. Но, вместе с тем, ему было очень жалко порубленные растения. Стёпа отчасти был рад, что ему не пришлось принимать участия в этом побоище. Он даже передумал работать мушкетёром, когда вырастет. Но виду не подал.

— Ребята, кажется, я смогу раздобыть немного пистольев… пистолий… ну, в общем, пистонов, — пообещал он.

На том и порешили. А свистки воспитательниц поставили на этом две жирные точки.

День выдался насыщенным, и Стёпе предстояло многое переварить и усвоить. Вечером за ужином Стёпа, вспоминая их разговор с Улей, спросил папу:

— Папа, а как можно подружить сознание и подсознание?

Папа, закашлявшись, с удивлением посмотрел на Стёпу — Стёпа последнее время не переставал удивлять папу своими парадоксальными вопросами.

— Это где же ты…

— Это у нас в садике…

— Однако… А доказать гипотезу Пуанкаре вам ещё не задавали?

— Нет ещё…

Папа с мамой весело переглянулись.

— Но адронный-то коллайдер, надеюсь, вы запустили? Бозон Хиггса нашли?

— Папа, а ты… это у меня сейчас спросил? — перестал жевать Стёпа.

Мама звонко рассмеялась:

— Ребята, ну вы прямо как в анекдоте…

— Как в песне, — подхватил папа. — То ли ещё будет ой-ёй-ёй. Стёпа, вы на труде синхрофазотроном случайно не занимаетесь?

— Я — нет. А вот Павлик, кажется, занимается. Он всё синхро… фазо… в общем, всё повторяет за мной, — сказал Стёпа, слегка смущаясь от того, что пришлось ябедничать.

— Да, продвинутый у вас садик…

— А что такое…«базонкикса»?

— Бозон Хиггса? Это предполагаемая учёными субатомная частица, которая входит в состав кварка…

— А кварка — это то, что у мамы там, в шкафу с посудой?

— Нет, малыш, — засмеялся папа. — Кварки — это мельчайшие частицы, из которых состоит ядро атома. Помнишь, мы читали с тобой в журнале «Наука и жизнь»?

— А-а помню… вспомнил. Но там про бозон не было… Это самый малюсенький кусочек нашего мира?

— Нет. Уже есть теория, что Бозон распадается на фотон — это частица света и два гравитино — это частицы так называемой тёмной материи…

— А тёмная материя — это материя, которой закрывают окна у нас в садике, когда показывают кино?

Папа опять засмеялся, но мама явно скучала. Ей было совсем не интересно слушать про все эти бозоны и фотоны.

— Нет, сынок. Тёмная материя — это вещество, из которого состоит наша Вселенная… Давай, я тебе потом про неё расскажу. Лучше ты скажи, что там у тебя за проблемы с подсознанием?

— Как его подружить с сознанием.

— А зачем это тебе?

— Для счастья. Если их подружить, то радость сможет свободно к нам приходить.

Папа хотел сразу ответить очередной шуткой, но вдруг передумал.

— А почему ты так думаешь?

— Ну, ты же сам говорил, что радость берётся из Души. А подсознание — это и есть Душа. Она… оно хочет нам эту радость отдать, а сознание не пускает…

Тут папа совсем призадумался. Взял свою трубку и направился на балкон. Мама велела Стёпе помыть посуду и отправилась вслед за папой.

— Дорогой, тебе не кажется всё это странным?

— Да, это конечно очень странно… Но самое странное, что в его словах что-то есть. По-моему, он прав…

— Я всё понимаю, но мне кажется, что ему ещё рановато играть в такие игры. Подсознание — это не то, с чем шутят…

— Нет, что ты — никто и не думал шутить. Мы говорили с ним о счастье. Потом разговор коснулся души…

— И всё-таки. Я тебя прошу. Побереги его психику. Это совсем не детские разговоры…

— Ты полагаешь? — папа выпустил синюю струйку дыма, не переставая о чём-то думать.

— Я уверена.

— А знаешь, дорогая, я сейчас понял одну вещь. Нет никакой детской психики…

— Но…

— Нет, послушай пожалуйста. Психика корнями уходит далеко в подсознание, а это действительно похоже на то, что называют душой. Там нет понятия возраста. Дети очень часто оказываются мудрее взрослых. Именно потому, что им не мешает сознание. Сознание — это опыт только этой жизни, а подсознание — это опыт всех предыдущих жизней…

— Каких жизней?

— Ну дорогая, возможность реинкарнации уже признали учёные. Есть множество фактов…

— Хорошо, допустим…

— Так вот, у детей опыт прошлых жизней ещё близок. Он ещё не похоронен под опытом этой жизни. Получается, что они имеют доступ к такой базе данных, которая нам — взрослым и не снилась. Ведь сознание и подсознание не соизмеримы. Это как… один к миллио… к миллиарду. Но проблема заключается в том, что знать-то они знают, а вот выразить не могут. Аппарат ещё не готов. Получается замкнутый круг. Аппарат для выражения — это сознание. Но развитое сознание закрывает доступ к подсознанию. Сознание просеивает всё, что идёт из подсознания через сито логики. И нам остаются жалкие крупицы истины. Стёпа очень верно сформулировал задачу. Настроить сознание таким образом, чтобы оно не мешало слышать голос подсознания…

— Так что, по-твоему — логика не нужна?

— Нужна, конечно. Но, как и всякий инструмент, она должна знать своё место и не мешать нам, а помогать. Иногда лучше поступать нелогично. Интуитивно… Вот мы со Стёпой часто играем в «угадайку». Я прячу в одной руке конфету, а он угадывает — в какой. Потом он прячет, а я угадываю. Его результат 7–8 из 10, а мой в лучшем случае 4–5. Знаешь, почему?

— Почему?

— Потому, что я руководствуюсь логикой. Смотрю, какой кулак больше, какой сильнее напряжён и так далее. А Стёпа просто угадывает. Он слушает свой внутренний голос. Если бы ему не мешало сознание, он бы угадывал 10 из 10.

— Но всё равно, как-то это не по-детски…

— А я считаю, что с детьми не надо сюсюкать. «Уси-пуси» не только бесполезны — они вредны. Надо говорить с ребёнком на равных — то есть не только учить его, но и учиться у него. Понятно, что есть некоторые вещи, о которых говорить с ребёнком нельзя… Но надо ещё подумать, так ли уж эти вещи необходимы нам самим… Нам надо учиться говорить с детьми. Сказано же, что если ты не можешь объяснить ребёнку суть предмета — значит, ты сам его не понимаешь…

— Но ведь у ребёнка должно быть детство. Ему нужно просто побегать и попрыгать, а не заниматься проблемами подсознания…

— Я тебе больше скажу. Взрослым тоже время от времени просто необходимо валять дурака, бегать и прыгать…

— Я с тобой серьёзно говорю.

— Ну и зря. Как там у классика? «Вы слишком серьезны. Серьёзное лицо — ещё не признак ума, господа. Все глупости на Земле делаются именно с этим выражением…»

Мама хотела обидеться, но папа взял её за руку, улыбнулся и обнял.

— Не сердись, дорогая, я ведь совсем не хочу лишить Стёпу законного детства. Детство — это замечательно. Я уверен, что вся эта детская непосредственность — и есть проявления души. Я думаю, что наша Душа — это радостное и озорное существо. Настырное и любознательное… Это разум делает нас скучными и серьёзными. Тот, кто мечтает о спокойствии и благополучии — это уже потенциальный труп. А я предлагаю растянуть детство на всю жизнь… Но пусть это будет полноценное детство. Не ограниченное манной кашей и «Спокойной ночи малыши». Ничто не мешает нам быть детьми и разбираться в вопросах квантовой механики. Посмотри на портрет Эйнштейна с языком — разве он не ребёнок?..

— По-моему, самый большой ребёнок — это ты…

— Ну и замечательно… Так я вот что хочу сказать. Детский мозг — это губка. Сухая губка, готовая наполниться. Она впитает всё, с чем соприкоснётся. Не важно, что это будет — «уточки делают кря-кря» или Бозон Хиггса…

— Зачем ему твой бозон?

— А почему бы и нет? Ребёнок должен познавать мир. Пусть лучше он знает, что такое Бозон, чем… какой-нибудь «Баран-баран буц». Чем наполним губку сейчас — то и будет. Потом Бозон может уже и не поместиться — губка-то ведь не безразмерная…

— Но это же так скучно. Бозоны-фотоны… Про бизонов и то

интереснее…

— Это вам — девочкам скучно. Знаешь, какую книгу мы сейчас читаем со Стёпой?

— Какую?

— «Занимательную физику» между прочим.

— И что? Ему интересно? Он хоть что-нибудь там понимает?

— Это, смотря как читать. Раньше мы читали какие-то детские стишки ни о чём. Мне было неинтересно, и я читал ему чисто механически, не вникая в смысл. Стёпа при этом зевал и тут же засыпал…

— Вот и хорошо…

— Да, хорошо конечно. Но ведь книги-то не для этого… Потом мы стали читать Жюль Верна, Герберта Уэллса, Конан Дойла… и Стёпу теперь за уши не оттащишь. И «физику» он слушает внимательно и просит ещё… А знаешь почему?

— Почему?

— Потому, что эти книги я ему читаю осознанно. Мне интересно то, что я читаю. Читая с интересом, я включаюсь и транслирую не только содержание книги, но ещё огромный поток информации. И Стёпа считывает эту информацию ничуть не хуже, чем слова…

— Что за информация?

— Мои эмоции, моё понимание прочитанного, мои мысли по поводу прочитанного…

— Хочешь сказать, что Стёпа читает твои мысли?

— А ты не знала, что дети хорошие экстрасенсы? О, они очень чувствительны. На уровне эмоций их обмануть невозможно. Они чуют фальшь за версту. И главное — они всё понимают. Вспомни себя в детстве…

— Но ведь это так не похоже на всех остальных… Ты хочешь, чтобы его дразнили «ботаником»?

— А ты предлагаешь подстраиваться под остальных?

— Нет, но…

— Не волнуйся, дорогая. Не будет Стёпа никаким ботаником. Вот недавно мы читали «Невидимку» Уэллса. А сейчас в «Занимательной физике» прочитали, что по физическим законам невидимка должен быть абсолютно слепым — потому, что свет должен преломляться в хрусталике глаза и фокусироваться на сетчатке. А у невидимки это невозможно, так как и хрусталик и сетчатка у него прозрачные, и ничего не преломляют и не фокусируют… Стёпа всё это слушал… слушал, а потом сказал что мир, в котором нарушаются законы физики гораздо интереснее. А если всё будет по закону, то обычный лягушонок даже полететь не сможет… Так что не переживай — зануда из него не вырастет.

— Я рада…

— Значит, ты не будешь возражать, если мы немножко позанимаемся проблемами подсознания?

Мама не могла ничего противопоставить папиному напору (подкреплённому дымовой завесой) и быстро сдала свои позиции. В полном единодушии они пришли на кухню, где их встречал радостный Стёпа, домывающий последнюю ложечку.

Папа с мамой посмотрели на Стёпу новыми глазами, и Стёпа не мог это не почувствовать.

— Вы такие красивые. Я вас очень люблю…

— И мы тебя очень любим, дорогой. Ты у нас самый лучший.

— Спасибо. Папа, я кажется придумал, как их подружить!

— Очень интересно…

— Им надо полюбить друг дружку!

— Не даром говорят: «Всё гениальное просто», — воскликнула мама.

— Ага, а ещё «Устами младенца…», — подхватил папа.

— Я даже знаю, как это сделать! — радостно продолжил Стёпа.

— Как же?

— Надо чтобы разум полюбил Душу. А Душа и так всех любит…

В этих простых словах было столько мудрости, что папа с мамой замерли, не веря своим ушам. Потом они оба разом почувствовали какое-то тепло, разливающееся вокруг них. И не сговариваясь, они кинулись к Стёпе и стали его радостно обнимать. И папа, и мама, да и Стёпа тоже почувствовали самое настоящее Счастье.

Перед сном Стёпа вспомнил своё обещание — раздобыть пистонов для друзей. Он полез в стол и извлёк оттуда самопал, сделанный из маминой прищепки, и маленькую коробочку с пистонами. Самопал представлял собой усовершенствованную прищепку, которую Стёпа с папой разобрали, пропилили в ней дополнительную бороздку и собрали таким образом, что пружина превратилась в спусковой механизм. Достаточно было её взвести, заложить пистон и «мушкет» был готов к выстрелу. Стоило надавить пальцем на пружину, раздавался выстрел, появлялось облачко дыма и вкусно пахло серой.

Стёпа иногда постреливал дома из этого самопала. В основном для запаха — ему нравилось нюхать этот синенький дымок. В коробочке оставалась ещё пара дюжин пистонов, и Стёпа не без сожаления упаковал всё это в пакетик — чтобы не замочить, и положил на тумбочку — чтобы утром не забыть.

Когда свет потух, Стёпа вспомнил всё, о чём они говорили с

Улей, и решил заняться своими мыслями. Он закрыл глаза и представил себе, что все его мысли — это стадо маленьких беленьких овечек, которые пасутся на лужайке и щиплют зелёную травку. Он — Стёпа, был пастушком, который смотрел за овечками. Ещё у него был помощник — дедушкин шмель Шарик. Шарик летал над овечками и следил за порядком.

Овечки были послушные, не разбегались — паслись себе мирно, помахивали хвостиками и жевали травку. Не то, что днём…

Стёпа полюбовался на эту идиллию и решил, что на ночь овечек лучше поместить в загончик — мало ли что с ними может случиться, пока он будет спать. Мысленно соорудив небольшой вольер из дощечек, Стёпа велел Шарику, чтобы тот построил овечек в один ряд. Потом отдал команду, и овечки стали по одной прыгать через заборчик. От нечего делать, Стёпа стал считать их:

— Одна, две, три…

Глава 12. Боль

Проснулся Стёпа, когда мама открыла дверь и ласково сказала:

— Стёпушка, вставай. Пора в садик.

Стёпа не сразу сообразил, что уже утро — всю ночь ему снились овечки, луга, поля, леса и прочие красивые места.

— А тот мир, где живёт Душа, не так уж и отличается от нашего, — подумал Стёпа.

На прогулке Стёпа прикрепил на себя пакетик с самопалом и поплыл на встречу со своими друзьями.

Черепашки были уже на острове и маялись от скуки.

— Мы тупеем на этой войне, — бубнил Атос.

— Се ля ви, — соглашался с ним Портос, ковыряя шпагой песок, а Арамис — тот и вовсе лежал и зевал во весь рот. Появление Стёпы было как нельзя кстати.

— Привет, друзья. Я вам кое-что принёс, — сказал Стёпа, извлекая заветный пакетик.

Друзья с интересом окружили Стёпу и стали наблюдать, как он заряжает самопал. Раздался выстрел, и мушкетёры одобрительно загудели.

— Ну-ка, дай я, — сказал Арамис, оттолкнув Портоса.

— Сударь, вы невежа, — добродушно сказал Портос, немного посторонясь.

Раздался ещё один выстрел, и Стёпа решил, что самое время ему отправиться к Уле. Он, под шумок, попятился назад и незаметно булькнул в воду.

Когда он приплыл на берег, Ули ещё не было. Стёпа вылез из воды и встал на то место, где обычно появлялась Уля. Вдруг, какая-то сила мягко отбросила его в сторону.

Стёпа упал на песок и увидел, что воздух на том месте, где он только что стоял, заколыхался так, как будто это был не воздух, а вода, если бы её перевернули вертикально и бросили в неё камень. Потом в центре этого возмущения возник Улин домик и упал на песок.

Стёпа сидел с открытым ртом и во все глаза смотрел на эти нарушения законов физики.

— Привет. Ты чего? — спросила Уля.

— Я стоял на этом месте, и меня что-то толкнуло.

— А, это волна. Это не страшно.

— Какая волна?

— Я точно не знаю. Знаю, что при полёте как-то искривляется пространство и образуется эта волна. Кажется, она

гравитационная… но я не уверена. Может быть, дедушка расскажет об этом подробнее… А как твои дела?

— Да, ничего… потихоньку. А у тебя как?

— У нас Маргарита Степановна заболела и сегодня с нами будет Клара Захаровна…

— А чем она заболела?

— Не знаю. Нам сказали, что заболела и всё.

— А у меня бабушка тоже болела в прошлом году…

— Это плохо…

— Конечно, плохо… Уля, а ведь дедушка Ульрих говорил, что нет ни добра, ни зла…

— Да, их нет. Вернее есть только добро. А зло делаем злом мы сами. Из добра.

— Квак это? — привычно квакнул Стёпа. Он уже почти перестал удивляться — с Улей всего можно было ожидать.

— Болезнь — это от слова «боль», правильно?

— Д-да.

— А как ты думаешь, боль — это плохо или хорошо?

— Плохо конечно. Что же в ней хорошего?

— Ну, допустим. Ты в автомобиле ездил?

— Да.

— Видел там приборы?

— Да.

— Видел там такую стрелочку, которая показывает — сколько осталось бензина?

— Да, видел.

— Там ещё есть такая красная лампочка, которая начинает мигать, когда бензин заканчивается и нужно срочно заправить бак…

— Да, но причём здесь боль?

— А вот причём. В баке с бензином находится специальный датчик, который следит за уровнем бензина и подаёт сигнал водителю. Это плохо или хорошо?

— Конечно, хорошо. Без этого датчика водитель не знал бы, сколько у него осталось бензина, и машина могла бы заглохнуть посреди дороги.

— Правильно. Наша нервная система — это сеть таких датчиков, которые расположены по всему телу. Они контролируют работу всего организма…

— А боль?

— А боль — это та самая красная лампочка, которая загорается, когда что-то не в порядке.

— А зачем?

— Ну, представь себе, что ты загнал занозу в ногу, а боли нет.

— И что?

— А то, что ты не будешь знать, что у тебя в ноге заноза. А если занозу сразу не вытащить — рана начнёт нарывать. Так можно получить заражение крови и даже потерять ногу.

— От маленькой занозы?

— Да, представляешь?

— Тогда ведь получается, что боль действительно хорошая — она спасает нам жизнь!

— Ну, так а я о чём?..

— А для чего нужна болезнь?

— Болезнь приходит вслед за болью. Если не искать причину боли — появляется болезнь. Так же, как если мигает красная лампочка, а мы не заливаем бензин. Тогда мотор заглохнет, может сломаться топливный насос. Придётся лечить машину…

— А что же тут хорошего?

— Я и не говорю, что болезнь — это хорошо. Или плохо. Это есть. Болезнь появляется тогда, когда мы не обращаем внимания на стрелочки и красные лампочки. Вместо того, чтобы следить за уровнем, и просто долить бензин в бак, мы заняты другими делами. А когда загорается красная лампочка — мы не думаем о баке и бензине, а начинаем всеми способами пытаться потушить эту лампочку…

— Как это?

— Ну, вот все эти таблетки «от головы» да «от температуры» — это именно борьба с лампочкой. Нам уже не до причин этих болей и температур. Главное — чтобы их не было. Мы боремся с болью, а не с болезнью…

— Значит, таблетки не нужны?

— Почему? Нужны, конечно. Просто надо правильно ими пользоваться. Они нужны не для лечения…

— А для чего?

— Для временного облегчения. Если голова перестала болеть и температура прошла, нельзя успокаиваться. Лечение на этом не заканчивается. Ведь эта температура и боль отчего-то произошли? Поэтому нужно искать причины…

— А где их искать?

— Нужно быть внимательными к себе. Любить себя. Заботиться о себе. Вовремя заливать бензин, менять масло и фильтры. Тогда болезнь и не придёт. И таблетки будут не нужны…

— А откуда ты столько знаешь про автомобили?

— Мой папа… — Уля внезапно погрустнела. — Он водил машину…

— А где он теперь?

— Случилось несчастье. Они с мамой ехали на машине, и попали в аварию…

— Ой, прости. Я не знал… мне очень жалко…

— Ничего. Грустно конечно… Я их очень люблю…

— А теперь они в том мире, где… Душа?..

— Да. Я часто их вижу во сне…

— А почему они… ну, почему их не стало? Разве авария — это не зло?

— Мне было очень тяжело это понять, но всё-таки дедушка смог мне объяснить…

— Неужели и правда… авария, смерть… это… Неужели это хорошо?..

— Помнишь, дедушка говорил, что не надо делить Мир на чёрное и белое?

— Да, помню…

— Это действительно так. Авария не может быть только злом или только добром. Она, как и всё в Мире, имеет свой смысл. Может быть, этот смысл будет нам не всегда понятным — надо просто принимать всё, что происходит с нами…

— Что значит принимать?

— Это значит понимать, что так было нужно…

— Кому было нужно?

— Ну, ты ведь уже знаешь, что мы — это не только тело, но ещё и Душа. Иногда то, что хорошо для тела — плохо для Души. И наоборот…

— Как это?

— Ну, к примеру, телу может нравиться много кушать, мало двигаться, лежать на диване и смотреть телевизор…

— Мне не нравится много кушать…

— Это хорошо. Но многим это нравится. Тогда Душа начинает страдать. Ей становится скучно. Ты же знаешь, что мы живём для того, чтобы с нами что-нибудь происходило… Потом появляются болезни, и уже тело начинает страдать, а Душе становится легче…

— Значит, болезни всё-таки нужны? Получается, что они лечат Душу?

— Да, это так. Если бы мы не делали ошибок, то многие вещи — такие как болезни, например, были бы не нужны. Но всё что существует — всё нужно. Всё имеет свой смысл. И самое главное — всё это создано нам на пользу. Нет в Мире ничего лишнего или вредного. Понять это — значит принимать Мир таким, какой он есть.

— А для чего нужна была авария?

— Всего нам знать не дано. Есть видимая причина — на

дорогу выскочила маленькая девочка, и папа этой аварией спас ей жизнь… Но это не главная причина. Его Душа, также как и мамина Душа выбрали этот путь…

— Ты хочешь сказать, что они сами… их Души… согласились на аварию?..

— Да, в это трудно поверить… Но Душа — она ведь всё знает… Ей виднее… Повторяю, причин много и не все нам видны и понятны. Многое кажется несправедливым. Со многим мы можем быть не согласны… надо принимать всё…

— Но я не хочу, чтобы мои папа и мама… чтобы их… — у Стёпы заблестели слёзы на глазах, и задрожал подбородок.

— Конечно, Стёпа. Этого никто не хочет. И я очень хочу, чтобы с тобой и с твоими близкими этого никогда не случилось. Но если случается неизбежное, как бы нам ни было тяжело, мы не должны впадать в уныние. Уныние — это протест против Мира. Несогласие с ним. Мир перестаёт быть твоим другом — ты отталкиваешь его и выбираешь вместо него уныние. А это уныние тоже нам ничем не поможет. Наоборот — отнимет у нас последние силы…

— А зачем Миру это… ну, чтобы мы страдали?

— Миру это не нужно. Наоборот — Мир так устроен, чтобы всем было хорошо. Он всех любит и хочет, чтобы все были счастливы. А страдания происходят из-за наших ошибок и непонимания того, что Мир от нас хочет. Или того, чего хочет наша Душа. Ведь наш разум, как и тело, очень не хочет перемен. Для него главное — это стабильность. Чтобы завтра было так же, как и вчера. Чтобы ничего не происходило, а если и происходило, то только «хорошее» — то есть то, что наш разум считает хорошим. Для него любая неожиданность — это скорее страдание, чем радость…

— А я люблю неожиданности и не хочу, чтобы завтра было так же, как вчера…

— Молодец… Вообще-то страданиями «занимается» наше эмоциональное тело. Есть у нас и такое. Для него главное — испытывать эмоции. И ему всё равно — страдание это или радость. Так что этим можно управлять. Судя по всему, у тебя это получается — твоё эмоциональное тело выбрало путь радости. У тебя ведь нет страданий?

— Нет. Ну… бывают, конечно, неприятности… Но это, наверное, для того, чтобы Душа не скучала?

— Не всегда. Бывает, что Душа не хочет, чтобы случились какие-нибудь неприятности. И Мир не хочет — ведь перед тем, как происходят неприятности, Мир нам шлёт сигналы, Душа шепчет, чтобы мы так не делали. Но мы не всегда обращаем на

это внимание. Совершаем ошибки. А в Мире всё связано. И одна ошибка рождает множество других ошибок. И их приходится исправлять…

— Как исправлять?

— Страдания — это и есть работа над ошибками. Тут всё справедливо… Но лучше, конечно, ошибок не делать.

— А что надо делать?

— Любить. Любовь подскажет правильный путь и облегчит его.

— А почему умирают маленькие дети? Их Душа тоже этого захотела?

— Для Души смерть — это не проблема. Ведь наша жизнь — это игра… или работа. Как, например… водолаз. Он спускается под воду для того, чтобы выполнить какую-то работу. Иногда это надолго, а иногда — всего на несколько минут. Так и Душе бывает достаточно пожить несколько дней…

— А что может сделать Душа этого ребёнка за несколько дней?

— Например — дать хорошего пинка родителям ребёнка, без которого они не могут двигаться дальше…

— Разве это… справедливо?

— Конечно…

— А что такое справедливость?

— Справедливость? Я думаю, что это что-то неопределённое.

— Почему?

— Ну… потому, что слово справедливость происходит от слова «правда». А правда может быть у каждого своя. Правда — это только часть Истины. И, хоть, правда — это не ложь, но это и не Истина…

— А что такое истина?

— Истина — это то, как есть на самом деле, учитывая все возможные обстоятельства — знаем мы о них, или нет.

— Как это?

— Ну, например… Вода мокрая. Это правда. Вода жидкая — это тоже правда. Вода прозрачная — тоже. Вода пресная — тоже. И так далее. А Истина — это если собрать ВСЕ качества воды в одно целое… И что тогда есть справедливость? Ты будешь говорить, что вода мокрая и требовать зонтик, считая это справедливым. А я буду говорить, что вода жидкая и справедливо будет взять чашку. Мы оба будем правы и, если случится не по-нашему, мы будем считать, что с нами обошлись несправедливо.

— А что же делать? Ведь все хотят, чтобы было справедливо…

— А всё и так справедливо. Мир справедлив. По-другому и

быть не может, потому что это закон мироздания. Всё в Мире основано на справедливости. Только это высшая справедливость, где вместо правды стоит Истина… Вот только принять такую справедливость могут не все…

— Почему?

— Потому, что никто не знает Истины. Вот ты, например… Ты знаешь все качества воды?

— Н…нет.

— И я не знаю. Так и со всем остальным. Мы не знаем всего, а требуем справедливости, исходя из наших представлений о ней. Не учитывая всех обстоятельств. Иногда это совпадает. Тогда мы говорим, что справедливость восторжествовала, «добро» победило «зло» и так далее. А когда «зло» побеждает «добро» — мы говорим, что нет в мире справедливости. Не понимая того, что нет ни добра, ни зла, а есть сплошная справедливость…

— А говорят, что истина рождается в споре…

— Нет, это не так… Истина… она вечная… она не может рождаться, не может умирать… А в споре она скорее умрёт, чем родится…

— Почему?

— Потому, что спорящие не слышат друг друга. Они пытаются навязать своё мнение другому, заранее считая, что другой не прав…

— Но ведь из двоих спорящих кто-то ведь не прав?.. Ведь они спорят об одном и том же…

— Ты так думаешь? А я считаю, что любой спорящий всегда прав… Даже если он утверждает всякую… чушь…

— Как это?..А если я скажу, что… молоко… чёрное?

— И будешь прав. Если молоко долго кипятить, то оно будет чёрное…

— А если я скажу, что… Солнце холодное…

— Тоже будешь прав… В параллельной Вселенной, например…

— А если я скажу, что в нашей Вселенной Солнце холодное…

— Если его сделать из… мороженого, то оно будет холодным…

— А если я скажу, что наше настоящее Солнце холодное…

— Всё равно это возможно… Не веришь?

— … Нет.

— Ну, хорошо… Что ты подразумеваешь под словом «холодное»?

— Ну… не горячее…

— Хорошо… Если температура воды будет 5 градусов, то вода будет холодная?

— Д-да…

— А если 50 градусов — то горячая?

— Да.

— Значит, разница между холодным и горячим получается 45 градусов. Так?

— Д…да, — не сразу ответил Стёпа, что-то подсчитав в уме.

— Отлично. Так вот, наше Солнце ужасно холодное по сравнению со звездой по имени Вега, температура которой на 3000 градусов больше… Что скажешь?

— Ну… ничего…

— И правильно. Спор ради спора — глупое занятие… Лучше не спор, а обмен мнениями — когда я слышу тебя, а ты слышишь меня… Истины мы, конечно, не родим, но правду точно узнаем…

— А помнишь, мальчишки отняли у Яны запонку. Ведь это было несправедливо. А мы вернули её, и это было справедливо. Значит, справедливость всё-таки существует?

— Конечно, существует. Я говорю, что несправедливости не существует. В том, что мальчишки отняли у Яны запонку, виновата сама Яна. Ей не нужно было брать без спросу. Возможно, что её Душа сама попросила мальчишек преподнести ей этот урок. Потом она раскаялась, и её Душа привела Яну к нам. Так что, как говорится, наказаний без вины не бывает…

— Да-а. Как всё сложно… Значит, нужно очень много всего знать, чтобы понимать, что всё в Мире справедливо?

— Не обязательно. Достаточно знать, что справедливость ВСЕГДА торжествует, а несправедливости не существует — так же, как и тьмы. Надо помнить об этом… ну, или верить в это — кому как удобней… Даже тогда, когда кажется, что Мир к нам несправедлив.

— А тебе было очень тяжело, когда твои родители… когда их не стало?

— Конечно. Мне и сейчас тяжело, но могло бы быть намного тяжелее… Если бы не дедушка… Он мне очень помог.

— А какие ты сделала ошибки? Почему ты должна страдать?

— Скорее всего, здесь вопрос не «из-за чего», а «для чего». Вряд ли я успела в этой жизни наделать столько ошибок…

— А может быть это карма? Мы смотрели с папой передачу про… сейчас вспомню… причинно-следственную связь всех событий. Она называется Карма. Может быть, ты в прошлой жизни чего-то натворила?

— Нет, не думаю. Страдает ведь не Душа. Даже когда «плюют в душу», страдает при этом сознание. Наша Душа чиста и не может ничего «натворить». Ошибки совершает наш разум. Но он умирает после того, как умирает наше тело. И в этой жизни у нас

уже новый разум, который ещё не успел ничего натворить. Так что Карма может касаться только этой жизни.

— А если кто-то рождается больным или калекой, разве это не наказание за прошлую жизнь?

— Думаю, что нет. Скорее всего, его Душе не хватает именно такого опыта. Это тоже тот случай, когда не «из-за чего», а «для чего»… А вот родители этого ребёнка вполне возможно, успели наделать ошибок и получили то, что заслужили. Я уже говорила тебе, что мы не можем знать всех причин, поэтому лучше всего принимать всё с благодарностью, платить по долгам, и не создавать новой Кармы.

— А почему ты думаешь, что Душа не может ничего такого натворить? Ведь это она любит «приключения»…

— Понимаешь, Душа… она как артист, у неё каждая новая жизнь — это ещё одна роль. Она играет. Иногда она играет добрую воспитательницу в садике, а иногда злого разбойника. Как ты думаешь, нужно ли наказывать артиста за то, что он играет роль злого разбойника?

— Ну…

— Помнишь фильм про мушкетёров? Разве Маргарита Борисовна должна отвечать за то, что «отравила» Ирину Ивановну?.. Или Михаил Сергеевич… скольких он отправил на тот свет?

— Д-да… Но то кино… а это — жизнь…

— Пойми, для нашей Души жизнь — это то же самое, что для нашего разума кино. То же самое. И в фильме и в жизни должно что-то происходить. Жизнь так устроена. Всегда кто-то кого-то убивает. Даже растения. В джунглях, когда не хватает света, между деревьями начинается самая настоящая битва. И выживает сильнейший…

— А как же те, кого убивают? Каково им?

— Наказаний без вины не бывает, мы уже говорили об этом. Если кто-то погибает, значит так нужно. Его телу… его Душе… его родственникам и близким — это уже не так важно. Очень часто Души разбойника и жертвы заранее «договариваются» о том, кто кого должен убить. Для разума это кажется чем то ужасным, согласна, но… так устроен Мир. Что поделаешь? Ты ведь тоже должен кушать. А комары и мухи живые. У них тоже есть дети…

— Но я же…

— Не волнуйся. Если без этого нельзя обойтись, то в этом нет ничего страшного. Люби — и делай всё, что считаешь нужным. Главное — слышать голос Совести. Душа никогда не позволит совершить что-то недостойное. Убийцы, которые убивают ради

забавы или из корысти, не слушают голос своей Души, которая им «кричит», чтобы они этого не делали. И они за это ответят, даже не сомневайся. Есть, правда, и те, кто совсем не слышит своей Души, но они живые мертвецы и у них нет будущего…

— Но ведь Душа должна контролировать разум! Она ведь главная. Как же она может допустить, чтобы разум её не слышал и делал всё, что захочет?

— Да, ты прав. Если наш разум совершает что-то, чего не хочет Душа, то она может использовать Карму как инструмент для того, чтобы помешать разуму, а затем и телу совершать ошибки… Но не забывай, что над Душой находится Мир. Это Его Игра. Это Он дал разуму свободную волю и позволил ему играть в его игры. Если бы не было игр нашего разума, Мировая Игра была бы совсем неинтересная… Так, что не волнуйся. Всё, что случилось — должно было произойти, а всё, чего произойти не должно — не случится. Даже волосок не упадёт, если не будет на то Высшей Воли. Всё на полном контроле…

— А что это за Мировая Игра?.. Во что?

— В нас. Мир, разделившись на Души, играет сам с собой. Поэтому всё, что с нами происходит, допускается Миром в рамках Его Игры…

— И плохое?

— Да нет же… Пойми, что нет никакого мирового Зла, которое только и ждёт — когда же Мир отвернётся… И вот тогда оно — Зло покажет всем кузькину мать… Да, конечно, многие уверены в том, что стоит только Миру зазеваться, как Зло моментально укокошит всё Добро… заморозит Деда Мороза, Снегурочку и Санта Клауса… Передушит всех его оленей, съест всех зайчат, сделает котлеты из бегемотиков, утопит всех котят, щенят и… утят заодно, украдёт Луну, Солнце и… Венеру с Юпитером, загубит все души и… покроет Землю метровым слоем этих… рептилоидов… Вот.

— А как на самом деле обстоят дела?

— На самом деле Мир никогда не спит. Всё, что случается — происходит с Его позволения. Наша воля находится в рамках Его Воли и никогда не выйдет за эти рамки. Никакой Гитлер не сможет навязать свою волю Миру. Это Мир позволяет гитлерам играть в их игры — до поры до времени, конечно.

— Но ведь Гитлер же… принёс столько горя, всем… Как же Мир допустил это?

— Так же, как Он допускал эпидемии, катастрофы и катаклизмы. Гитлер — это с точки зрения Мира ещё одна чума… или астероид… Кроме того, один Гитлер ничего не смог бы сделать. Были другие силы, которые и привели Гитлера к власти,

а потом толкнули его в бездну…

— Но зачем?.. Неужели Миру нравится играть в такие… стрелялки? Есть же другие игры…

— «Черепашки-Ниндзя»?..

— Ну… не только, — сконфузился Стёпа. — Ещё шашки… шахматы…

— А что, разве в шашках или шахматах никого не убивают?

— Ну… убивают… Но это же… неправильно… Не надо никого убивать…

— Хочешь сказать, что Мир такой глупый… и не знает, во что Ему играть?..

— Нет… но… я не знаю…

— Вот именно. Всего нам знать не дано. Думаю, что нам всем НАДО было пройти через эти испытания. Не Мир в этом виноват. Он предложил всем на выбор несколько вариантов игры. Можно было пойти совсем по другому пути. Без крови и горя. Но мы сами выбрали Гитлера… Не мы с тобой, конечно… Если бы все были такие, как мы с тобой, Мир был бы совсем другим… Понимаешь? Мы способны изменить Мир. Надо всегда помнить об этом…

— А что же Гитлер? Неужели, ему ничего не было за то… что он ТАК изменил Мир?

— Не волнуйся, Гитлер своё получил сполна. И не только в этой жизни. Если Мир позволил ему сделать всё, что он сделал, это ещё ничего не значит. Мир именно ПОЗВОЛИЛ, а не заставил его. И закон Кармы именно для этого и предусмотрен. А Карму не обманешь. И не договоришься с ней. Она слепа и глуха. И действует молниеносно. Это и есть Справедливость. Как только Гитлер стал не нужен — его не стало. А что с ним случилось дальше… нам лучше об этом не знать.

— Почему?

— Спать будем спокойнее, — улыбнулась Уля и так взглянула на Стёпу, что ему вдруг на мгновение стало жалко несчастного Гитлера.

— А… его Душа… он совсем её не слышал?

— Дедушка говорил, что в редких случаях Искра Души покидает нас и возвращается туда, откуда она пришла. Все наши тела при этом сохраняются — на какое то время — но без Искры они долго существовать не могут, и конструкция начинает постепенно рассыпаться. Это очень болезненный процесс. Не столько физически, сколько… не знаю, как сказать… Я уверена, что даже тот, кто испытал на себе весь этот ужас, не сможет описать его…

— Значит, Гитлер… потерял свою… Душу?

— Да, думаю, что с Гитлером именно это и случилось. Его современники рассказывали, что он очень изменился после начала войны. Даже голос его изменился. Думали, что это уже не сам Гитлер, а его двойник. А это был самый настоящий зомби — живой труп.

— Ой, как страшно… А что с ним случилось дальше?

— Рассыпался, как песочный зАмок. На всех уровнях. Потерял все свои тела. Всё, что строилось миллиарды лет, было разрушено за считанные годы. Это… это ужасно. Я не представляю себе, что может быть хуже… Наверное, только полное Одиночество… Хотя, скорее всего, и это с ним тоже случилось. Думаю, что после смерти физического тела, его сознание испытало весь ужас Одиночества. Самоубийцы, кстати, испытывают то же самое…

— А кто такие самоубийцы?

— Те, кто сами лишают себя жизни.

— Как это?

— В прямом смысле — убивают себя.

— А зачем? — Стёпа поверить не мог своим ушам, и ужас в его глазах смешался с интересом.

— Из-за малодушия. Их сознание полностью перекрывало им доступ к Душе. Они оставались без опоры и… не знали, как дальше жить. Тогда они решали, что вправе распоряжаться своей жизнью так, как им заблагорассудится… Хотя Мир, конечно же, не давал им такого права. Поэтому и участь их после смерти тела тоже незавидная. Они отказались от Любви, а значит — выбрали Одиночество…

— Навсегда?

— К их счастью — нет. Но очень надолго. Хоть там и нет времени, но их сознанию будет казаться, что прошло уже много тысяч лет…

— Но ведь это же… самое страшное на свете… Это же настоящая Смерть…

— Вот именно. Тем более, что всё это «время» ты не знаешь — сколько тебе придётся пробыть одному в этой Тьме и вернёшься ли ты когда-нибудь к Жизни…

— А Гитлер? Он уже не вернётся к Жизни?

— Нет, без Искры никто не может жить. Душа покинула его, а сознание ещё многие-многие годы распадалось (а может быть и до сих пор распадается) в ужасных муках…

— А разве сознание находится не в мозгах?

— Нет. Наше сознание — это ещё одно наше тело. Ментальное. После смерти физического тела, ментальное тело, так же, как и эфирное и другие тонкие тела, продолжает своё существование ещё какое-то время. Иногда очень

продолжительное. Но, в конце концов, все тела прекращают своё существование, передав Душе накопленную ими информацию… Но только информацию. Никаких «грехов» Душа получить не может.

— Значит, Душа Гитлера не повинна во всех этих… смертях?

— Во-первых, не забывай, что смерти нет. Есть развитие. Смена форм… Да, страшно потерять тело или потерять близких… Но, если ты теряешь тело, защищая свою Родину… это… такой огромный шаг в твоей эволюции… Ты не представляешь себе… Твоя Душа при этом получает так много… такой слой сияющего перламутра… Не даром все древние воины мечтали погибнуть в бою с мечом в руках и боялись умереть от старости в тёплой постели… А что касается вины… Да, Душе отвечать не за что, поэтому и страдать она не может.

— А ты не знаешь, для чего тебе нужны твои страдания?

— Пока не знаю. Но я очень многое поняла, благодаря им. И ещё многое пойму. Скорее всего — моя Душа решила пройти таким коротким путём…

— Значит, твоя Душа «договорилась» с Душами твоих родителей… чтобы… всё это случилось?.. Значит, она знала, что они погибнут?

— Конечно. Наши Души всегда и всё «знают».

— А что ты поняла, благодаря этой аварии?

— Мне сложно ответить. Я стала… мудрее, что ли. Не знаю, как тебе объяснить. Самое главное — я поняла, что нужно ценить то, что имеешь. Не уставать благодарить Мир и своих близких. Говорить им тёплые слова. Помогать им и никогда не сердиться на них.

— А ты часто сердилась на папу с мамой?

— Нет, не часто. Но после того, что случилось, мне очень хотелось… хочется сказать им что-то важное, тёплое…

— А ты… во сне не пробовала?

— Конечно, пробовала. Я всё время говорю с ними во сне, но… всё равно это не то. Только здесь можно что-то изменить… Хотя, конечно, мне стало намного легче, спокойнее на душе… Хочу тебе сказать, Стёпа, не стесняйся тёплых слов для своих близких, и не откладывай на потом… Гораздо лучше «передать», чем «недодать». Когда-нибудь ты это обязательно поймёшь, а я поняла в тот момент, когда потеряла…

— Хорошо, спасибо за совет, Уля. Я, кажется, понял… почувствовал сейчас то, что ты сказала. Не головой понял, а…

— Сердцем, Душой… Я рада. Стёпа, ты не представляешь себе, как это много. Я отдала бы всё на свете за то, чтобы знать… чувствовать это тогда… до того, как всё случилось…

Стёпа почувствовал, как комок подступил к его горлу. На мгновение Уля стала ему ближе и роднее всех на свете. Повинуясь этому чувству, Стёпа обнял Улю и так они простояли целую вечность (хотя прошло всего несколько секунд).

— Уля, а вот ты такая… взрослая. Тебе не скучно в детском садике? — спросил Стёпа, украдкой смахивая слезинки с глаз. Он решил сменить тему, чтобы совсем не расплакаться.

— Нет, ни капельки, — улыбнулась Уля. Это я попросила дедушку, чтобы он меня сюда устроил. Раньше, когда были мама и папа, я была дома. А теперь не могу долго быть одна. Да и группа у нас хорошая. Мне с ними интересно, даже бывает весело. Они такие забавные…

— А я мог бы тебе чем-нибудь помочь?

— Спасибо тебе, Стёпа. Ты и так мне помогаешь. Мне очень хорошо с тобой…

— И мне с тобой…

Стёпа опять посмотрел Уле в глаза и вдруг понял — что значит принимать Мир таким, какой он есть. Он понял без слов, что принимать Мир — это вовсе не значит соглашаться со всем, что происходит, и ничего не делать. Нет. Не для этого мы рождаемся. Мы нужны Миру не как истуканы — Миру нужны сотрудники. Не только мы меняемся в процессе жизни, но и Мир меняется. И меняем его — мы. Мир доверяет нам, а значит, и мы должны доверять Миру. Принимать Его — то есть принимать правила Его Игры. И действовать. Именно для этого нам дана свободная воля, пусть и ограниченная правилами Игры. Мы не должны разочаровывать Мир. Мир не должен скучать, глядя на нас. Мы должны радовать Его. Ему должно быть интересно с нами. И пусть мы будем ошибаться — не ошибается только тот, кто ничего не делает. Если мы будем любить, наши ошибки не будут тяжёлыми. Мир будет помогать нам. И мы будем счастливы. Ведь счастье — это награда, которую Мир придумал для нас. От нас требуется немного — любить. Чувствовать своё единство со всем и со всеми. И тогда можно внешне реагировать на всё так, как посчитаешь нужным. Можно делать замечания грубияну, защищать слабых и наказывать хулиганов… Можно сражаться с врагами, которые пришли нас убить. Можно даже убивать их — если нет другого пути. Но без ненависти. Жалея их… Как родители — наказывают своего ребёнка, продолжая его любить. Все вокруг наши братья и сёстры. Даже, если они меньшие. И все мы равны. У нас не должно быть чувства превосходства ни перед кем. Никакие мы не «цари природы». Мы её дети. Каждая травинка ждёт от нас любви, а не равнодушия или высокомерия. И тогда никакая змея нам не страшна. Ведь

змея тоже дитя природы. А если уж нам суждено быть съеденными — то и это надо принимать с любовью. Смерти всё равно нет. Будет просто перезагрузка. Заснём и проснёмся. Получим новое тело и новую, интересную жизнь. Змея тут не виновата, так же, как и мы не виноваты в том, что едим комаров и мух. Никого нельзя осуждать. Ни за что. Неизвестно ещё, как бы мы повели себя в тех или иных обстоятельствах, о которых мы часто и представления не имеем. Всех — без исключения, не только можно, но и нужно прощать. Даже самых-пресамых… Только оказавшись на их месте и поступив так, как нам кажется нужно было бы поступать в таких случаях, мы имели бы право осудить их. Но это невозможно, поэтому и судить никого мы не можем. В душе. Убить можем, а судить не можем — такой вот парадокс…

Всё это Стёпа понял за один миг — глядя Уле в глаза.

— Всё-таки иногда полезно смотреть в глаза, — подумал он.

— Завтра суббота, приходи к нам в гости, — пригласила Уля.

— Хорошо. Обязательно приду.

— Ну, тогда — до завтра.

— До завтра, — сказал Стёпа и задержался немного, чтобы увидеть, как Уля исчезнет.

Уля спряталась в домик, потом воздух опять спружинил и домик растворился.

— Так, волна значит. Надо будет изучить эту волну как следует, — подумал Стёпа, решив, что в этой волне и есть главный секрет Улиных полётов.

Глава 13. Время

Вечером за ужином Стёпа смотрел на родителей с такой нежностью, что мама даже удивилась:

— Стёпушка, что с тобой? Ты такой необычный сегодня…

— Ничего, просто я вас очень сильно люблю…

Мама обняла Стёпу, а папа поцеловал его в макушку и почувствовал в горле какой-то комок. Он закашлялся, а Стёпа с тревогой посмотрел папе в глаза.

— Папа, почему ты кашляешь? — спросил он.

— Да, что-то в горле запершило… Наверное, потому что курю, — папа не хотел показать свою сентиментальность.

— А почему ты куришь?

— Не знаю. Это помогает мне думать…

— А что помогает думать маме?

Вопрос был не в бровь, а в глаз.

— Гм… Ну…

— А и в правду, дорогой. Бросал бы ты эту свою соску. Большой уже — хватит.

— Да я и сам собирался…

— Вот и отлично. Для здоровья это очень вредно.

— Да, я знаю. Рак лёгких там…

— А вот и не только это. Оказывается, от табачного дыма все сосуды полимеризуются — становятся как бы пластмассовыми. Это из-за смол, которые содержатся в дыму…

— Ох, какие страсти…

— Да, представь себе. Очень многие курильщики потом не могут ходить. Оно тебе надо?

— Уф. Ну ты…

— И не только сами курильщики, но и их близкие. Мы ведь тоже вынуждены нюхать твои… никотины и… бензопирены…

— Бензпирен…

— Папа, я не хочу чтобы ты болел, не кури пожалуйста, — взмолился Стёпа.

— Ну, хорошо. Я попробую…

— Не попробую, а сделаю, — поправил его Стёпа. — Никаких сомнений — и тогда у тебя всё получится!

— Хорошо. Непременно брошу курить… с понедельника… Да, кстати. У меня для вас хорошая новость. В воскресенье мы все едем в деревню к бабушке с дедушкой. Начинается лето и у меня будет отпуск. Мы с мамой побудем недельку — другую в деревне, потом вернёмся. А ты, Стёпа, останешься на всё лето с бабушкой и дедушкой…

— Ура! — Стёпа подпрыгнул от радости. Он очень любил и деревню, и бабушку с дедушкой, и Шарика и… да вообще, Стёпа теперь любил всё. Вот только расставание с Улей его не радовало…

После ужина папа долго рассказывал Стёпе про материю и антиматерию, про тёмную энергию, Большой Адронный Коллайдер и античастицы. Стёпа очень любил такие разговоры. Особенно перед сном. Он просил выключить свет — так было ещё интереснее, и с замиранием сердца слушал про глубины космоса, про чёрные дыры, сверхновые и пульсары, про мельчайшие частицы — электроны, фотоны и нейтрино. Особенно ему нравились объекты, названия которых начинались на «ква». Когда речь заходила о квантах, кварках или квазарах, Стёпа оживлялся и привставал на подушке. Но больше всего ему понравилось название огромной звезды Бетельгейзе. Оно завораживало Стёпу своей необычностью и далёкостью.

Перед сном Стёпа захотел проведать своих овечек. Он осмотрел хозяйским взглядом всех, и вдруг заметил среди беленьких овечек одну чёрненькую. Она была такая же, как и все. Так же жевала травку и махала хвостиком. Стёпа раньше её не видел и решил узнать — в чём тут дело.

— Привет, как тебя зовут, — спросил её Стёпа.

— Никак. Я твоя мысль.

— А о чём ты думаешь?

— Думаешь ты. Меня.

— А… о чём… ты?

— Я о том, что лягушки летать не могут. Что существует гравитация и закон всемирного тяготения.

— Оп-па… новости… Но, ведь есть же ещё и антигравитация… тёмная энергия…

— Мне об этом ничего не известно.

— Ну, так вот — я тебе сообщаю…

— Ты меня извини, конечно, но твоего авторитета мне не достаточно…

— Почему моего? Это учёные говорят…

— Я не слышала. А вот то, что я тебе сказала, я слышала как раз от учёных.

— А ты бывала на совете учёных?

— Нет, это не обязательно…

— А… здесь ты что делаешь? Тут, наверное, тебе скучно? Может быть, отправишься куда-нибудь… подальше?

— Нормально мне здесь. Еда есть. Волков нет. Что ещё нужно?

— Ну… может быть, ты захочешь… погулять?.. Я тебе

разрешаю…

— Спасибо, но мне и здесь хорошо.

— Вот упрямая, — подумал Стёпа и решил, что пока эта Чернушка в его хозяйстве, о полётах можно и не мечтать.

На следующий день после завтрака была передача «Очевидное — невероятное». Стёпа с папой не пропускали ни одного выпуска. И сейчас — как только заиграла музыка заставки, Стёпа с папой поспешили к телевизору.

— Добрый день, — поприветствовал телезрителей ведущий — профессор Квапица. — Сегодня мы поговорим о телепортации. У нас в гостях известный уфолог, доктор Квассерман.

— Здравствуйте, — поздоровался известный уфолог.

— Папа, а что такое уфолог?

— Это тот, кто занимается проблемой летающих тарелок.

— А что это за тарелки такие?

— Я думаю, что он сам всё расскажет. Давай послушаем.

— Мы не случайно пригласили в гости именно специалиста по Неопознанным Летающим Объектам, — продолжил ведущий. — Уфологи сходятся на том, что в принципе движения НЛО заложена так называемая телепортация…

— Да. Вы, несомненно, правы, коллега. Многие очевидцы замечали, что НЛО двигаются совсем не так, как двигаются известные нам летательные аппараты. Это безинерционное движение. То есть эти аппараты ведут себя так, как им заблагорассудится. Они могут зависать в воздухе. Потом мгновенно ускоряться. Потом так же мгновенно останавливаться. Могут поворачивать в воздухе под прямым углом, и так далее. С точки зрения обычной физики такое движение невозможно. Квантовая физика допускает подобные кульбиты, но в данном случае речь идёт не о частицах, а о довольно массивных телах…

— Да, если представить себе такое движение, скажем на автомобиле или самолёте, то все пассажиры этих аппаратов должны были бы испытать неимоверные перегрузки…

— Они попросту превратились бы в лепёшки.

— Так что же там происходит?

— Я полагаю, что у НЛО принципиально иной способ передвижения и называется он телепортация.

— А что она из себя представляет?

— Если в двух словах, то этот метод заключается в том, что объект в исходной точке как бы разбирается на атомы и потом перемещается в пространстве по определённому каналу до конечной точки. Там он опять «собирается» в единое целое. Этим и объясняется то, что объект внезапно исчезает, а потом так же внезапно появляется, но уже в другом месте.

— Замечательно. А что это за канал, по которому передаются атомы?

— Это может быть как известный нам лазерный луч, так и лучи других типов, не известные науке. Таким образом, переброска может быть осуществлена из одного конца Вселенной в другой конец.

— А с какой скоростью осуществляется эта переброска?

— Я полагаю, что речь идёт о лучах, которые имеют иную природу, нежели свет, поэтому такого понятия как скорость может не существовать. Взять, например, так называемые Торсионные Поля. Там перемещение происходит с бесконечной скоростью, то есть мгновенно…

— Значит, Теория Относительности там не работает?

— Теория Относительности уже и здесь не работает. По последним данным учёных скорость света…

— Кхм… Простите, коллега. Это несколько другая тема… А каким образом происходит эта разборка и сборка? Там ведь могут находиться живые организмы?

— К сожалению, на этот вопрос точного ответа пока нет. Известный эээ… учёный — Мичио Кваку предположил, что… — дальше последовал набор таких странных слов и терминов что не только Стёпа, но и папа тоже сидел и хлопал глазами, ничего не понимая.

Однако Стёпе эта идея понравилась.

— Наверняка Уля тоже телепортирует, — решил он.

Стёпа стал рассуждать, каким образом Уля может разобрать себя на маленькие кусочки, а потом собрать и ничего при этом не перепутать. Воображение Стёпы так разыгралось, что он уже представлял себя, распадающегося в пыль — как в фильме «Джуманджи», затем летящего по неведомой трубе в виде пылинок-атомов. Потом эта пыль стала собираться опять в Стёпу. Но этот новый Стёпа был уже не тот, что раньше. Он посмотрел на свои руки и увидел, что вместо пальцев рук у него пальцы ног, да ещё и с перепонками. А на ногах — пальцы рук. Стёпа в ужасе замотал головой и увидел бородатого доктора Квассермана, который протирал очки и прощался с профессором Квапицей.

— Спасибо за интересную беседу, — отвечал ему ведущий. — До свидания. Мы прощаемся с вами, дорогие телезрители до следующей передачи.

— Папа, а в этих летающих тарелках что, еда?

Папа рассмеялся и потрепал Стёпу по голове.

— Нет, малыш. Там, скорее всего, едоки.

— А что они едят?

— Наверное, какую-нибудь биомассу из тюбиков.

— А почему из тюбиков?

— Потому, что в космосе невесомость, и обычная еда будет разлетаться в стороны и размазываться по всей… тарелке.

— А они не перепутают еду и зубную пасту?

— Ну, наверное, на этот счёт у них что-то предусмотрено. Хотя, я думаю, что их космическая еда на вкус не сильно отличается от зубной пасты…

— А почему?

— Да я не представляю себе, как можно мамины мухлеты или бабушкины пирожки упаковать в тюбик, и чтобы они при этом были такие же вкусные.

— А для чего эти пришельцы к нам прилетают?

— Ну, интересно им посмотреть на нас. Вот ты — разве не хотел бы посмотреть, как живут на других планетах?

— Хотел бы. Только чтобы меня для этого не разбирали на кусочки…

— Да, тут ты прав. Я бы тоже не хотел, чтобы меня пересылали в виде атомов…

После передачи самое время было погулять. Стёпа попросил папу спустить велосипед и отправился к Уле с дедушкой, за которым он уже успел соскучиться. По дороге Стёпа по-приятельски разговаривал с Велей, и оглянуться не успел, как прибыл на место.

Уля с дедушкой очень обрадовались ему. На столе появился самовар и Стёпино любимое вишнёвое варенье.

Дедушка Ульрих опять внимательно посмотрел на Стёпу, отчего Стёпа опять застеснялся.

— Ну, как твои успехи? Уля мне рассказала, что ты нашёл общий язык с черепашками.

— Да, мы теперь с ними друзья.

— Вот и отлично. Больше тебя ничего не тревожит?

— Нет… Вот только бы поскорее научиться летать…

— Поскорее, говоришь?

— Да, я не лю… Я очень хочу, чтобы поскорее…

— А знаешь ли ты Стёпа, как это называется?

— Что называется?

— Твоё желание «поскорее»…

— Нет, не знаю.

— Это называется жадничать по отношению ко Времени. А Времени не нравится, чтобы его подгоняли…

— А оно что, тоже живое?

— Ну, мы же уже договорились, что всё в Мире живое…

— Но я думал, что всё — это то, что видно… что можно потрогать…

— Нет, дружок. В Мире есть очень много вещей, которые потрогать нельзя.

— А Время… какое оно?

— Оно у каждого своё.

— Кв… Как это?

— Ну, как такового, времени вообще не существует. Вернее, оно есть, но совсем не такое, как мы себе его представляем. То, что мы считаем временем — это иллюзия. Но всё, что мы наделяем свойствами, оживает и становится живым существом.

Дедушка увидел, что Стёпа вообще ничего не понял из того, что он сказал и улыбнулся его растерянности.

— Ну, вот, к примеру — возьмём мир, в котором живут наши мысли. Это такой же мир, как и наш, только материя в нём более тонкая. Мы можем проходить сквозь неё и не чувствовать, — дедушка провёл рукой по воздуху. — Вот я сейчас погладил мои мысли…

Стёпа во все глаза смотрел на то место, где дедушка провёл рукой, но так ничего и не увидел.

— Все наши мысли живые и состоят из материи. Это надо осознавать и не наполнять мир недостойными мыслями…

— А как можно увидеть мысли?

— Пока это невозможно, но когда-нибудь появятся и такие приборы.

— А откуда известно, что мысли — это материя и их можно увидеть?

— Во все времена были мудрецы, которые знали гораздо больше, чем официальная наука…

— А почему эти мудрецы не занимались официальной наукой?

— Не все знания могут быть достоянием общественности…

— А почему?

— Общественность должна быть готова к этим знаниям. Иначе она может употребить их себе во вред.

— А какой вред от того, что все смогут увидеть мысли?

— Ах, Стёпа. Мы такие уникальные существа, что можем употребить себе во вред даже варенье, — улыбнулся дедушка. — Хотя, думаю, что в данном случае это просто нерасторопность наших учёных. Они долго не верили, что существуют бактерии. Потом появился микроскоп, и спорить стало бесполезно. Так же будет и с мыслями. Думаю, что «миело…визор» — это дело времени.

— А как выглядят мысли?

— Все по-разному. Чем лучше мысль — тем красивее она выглядит. Ты хозяин своих мыслей, и можешь придавать им

любую форму, — сказал дедушка, подкручивая себе ус. — Так же и наши привычки — это тоже живые существа. Мы их родители. Мы их кормим, и они живут за счёт нашей энергии…

— А что такое привычки?

— Ну, вот например — привычка спешить. Это вполне живое существо, которое живёт вместе с тобой, питается твоей энергией и иногда руководит твоими действиями…

— Она что, как пиявка?

— Не совсем. Пиявка просто сосёт кровь и не может управлять тобой, а привычка иногда может полностью подчинить твою волю себе…

— Она плохая?

— Нет, конечно. Она твоя… дочка. Ты сам её вырастил. Она не имеет своей воли, она просто есть и всё. Это мы называем привычки вредными, хотя они тут ни при чём. Вредим мы себе сами. А привычки ни в чём не виноваты. Так же, как и пиявка не виновата в том, что должна питаться кровью. Привычке нужно кушать для того, чтобы жить. Вы с ней связаны энергетическим проводком, и когда она «хочет» кушать — ты начинаешь спешить.

— А что же мне делать? Если я перестану спешить, она умрёт… я её убью?

— Она просто исчезнет. Ей не будет больно или плохо. У неё нет сознания, чтобы думать. Это просто облачко энергии. Есть подпитка — оно есть, нет питания — оно исчезает, как будто выключаешь телевизор.

— А привычка курить такая же?

— Точно такая же, как и все остальные.

— А почему тогда так сложно бросить курить?

— Потому, что к тому времени, когда мы захотим бросить курить, эта привычка уже с нами давно и успела стать большой. У неё уже довольно толстый проводок к нам, и так просто она от нас не отстанет.

— А никотин? Говорят, что это из-за него трудно бросить курить…

— Нет, это заблуждение. Психологическая зависимость гораздо сильнее физиологической. Вот моряки-подводники, например, когда погружаются под воду — совсем не хотят курить, потому, что знают — на подводной лодке курить нельзя…

— А потом курят?

— Да. Когда лодка всплывает, и курить становится можно — они набрасываются на свои сигареты, как волки на зайца.

— А как можно избавиться от привычки курить?

— Стёпа, ты что, хочешь бросить курить, — рассмеялась Уля.

— Нет… да… я хочу, чтобы папа….

— А-а…

— Видишь ли, Стёпа, — начал дедушка. — Привычка твоего папы, судя по всему, уже набрала довольно внушительный вес, хоть она и не видна. Для того чтобы от неё избавиться, необходимо создать ещё одну сущность — более сильную, которая своей энергетикой нейтрализовала бы привычку курить. Пусть это будет какая-нибудь «полезная» привычка или какое-нибудь сильное желание…

— А желание бросить курить?..

— Если это желание будет сильнее привычки, то бросить курить будет легко. Но для того, чтобы наша энергия потекла в это желание и наполнила его — сделала его более сильным, чем привычка курить, нужна мотивация — то, ради чего необходимо избавиться от курения. Ведь курение не только отнимает энергию и здоровье, оно даёт какие-то положительные эмоции, даёт ощущение радости, иллюзию бодрости… Никто бы не курил, если бы это было только неприятно. Поэтому и необходимо заменить эти положительные эмоции другими — не менее положительными. Мы так устроены, что отнимая что-то, необходимо предложить нечто другое — равное или большее взамен. Это конечно неправильно. Так быть не должно. Это называется привязанность. Привязываясь к чему-нибудь, мы попадаем к этому в подчинение. Мы боимся это потерять. Боязнь потери вызывает агрессию. Агрессия отнимает наши силы и мешает жить нам и нашим близким. Так что лучше всего — ни к чему не привязываться и ни от чего не зависеть. Тогда у нас и не будет этих пиявок, которые сосут нашу энергию.

— А если папе предложить вместо курения здоровье. Он согласится?

— Видишь ли, дружок, для твоего папы это будет не равный обмен. Твой папа наверняка считает, что здоровье у него и так есть. Зачем ему ещё одно? Вот если бы начинающему курильщику показали его самого, особенно его внутренние органы, через несколько лет курения, дали бы почувствовать все те неудобства, которые он получит благодаря курению — он бы никогда не стал курить. А так всё происходит незаметно. Ему кажется, что никакого особого вреда он не получает. Раком лёгких болеют другие — он то уж точно не заболеет. Ну, кашель по утрам, ну, кожа не красивая, ну, запах неприятный, зубы жёлтые — это не та мотивация, ради которой нужно лишать себя наслаждения. А вот когда проблемы нарастают и становятся уже непреодолимыми — тогда бросить курить намного легче. Но, к сожалению, здоровье уже не вернуть…

— А как бы мне помочь папе?

— Пока он сам не захочет, ты ничего не сможешь сделать. Поговори с ним…

— Ладно, попробую…. А время… оно тоже как привычка?

— Не совсем. Время — это более сложное образование. Вообще-то их два. Есть, так сказать, объективное Время, которое существует независимо от наших представлений. Оно появилось в тот момент, когда появилось Пространство. Отсчёт его пошёл с начала первого события. Время напрямую связано с событиями. Не будет событий — не будет и Времени. Объективное Время составляет единое целое с Пространством. Также есть субъективное время — то, которое мы себе представляем. Оно у каждого своё и движется с разной скоростью…

— Но ведь часы у всех показывают одно и то же время…

— Нет, это не совсем так. Часы очень приблизительный прибор. Линейка намного точнее. Если мы возьмём линейку и измерим расстояние, то оно будет одинаковое — и здесь, и на Луне и в далёком космосе. А что мы сможем измерить часами в космосе? Сколько, по-твоему, времени сейчас на Луне?

— Не знаю…

— Наши часы считают обороты Земли вокруг своей оси. Получается, что у каждой планеты должны быть свои часы и свой календарь. Кроме того, если часы положить в космический корабль и отправить их в полёт со скоростью света, то они будут очень сильно отставать по сравнению с такими же часами, которые остались на Земле… Так что настоящие космические часы должны быть неподвижны, как линейка…

— А кому тогда не нравится, что я спешу?

— А это твоё личное время. Твои внутренние часы. Они ещё менее точные, чем обычные часы. Ты, наверное, и сам замечал, что твоё время ведёт себя по-разному. То стоит на месте, то летит как стрела…

— Да, замечал…

— Это время очень нестабильно. В последнее время все замечают, что время как будто ускоряется… Не успеешь опомниться, как уже и день пролетел… и год…

— А почему так?

— Думаю, что это зависит от нашей Ноосферы — есть такое понятие. Оно обозначает некую область вокруг нашей планеты, похожую на биосферу, но только на более высокой стадии развития… Это сфера нашего коллективного разума… Она постоянно меняется… Нас — жителей Земли становится всё больше. Мы всё больше думаем, происходит больше событий… А значит — время на Земле «уплотняется»… как бы сжимается…

— А как мне всё успевать?.. Надо попросить Время, чтобы оно

не спешило?

— Да, попробуй с ним подружиться, и ты всегда будешь всё успевать…

— А настоящее Время можно увидеть?

— Ты хочешь увидеть Время?

— Ага. Очень.

— Ну, пойдём. Я покажу тебе Время.

Стёпа, затаив дыхание, отправился вслед за дедушкой на второй этаж. Он был готов увидеть всё, что угодно. Уля тоже направилась за ними.

На втором этаже было две комнаты, и дедушка открыл дверь одной из них. Это оказался кабинет без окон с большим шкафом вдоль стены. На другой стене висел белый экран, а посреди комнаты стоял киноаппарат и располагался диван. Дедушка открыл шкаф и достал большую круглую коробку. Открыл её и извлёк оттуда киноплёнку.

— Вот, это и есть Время, — сказал дедушка и немножко размотал плёнку.

Стёпа увидел несколько почти одинаковых кадров, на которых было что-то изображено.

— Так выглядит Время с точки зрения нашей Души. Душа видит одновременно все кадры нашей жизни. А вот сознание видит только тот кадр, который подсвечивает лампа…

Дедушка заправил ленту в проектор и включил его. Проектор застрекотал, кадры побежали один за другим. Они по очереди проходили через рамочку, на которую светила лампа. Эти отдельные кадры, проходя через рамочку, сливались в одно целое. На экране они ожили, и Стёпа увидел Улю, которая была младше, чем теперь. Она качалась на качелях, а рядом с качелями были её мама и папа. Все они смеялись и что-то говорили. Но звука не было. Было одновременно и радостно, и грустно.

Стёпа краем глаза посмотрел на Улю и увидел, что она улыбается.

— Значит, всё что было — оно никуда не уходит? — начал понимать Стёпа.

— Да. И всё, что будет — оно УЖЕ есть.

— И Душа может посмотреть, что там — в конце плёнки?

— Да, именно поэтому она всё знает. Ей даже не надо отматывать плёнку. Для Души плёнка выглядит развёрнутой. Вот представь себе, что твоя жизнь — это путь из пункта А в пункт Б. Ты рождаешься в пункте А, и изо дня в день идёшь по дорожке в направлении пункта Б. Ты видишь только то, что находится у тебя перед глазами. Иногда забредаешь не туда. Иногда теряешь тропинку, и продираешься сквозь чащу. А твоя Душа — она летит

над тобой как воздушный змей. Она видит с высоты одновременно и пункт А, и пункт Б, и тебя и все остальные пункты, где ты был, будешь и где никогда не побываешь…

— Вот здорово. Но почему Душа не говорит, что нам делать? Почему мы иногда не знаем, куда нам идти?

— Она говорит. Ещё как говорит. Более того, этот путь наша Душа выбирает сама ещё до нашего рождения, и самое большое её желание — чтобы мы прошли этот путь. Вот только всегда ли мы её слушаем? Дело в том, что голос у неё слабый, кричать она не умеет. А сознание настолько занято собой, что не всегда слышит — что там шепчет ему Душа. Как часто мы сами заглушаем голос Совести…

— А можно плёнку покрутить обратно?

— Многие бы этого хотели. Поэтому это и невозможно. Представляешь, какая была бы неразбериха. Всё бы перепуталось…

— Почему?

— Многие захотели бы исправить что-то в прошлом, или подсмотреть что-то в будущем. Как бы тогда выглядело настоящее?

— Значит, пришельцев из будущего не бывает?

— Насколько я знаю — никто никогда их не видел. Таких, как в кино. А вот наша Душа — она самый настоящий путешественник. И во Времени, и в Пространстве…

— Но если на плёнке будущее уже есть — значит, мы должны делать только то, что на ней записано?

— И да, и нет. Дело в том, что материально только настоящее. Прошлое и будущее хоть и существуют, но они нематериальны. Вернее, состоят из другой материи — более тонкой. Поэтому и будущее, и даже прошлое пластичны. Мы своими мыслями можем менять и будущее и прошлое. Всё действительно записано, и может показаться, что никакой свободы выбора у нас нет. Но дело в том, что всё записано не на одну плёнку. Таких плёнок бесконечное множество, и там записано абсолютно всё, что только может быть. Даже то, чего быть не может. Так что свобода у нас всё-таки есть — свобода выбирать, какую плёнку вставить в кинопроектор…

— Ух-ты. — Стёпа открыл рот и замер от восторга. — Я понял. Это как в компьютерной игре. Игра уже написана и я не могу изменить саму программу, но внутри этой программы я могу делать то, что захочу…

— Правильно. Игрок может пройти какой-то уровень, а может взорваться или его съедят. Но все возможные варианты уже есть в игре. Игрок не добавляет в игру ни одного байта, ничего в ней не

меняет. Просто теми или иными своими действиями он вызывает к реализации те или иные элементы, те или иные сцены… Но компьютерная игра всё-таки ограничена программой. А наша жизнь ничем не ограничена. Это как компьютерная игра с бесконечным количеством сценариев или плёнок.

— Значит, я могу каждый день смотреть новую плёнку?

— Да. Это, в общем-то, и происходит. С теми, кто живёт активной жизнью. Не боится экспериментировать. Хотя есть и такие — и их большинство, которые крутят одну и ту же плёнку годами, пока их Душе становится уже невмоготу. Тогда она пинками сгоняет их с дивана и толкает навстречу «приключениям» — иногда очень даже непредсказуемым. Думаю, что не всем это нравится. Поэтому наша задача — научиться осознанно выбирать именно ту плёнку, которую мы хотим видеть. Тогда мы сможем управлять своей реальностью.

— А как это сделать?

— Для начала нужно понять, что ты хочешь. Выбрать свой путь. Делать это лучше, советуясь со своей Душой. Иначе можно потратить много времени и сил на ложные цели. Когда цель будет определена — начинай крутить мысленно эту плёнку. Изо дня в день представляй себе то, что ты хочешь видеть вокруг себя. И настанет день, когда твоя цель будет достигнута и всё, что ты видел только в мыслях, станет реальностью…

— А если я хочу ту плёнку, где я умею летать?..

— Не вопрос. Обратись к своей Душе — и она всё сделает…

— Я уже много раз обращался…

— Значит, она тебя пока не услышала. Кроме того, одного желания тут не достаточно. Необходима решительность и действие. Именно действие запускает намерение. А без намерения желание останется желанием…

— Да, мне Уля говорила. Только вот у меня пока не получается…

— Сразу и не должно получаться. Мир похож на зеркало, и оно отражает всё, что ты пожелаешь. Но отражение это проявляется не сразу, а через какое-то время, которое необходимо на смену плёнки в кинопроекторе. Эти плёнки лежат подряд — одна к одной. Рядом лежат похожие, которые мало чем отличаются друг от друга. А вот та плёнка, где ты летаешь — она находится далеко. И для того чтобы она попала в проектор, необходимо твоё намерение и время. Представь себе, что ты стоишь перед зеркалом и поднимаешь руку, а твоё отражение в зеркале продолжает стоять с опущенными руками. И только спустя несколько минут, когда ты уже опустил руку, изображение в зеркале поднимает руку…

— А почему так?

— Мир даёт нам шанс удостовериться — действительно ли мы хотим того или иного. Если бы наши желания исполнялись моментально, представляешь, сколько ошибок мы бы совершали?

— А что, если подождать — то любое желание может исполниться?

— Если это желание не противоречит нашей Душе, то — да. Душа контролирует все наши желания и не позволит случиться тому, что может навредить Миру.

— А… мои полёты не могут навредить Миру?

— Это, смотря, какие полёты, и с какой целью…

— Ну… если я… немножко полетаю…

— Скорее всего, такое желание не исполнится. Цель слишком неопределённая. Нужно понимать — для чего тебе это нужно. Материя очень инертна — то есть она не терпит, когда нарушают какие-то её законы. И для того, чтобы вступали в силу другие законы, необходима веская причина. Иначе будет полная неразбериха, и не будет никакого порядка…

— А как летает Уля? У неё это так легко получается…

— Её желание летать превратилось в намерение. Она не знает, что летать невозможно…

— А как это происходит… ну, что для этого нужно сделать?

— Что сделать? Определить цель — конечную точку. Потом при помощи мысли переместить тонкое тело в эту точку. Грубое тело при этом не перемещается — оно как бы растворяется и воссоздаётся в новом месте.

— А тонкое тело — это дубль?

— Условно — да. Мы состоим из многих тел. Наше видимое тело — это самое последнее из них. Оно является отображением остальных тел, которые я условно назвал тонким телом. Тонкое тело — это как бы прообраз нашего физического тела — модель, по которой оно строится, а значит и воссоздаётся, если нужно…

— Кстати, при полёте очень хорошо понимаешь — кто ты на самом деле, — добавила Уля. — Твоё истинное «Я» принимает решение и перемещается, а «оболочка» — то есть физическое тело подтягивается потом. Такое ощущение, что ты вылетаешь из костюма и моментально оказываешься в другом месте. А «костюм» потом догоняет тебя и нахлобучивается сверху…

— А что это за волна, которая искривляет пространство?

— Эта волна появляется тогда, когда происходит резкая смена плёнки в кинопроекторе, — ответил дедушка. Уля ведь не летит, как птица. Она своим намерением выбирает ту плёнку, где она оказывается в том месте, которое ей необходимо. Хоть я уже много раз ей говорил, что без особой нужды этого делать не

стоит.

— Дедушка, я только к Стёпе летаю. И всё…

— Так значит, летающие тарелки тоже так летают? — вдруг осенило Стёпу.

— Думаю, что да. Происходит синхронизация нескольких плёнок во времени. Всё зависит от расстояния. Чем дальше расстояние — тем больше плёнок необходимо сменить…

— Дедушка, а у летающих тарелок какая причина летать?

— Ну, я думаю более весомая, чем «просто к Стёпе», — улыбнулся дедушка.

— Совсем забыл, я же завтра уезжаю в деревню. На всё лето…

— Здорово, — сказала Уля.

— Но мы же не сможем видеться…

— Ничего. Я смогу тебя навестить. Дедушка, можно мне будет слетать к Стёпе в деревню?

— Конечно. Думаю, что деревенский воздух тебе не помешает…

— А как же ты меня найдёшь? — удивился Стёпа.

— Это очень просто, — кажется, для Ули вообще не существовало ничего невозможного. — Я настроюсь на тебя. Твоя Душа подскажет мне твои координаты.

— А… а если тебя заметят?

— Не заметят. Я выберу момент, когда ты будешь один.

— Вот здорово. Я буду тебя ждать!

Стёпа попрощался с Улей и дедушкой Ульрихом и отправился домой.

Глава 14. Ника

Ночью Стёпе приснился удивительный сон. Не успел он разобраться со своими овечками, как увидел комнату, где все обычно смотрели телевизор. Комната выглядела как всегда, а вот Стёпа был какой-то полупрозрачный. Он посмотрел на свою руку, и увидел сквозь неё стену. Вот открылась дверь, и в комнату вошёл папа. Он не увидел Стёпу, и прошёл сквозь него на балкон. Папа выглядел обыкновенно, только от него отходила какая то тёмная трубочка, а на конце этой трубочки была какая-то чёрная капелька, перевёрнутая широкой частью вверх.

Стёпа отправился вслед за папой. На балконе папа закурил трубку, и Стёпа увидел, что капелька стала расти. Он подошёл ближе и стал смотреть на капельку, пока та не достигла его размеров.

— Ты кто? — спросил он у капельки.

— Я Ника, а это мой папа.

— Но… ведь это МОЙ папа…

— Значит, ты мой братик? Как тебя зовут?

— Стёпа… Но… как же?.. Я тебя раньше не видел…

— Я папина привычка курить. А ты, какая привычка?

— Я не привычка. Я просто Стёпа.

— А чем же ты питаешься? — спросила Ника.

— Мухами… Ещё комарами.

— Фи. Разве это вкусно?

— Мне нравится. А ты чем питаешься?

— Папиным желанием покурить.

— Но ведь это вредно для него. Ты знаешь, что от этого папа может заболеть… и даже умереть?

— Н-нет… не знаю. А почему?

— Потому, что дым от трубки очень ядовитый. Он отравляет папин организм…

— А зачем же он курит?

— Наверное, чтобы накормить тебя…

— Ой, я так не хочу… Что же нам делать?

— Послушай, Ника… Давай, ты будешь папиным желанием не курить а… ну, скажем, петь песни… или сочинять стихи…

— Хорошо. Это даже лучше. Мне и самой не нравится, как пахнет этот дым…

И Ника вдруг превратилась из чёрной капли в белый воздушный шарик. И трубочка от Ники к папе тоже стала белой.

— Сейчас попробуем…

Папа тут же потушил свою трубку и спрятал её в коробку со

всякими ненужными вещами, а сам пошёл на кухню, напевая:

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты…

Стёпа помахал Нике рукой на прощанье и… проснулся.

Проснувшись, Стёпа вспомнил, что сегодня они едут в деревню. От радости он сразу же забыл свой сон и кинулся на кухню, чтобы поскорее позавтракать и отправиться в путь.

За завтраком папа вёл себя непривычно. Он о чём-то думал, отвлекался. Потом стал что-то бормотать себе под нос. Мама не могла не обратить на это внимания:

— Дорогой, что с тобой? Ой, стихами заговорила, — рассмеялась она.

— Представляешь, у меня тоже… я тоже… В юности я одно время увлёкся поэзией, и даже пытался сам сочинять стихи. Потом всё это прошло, а сегодня мне опять стали идти какие-то строки… Вот послушай:

Любить тебя мне так легко —
Твои достоинства бесспорны,
К тому же ты недалеко,
И лошади мои проворны, —

изрёк папа, и Стёпе показалось, что он видит за его спиной белый воздушный шарик. Стёпа чуть не помахал Нике рукой, но вовремя спохватился и решил, что лучше пусть это будет их с Никой секрет.

Маме стихи понравились, хотя она и призналась, что где-то уже слышала что-то похожее.

— Уверяю тебя дорогая, что это свежее. Из последнего…

После завтрака все принялись собираться в дорогу. Стёпе было очень жалко, что он не сможет взять Велю с собой. Он подошёл к нему, погладил руль, провёл рукой по раме и седлу.

— Извини, Величка. Мне придётся уехать на какое-то время, и я не смогу быть с тобой. Я буду очень скучать…

Веля грустно скрипнул педалью.

— Не грусти. Когда я приеду, мы с тобой ещё погоняем. У-у-х — как погоняем!

Веля немного улыбнулся, приободрённый — во всяком случае, Стёпа это точно увидел.

— Ладно, пока. Я тебе что-нибудь привезу из деревни. Тебе чего хотелось бы?

— Ну… не знаю… Может быть… да нет, ничего не нужно. Приезжай лучше сам поскорее, и мы опять махнём в лес, — услышал Стёпа хрипловатый Велин баритончик.

— Хорошо. Обязательно махнём. До свидания.

В деревню нужно было ехать автобусом. Довольно долго — часов пять. С двумя остановками.

Стёпа сел возле окошка, рядом с папой. Мама устроилась сзади — тоже возле окошка. Поехали.

Стёпа любил путешествия. Он припал к окошку и жадно смотрел на всё, что проплывало мимо него. Вот закончились дома, и пошли какие-то строения. Потом потянулись огороды и парники. Потом они закончились и начались поля. Поля были однообразные и Стёпе быстро наскучили. Тогда он придумал такую игру: на окне он нашёл небольшое пятно от грязи и представил себе, что это его гоночная машина. Машина мчалась по дороге вместе с автобусом, и Стёпа тихонько урчал. Когда Стёпа наклонялся к стеклу, машина ехала правее, а когда отклонялся — машина перестраивалась влево. Таким образом, его машина могла совершать несложные манёвры и объезжать препятствия. Однако, это удавалось до тех пор, пока не было встречных машин. С ними разминуться никак не получалось — они были слишком близко и налетали внезапно, как пуля.

После череды аварий Стёпа стал теребить дремлющего папу:

— Папа, а во что ты любил играть, когда был маленький?

Папа не сразу понял, что от него хотят.

— Чего? Играть? Ну-у… в индейцев, и этих… как их… ковбойцев.

— А кто это?

— Ну, это такие солдатики были. Пластмассовые. Ещё были пираты, викинги… Даже неандертальцы были. Большие… — папа мечтательно посмотрел в даль своего детства. — Но самые ценные были резиновые индейцы. Они были цветные. Мы меняли одного такого индейца на пять простых…

— А как это — меняли?

— Натурально… Ты мне индейца, а я тебе ковбойца. Ты мне машинку с открывающимися дверками, а я тебе… ну, скажем, коллекцию вкладышей от жвачки…

— А что это за вкладыши?

— Ну, разные были… Были просто картинки — «Тутти-Фрутти», «Бруклин», «Педро»… Ещё были маленькие комиксы про Лёлека и Болека, про Фикса и Фокса, Дональда, Типи Типа…. Но самые ценные были книжечки…

— Какие книжечки?

— Такие маленькие. Тоже комиксы. Про каратистов… Чёрно — белые. Их нужно было раскрашивать, но мы берегли их. Только нюхали. Это был большой дефицит.

— А зачем вы их нюхали?

— Все эти вкладыши пахли жвачками, попробовать эти жвачки мы и мечтать не могли… Что нам ещё оставалось? Только нюхать да облизываться.

— А почему их нельзя было попробовать? Разве этого всего в магазине не было?

— Какое там… В магазине в лучшем случае были «пластмассовые» апельсиновые жвачки «Калев». На вкус почти как битумная смола. Пластилин и то был вкуснее… Да и денег у нас тоже особо не водилось. Все карманные деньги уходили на кино или мороженое. Так что приходилось меняться.

— Значит, у тебя было тяжёлое детство?

— Почему?

— Ну, не было же ничего… Даже мультики — и то дефек… дифе… цит.

— Но зато мы умели всё это ценить. Даже кукольные мультики любили…

— А что значит «кукольные»?

— Про Чебурашку, например.

— А что, разве про Чебурашку плохой мультик?

— Ну, про Чебурашку ещё ничего… А то ведь бывало, как покажут про каких-нибудь… деда с бабкой, сшитых из мешка… Да ещё и солома торчит… Не то, что «Ну, погоди» или «Бременские музыканты»…

— Это были хиты?

— Да… хиты… У меня были пластинки «Бременские музыканты» и «По следам Бременских музыкантов». Я их включал, садился на свой маленький велосипедик…

— Гном?

— Да, точно… И начинал под музыку ездить вокруг стола. Воображение рисовало мне картины из мультика, а движение создавало эффект присутствия… Такое вот у меня было 3D… А ты говоришь тяжёлое детство… Да знаешь ли ты, что такое… когда жарко и дворник поливает из шланга…

— И что?

— А мы кричим: «Полейте нас, полейте нас!» И когда он поливает нас — это… это непередаваемо… это как полёт в космос…

— А ты что, летал в космос?

— Нет… но… я себе так представляю восторг от полёта в

космос.

Папа погрузился в свои грёзы, а Стёпа решил тоже посмотреть мультики. Для этого ему не нужно было никаких аппаратов. Он просто закрыл глаза и представил себе экран, на котором постепенно стали появляться картинки, зазвучала музыка… На этот раз Стёпе захотелось посмотреть «Приключения Квапитана Врунгеля». Воображение старательно отрисовывало ему всё, до мельчайших подробностей. И яхта «Беда» и Лом и Фукс — все были совсем, как настоящие. Звук тоже был на уровне.

Когда Стёпа посмотрел уже половину фильма и прослушал песенку Бандито-Гангстерито, автобус вдруг остановился. Стёпа открыл глаза и увидел, что это была первая из остановок. Все пассажиры потянулись к выходу, чтобы немного размяться и съесть пирожок.

Стёпа с папой тоже пошли проветриться, а мама сказала, что не хочет — она читала книгу.

Папа походил немного взад-вперёд, посвистел, глядя по сторонам и засунув руки в карманы.

— Стёпа, ты не хочешь в туалет? — спросил он.

— Нет, давай лучше купим мороженое.

— Ну что ж. Давай. Ты какое хочешь? — спросил папа, подходя к лотку.

— Крем-брюле конечно! — это было любимое Стёпино мороженое.

Папа купил Стёпе мороженое, но беспокойство его не покидало. Он запел песенку гардемаринов, и только тогда немного успокоился. Тем временем Стёпа съел своё мороженое, и путешествие продолжилось. Автобус тронулся, постепенно набирая скорость. Теперь дорога проходила через лес, и Стёпе это было гораздо интереснее, чем поля. Он смотрел на огромные ели и сосны, которые проносились мимо. Иногда попадались высокие и стройные берёзы.

Вся эта красота настроила Стёпу на романтический лад, и он замечтался, представляя себя то индейцем, то партизаном, то просто старичком-лесовичком… Потом он вспомнил, что не досмотрел Врунгеля… Однако вид за окном так был похож на кадры из «Чебурашки», что Стёпе вдруг очень сильно захотелось в компанию к Чебурашке и его друзьям. Он решил не досматривать «Врунгеля», а «включил» свою любимую песенку Крокодила Гены:

Медленно минуты уплывают в даль,
Встречи с ними ты уже не жди.
И хотя нам прошлое немного жаль,

Лучшее, конечно, впереди.

Скатертью, скатертью
Дальний путь стелется,
И упирается прямо в небосклон.
Каждому, каждому
В лучшее верится…
Катится, катится
Голубой вагон.

Может мы обидели кого-то зря,
Календарь закроет этот лист.
К новым приключениям спешим, друзья…
Эй, прибавь-ка ходу, машинист!

— Стоп, — вдруг скомандовал себе Стёпа, как будто нажал стоп-кран. — Что-то здесь не то… Если мы обидели кого-то, да ещё и зря — ведь нужно извиниться хотя бы… Что значит: «К новым приключениям…»? Это что же, обижать кого-то — это приключение такое? Мы, значит, обижаем кого-то, потом «ту-ту» а календарь, значит, всё покроет? Так что ли? А как же тот, кого мы обидели? Ему же обидно… — Стёпа не мог поверить, что Крокодил Гена способен на такую подлость.

— Наверное, это Старуха Шапокляк подсунула Гене эту строчку, — подумал он. — А Гена по простоте душевной и не заметил подвоха. Я и сам много раз пел эту песенку и только сейчас обратил внимание…

Стёпа не мог допустить, чтобы в его мире творилась несправедливость. Он решил, что ЕГО Крокодил Гена окажется более проницательным, и вовремя распознает козни коварной Шапокляк. Стёпа «отмотал» немножко назад, и стал смотреть свою — режиссёрскую версию, где Гена пел:

Может мы обидели кого-то зря,
Календарь не скроет этот лист.
Попросить прощенья поспешим, друзья…
Подожди немного, машинист!

Скатертью, скатертью
Дальний путь стелется,
И упирается прямо в небосклон.
Каждому, каждому
В лучшее верится…
Катится, катится

Стёпа удовлетворённо кивал головой в такт песенки. Никто из героев мультфильма не стал возражать против новой редакции. Только Старуха Шапокляк косо посмотрела Стёпе в глаза, но тут же отвела взор — она не хотела, чтобы Стёпа прочитал в её глазах всё, что она замышляет.

Песенка закончилась, и Стёпа не стал досматривать мультик дальше. Он решил просто послушать музыку. В его голове зазвучали аккорды, и знакомый голос запел: «Я уезжаю в деревню…» — это была песня из репертуара их с папой любимого ансамбля «Квариум». Потом зазвучала композиция Жаба Мишеля. Потом ещё…

Прослушав, таким образом, целый концерт, Стёпа оглянуться не успел, как автобус подъехал ко второй остановке. На этот раз вышли все — мама тоже решила размяться. Папа спел песню «Вагончик тронется» и Стёпа подмигнул Нике за папиным плечом.

Остался последний отрезок пути, и Стёпа с папой решили поиграть в «Слова». Папе выпало быть ведущим, и он загадал слово на букву «А». Стёпа должен был угадать всё слово целиком. Для этого он задавал папе уточняющие вопросы:

— Это не такая большая ягода?

— Нет, это не арбуз, — отвечал папа. Он, в свою очередь, должен был угадывать — что подразумевает Стёпа в своих уточняющих вопросах.

— А это не имя одного бывшего графа?

Папа задумался, но не смог отгадать — кто это, и был вынужден сказать вторую букву.

— «В», — сдался папа.

— Атос, — радостно воскликнул Стёпа.

Теперь Стёпина задача усложнялась — нужно было подбирать наводящие слова, которые начинались на «АВ».

— Это случайно не такой корабль, который спит? — лукаво посмотрел на папу Стёпа.

Папа опять не смог угадать слово.

— «Т», — сказал он, а Стёпа, веселясь всё больше, сказал: «Аврора».

Да, папа явно проигрывал эту партию. Вариантов становилось всё меньше. Теперь нужно было угадывать слово на «АВТ».

— Это не устройство для продажи газировки? — решил поиграть с папой в кошки-мышки Стёпа.

— Нет, это не автомат.

— А может быть, это такой вид транспорта для доставки

бабушкам и дедушкам их любимых внучат?

— Точно. Он и есть. Это наш автобус.

Потом была очередь Стёпы водить. Папа, не без труда, отгадал слово «молоток». А всё из-за того, что Стёпа решил, что молоток пишется через «а» — малаток. В конце концов, недоразумение выяснилось. Стёпа запомнил, как писать слово молоток, а папа стал напевать себе под нос арию Мистера Икс, которую недавно услышал в исполнении группы «Соя».

Тут мама обратила внимание всех на то, что автобус подъезжал к месту назначения. За окном были родные мамины пейзажи. Она очень любила эти места. Красивые луга с полевыми цветами, озёра и леса вокруг были и правда, незабываемы.

На станции все вышли из автобуса. Чемодан был не тяжёлый, и папа решил идти пешком, тем более что бабушка с дедушкой жили не очень далеко от станции.

Через двадцать минут путешественники уже подходили к дому бабушки с дедушкой. Шарик издалека их почуял и с радостным жужжанием налетел на Стёпу. Он принялся тереться о щеку и лизать Стёпу своим хоботком в нос.

Потом из дома вышли бабушка с дедушкой и все вместе кинулись обниматься, охая и ахая.

Обнимались долго и тщательно. Это был целый ритуал. Бабушка Кваша каждый раз, когда приезжал Стёпа, сокрушалась — какой же он худенький, а дедушка Кваня — наоборот, удивлялся, как Стёпа «вымахал жа этот год». Дедушка был старенький, и у него не хватало несколько зубов. Поэтому он не выговаривал некоторые буквы, и это придавало его речи особый колорит.

— Ну, ждраштвуйте, мои дорогие. Как добралишь?

— Чудесно, — сказала мама. — Ах, какой здесь воздух. Его можно пить, как воду…

— Его можно намаживать на хлеб и ешть, как мёд. Правда, Шарик?

Шмель Шарик всё это время приветственно кружил вокруг гостей, бархатно жужжа и махая своим жалом, как хвостиком.

— Ну так пойдёмте скорее в дом, проголодались небось, — пригласила бабушка, и вся компания, включая Шарика направилась к дому.

Дом был большой, просторный. Сразу возле входа были сени, где висела одежда, стояла обувь, и был коврик Шарика. Летом Шарик жил в будке, которая располагалась на дереве во дворе и была похожа на небольшой и толстый скворечник, а зимой Шарик жил в сенях на коврике.

Потом была ещё одна дверь. Она вела в коридор, откуда

можно было пройти на кухню и в гостиную. Дальше была спальня бабушки и дедушки. На втором этаже были две комнаты. Ту, что поменьше занимал Стёпа, а в другой останавливались папа с мамой.

Вымыв, как следует с дороги руки, все отправились в гостиную. Там был большой стол. На столе уже стоял самовар и Стёпины любимые пирожки с комарами. Дедушка сходил в погреб за солёными мошками и вареньем из комариных крылышек. Все сели за стол и принялись пировать. Расспросам не было конца. Бабушку с дедушкой интересовало всё. Мама с папой еле успевали отвечать на все вопросы. Судя по всему, новостей в деревне было не много, и бабушка с дедушкой истосковались по общению.

Стёпа тоже подробно доложил о своей жизни. Рассказал, что у него теперь есть велосипед. Что он уже самостоятельный, и может один кататься на нём.

— Надо же. Как время быстро бежит… — прослезилась бабушка, глядя на Стёпу.

— Да, дела… Жабодай меня комар… — резюмировал дедушка своей любимой присказкой.

Стёпа наелся пирожков и слушал рассказы бабушки и дедушки.

— У нас всё по-старому. Живём помаленьку… — говорила бабушка.

— Вешной опять жаболела, — доложил дедушка.

— Как же так? Что случилось? — забеспокоилась мама.

— Да, ничего страшного. Это бывает. Уже всё прошло. Кваня вот мне помогал…

— Я жаботилша, — подтвердил дедушка.

Все долго ещё сидели за столом. Потом, когда уже наговорились вдоволь, решили посмотреть телевизор перед сном. Был воскресный вечер, а это значило, что по телевизору будет что-нибудь интересное. Так оно и вышло. Показывали кино про приключения известного сыщика Шерлока Холмса.

Стёпа тут же забыл обо всём на свете, и погрузился в мир тайн и загадок. Он так увлёкся расследованиями и погонями, что уже не представлял себе прежнюю жизнь без дедуктивного метода. На этот раз он твёрдо решил, что будет работать сыщиком.

Несмотря на то, что день был полон событий, Стёпа не забыл про своих овечек. Перед сном он собрал всех овечек вместе и похвалил их за то, что они весь день вели себя хорошо — не разбегались, слушались его и не толпились, а подходили по очереди.

Потом Стёпа отвёл в сторону пару самых смышлёных овечек и сказал им:

— Видите вон ту, чёрненькую?

— Да-а-а, — сказали овечки.

— Попробуйте убедить её в том, что ей с вами всеми не интересно. Не обижайте её, просто поговорите. Предложите ей попутешествовать. Может быть, ей понравится ещё где-нибудь. Скажите, что вокруг столько всего интересного…

— Ла-а-адно, — согласились овечки и Стёпа, удовлетворённый, заснул.

Часть 2

Глава 15. Соня

На следующий день с утра пораньше Стёпа был уже на ногах. В деревне вообще легко рано вставать.

Стёпа сделал зарядку, умылся и сел завтракать. За завтраком папа представил на суд мамы свои новые — самые последние стихи:

Наверно, не нужно, не надо,
Тебе моих строчек листы.
Что толку от их листопада,
Уж если не радостна ты?

продекламировал он, дирижируя себе вилкой. Мама даже не знала, как ей реагировать.

— Дорогой, стихи замечательные… но… Я не знаю… И откуда такая печаль? Всё ведь хорошо…

— Ну… мне показалось в прошлый раз, что тебе стихи не понравились…

— Нет, что ты. Тебе показалось. Стихи хорошие. Пиши ещё.

— Правда?

— Конечно.

— Я рад, — папа удовлетворённо отхлебнул чай, а из-за его плеча Стёпе улыбалась Ника.

После завтрака Стёпа решил прогуляться по деревне. Он был уже совсем большой, и никто не стал возражать. Стёпа вышел за калитку и направился в сторону реки. Купаться он пока не хотел, но на реке всегда было очень хорошо, и Стёпа собирался провести там время до обеда.

Не успел он отойти от дома, как почувствовал, что за ним следят. Стёпа оглянулся, но ничего подозрительного не заметил. Тогда он вспомнил вчерашнее кино и решил действовать более профессионально. Стёпа замедлил шаг, засунул руки в карманы и стал насвистывать песенку из «Квапитана Врунгеля». Ненароком он поглядывал по сторонам, но опять ничего подозрительного не заметил. Однако слежку за собой продолжал чувствовать. Тогда Стёпа решил ещё раз сменить тактику. Он вдруг зашагал быстрым шагом, дошёл до конца забора и свернул. И тут же резко выглянул из-за угла. На этот раз ему повезло. Он успел заметить странное существо, которое его преследовало. Существо не ожидало, что Стёпа так резко выглянет, и замерло, глядя прямо Стёпе в глаза.

Выглядело это существо довольно необычно. С виду оно было похоже на маленькую серенькую мышку, но на голове у неё почему-то оказались две кепки. Одна вперёд, а другая назад козырьком. В одной руке мышка держала большое увеличительное стекло, а в другой какую-то корягу, похожую на трубку Стёпиного папы. В довершение всего, на существе была надета какая-то клетчатая попона.

— Ты кто? — сразу спросил Стёпа, не давая существу опять скрыться.

— Соня… то есть Шерлок Холмс, — сказало существо тоненьким голоском.

— А зачем ты за мной следишь?

— Я не… я просто… А что, нельзя?

— Следят за преступниками, — Стёпа, который сам мечтал стать Шерлоком Холмсом, не очень обрадовался этому повороту.

— А может быть, ты преступник и есть. Что-то я тебя здесь раньше не видела… не видел.

— Я не преступник. Я Стёпа. Я приехал к бабушке и дедушке. На лето.

— Ну, тогда давай играть вместе. Будешь Доктором Кваксоном.

— Но… я… — Стёпа понял, что опоздал, и вакансия Шерлока Холмса уже плотно занята. — Ну, хорошо. А ты одна… один? Есть ещё кто-то с тобой?

— Пока только я. Но я знаю, где скрывается профессор Мориарти…

— И где же?

— Там, на реке есть одно место… Хочешь, покажу?

— Покажи.

— Ну, пойдём, — и пара сыщиков отправилась вниз к реке.

По дороге Стёпе удалось немного ближе познакомиться со странным Шерлоком Холмсом. Оказалось, что это действительно мышка. Звали её Соня. Увеличительное стекло она взяла у папы, а клетчатая попона на ней — это мамин фартук.

— Надо бы и тебе что-нибудь придумать. А то выглядишь, как обычный лягушонок.

— А что же мне придумать?

— Ну, возьми пока мой плащ хотя бы, — и Соня повязала на Стёпу мамин фартук.

На доктора Стёпа стал похож ещё меньше, но спорить не стал — не хотел обидеть Шерлока Соню.

Наконец они спустились к реке, и Соня указала на какой-то сарайчик, стоящий на берегу.

— Там он обитает. Это его штаб-квартира. Давай подойдём

ближе и выследим его.

— А что он там делает?

— Охраняет лодки.

— А… разве Мориарти… охраняет лодки?

— Это в свободное от преступлений время.

— А почему ты решила, что он и есть Мориарти?

— Потому что… Ладно, идём, покажу.

Соня повела Стёпу вдоль берега. Они подошли к сарайчику и заглянули за его угол. Там стоял ещё один сарайчик — совсем маленький. Он был похож на ящик из грубых досок.

— Вот, смотри, — показала Соня пальцем на дверь этого ящика. На двери красовалась большая буква «М», кривая и, судя по всему, зловещая.

— А ты там была? Что там внутри? — спросил шёпотом Стёпа, впечатлённый увиденным.

— Нет, я туда не входила… Я заходила… в другую дверь… с обратной стороны…

— А там что?

— Да… так… ничего особенного, — Сонин голос вдруг стал безразличным и скучающим.

В это время из сарайчика вышел добродушный бобёр с бородкой и кольцом в ухе, посмотрел на странную парочку и сказал:

— Привет, ребятки.

— Зд-равствуйте, — несмело поздоровались Соня и Стёпа.

— Вы в туалет? Идите — не бойтесь.

— Нет! — почти крикнула Соня, а Стёпа от неожиданности подскочил.

— Ну… нет, так нет… А ничего сегодня денёк… обещает быть…

— Да, — уже менее резко произнесла Соня. Стёпа молча кивнул головой.

Бобёр жизнерадостно закинул руки за голову, обвёл взглядом окрестности и благостно произнёс:

— Э-эх… кр-расота-а!

— Г-где? — не поняла Соня.

— Да везде… Вот… стань здесь… смотри, как течёт река…

— Д-да… красиво течёт… быстро.

— А ведь её не поймать… ни в сеть, ни рукой… — в задумчивости произнёс бобёр.

— Кого? — не поняла Соня.

— Реку…

— А-а… а зачем её ловить?

— Мы такие… нам всё надо поймать… запрячь…

взнуздать… — прищурил один глаз бобёр.

Соня переглянулась со Стёпой. Их подозрения насчёт Мориарти возникли снова.

— Но ничего у нас не получится, — почему-то торжествующе сказал бобёр.

— А она что, живая? — удивилась Соня.

— Конечно… хоть и безымянна…

— Почему безымянна? Ведь у неё есть имя…

— Имя есть лишь у её берегов, — мечтательно сказал бобёр, и Стёпа с Соней успокоились. Они поняли, что бобёр — скорее поэт, чем король преступного мира, да ещё к тому же и Лондона… Но бдительности они решили не терять. На всякий случай.

— А ты чего жадничаешь? — спросил бобёр у Сони. — Зачем все шапки себе забрала? Поделилась бы с приятелем…

Соня молча сняла одну кепку и протянула Стёпе.

— Спасибо, — сказал Стёпа и надел Сонину кепку себе на затылок.

— Ну что ж, друзья мои, не хотите ли на лодке покататься? — предложил добродушный бобёр.

— Х-хотим, — продолжая смущаться, ответил Стёпа за двоих.

— Тогда садитесь, покатаю вас, — пригласил бобёр, и Стёпа с Соней прыгнули в лодку, которая стояла на берегу.

Бобёр вставил вёсла в уключины, сел на место загребного и вся компания отплыла от берега.

— А как вас зовут? — спросил Стёпа, немного освоившись и сняв с себя клетчатый плащ.

— Борис Борисыч. Можете называть меня дядя Боря. А вас как звать-величать?

— Я Стёпа, а это Ш… Соня.

— Вот и молодцы. Купаться-то любите?

— Я очень люблю.

— А я не очень, — робко призналась Соня.

— А что ж так? — удивился дядя Боря.

— Мне не нравится, когда вода попадает в уши.

— А ты вот так делай, — и дядя Боря стал смешно трясти ушами. Сначала одним, потом другим, отчего колечко в его левом ухе стало похоже на восьмёрку.

Стёпа с Соней засмеялись, и от былой застенчивости не осталось и следа.

— Сейчас причалим, и я вам покажу одно местечко — там замечательный пляж. Можно и плавать, и нырять.

Дядя Боря подгрёб к небольшой бухточке, по берегам которой росли плакучие ивы с длинными ветками, опускавшимися к самой воде.

Не успели они добраться до берега, как Стёпа прыгнул, схватился за ветку ивы, раскачался и нырнул в воду, забыв, что на голове у него Сонина кепка.

Дядя Боря вытащил лодку на берег и тоже нырнул в воду. Соня продолжала сидеть в лодке, не решаясь последовать примеру Стёпы и Борис Борисыча.

— Соня, давай сюда. Вода такая тёплая! — кричал Стёпа из воды.

Соня положила в кепку папино увеличительное стекло и осторожно спустилась в воду. Вода и правда была тёплая. Соня поплыла, быстро-быстро перебирая лапками и держа мордочку высоко над водой, чтобы не намочить уши.

Стёпа ещё несколько раз прыгнул с дерева в воду. Предлагал и Соне, но она ни в какую не соглашалась. Дядя Боря тем временем нагрыз целую лодку одинаковых веток.

— Для забора, — пояснил он.

Соня сделала ещё один круг по воде и прыгнула в лодку. Там она отряхнулась и принялась лапками причёсываться и приглаживаться. Чтобы согреться, она завернулась в свой сыщицкий плащ. Стёпе всего этого не потребовалось. Он выловил из воды Сонину кепку и натянул на себя.

Дядя Боря опять закинул руки за голову и улыбался. На этот раз он мечтательно смотрел на траву. Стёпа подошёл ближе, пытаясь увидеть, чему улыбается дядя Боря.

— Смотри, как растёт трава, — шёпотом сказал дядя Боря и присел на корточки. Стёпа присел рядом и стал смотреть на траву. Ему показалось, что трава действительно растёт и тянет к нему свои тоненькие лапки. Стёпа протянул руки и стал гладить ласковые и нежные травинки. А трава, в свою очередь, ласкала его своими зелёными пальчиками. Стёпа вдруг почувствовал, что трава тоже его любит. Так же, как и он её. Он разулыбался, и на душе его стало так тепло, что хотелось плакать от счастья. Дядя Боря посмотрел в глаза Стёпе и всё понял. У него на этот счёт было точно такое же мнение. Он обнял Стёпу за плечо, и какое то время они ещё сидели, глядя на траву и их единение было абсолютным.

Потом Соня громко чихнула, и Стёпа, трава и дядя Боря опять стали каждый собой. Надо было возвращаться.

Назад плыли не так быстро — лодка стала тяжёлая от веток. Дядя Боря был доволен — и отдохнули, и дело сделали.

— Спасибо, нам очень понравилось, — сказали Стёпа с Соней, когда лодка приплыла на место.

— На здоровье. Приходите ещё, — сказал добродушный дядя Боря.

— Обязательно. Стёпа выпрыгнул из лодки и помог выбраться Соне, которая не забыла прихватить папино стекло.

Все дружно распрощались, и Стёпа с Соней пошли назад в деревню.

— Вот видишь, никакой он не Мориарти, — сказал Стёпа, когда они отошли на достаточное расстояние.

— Ну и хорошо. А то возись ещё с ним…

Соня до сих пор была в кепке, козырьком назад и когда они проходили мимо какого-то холма, кто-то вдруг произнёс непонятным голосом, отдающим эхом:

Задом наперёд — поехал в огород.
В огороде пусто — выросла капуста.

Стёпа с Соней переглянулись. Голос был со стороны холма, и они обошли его вокруг, но ничего подозрительного не заметили. Соня даже посмотрела в увеличительное стекло, но это мало чем помогло.

— Эй, кто там? Выходи, — скомандовала она, но результата опять не было.

— А кто тут живёт, ты не знаешь? — спросил Стёпа.

— Не знаю. Я думала это просто холмик… Может быть, это чья-то могила? Может это голос с того света?

— С какого света?

— Ну, из мира мертвецов…

— А разве мертвецы разговаривают? — недоумённо воскликнул Стёпа.

— Ещё как… Ну… я, конечно, не слышала, но ведь должны же они как-то общаться… Во всяком случае, стонут они, будь здоров.

— А зачем им стонать?

— Не знаю… Может у них что-то болит? Давай спросим у этого.

— Давай.

— Эй, простите пожалуйста, — закричала Соня прямо в холмик. — У вас что-нибудь болит?

Ответа не последовало.

— Ну пожалуйста, скажите. А я вам скажу очень хорошее средство от боли…

Ответа опять не последовало.

— Ну и как хотите. Значит, я вам ничего не расскажу. А я знаю кое-что очень полезное для вас. И не скажу… Вот.

И тут вдруг опять раздался чудесный голос:

Жадина-говядина, пустая шоколадина.

Жадина-говядина, солёный огурец.
На полу валяется — никто его не ест.
Муха прилетела — понюхала и съела.

Голос шёл откуда-то снизу. Стёпа с Соней принялись шарить в траве и обнаружили небольшую норку. Но сколько они не кричали в неё и не просили хозяина голоса, он больше не откликался.

— Вот чуднОй. Сидит под землёй и дразнится. Делать ему нечего… Ладно, пойдём. Пусть себе сидит, — предложил Стёпа.

— Надо будет принести фонарик и обследовать эту норку хорошенько. Посмотрим, кто это там такой умный.

— Посмотрим, — эхом откликнулся Стёпа, чем опять привлёк внимание постояльца таинственной норки:

Повторуха-муха, старая старуха.
А старухе сорок лет, она ходит в туалет. Хи-хи.

На этот раз голос был совсем близко, но всё равно обладатель его был недосягаем.

— А вот мы сейчас принесём воды и нальём прямо в норку. Будет вам туалет…

— Только попробуйте, — раздалось почти рядом, и вдруг из норки показалась голова суслика. Он жмурился на яркий свет и опасливо моргал глазами.

— Ой, ты кто? Суслёнок, что ли? — спросила Соня.

— Надо кто…

— А вот сейчас твоей маме всё будет рассказано, как ты тут дразнишься…

— Ябеда-корябеда, турецкий барабан. Кто на нем играет — противный таракан…

— Ах ты… суслик… — Соня хотела рассердиться, но тут же передумала. — А как тебя зовут? — примирительно спросила она.

— Надо как…

— А чего ты такой… неприветливый? У тебя плохое настроение?

— Приветливый я. Привет, валет — дай конфет…

— У нас нет конфет… Лучше скажи, как тебя зовут.

— Сами говорите…

— Я Соня, а он — Стёпа. А ты кто?

— Саша, может…

— А ты это сам придумал?

— Что придумал?

— Ну, эти все дразнилки.
— Ничего я не придумал, даже…
— А где же ты их взял?
— Надо где. В садике, может…
— А ещё знаешь?
— А-а… Вам зачем?
— Так, просто…
— Про вас знаю.
— А ну.

Тили-тили-тесто, жених и невеста.
Жених и невеста — в коробочке тесто.
Тесто упало — невеста пропала.

— Хи, смешно. Стёпа, мы с тобой жених и невеста.
— Вот ещё, — Стёпа засмущался и покраснел.

Саша тем временем немного освоился. Соне удалось его разговорить. Он перестал барсучиться и пообещал в следующий раз сходить вместе с Соней и Стёпой на речку.

— Отлично! — сказала Соня. Нас будет трое на букву «С».

— У меня ещё есть сосед — Сеня, а в садике у нас есть Света, Славик и Савелий, даже… Правда Славика зовут Ростик… Но зато я знаю одного хомяка — его зовут Серёжа…

— Вот здорово. Предлагаю собраться всем вместе и поиграть в семеро смелых, — загорелась Соня.

— А как в них играть?

— Да очень просто. Ну… берём… в общем… главное — собраться, а там придумаем.

На том и порешили. На прощание Саша спросил у Сони, что она хотела посоветовать ему, когда он был ещё в норке.

— Разве у тебя что-то болит? И вообще — мы думали, что ты призрак…

— А что такое призрак?

— Ну, это такой мёртвый… ну, не лежится ему в могиле… Ходит, такой, и стонет всё время.

— А чего он стонет?

— Ну, болит у него, наверное, что-то… Может голова, а может зубы…

— Разве у призраков могут болеть зубы? — не выдержал Стёпа. — Призрак — это дух умершего, который никак не может обрести покой. Он создаёт себе новое тело из эк… эктоплазмы…

— Это что, типа клизмы? — не понял Саша.

— Да нет. Эктоплазма… Не знаю точно, что это такое. Мне папа рассказывал… Обычно духов не видно, а эктоплазму могут

видеть все. Вот некоторые духи делают себе из эктоплазмы новое тело…

— Ну, я же и говорю… — поддержала Соня. — Болят зубы из это… эко…плазмы… Жмут, наверное…

— А что такое полезное ты хотела посоветовать призраку? — не унимался Саша.

— А, соты. Если посидеть под сотами, то боль утихнет…

— Под какими ещё сотами?

— Да пчелиными же.

— А если мёд на голову натечёт?

— Нужны пустые соты. Без мёда. Это папино открытие. Он недавно обнаружил…

— А что, у вас есть призраки?

— Нет, он на маме экспериментировал. Но я думаю, что и призракам это подойдёт.

— Ладно, если я увижу призрака, то скажу ему. Пока, — сказал Саша и исчез в своей норке. А Соня со Стёпой отправились дальше.

— Чудной он, этот суслик Саша, правда? А ты где живёшь? — спросила Соня у Стёпы, когда они остались одни.

— Там — на другом конце деревни. А ты?

— А я возле леса. Хорошо, что ты приехал. Давай с тобой дружить.

— Давай. Но только дружить.

— А что ещё?

— Ну, это… Тили-тили тесто…

— А-а, да брось. Не обращай внимания, — успокоила Стёпу Соня. Пойдём к нам. Я тебе всё покажу.

— Пойдём. Только давай сначала ко мне заскочим — я скажу своим, чтобы не волновались.

— Хорошо, идём.

И Стёпа с Соней отправились к Стёпиному дому.

— Познакомьтесь — это Соня, — представил Стёпа Соню своим домашним.

— Очень приятно, — ответили домашние.

— Ж-ж-ж, — сказал… вернее прожужжал Шарик.

— Ой, какой хорошенький, — восхитилась Соня, увидев Шарика. Но тут же спохватилась и поздоровалась со всеми.

Бабушка предложила всем немедленно отправиться за стол и как следует пообедать. Все не возражали. Когда мыли руки, Соня тихонько стала шептать Стёпе:

— Давай из Шарика сделаем «Собаку Баскервилей».

— А как?

— Ну, намажем ему мордочку чем-нибудь… страшным.

— А вдруг ему не понравится?

— Ну… мы ему чем-нибудь вкусным намажем. Что он любит?

— Нектар любит.

— Нет, это не годится. Нектар прозрачный — его не будет видно. Давай хотя бы мёдом намажем.

— Ладно, потом попробуем.

После того как вымыли руки, все расселись за столом во дворе, и бабушка принесла большую кастрюлю с борщом и мисочку со сметаной. Дедушка нарезал хлеб и стал наливать борщ всем в тарелки.

— Я не хочу, спасибо, — вдруг сказала Соня.

— А почему? Что случилось? — всполошилась бабушка. — Борщик вкусный, свеженький… с мухами.

— Я не ем… такое.

— Какое — такое? Что же ты ешь?

— Мы сыроеды.

— А… понимаю. Сейчас… Кваня, принеси нашей гостье сыру пожалуйста.

Дедушка встал было из-за стола, но Соня застенчиво улыбнулась и опять возразила:

— Нет, вы не поняли. Простите. Но я имела в виду не сыр, а сырое — то есть не варёное и не жареное.

— Как это? — удивились на этот раз все, включая Стёпу.

— Разве бывает сырой борщ? — рассмеялся Стёпа.

— Наверное, нет. Но мы едим вместо борща салат.

— А вместо пирожков, что вы едите?

— То, из чего эти пирожки готовят. Только по отдельности и в сыром виде.

— Чудеса, — всплеснула руками бабушка. То-то ты такая худенькая. А как ты себя чувствуешь?

— Хорошо.

— И что, не хочется разве борщика? Свеженького? Со сметанкой?

— Нет, простите. Можно, я пока просто посижу — подожду Стёпу?

— Ну, вот ещё? Что ж мы… Кваня, сходи в погреб, принеси… что-нибудь… что у нас там есть?..

— А что ты любишь? — спросил Стёпа.

— Да… как-то… всё люблю. Ну, крупу люблю, пшено, горох…

— Во, дела… — дедушка посмотрел на Соню с жалостью. — Давай хочь молочка тебе налью. Оно шырое…

— Нет, спасибо. Молоко мы тоже не едим…

— Да что же это такое? — уже возмутилась бабушка. Квак же так можно? Ребёнку… без молока-то!

— Ой, я, наверное, пойду, — Соня испуганно встала из-за стола.

— Подожди. Не уходи, — Стёпа был в отчаянии.

— Ладно. Щейчас поищу чего-нибудь. Шырого, — сказал дедушка и направился в дом, качая головой и что-то бормоча себе под нос.

— Сонечка, а чем занимаются твои родители? — спросила мама, решив сменить тему разговора.

— Папа мой занимается опытами. Он учёный — евстевс… естествоиспыл… натуралист в общем. А мама рисует картины.

— Как это здорово… А ты кем хочешь стать?

— Пока не решила. Может быть сыщиком… — сказала Соня и смущённо опустила голову.

Все взрослые заулыбались, понимая, откуда это желание. А Стёпа посмотрел на Соню, и в его взгляде ревность смешалась с восторгом. Победил восторг, и Стёпа под столом пожал Соне руку — мол, добро пожаловать в наш клуб — тех, кто хочет работать сыщиками.

Тут вернулся дедушка, неся на подносе несколько тарелочек с разными крупами и свежими овощами. Соня наконец-то согласилась с этой едой и все облегчённо стали обедать.

За обедом Стёпа рассказал, что они познакомились с дядей Борей, и что он покатал их на лодке.

— А помнишь, как я тебя катал на лодке? — спросил папа у мамы.

— Ещё бы. Это было восхитительно.

— А я где был? — спросил Стёпа.

— А ты был только в проекте, — пошутил папа, и все засмеялись.

На десерт была свежая клубника и Соня отдала ей должное, как следует полакомившись ягодами.

Бабушка по инерции предлагала Соне макать клубнику в сметану, но после решительного отказа махнула рукой.

— Можно мы теперь пойдём к Соне? — спросил Стёпа после обеда?

— Ну, хорошо. Только сильно не задерживайся, — сказал папа.

— Возьми пирожков с собой. Проголодаешься, а подкрепиться то и нечем… горох один… — не без упрёка вставила бабушка.

— Ничего, не проголодаюсь. В крайнем случае, сырыми комарами подкреплюсь, — беспечно ответил Стёпа, чем привёл бабушку в панику.

— Вы слышали? Сырыми, говорит, комарами. Ещё чего? Не хватало нам дизентерии… и этого… поноса.

— Да ладно тебе. Не жаболеет он. Не бешпокойшя. Жабыла, как мы шырых комаров ели. И ничего, ждоровые были. Не то, што теперь…

Не стоило дедушке этого говорить. Да ещё и при посторонних. Бабушка терпеть не могла возражений, замечаний, а также критики в свой адрес. Она принялась журить дедушку Кваню, а Стёпа с Соней под шумок выскользнули за калитку и поспешили в сторону леса. За спиной у них ещё долго слышались громкие возгласы и звяканье посуды, потом послышалось жужжание, и появился Шарик. Он не выносил конфликтов, был трепетным и ранимым, несмотря на свою несколько брутальную внешность. Шарик увязался за Стёпой и Соней, а те не возражали.

— Шаринька, ты хочешь с нами? Пойдём…

Шарик помахал своим толстеньким жальцем, как хвостиком и полетел рядом.

Дорога к Сониному дому заняла минут пятнадцать. Это был скорее не дом, а надстройка. Сам дом был под землёй, а снаружи была только небольшая веранда со стеклянной крышей.

— Вот и наша норка, — сказала Соня, когда они подошли к двери. — Погоди, я сейчас.

Соня сбегала в дом и вынесла оттуда баночку с мёдом.

— Сейчас попробуем. Шарик, Шарик иди сюда.

Шарик доверчиво подлетел к Соне и, учуяв мёд, полез мордочкой прямо в банку.

— Подожди… да подожди же ты… Стёпа, подержи его.

Стёпа стал держать Шарика, а Соня намазывала его мёдом. Чтобы выглядело страшнее, Соня нарисовала Шарику на спинке череп. Однако Шарику вся эта затея не понравилась. Он стал вертеться, отчего шёрстка на спинке слиплась, а Стёпа весь перепачкался мёдом. Наконец Шарик вырвался у Стёпы, отлетел подальше и стал облизываться своим хоботком. Потом он пригладил шёрстку лапками и обиженно полетел обратно к дому, даже не оглянувшись ни разу.

— Эх, не получилось. Жалко — такая была бы «Собака Баскервилей» славная…

— Ну, ничего… Вон смотри — червячок ползёт. Может из него «Пёструю Ленту» сделать? — в утешение стал предлагать Стёпа.

— Да какая из него Пёстрая Лента? Смех один. Пёстрая лента должна быть страшная, а он… шнурок и то страшнее…

— Может ему ядовитые зубы привязать? — попытался развить свою идею Стёпа, но по Сониному кислому выражению лица понял, что сморозил глупость.

— Ладно, подумаем ещё над этим вопросом. Пойдём теперь к

нам, — Соня открыла дверь и впустила Стёпу первым. Стёпа зашёл внутрь, и оказался в довольно просторном помещении. Это было похоже на летнюю кухню, на прихожую и на веранду одновременно. Со всех сторон были окна. Из-за этого комната выглядела очень светлой и просторной. Посреди помещения стоял стол с несколькими стульями. Дальше была перегородка. Соня объяснила, что там за перегородкой мамина мастерская.

Напротив двери были перила и лестница, уходящая вниз. Внизу — под землёй и было основное жилище, а также папин кабинет и лаборатория.

Когда дверь закрылась, из-за перегородки раздался мамин голос:

— Сонечка, это ты?

— Да, мама, — ответила Соня и повесила на крючок мамин фартук. — У нас гости.

— Проходите, я сейчас. — За перегородкой послышалось шуршание, и через минуту появилась Сонина мама.

Она вытирала руки тряпочкой, выглядела очень приветливо и Стёпе сразу понравилась.

— Ну, как тебя зовут? — спросила она звонким и бодрым голосом.

— Стёпа, — слегка стесняясь, ответил Стёпа.

— Мама, он приехал к бабушке и дедушке на всё лето, и мы с ним будем дружить.

— Очень хорошо. Значит — ты из города?

— Да… А вы… художник?

— Ну, в общем-то — да. Можно и так сказать. Хотя я себя так никогда не называю. Рисую и всё.

— А м-можно п-посмотреть? — продолжая смущаться, произнёс Стёпа.

— Ну, пойдём, — пригласила мама.

Они вошли за перегородку, и Стёпа увидел большой мольберт, стоящий в углу возле самого окна. Рядом с мольбертом была табуретка на высоких ножках и небольшой столик. На столике было несколько тюбиков, баночек с жидкостью, тряпочка и круглая дощечка с выдавленными на неё красками.

— Вот это мольберт, — сказала мама. — Это палитра, — указала она на круглую дочечку с красками. — А это холст.

Стёпа увидел полотно, натянутое на раму. Сзади оно было похоже на простой мешок. Но с лицевой стороны холст был покрыт чем-то белым и уже не был похож на мешок. Хотя выпуклости от ниток всё же были видны.

— Для того, чтобы можно было рисовать, холст покрывают грунтом, — стала пояснять мама.

— Это такая земля? — спросил Стёпа — он видел передачу о космосе и там поверхность Луны называли грунтом.

— Нет. Грунт — это значит покрытие. Для холста существует специальное покрытие.

Стёпа посмотрел на холст и увидел какие-то чёрные линии и несколько мазков голубой краской.

— Тут пока смотреть нечего. Эту картину я только начала. Давай, я покажу тебе лучше что-нибудь из готового.

— Ага, — Стёпа любил живопись. Они часто ходили с папой в музей.

Мама достала со стеллажа несколько холстов на подрамниках и поставила перед Стёпой. Картины были разные. На одной был натюрморт с жёлтыми подсолнухами, на другой — пейзаж с лужайкой и пёстрыми цветочками. На третьей был ещё один пейзаж с лесным озером. И, наконец, на четвёртой был портрет. На портрете была изображена Соня в красивой соломенной шляпке, с веером и бусами.

— Ну как, нравится?

— Очень. Особенно портрет. Соня прямо как живая.

— Да-а, этот портрет написать было нелегко. Соня вертелась как заводная…

— Стоило мне сесть на табуретку и замереть, как у меня сразу начинало всё чесаться. Как будто блохи на меня напали…

— Сама ты блоха, — ласково улыбнулась мама.

— Мама, а может быть, ты нарисуешь Стёпин портрет?

— Может и нарисую, если Стёпа захочет.

— Стёпа, хочешь свой портрет?

— Ой, я не знаю, — засмущался Стёпа. — Если вам не трудно…

— Ну что ты. Конечно, не трудно. Надеюсь, что ты не будешь вертеться, как Соня.

— Я постараюсь…

— Хорошо, договорились. Через несколько дней я закончу этот натюрморт, и займёмся тобой.

— Спасибо… Я…

— Пока не за что. Мало ли… вдруг тебе не понравится…

— Я уверен, что понравится. Сонин портрет просто замечательный, а я буду сидеть как…

— Мышка? — хихикнула Соня.

— Оказывается, что и мышки не всегда сидят как мышки. Я буду сидеть, как… натюрморт, — сказал Стёпа, и все засмеялись.

— Вы, наверное, голодные? — спросила мама.

— Нет, мы у Стёпы подкрепились. Мы пойдём к папе — я обещала Стёпе всё показать.

— Ну, хорошо. Я ещё поработаю, — мама взяла кисть и принялась рисовать, а Соня повела Стёпу вниз по лестнице.

Стёпа с любопытством смотрел по сторонам. Спустившись по лестнице, они очутились в довольно большом проходе. Это был коридор. По обе стороны коридора располагалось несколько дверей. Соня стала по очереди показывать на двери и говорить, где что находится:

— Вот это у нас кладовка, там спальня мамы с папой, вот это — моя комната. Дальше — папин кабинет, а это — лаборатория. Сейчас посмотрим, что там происходит…

Соня постучала в дверь, но никто не ответил. Она заглянула внутрь и тут же захлопнула дверь.

— Что там? — спросил Стёпа испуганную Соню.

— Н-не знаю. Что-то большое и страшное…

— А как оно выглядит?

— Как чудовище… Ой, оно, наверное, съело папу… — Соня от страха совсем побелела, а Стёпа не знал, что ему делать. Наконец, собравшись с духом, он решительно подошёл к двери и распахнул её.

Глава 16. Живая еда

Первое, что увидел перед собой Стёпа — большой белый экран. Такой же, как у дедушки Ульриха. На экран был направлен луч света от проектора, который располагался в конце лаборатории. Проектор щёлкнул, и на экране появилось изображение кого-то огромного, мохнатого с большими клыками и когтями. Соня, которая выглядывала из-за плеча Стёпы, тихонько пискнула и спряталась за его спину.

Чудовище пошевелило своими клыками, но Стёпа стоял как вкопанный — он решил защищать Соню до конца.

Тут послышался шорох и из-за стола с проектором показался Сонин папа. Он был в белом халате, с отвёрткой в руках.

— Папа, ты живой! — радостно вскрикнула Соня и бросилась к нему.

— Конечно живой, а что со мной могло случиться?

— Я думала, что чудовище тебя съело…

— Какое чудовище? Ах, это… это не чудовище. Это Процерус — вид жужелиц. Я подключил микроскоп к проектору — хочу рассмотреть как следует строение его челюстного аппарата. Извините, что напугал вас… Подождите минуточку, я закончу опыт и отпущу пленника.

Папа подошёл к экрану и стал замерять линейкой расстояния на страшной морде чудовища.

Чудовище шевелило усиками, раскрывало челюсти и вращало глазами. И, хоть Соня уже знала, что это не настоящее чудовище, а проекция, она всё равно вздрагивала каждый раз, когда папа подносил руку с линейкой к страшным челюстям.

Наконец все замеры были сделаны, папа выключил проектор и вытащил чудовище из микроскопа. В папиных руках чудище выглядело вполне безобидно, и было похоже на обыкновенного жука. Папа посадил его в баночку с травкой и подошёл к Стёпе с Соней.

— Папа, это Стёпа. Он приехал в деревню к дедушке с бабушкой на всё лето. Мы с ним будем дружить… — отрапортовала Соня.

— Очень приятно, — сказал папа. Я тоже хочу дружить со Стёпой, можно?

— Можно, — ответил смущённо Стёпа. Ещё никто из взрослых не выражал желания дружить с ним, поэтому Стёпа не мог понять — шутит папа или нет.

— Вот и прекрасно. Меня зовут Альберт Васильевич, но ты можешь называть меня дядя Алик. Хочешь, я покажу тебе

лабораторию?

Стёпа энергично закивал головой — ему очень интересно было всё, связанное с наукой… А дядя Алик излучал такое дружелюбие, что Стёпа быстро перестал смущаться.

— Вот это микроскоп. Здесь у нас химический уголок. Тут небольшая слесарная мастерская — хочу собрать несколько приборов. Это осциллограф, а там — фото кабинет… Вот ещё электрогенератор и магнитометр. А это — телескоп-рефрактор… Вроде всё. Ну как, нравится?

— Да, очень. Я люблю всякие приборы… А это что? — Стёпа показал на странное сооружение на столе, которое состояло из множества трубочек, скреплённых между собой.

— А, это я изучаю эффект полостных структур. Слышал о таком?

— Нет, не слышал. А что это за эффект?

— О, это очень интересное явление. Я обнаружил его случайно, когда исследовал пчелиные соты. Соты обладают странным энергетическим воздействием. Вначале я заметил, что от них исходит тепло. Потом прибор показал сильное электромагнитное поле. А потом, когда я стал исследовать их подробно, обнаружились и другие интересные феномены. Даже время ведёт себя странно. Я оставил часы на ночь возле сотов, и на утро они стали отставать на пять минут…

Стёпа подошёл ближе к трубочкам и вдруг почувствовал сначала тепло, потом лёгкое головокружение. Во рту появился привкус чего-то металлического.

— Я что-то чувствую, — сказал он.

— Да, многие приборы ничего не показывают, а вот организм реагирует очень активно. Я ещё не всё изучил — многое непонятно. Зато есть уже и первые результаты. Пчелиные соты могут снимать головную боль. Я изготовил несложный аппарат, — дядя Алик показал Стёпе небольшую рамочку с сотами, прикреплённую к палке перпендикулярно и установленную на ножках, — достаточно посидеть под этим устройством пятнадцать минут и головную боль как рукой снимет…

— Это как таблетка?

— Гораздо лучше. У каждой таблетки есть побочный эффект, попросту говоря — вред, который она наносит организму. С помощью таблетки мы, конечно, можем избавиться на какое то время от головной боли, но при этом мы засоряем печень и почки… А эффект полостных структур тем и хорош, что не вносит в организм никакого постороннего вещества.

— Надо будет бабушке сказать — у неё часто голова болит.

— Если часто болит голова, это плохо. Необходимо искать причину и устранять её. Просто так голова болеть не будет…

— А в чём может быть причина?

— Что-то с сосудами. Причин может быть много. Скорее всего — это неправильное питание.

— А почему оно неправильное?

— Неправильное — с точки зрения природы. Ведь природа всё предусмотрела и для каждого вида приготовила своё питание. Кому — трава, кому — семена, кому — плоды, а кому — насекомые. Это называется видовое питание. При таком питании болезней быть не должно. А вот готовить пищу природа согласия не давала…

— А почему?

— Просто не давала и всё. Она не могла предположить, что её дары окажутся невкусными, и их нужно будет усовершенствовать. Ты где-нибудь в дикой природе видел, чтобы кто-нибудь готовил пищу на огне?

— Нет… не видел…

— И не увидишь. В природе всем всё и так вкусно, и никто не болеет… по крайней мере, из-за неправильного питания. Только домашние питомцы болеют. Именно из-за еды. Приготовленная пища усваивается неправильно. Во всяком случае, пока. Может быть, через миллион лет и появятся такие организмы…

— А почему через миллион?

— Дело в том, что эволюция — дело не быстрое. На создание пищеварительного аппарата, приспособленного для переваривания и усвоения данного вида пищи уходит очень много времени. Если даже одна клетка — это целый химический завод… Что уже говорить про пищеварительную систему — это великое множество разных фабрик и заводов. Поэтому нам нужно очень осторожно подходить ко всякого рода улучшениям и усовершенствованиям природы. Она этого не терпит…

— Но ведь бабушка и дедушка едят одно и то же… Почему тогда голова болит только у бабушки?

— Во-первых, у них разная генетика — то есть разная наследственность от их предков. Во-вторых, у них наверняка разный характер…

— Да, бабушка больше… ругается…

— Вот видишь. Поэтому и болезни у них будут разные… но обязательно будут. Наверняка, твой дедушка тоже болеет?

— Да, у него ноги болят и… зубы выпадают.

— Скорее всего, нехватка кальция в организме…

— А что им нужно есть?

— Мы все должны есть то, к чему приспособлен наш

пищеварительный аппарат. Насколько я знаю, ваш аппарат замечательно усваивает насекомых без твёрдой хитиновой оболочки. Мух, комаров и прочих подобных.

— А что получается, если из комаров сделать пирожки?

— Во-первых, всё, что подвергается тепловой обработке, становится мёртвым — происходит денатурация, а мы должны питаться только живой пищей. Жизнь передается от живой клетки к живой. При тепловой обработке еда превращается в безжизненную массу, которая не столько питает нас, сколько засоряет наш организм…

— А чем засоряет?

— Шлаками и токсинами. Это такие вредные вещества… Но давай вернёмся к пирожкам. Итак, пирожки — это мёртвая еда. Но это ещё не всё. Пирожки жарят на масле, а это очень вредно. При нагревании масло становится канцерогеном. Это сильный яд. Слово «канцер» в переводе означает рак, а это смертельная болезнь, и употребление жареного масла может вызвать эту болезнь. Ну и, наконец, тесто. Тесто делают из муки. А муку делают из пшеницы. При этом из пшеницы удаляют оболочку, в которой содержится всё самое полезное, а оставляют всё самое вредное. Крахмал, например, или такое вещество как глютен. Слово «глю» переводится как клей. Это и есть самый обыкновенный клей. Из муки иногда варят клейстер для обоев. Так вот этот клей очень сильно загрязняет организм и затрудняет процесс его очистки. Наш пищеварительный тракт похож на трубочки, внутри которых очень много разных мелких отростков, похожих на волоски. С помощью этих отростков пища усваивается. А глютен как бы цементирует все трубочки, склеивает все отростки, нарушая, таким образом, обмен веществ…

Стёпа стоял потрясённый, как будто весь мир вокруг него перевернулся вверх ногами.

— А… а почему я не болею, если эта еда такая вредная?

— У тебя организм ещё молодой и он пока справляется с загрязнением… Ведь что такое болезнь? Знаешь?

— Ну-у… это…

— Не трудись. Ни в одном медицинском справочнике ты не найдёшь внятного объяснения, что такое здоровье и что такое болезнь. Там очень много разных слов, они касаются самых разных процессов в организме, но суть сводится именно к тому, что болезнь — это когда ты не здоров, а здоров ты тогда, когда у тебя нет никакой болезни. И все.

— А что же тогда?..

— Я считаю, что здоровье — это состояние организма, при

котором процессы очищения преобладают над процессами загрязнения. И, соответственно — наоборот. Болезнь — это состояние организма, при котором процесс загрязнения преобладает над процессом очищения… Твои системы выделения пока справляются с выведением шлаков и токсинов. Но со временем эти вредные вещества накапливаются в организме до критического уровня. И организм отказывается дальше работать. Это и есть болезнь. Скорее всего, сосуды головы твоей бабушки забились, и кровь не может свободно циркулировать.

— А что же ей делать?

— Здесь нужно действовать в несколько этапов. Для снятия боли можно использовать эффект полостных структур. Соты дадут временное облегчение. Но только временное. Необходимо перестать засорять организм, переходить на живое питание. Пить побольше чистой воды, параллельно заняться очисткой организма и выведением из него всех шлаков и токсинов.

— А для чего нужно пить воду?

— Для очистки организма. Ведь снаружи мы следим за своим телом — умываемся, купаемся, чистим зубы. Внутри тоже нужна уборка…

— А компот можно пить? Воды ведь много не выпьешь…

— А ты попробуй умываться компотом…

Соня так и покатилась со смеху.

— Нет, брат. Компот — это еда. Только чистая родниковая вода годится.

— Но бабушка не захочет есть сырых комаров…

— Действительно, сразу изменить питание вряд ли получится. Дело в том, что у живой и мёртвой пищи разные способы переваривания. Если резко перейти на живую еду, то она не будет усваиваться.

— А почему?

— Видишь ли, Стёпа. Наша пища усваивается не сама по себе. У нас в кишечнике находится микрофлора — это такие бактерии, которые питаются тем, что едим мы, а мы — в свою очередь, питаемся тем, что вырабатывают эти бактерии. Так вот, если мы едим живую еду, то у нас в кишечнике живут симбионтные бактерии. Симбиоз — это взаимовыгодное существование вместе разных видов. Эти симбиотики едят комаров, которых ты съел, только в натуральном виде — не денатурированных… И вырабатывают взамен все необходимые тебе вещества и элементы. А если мы едим мёртвую пищу, то симбионтные бактерии погибают и их место занимают патогенные бактерии. Эти бактерии не способны усваивать живую пищу. Они питаются той мёртвой массой, в которую превращаются варёные и жареные

комары… А взамен вырабатывают токсины — вредные вещества. Конечно, кое-какие питательные вещества поступают в наш организм — иначе бы мы не могли существовать, но этих веществ гораздо меньше, чем вредных. Поэтому варёной еды нужно намного больше, чем живой. Так то… Но переходить на живую еду нужно постепенно, заменяя патогенную микрофлору на симбионтную. Да и патогены так просто не сдадутся. Это именно они посылают сигналы в мозг, требуя мёртвую пищу. Организм ведь себе не враг. Он не может хотеть того, что его убивает.

— А как этих патогенов заменить на сим… би… на полезных бактериев?

— Это произойдёт само собой. Небольшой запас симбиотиков в организме всегда есть. И когда у них появится еда, они начнут размножаться, и заменят собой патогены.

— А что значит «постепенно переходить»?

— Это значит постепенно увеличивать потребление свежих мух и комаров и снижать потребление варёных. А от жареных лучше сразу отказаться.

— А почему Соня сказала, что вы молоко не едите? Оно ведь живое…

— Ну, с молоком отдельная история. Молоко — это уникальный продукт. Оно предназначено природой исключительно для вскармливания младенцев. И годится в пищу только молоко своей матери. Конечно, взрослые особи могут употреблять молоко от чужой матери — от коровы, например… но вреда от этого будет гораздо больше, чем пользы.

— А почему?

— Видишь ли, братец, молоко — это не просто пища. Это ещё и… своего рода программа для формирования организма. В молоке много питательных веществ, которые необходимы младенцу для построения его тела, а у младенца — в свою очередь, есть необходимые ферменты для усвоения этих питательных веществ. Это как замок и ключик — всё очень индивидуально. Вот, например, в коровьем молоке есть очень сложный белок — казеин. Это питательное вещество. Оно служит, в том числе, для построения организмом телёнка рогов и копыт. У телёнка для расщепления казеина есть особый фермент. Без этого фермента казеин не переварится, а это очень клейкое вещество. Из него варят казеиновый клей… Ты уже знаешь, какой вред нашему пищеварительному тракту наносит клей. Так что молоко, да ещё и варёное — такое как сыр, это скорее строительный материал, а не пища.

— А дедушка так любит сыр…

— Вот поэтому ему и не хватает кальция. Многие считают,

что в молоке и, особенно в твороге и сыре содержится много кальция. Да, это так. Но дело в том, что природой предусмотрено, что внутри у нас должна быть щелочная среда, а молоко и сыр очень сильно «закисляют» наш организм. И ему приходится тратить много кальция для «ощелачивания». Таким образом, весь кальций из молока, да ещё и наш собственный в придачу, уходит на то, чтобы нейтрализовать вред от этого самого молока. Поэтому твой дедушка и страдает от недостатка кальция, как это ни странно… Ему тоже необходимо менять свой рацион и заниматься чисткой организма.

— А что значит «чистка организма»?

— А чистка — это выведение из организма всех шлаков и токсинов. Для этого есть много способов, и я с радостью поделюсь ими с бабушкой и дедушкой…

Время уже было довольно позднее, и Стёпа стал собираться домой. Дядя Алик достал из ящика рамочку.

— Ну что ж, очень рад был с тобой познакомиться, заходи к нам почаще. Вот тебе рамочка с сотами для бабушки — при головных болях рамочку необходимо прикрепить на небольшом расстоянии над головой и просто посидеть под ней минут десять. Боль должна пройти. Дальнейшие действия будут зависеть от того, что выберет твоя бабушка — здоровье или привычный ей образ жизни. Поговори с ней…

— Да, я обязательно всё ей расскажу. Я очень хочу, чтобы она не болела.

— Я бы посоветовал вам всем не дожидаться болезни, и тоже переходить на живую еду. И бабушке будет легче — в компании всегда веселее.

— А я для себя уже точно решил. Буду есть только живую еду.

— Вот и молодец. Желаю тебе успехов. Сонечка, проводи нашего друга…

— Спасибо… я, наверное, сам найду дорогу…

— Ничего, пойдём. А то ещё заблудишься. — Соня взяла Стёпу за руку и повела к выходу.

Наверху Стёпа попрощался с Сониной мамой и вышел из дома. На улице уже вечерело. Солнце склонилось к закату и окрасило верхушки деревьев в дивный розово-малиновый цвет. Было свежо и Стёпа с Соней быстро зашагали в сторону Стёпиного дома.

Когда они проходили мимо ручейка, Стёпа увидел стайку комаров, которые резвились в лучах заходящего солнца.

— Ну-ка, погоди. Хочу попробовать… — Стёпа отдал рамочку Соне и стал медленно приближаться к стайке комаров. Откуда ни возьмись, в нём проснулся охотничий инстинкт. Движения его

стали плавными, размеренными. В глазах появился хищный блеск…

— Хлоп, хлоп, хлоп, — Стёпа молниеносными движениями выбрасывал язык и ловил ничего не подозревающих комаров. Соня наблюдала за всем этим как заворожённая.

— Здорово, — сказала она, когда Стёпа прожевал свою добычу. — Ну, как тебе, вкусно?

— Да, вполне съедобно. Кисленькие немножко. Зато много не нужно. Пять штук хватило… На пирожки больше уходит.

— Ты такой… хищник, — Соня смотрела на Стёпу с восторгом. Никакая Собака Баскервилей сейчас бы её так не обрадовала. Стёпа слегка засмущался, но ему было приятно, что он стал Сониным героем.

— Я придумала! Завтра мы будем играть в «комнату страха».

— А что это такое?

— У вас в городе разве нет Луна-Парка?

— Нет, а что это за парк?

— Ну, это такой парк с разными качелями-каруселями. Но самое главное там — это Комната Страха… Садишься в специальный такой… вагончик и медленно едешь по рельсам… Запах там… электричеством и ещё чем-то… страшным… Едешь… значит… медленно… Заезжаешь в тёмную-тёмную такую… э-э-э… пещеру. Едешь, значит… и вдруг ж-ж-ж, — выезжает такой гроб на колёсиках. Бах — открывается крышка, а там скелет… Встаёт, такой, и руку к тебе тянет. Ты кричишь громко и едешь дальше… Темнота. Ничего не видно… И тут кто-то тебя трогает за плечо. Ты опять кричишь и едешь дальше. Потом — хлоп — включается луч света, а там… дохлая голова на палочке… Такая, типа чупа-чупса, только дохлая…

— Ой, не могу — дохлый чупа-чупс. Представляю себе, какой у него вкус…

— А я не представляю. Я чупа-чупсы не ем… И мне всё равно — живой он или дохлый.

— А почему ты их не ешь?

— Так там же химия одна. Папа говорит, что вся эта синтетика вообще не еда. Сахар — это уже вредная штука, а там ещё всякой гадости натолкано…

— А ты что, и газировку не пьёшь?

— А зачем? Лучше натуральное. Сок, например. Только польза, никакого вреда…

— Ну и что там дальше, в этой комнате страха?

— А… ну, короче… в общем, смотришь на этот дохлый чупик, опять кричишь, конечно. Потом… что потом? А, паук, большой и волосатый. Лапкой шевелит. Можно и тут покричать, хотя уже не

очень страшно… Ну, и в конце… этот, как его?.. А, Змей Горыныч… такой — «ш-ш-ш» — шипит. Но он совсем не страшный — видно, что из тряпочек. Можно не кричать… Всё. Потом вагончик выезжает на свет, а ты весь такой перепуганный… глаза большие… В общем, здорово.

— А как мы будем в… это играть?

— Ну, придумаем. Приходи завтра ко мне. Я тебе покажу свою комнату. Там и придумаем. Запоминай дорогу — тут просто. Всё время прямо-прямо, а возле леса направо и немножко вперёд.

— Ага, я запомню.

Тут впереди показался Шарик. Он сидел в будке на дереве, издалека увидел Стёпу и сразу кинулся ему навстречу. Про «Собаку Баскервилей» он уже забыл, и не обижался. Шарик подлетел к Стёпе, стал ласкаться и тереться своей мохнатенькой спинкой о Стёпину руку. Стёпа почесал ему спинку и Шарик довольно заурчал. Соня с завистью смотрела — она тоже мечтала завести себе домашнего питомца, но всё не могла решить — кто же ей нужен. Теперь она поняла, что ей нужен шмель.

— Ну ладно, дальше я пойду с Шариком. Теперь мы точно не заблудимся. Спасибо за компанию. До завтра, — попрощался Стёпа.

— До завтра. Смотри не забудь. Если у тебя есть что-нибудь страшное — прихвати с собой.

— А что, например?

— Ну, я не знаю… может, чей-нибудь череп… или хотя бы кости…

— Я спрошу у бабушки… хотя не думаю, что она хранит в доме череп с костями.

— Ну ладно, пока. — Соня повернула обратно, а Стёпа с Шариком отправились дальше вдвоём.

Дома все уже почти начали беспокоиться, и появление Стёпы было как нельзя кстати. Бабушка, после того, как немножко повздорила с дедушкой, неважно себя чувствовала и лежала на диванчике. Но когда Стёпа появился, она сразу подскочила и заспешила на кухню — разогревать ужин.

Однако Стёпа ужинать был не намерен.

— Бабушка, я уже поужинал…

— Как поужинал? Где поужинал?

— На улице. Я комаров наелся. Больше не хочу.

Бабушка так и села.

— Батюшки! Каких ещё комаров?

— Как каких? Живых… свежих… сырых.

— Ой, кошмар какой. Сырых… не мытых! Да как же это? Кваня, ты слышал? Это всё ты… это всё твои… Что я говорила!

— А как же ты их поймал? — заинтересовался дедушка, появившийся в дверях вместе с папой и мамой.

— Ну… как? Языком. Раз, раз, р-раз — пять штук съел. И больше не хочется.

— Ой, держите меня. Я сейчас умру, — бабушка схватилась одной рукой за сердце, другой — за голову и уселась на табуретку.

— Бабушка! Вот смотри — это специальный прибор. Он поможет тебе. Это дядя Алик мне дал. Для тебя.

— Какой ещё дядя Алик?

— Сонин папа. Он сказал, что твои головные боли от неправильного питания.

— Ой, убери эту… ерунду. Кваня, дай мне там… капли…

Дедушка зашаркал к шкафчику, а мама с папой стали хлопотать вокруг бабушки. Стёпа растерянно стоял с рамочкой в руке и не знал, что ему делать. Наконец бабушка выпила капель, и папа с дедушкой повели её в спальню. Мама тоже помогла уложить бабушку в постель. Потом все вернулись на кухню и сели за стол.

— Стёпа, ну нельзя же так, — первой прервала молчание мама. — Ты же понимаешь, что бабушке нельзя волноваться. Что же ты её расстраиваешь?

— Но ведь я же не хотел её расстраивать. Я же хотел как лучше. Вот приборчик ей принёс… От головы…

— Ну а чего ты кушать отказываешься? Она старалась, готовила…

— Я сегодня узнал… такое… Оказывается — всё это есть нельзя… Это всё засоряет наш организм, и мы все заболеем, как бабушка…

— Кто это тебе сказал?

— Сонин папа… дядя Альберт. Он учёный. У него микроскоп и… телескоп-реактор есть. Он…

— Ну, хорошо, малыш. Давай, я завтра поговорю с этим дядей Альбертом, а сегодня ты поужинай с нами. Мы тебя ждали, сидим голодные… — папа придвинулся к Стёпе и обнял его за плечо.

— Но я правда не хочу. Я наелся…

— Ну, давай немножко — за компанию…

— Ну, хорошо, только капельку, — Стёпа вспомнил, что сразу переходить на живую еду нельзя и решил всё делать по-научному.

Мама стала разогревать мухтельки — это такие тефтельки из мушек, а дедушка поставил самовар и принёс варенье из мушиных глазок.

Стёпа вспомнил про Сонину просьбу — принести что-нибудь страшное, и стал оглядываться по сторонам в поисках чего-

нибудь, более-менее ужасного. Но ничего страшнее мушиных глазок в плошке с вареньем он не увидел. Стёпа стал думать — стоит ли ему наковырять немножко этих глазок и взять завтра с собой, или поискать ещё что-нибудь.

— Дедушка, а у нас нет случайно черепа или костей немножко?

— Чево? Каких ещё каштей?

— Ну… от какого-нибудь мертвеца…

— Да нашто они нам? Не хватало нам ещё мертвечов в доме. А ты што это надумал?

— Ну, это нам на завтра нужно. Мы хотим комнату страха сделать… с Соней.

— Ну, беда прям ш этой Шоней. Не одно так другое… Жабодай меня комар…

Тут мама поставила на стол тарелки и все принялись ужинать. Стёпа съел мухтельку, потыкал вилкой в гарнир и стал хлебать чай из блюдечка. Он взял из вазочки конфету, развернул бумажку и положил возле себя, а конфету незаметно бросил Шарику, который отирался неподалёку. Затем Стёпа отковырял несколько мушиных глазок и незаметно положил на бумажку, хорошенько завернул и положил в карман.

— Ну вот, хоть что-нибудь… Хоть не с пустыми руками… — подумал Стёпа и почесал Шарика за ушком.

Глава 17. Здоровье

На следующее утро Стёпа пошёл к Соне вместе с папой. Шарик решил их не сопровождать — у него были свои, одному ему известные дела, и он не мог их отложить.

Дорогу Стёпа запомнил хорошо и они с папой добрались без проблем. Когда они подходили к дому, то увидели во дворе Соню. Она сидела на лавочке и держала перед собой руку ладошкой вверх, а на ладони у неё кто-то сидел. Соня увидела Стёпу с папой и радостно крикнула:

— Стёпа, привет! Смотри, кто у меня есть! Это Муся. Она муха. Смотри, какая она красивая. Она будет у меня жить. Она ещё маленькая. Она любит крошки. Я ей сделала гнёздышко в баночке — она там будет спать.

Стёпа с папой подошли поближе и увидели, что на руке у Сони сидит маленькая мушка. Её брюшко отливало металлическим блеском, и было красивого изумрудно-голубого цвета.

— Привет, Соня. Здорово! Ой, но это же… — Стёпа переглянулся с папой и хихикнул в кулак. Соня не обратила на это внимания — она была занята своей Мусей, и Стёпа с папой решили ничего не говорить ей.

— Зачем расстраивать их? Раз им хорошо вместе, пусть будут счастливы, — подумал про себя Стёпа. Что подумал папа, осталось неизвестным.

— Здравствуй, Сонечка. А твой папа сейчас дома? — спросил он.

— Здравствуйте. Да, он у себя, проходите… Муся, ты пока тут посиди на солнышке. Можешь полетать немножко, только далеко не улетай.

Все прошли в дом. Папа познакомился с Сониной мамой и после некоторых церемоний отправился вслед за Соней в кабинет дяди Альберта.

Кабинет был большой и просторный. В углу стоял массивный стол, рядом был большой диван и журнальный столик. Вдоль стен были книжные шкафы. Возле одного из них стояла стремянка. На этой стремянке и находился в данный момент дядя Альберт.

— Папа, к нам пришли. Стёпа и его папа.

— Здравствуйте, очень рад. Проходите, садитесь вот сюда — на диван. — Дядя Алик был в домашнем шёлковом халате, брюках в полосочку и роскошных туфлях с загнутыми вверх носками.

— Не хотите ли живого овсяного киселя? Очень вкусный и

полезный напиток.

— Что ж, не откажусь, — папа первый раз слышал о таком киселе, но он по натуре был экспериментатор, и ему было интересно всё новое. Стёпа тоже захотел попробовать необычное блюдо.

Дядя Алик открыл небольшой холодильник, который находился тут же в кабинете и достал из него стеклянный кувшин с густой жидкостью, похожей на сгущённое молоко. Соня принесла красивые стаканчики, и дядя Алик налил всем по небольшой порции этого странного киселя.

Кисель оказался очень приятным на вкус, и Стёпа с папой с удовольствием справились со своими порциями.

Соня догадалась, что у Стёпиного папы есть какое-то дело к её папе, поэтому она предложила Стёпе отправиться с ней в её комнату. Стёпа возражать не стал, и папы остались наедине. Папа Стёпы не стал ходить вокруг да около и сразу перешёл к делу. Он сказал, что был удивлён вчерашними заявлениями Стёпы по поводу их питания, и хотел бы кое-что для себя прояснить.

Папа Сони сказал, что с радостью ответит на все вопросы Стёпиного папы.

Внимание! Дальше идёт разговор двух пап, который может быть не понятным для самых маленьких наших читателей. Это вовсе не значит, что им будет не интересно… Но если начнётся ёрзание и зевота, рекомендуем перейти к следующей главе.

— Я, конечно, понимаю, — начал папа Стёпы. — Мы питаемся далеко не идеально. Но чтобы вот так вот… Совсем неправильно… Всегда было правильно… А тут…

— Простите, вы имеете какое-нибудь отношение к биологии? — прервал его папа Сони.

— Нет, я больше по технической части. Но биологией интересуюсь… Кое-что знаю.

— Ну и отлично, коллега. Значит, что такое эволюция вы знаете?

— Да, разумеется.

— Прекрасно. Тогда вы меня легко поймёте. Итак, эволюция — это своего рода естественный отбор. Природа миллионы и миллионы лет экспериментирует, комбинирует, отнимает-прибавляет и, в конце концов, методом проб и ошибок добивается более-менее устойчивых результатов. Всё несовершенное отмирает, и остаётся только то, что миллионами лет доказало своё право на существование. Согласны?

— В общем, да.

— А что, есть какие-то возражения?

— Ну… нет. Полностью согласен.

— Хорошо. Продолжим. Итак, наш организм — это сложнейший механизм, где все части взаимозависимы, и все детали которого притирались миллионы лет. Механизм получился идеальный. Работает замечательно. Все поставленные перед ним задачи решает. Вы, как техник, не можете с этим не согласиться…

— Д-да. Я согласен.

— Чудесно. Тогда я вас спрошу: как необходимо эксплуатировать сложнейший механизм для того, чтобы он работал без сбоев, не ломался, и был исправен весь срок, на который он рассчитан?

— Ну… необходимо соблюдать инструкцию по эксплуатации… вовремя проводить профилактику… соблюдать режимы эксплуатации… использовать качественные расходные материалы…

— Всё верно. Теперь рассмотрим наш организм. Его питание. Без питания, как вы понимаете, ни один механизм работать не будет. Что такое питание? Это возможность поступления энергии к силовому блоку механизма. Энергия у нас с вами одна — солнечная. Значит, наша задача — доставить эту солнечную энергию во все части и отделы организма для его жизнедеятельности. Согласны?

— М-м-м… да.

— Ну так вот. Растениям повезло — они усваивают солнечную энергию напрямую. Дальше по цепочке идут те виды, которые питаются растениями, и потом уже идут хищники, которые, в свою очередь, питаются животными. Такая вот пищевая цепочка. У каждого из видов пищеварительный аппарат является главным. Он первым появился — кишечная трубка развилась задолго до всех остальных органов, включая глаза и уши. Не мне вам объяснять, коллега — насколько сложной является вся система. До сих пор наши учёные и близко не подошли к созданию искусственной клетки. Что уж говорить обо всём остальном…

— Да, попытки не прекращаются, но результаты пока далеки от завершения…

— Так вот. Как вы думаете, если в такой сложнейший механизм, которым является наше тело, начать заливать топливо, на которое оно не рассчитано — долго этот механизм проработает?

— Но почему вы считаете, что это топливо не годится?

— А где, позвольте вас спросить, когда и какие виды готовили пищу на огне?

— Ну… не знаю… со времён ледникового периода…

— Допустим. Но ведь это было относительно недавно. К тому времени весь пищеварительный аппарат был давно уже сформирован. С тех пор он не претерпел никаких изменений. Вся биохимия осталась прежней. Ведь должны пройти миллионы лет для того, чтобы аппарат перестроился под другой тип питания…

— Но я не понимаю, почему так важно потреблять именно живую пищу. Ведь, в конце концов, нам нужны белки. Какая разница, какой белок я съем — сырой или жареный?

— Разница большая. Во-первых, жареных белков не бывает. И даже варёных. При 70 градусах тепла белок распадается. Это уже денатурированный белок, то есть не белок, а некая аморфная масса…

— А яичный белок? Варёный… Выглядит вполне цельно…

— Вот именно, что выглядит. Котлета тоже выглядит цельной… Но дело не только в этом. Если пойдём дальше, то во-вторых, питаемся мы не белками. Каждый организм строит СВОИ СОБСТВЕННЫЕ белки. Надеюсь, вы помните, коллега, что в каждой клетке есть рибосома? Она как раз и занята построением белка из аминокислот. Это вы прочитаете в любом учебнике биологии. Таким образом, нам нужны не белки, а аминокислоты, поскольку любой белок, поступающий к нам извне, всё равно придётся разобрать до аминокислот. А это очень энергозатратный процесс. Ну, и в-третьих, потребляя белки, а тем более в больших количествах, и тем более такие сложные, как, например, казеин — мы тем самым запускаем в свой организм огромную армию врагов. Ведь при попадании в кровь белка тут же начинается реакция антиген-антитело. Для организма белок — это чужеродное тело. Такое же, как и вирус. Организм начинает продуцировать антитела — лейкоциты и фагоциты. Начинается фагоцитоз — поедание белковых молекул. Это тоже очень энергозатратно, и в процессе фагоцитоза образуется очень много гноя и токсинов, которые организм просто не способен вывести.

— Неужели организму так трудно перестроиться? Генетики такие чудеса творят. В течение одного — двух поколений выводят абсолютно новые виды…

— Да, за то, что «творят» генетики мы ещё будем расплачиваться. И не одно поколение. Природа не терпит, когда её насилуют… Да и ради чего она должна перестраиваться? Ради котлеты? А если завтра мы захотим есть пластмассу? Прикажете природе всё бросать и удовлетворять наши неразумные потребности? Ведь всё это очень небыстрые процессы. Естественным путём перестройка идёт очень медленно. Единственное, что произошло с тех пор, как наши предки стали употреблять термообработанную пищу — это то, что наша

симбионтная микрофлора, которая привыкала к нам миллионы лет, приспосабливалась к нашим нуждам и сама эволюционировала в нужную нам сторону, была беспощадно изгнана и заменена на чуждую нам патогенную микрофлору. Конечно, патогенные бактерии ни в чём не виноваты… более того — спасибо им большое. Ведь если бы не они, то всё, съеденное нами застряло бы в кишечнике, и мы немедленно умерли бы от непроходимости и токсикоза. Именно патогенные бактерии поедают всю ту гнилостную массу, в которую превращается в желудке наша, так сказать, пища. Но проблема в том, что симбиотики, поедая предназначенную им живую еду, кормили нас всеми необходимыми нам витаминами и аминокислотами. А вот патогены вырабатывать витамины не умеют. Они кормят нас токсинами…

— Ну… хорошо… допустим. Но ведь наши предки — дедушки, бабушки питались варёной пищей…

— И что? Разве их механизмы не выходили из строя? Разве хоть кто-нибудь за всю историю наблюдений умер от старости? Нет — я вам авторитетно заявляю. Все умерли от тех или иных болезней.

— Но, может быть, это из-за экологии?

— Раньше заводов и фабрик не было. А бабушки и дедушки умирали от болезней ничуть не меньше, чем теперь. Что касается экологии… Экология-то на всех одна? А болезни разные. Почему один болеет раком, а другой — в той же самой экологии болеет диабетом?

— Почему?

— Потому, что один любит шашлыки, а другой любит пирожные. В этом их главное отличие. Экология тут ни при чём.

— Значит, белки нам не нужны?

— Нам нужны «наши» белки. Именно те, которые «соберут» нам наши клеточки. Из кирпичиков-аминокислот, которые мы им предоставим… Что такое РНК вы знаете?

— Это какой-то код…

— Именно. Наша ДНК, которая «знает» всё о нашем организме, «отпечатывает» инструкцию в виде РНК и отправляет её рибосоме, которая «читает» эту инструкцию и, согласно ей, «собирает» уникальный белок, необходимый нам… А мы, своими котлетами…

— А как же молоко? Ведь оно необходимо организму, а в нём как раз много белка — того же самого казеина?

— Да, молоко необходимо. Но вот только кому, когда и какое? Исключительно младенцу, исключительно в период грудного вскармливания и исключительно молоко его матери.

Молоко — это очень индивидуальный продукт. В разное время его состав меняется, запускаются различные программы. Например, для телёнка с его рогами и копытами не подойдёт молоко зайчихи или пчелы. Так предусмотрено природой.

— Но ведь бывает, что животные в природе пьют чужое молоко…

— В природе? Каким образом, позвольте узнать? Неужели в природе есть фермы и доярки с бидонами?

— Но кошки же пьют молоко из блюдечка…

— Кошки… В природе ни одна кошка не способна надоить себе блюдечко молока. Ни одна корова её не подпустит к вымени… И потом — обратите внимание, что младенец молоко вынужден сосать. Никто ему на блюдечке не подносит. Потому, что на воздухе молоко окисляется. Полезно только то молоко, которое не контактировало с воздухом.

— А как же наши бабушки? Они всю жизнь пили молоко…

— А откуда, по-вашему, берётся артрит у наших бабушек?

— Ну не знаю… работали в огороде всю жизнь…

— А катаракта?

— Думаю, что от старости…

— Я вам расскажу. В молоке есть полисахарид — лактоза. В организме он распадается на два моносахарида — глюкозу и галактозу. Глюкоза усваивается без проблем. Это для нас основной источник энергии. А вот галактоза не усваивается совсем. Потому, что ген, ответственный за расщепление галактозы у младенца отключается с того момента, как ребёнок бросает грудь. Но это полбеды. Галактоза не только не усваивается, но и не выводится из организма. А откладывается где только можно. Вот целлюлит на бёдрах, артрит и катаракта как раз и есть отложения галактозы.

— А сыр?

— А сыр — это концентрированный клей. Чем твёрже сыр — тем больше там казеина. Кстати, наши предки молоко в пищу не употребляли. Для них это был исключительно строительный материал. Можете почитать в архивах, сколько было использовано творога при строительстве тех или иных сооружений в древности. Очень хороший строительный материал. До сих пор стены стоят… Хотя, это, конечно, варварство. Вы не представляете себе, каким мучениям подвергают коров для того, чтобы у них постоянно было молоко. Все эти искусственные оплодотворения — это насилие над природой. И наши болезни — это ни что иное, как расплата за это насилие.

— А как же мыши и сыр?..

— Ну, что тут вам сказать? Едят, конечно. Пока есть сыр,

будут и мыши, готовые его есть. Но ведь и зайца можно научить курить…

Тут Стёпин папа прокашлялся и подумал, что хорошо сделал, бросив курить.

— Значит, получается, что все болезни из-за неправильного питания?

— В основном — да. Во всяком случае, симптоматические — все.

— А простуда? Ведь она из-за вирусов?

— Одно из распространённых заблуждений. Начнём с того, что такое болезнь, и что такое здоровье. Знаете?

— Ну…

— Не трудитесь. Официальная медицина определённого ответа на этот вопрос не даёт. В нашем организме постоянно идут два процесса: процесс загрязнения и процесс очистки. В условиях нашей экологии, какая бы чистая ни была пища, она всё равно загрязняет организм. Так вот, болезнь — это состояние организма, при котором процессы загрязнения преобладают над процессами очистки. А здоровье — соответственно, наоборот, когда очистка идёт более интенсивно, чем загрязнение или хотя бы равномерно. Конечно, ресурс у организма очень большой. Природа хорошо постаралась и предусмотрела много защитных и компенсаторных механизмов. Но всему есть предел…

— Что же это за такие загрязнения?

— Условно их можно разделить на две группы. Первая группа — шлаки, вторая группа — токсины. Шлаки — это вещества, которые накапливаются в организме, никак его не повреждая, то есть, грубо говоря — это мусор, который просто скапливается. И задача организма заключается в том, чтобы от него избавиться. В общем-то, в этом особой проблемы и беды нет, что эти шлаки присутствуют в организме. Проблема не в них — проблема в их количестве. Есть три формы шлаков. Первая форма — это слизь. Вторая форма — это отёки. Отёки во многом сопряжены с количеством токсинов в организме, то есть организм вынужден разбавлять в соединительной ткани токсины, чтобы они там были в невысокой концентрации. И разбавлять большим количеством воды. Эта вода и образует отёки. Третья форма шлаков — это камни. Все знают, что камни образуются в почках и становятся причиной мочекаменной болезни, но камни состоят из микроскопических кристаллов, и кристаллы присутствуют далеко не только в почках. Например, они становятся причиной ревматизма, когда накапливаются на внутрисуставной поверхности. Они уменьшают подвижность сустава, могут раздражать его поверхность и вызывать воспаление. И основная

причина всех проблем с суставами — как раз накопление этих нерастворимых солей… Кроме шлаков организм загрязняется токсинами. Токсины — по объему это очень маленькое количество веществ. Но отличие их от шлаков заключается в том, что они непосредственно повреждают те ткани, с которыми соприкасаются. Это ядовитые вещества. И те ткани, те клетки, которые соприкасаются с токсинами… они повреждаются — либо умирают, либо становятся больными. Организм, так или иначе, вынужден потом эти клетки обновлять, выстраивать новые… Токсины — это продукты жизнедеятельности патогенных бактерий, яды, химикаты — которых, кстати, в современной синтетической пище предостаточно…

— А как происходит загрязнение?

— Когда выделительная система не справляется, организм начинает «расталкивать» эти шлаки и токсины, куда только можно. Начиная с межклеточного пространства и заканчивая самыми дальними закоулками. Печень, кстати, самый большой склад токсинов. А толстый кишечник — грандиозное кладбище шлаков. Когда дальше загрязнять организм уже некуда, начинается принудительная очистка. Выглядит это как заболевание. Иногда простудное. При простуде выходит очень много слизи — освобождается место для дальнейшего складирования. А вирусы… вирусы в организме есть всегда. Значение вирусов сильно преувеличено медиками.

— Получается, что простуда — это хорошо?

— Да, разумеется. Гораздо хуже, если организм не болеет простудными заболеваниями.

— Почему?

— Потому, что тогда у организма нет возможности периодически очищаться. И когда он рано или поздно заболевает — то это уже будет болезнь гораздо серьёзнее простуды. Я говорю о тех, кто питается традиционно. Мы вот не болеем вообще.

— Совсем не болеете?

— Да, совсем. Нам это не нужно.

— А как же врачи?

— А что врачи?

— Ну… я не знаю… Всё, что вы говорите так не похоже на то, что обычно говорят врачи…

— К сожалению, не все врачи от слова «врачевать». Многие — от слова «врать»… Есть ещё самые настоящие «рвачи»… Хотя… их можно понять. Если все будут здоровы, что тогда будут делать врачи? Вот, например, целая наука — диетология. Чем займутся диетологи, если все начнут правильно питаться? А ведь, по сути, диетология — это лженаука… Вот представьте себе, что мы

вместо того, чтобы просто залить бензин в бак автомобиля, будем консультироваться со специалистами, которые будут нам рассказывать, что бензин нужно приготовить на парУ, разбавить тем-то и тем-то, заливать только в определённое время суток небольшими дозами и так далее… Ведь что они говорят? Что без молочных продуктов в организме не будет кальция. Правильно?

— Да.

— Хорошо, что корова об этом не знает. Она бы задумалась — где бы ей взять кальция, и умерла бы от его недостатка… рассыпалась бы в пух и прах от остеопороза… Да в любой траве кальция в разы больше, чем в молоке…

— А ведь и правда, откуда у коровы столько кальция, если она ест одну лишь травку?

— А что говорят врачи по поводу аллергии?

— Что?

— Что это реакция организма на клубнику, цитрусы или ананасы…

— А на самом деле на что?

— А на самом деле ровно наоборот. Организм зашлакован и затоксинен до последней стадии. Иногда ещё в утробе матери. Матери, кстати, очень часто сбрасывают на ребёнка свои шлаки и токсины — именно этим и объясняется то, что некоторые матери после родов выглядят помолодевшими. Так вот, этот зашлакованный организм ищет любой повод, чтобы избавиться хотя бы от части всего этого «добра». И клубника или апельсин для него — это сигнал, своего рода приглашение. Организм решает, что хозяин наконец-то одумался, всё понял и больше не будет есть «каку», будет питаться натуральной пищей. Тогда организм радостно начинает чистку — все эти аллергические высыпания на коже и сопли — это симптомы очистки организма… Но не тут то было. Приходит врач и велит выбросить клубнику в мусор, а есть только куриный бульон и паровые котлеты …

— Надо же…

— Или вот взять, например, офтальмологов. Вы давно носите очки?

— С детства.

— И что вам говорили врачи?

— Ну, прописали очки… Говорили, что нужно немного их поносить для того, чтобы исправить зрение…

— Вот видите. А ведь это целая индустрия. Одни делают линзы, другие — оправы, третьи — контактные линзы и сопутствующие товары. Как тут уберечься от соблазна?

— Какого соблазна?

— Соблазна не обеспечить себе безбедное существование за счёт здоровья других.

— Но разве очки не помогают нам видеть?

— Очки — это костыли для глаз. Но, в отличие от обычных костылей, очки вызывают привыкание к себе и способствуют деградации глазных мышц… Глазам нужны не костыли, а правильное питание и зарядка… На примере с очками вы должны понять, что из себя представляет наша медицина…

— И что же она представляет?

— А вот что. До сегодняшнего дня офтальмологи руководствуются теорией Гельмгольца, по которой наш глаз устроен так, что его способность видеть предметы вблизи или вдали зависит от утолщения или растяжения хрусталика, который имеет форму двояковыпуклой линзы. Сама же форма глаза стабильна. По этой теории, любые проблемы с наведением резкости связаны с нарушениями в хрусталике и лечатся с помощью сложной операции или решаются с помощью очков…

— А что, разве есть другие варианты?

— Есть. Есть теория Бейтса, по которой наведение резкости производится не сжатием-растяжением хрусталика, а изменением формы всего глазного яблока. Не зря же оно заполнено стекловидным телом — это такая гелеобразная субстанция. Зачем природе создавать такую подвижную форму для стабильного органа?

— И что это всё значит?

— Это значит, что все проблемы с аккомодацией — то есть наведением на резкость, решаются без сложных операций, очков и прочих костылей.

— Каким же образом?

— Упражнениями. Сжатие и растяжение глазного яблока осуществляется прямыми и косыми мышцами глаза. При взгляде на близкий предмет мышцы сжимают глаз, сплющивают его. И он становится немного продолговатым. При взгляде вдаль мышцы расслабляются, и глаз опять принимает форму шара. При дальнозоркости мышцы не способны сжать глаз, и он остаётся круглым, а при близорукости мышцы не способны расслабиться, постоянно напряжены и глаз всегда находится в приплюснутом состоянии…

— И какие же нужны упражнения? Если, к примеру, у меня дальнозоркость, и я не вижу всё, что находится на близком расстоянии… Хотя я и вдаль тоже смотрю… не очень…

— Вам нужно тренировать косые мышцы глаза. Они должны с лёгкостью сжимать глаз. Самое простое — это нарисовать на оконном стекле чёрную точку и фокусировать свой взгляд

попеременно на этой точке и на том, что находится за окном. Всего пять минут в день и через месяц очки вам не понадобятся. Очки отключают работу мышц глаза, и мышцы постепенно атрофируются за ненадобностью. Поэтому от очков лучше отказаться сразу… Ну, по крайней мере, тогда, когда можно обойтись без них. И, конечно же, питание тоже играет важную роль. Дело в том, что шлаки откладываются в том числе и в глаза. Из-за этого эластичность стекловидного тела нарушается, глаз становится более упругим и поперечные мышцы не могут его сжимать, а продольные мышцы напряжены и не дают работать поперечным мышцам. Кроме того, глаз очень нуждается в витаминах, которые находятся именно в сырой пище… Есть целая система упражнений для глаз. Если хотите, я вас научу…

— Да, непременно…

— По теории Бейтса все расстройства глаза исправляются упражнениями. Даже астигматизм, не говоря уже про косоглазие. Бейтс был противником любых операций на мышцах глаза. Но, как вы сами понимаете, на упражнениях много не заработаешь…

— Но как же так? Почему медицина так… поступает с нами?

— Однозначного ответа нет. Думаю, что большинство врачей всё-таки честные и сами являются жертвами системы. Сплошь и рядом можно видеть офтальмологов в очках, тучных диетологов и…

— Логопедов с фефектами фикции?

— Вот именно… Вопиющая некомпетентность… А спирт? Ведь это самый настоящий яд. А врачи сами его пьют и советуют всем в умеренных дозах… А курящие врачи? Да ещё и у всех на виду. И ведь их видят дети. И берут пример — раз уж врачи так делают, значит ничего страшного…

— Так что же, вся медицина такая? Может быть, и стоматологи не нужны?

— Вы будете смеяться, но зубы можно выращивать в любом возрасте. Есть специальные техники… Но если бы все питались правильно, то зубы были бы в полном порядке, а из врачей остались бы одни хирурги — лечить травмы. Вот это настоящие Врачи… А болезни… их просто бы не стало.

— А как же душевные болезни? Психология?

— Я уверен, что правильное питание полезно не только для тела. Слышали такую пословицу: «В здоровом теле здоровый дух»?

— Да, конечно…

— Вот вам и ответ.

— Ну, хорошо. Меня вы убедили. А как убедить бабушку? Я не представляю себе тех аргументов, которые убедили бы её на

старости лет перевернуть своё мировоззрение с ног на голову.

— К сожалению, тут лучший аргумент — это болезнь. Я очень хорошо вас понимаю. Старшему поколению очень трудно менять свои привычки. А еда для многих из них это именно привычка. И привычка вредная. Они не едят для того, чтобы жить, а живут для того, чтобы есть. Отними у них наслаждение от еды, и у них почти не останется радостей в жизни…

— Это точно.

— А ведь пища, как и вода и воздух не должна быть целью жизни. Она должна быть всего лишь одним из инструментов. Конечно, она должна быть вкусная, приносить радость. Но не больше, чем свежий воздух или чистая родниковая вода. А все эти кулинарные изыски… хамоны, фуа гра, соусы спесализьён с пармезанами — это извращения, не более того. Радость и наслаждение надо искать в другом. Жизнь такая многообразная. Столько всего интересного вокруг… Как там у классика? «Не делайте из еды культа…»

— Тут я с вами полностью согласен. Но как объяснить это тем, для кого вкусная еда — это чуть ли не смысл всей их жизни?

— Задача не простая конечно. Они будут отстаивать своё право на котлету до последнего. Это как раз психология — тут ничего не поделаешь. Разумными доводами их не переубедишь. Они считают себя разумнее всех нас вместе взятых. Так что на быстрый результат я бы не рассчитывал. Разве что гипноз, — улыбнулся дядя Алик.

— Да, это понятно. Но ведь и времени остаётся не так уж и много. Болезнь у бабушки прогрессирует, силы у её организма уже не те. Неужели ничего не поделать?

— Нельзя никого сделать счастливым, если он того не хочет. У каждого есть Душа. Она и ведёт к намеченной цели. Если Душа выбрала путь болезни — вы ничего не сможете сделать. А если Душа не хочет, чтобы тело болело — она ухватится за любую возможность. Живая еда, так живая еда. Голод? Не тётка, а мать родная… Холодная прорубь? Да не вопрос. Некоторые даже мочу пьют — лишь бы не болеть.

— Так значит, с бабушкой ситуация безвыходная?

— Почему же? Выход всегда есть. Лучший совет — это постепенность. Небольшими шагами. Изо дня в день. Каждый день небольшой шажок вперёд. Без резких движений…

— А с чего начать?

— С психологического настроя. Сначала необходимо запастись терпением и любовью. Иногда Любовь делает такие вещи, которых никакими словами и действиями не достичь. Начинать всегда нужно с себя. Изменения в нас самих — лучший

стимул для изменения окружающих. И тогда нужные слова найдутся, уверяю вас. И бабушка сама не заметит, как изменится. Поговорите с супругой — её убедить будет легче. Потом, когда изменится всё вокруг, бабушка уже просто не сможет оставаться прежней… Ну а из практических советов… приступы конечно нужно снимать. Попробуйте рамку, которую я дал Стёпе — очень эффективное средство. И безвредное, в отличие от таблеток. Сразу лучше отказаться от самого вредного — жареного, таблеток и капель. И начать пить воду. Организм необходимо промывать. Даже здоровый…

— Именно воду?

— Да, именно воду. Желательно дистиллированную. Вода — хороший растворитель и способна вымыть из организма почти всю грязь. Но для этого необходимо, чтобы вода была чистая, без примесей. Только H2O — никаких посторонних молекул и никакой минералки. Минеральная вода — это уже не растворитель, а раствор. И она засоряет организм очень сильно. Все минералы, содержащиеся в ней, не усваиваются организмом, а откладываются в суставах и сосудах. Усваивать минералы из воды могут только растения, именно из растений мы должны получать необходимые нам элементы. Но только из живых растений.

— А чай и компот?

— А чай и компот — это еда. Едой ведь посуду и пол не моют. А организм получается можно? Снаружи мы моемся регулярно. А пачкаемся мы внутри гораздо больше, чем снаружи. Так что необходимо пить много чистой воды. За полчаса до еды и через полтора часа после еды. Кроме того, вода может быть очень эффективным лекарством.

— Что, простая вода?

— Именно. Многие целители заговаривают воду, и она становится лекарством.

— Но это же ненаучно…

— Ещё как научно, коллега — уверяю вас. Мы состоим из воды на 80 процентов… Это научно?

— Д-да…

— Вода может создавать очень сложные конструкции — кластеры. Воздействие целителя — наговор, как раз и формирует эти кластеры. Какие угодно. То есть, может быть собрана модель любого вещества, любого лекарства. Во время деления клетки — именно вода создает копии ДНК, и потом по этим копиям собираются новые молекулы…

— А почему целитель заговаривает воду в стакане? Если мы состоим из воды, пусть заговаривает воду прямо в нас…

— Хороший вопрос… Дело в том, что вода в теле — в связанном состоянии, в работе. Это как работник, занятый серьезным делом. Он вас просто не будет слушать, ему некогда. А вода в стакане в свободном состоянии — это как работник, думающий — чем бы ему заняться. А тут целитель со своим наговором. Вода моментально реагирует: «да не вопрос, сейчас соорудим»… На этом же построена гомеопатия. Когда вещество разводят до такой степени, что его уже не остаётся. А эффект всё равно есть. Поскольку это уже сама вода копирует вещество. Плюс такого лекарства в том, что в организм не заносится лишних веществ. Только модель, информация. После выполнения задания она снова становится просто водой… Ведь в чём суть гомеопатии? Вода умеет моделировать всё, что угодно. Любую формулу, вплоть до ДНК. И именно это и происходит при делении клеток. Это — так сказать, оперативная память материи, её моделирующий материал. Он очень гибок, очень подвижен, очень восприимчив. Но он не стабилен. Он хорош для чего-то временного. Но в случае с лекарством это и нужно. Вода в гомеопатии используется как вещество, способное воспринять информацию, скопировать вещество лекарства и сработать уже в клетках тела, передав информацию и распавшись снова до уровня обычной воды. Ничего лишнего при таком подходе не накапливается. Никакими ненужными, стабильными веществами тело не перегружается…

— Интересно…

— Не раз и не два проводились опыты, когда больному под гипнозом дают обычную воду, а внушают, что дают какое-то уникальное лекарство. Да, можно сказать, что излечение происходит из-за внушения. Но поразительнее другое — в организме находят вещество этого лекарства. Его не давали, а оно там есть. Тело послушно исполняет программу. И само синтезирует нужное вещество…

— Потрясающе… А как мы можем использовать эти свойства воды?

— Очень просто: перед тем, как пить воду — подержать стакан между двух ладоней и мысленно обратиться к воде с любовью и благодарностью. Потом её можно попросить об исцелении. Эффект гарантируется…

— Ну что ж… попробуем… А что делать дальше?

— Постепенно вводить в рацион больше живой еды, сокращая мёртвую. Параллельно занимаемся очищением организма. Я дам вам несколько книжек — там всё подробно описано.

— Спасибо. Надеюсь, что у нас всё получится…

— Я тоже на это надеюсь. Дорогу осилит идущий. Ничего не

бойтесь — и у вас всё получится. Я вам буду помогать.

— Премного вам благодарен.

Глава 18. Комната страха

Пока папы беседовали в кабинете, Соня и Стёпа времени зря не теряли. Соня привела Стёпу в свою комнату и стала ему всё показывать.

— Это кровать, это стол… это шкаф… а это — это мой компьютер!

— Здорово. У нас с папой тоже есть. А у тебя какие программы?

— Всякие. Рисовалка есть. По астрономии… по биологии… А, ещё игрушки разные…

— А «Черепашки-Ниндзя» есть?

— Нет, я не люблю с драками. И стрелялки не люблю. Про чубзиков есть. Там всё пластилиновое…

— Знаешь, Соня. Лучше говорить «мне не нравятся стрелялки»… А «не люблю» лучше не говорить.

— А почему?

— Понимаешь, это как заклинание. Волшебное. Но оно очень опасное. Ты можешь оказаться в очень неприятной ситуации…

— В какой? — Стёпины слова возымели на Соню действие, противоположное тому, что он ожидал. Вместо испуга в глазах у Сони появился блеск и жажда приключений.

— Ты можешь представить себе полное одиночество?

— Да, я часто бываю одна…

— Где?

— Ну, здесь хотя бы…

— Нет — здесь вон сколько всего… Представь себе, что нет ни пространства, ни времени, ни твоего тела, а только твоё сознание. И это навсегда — потому, что времени нет.

— Что, и поспать нельзя будет?

— Нет.

— Что за… бред. А зачем мне это себе представлять?

— Потому что тот, кто говорит: «я не люблю» — заточает себя в башню одиночества…

— Ну, так башня-то есть. А ты говоришь ничего нет… Башня — это здорово!

— Нет. Эта башня не из камня. Она из ничего. Вокруг тебя будет НИЧТО.

— Я не понимаю. Что такое ничто?

— Ну, вот представь себе, что пространства нет.

— Как это? А что есть?

— В том то и дело, что ничего нет.

— Так не бывает.

— Бывает… Вернее… не бывает, но это возможно.

— Как это возможно?

— Ладно. Давай по порядку. Наша Вселенная, хоть и бесконечная, но она появляется и исчезает…

— Куда исчезает?

— Ну, это как дыхание, понимаешь? Всё дышит. У всего есть вдох и выдох, день и ночь…

— Жизнь и смерть, ты хочешь сказать?

— Ну, это так называют… Хотя смерти нет. Есть только разные формы жизни.

— Как это нет? А это что? — Соня полезла под кровать и достала оттуда какую-то коробочку. В коробочке оказался маленький рыбий скелетик. — Скажешь не смерть? Самая что ни на есть смертельная смерть.

— Это смерть тела. А душа этой рыбки бессмертна.

— Душа?

— Да. У всего и у всех есть душа. И эта Душа бессмертна.

— А где моя душа?

— Она всегда с тобой. Это твой внутренний голос, который тебе иногда говорит — что тебе делать, а чего тебе не делать.

— А почему этот голос не сказал рыбке, что она умрёт?

— Сказал, наверное. Но… в этом нет ничего такого… страшного. Тело должно умереть. Рано или поздно…

— Почему?

— Тело — это как инструмент, понимаешь? Как скафандр для космонавта.

— А почему скафандр должен умирать? Жил бы себе и жил…

— Потому, что со временем космонавт захочет себе новый скафандр — более совершенный… или просто новый. Ты же любишь новую одежду…

— А кто космонавт?

— Душа. Она бессмертна и она главная. Ты — это твоя Душа. А твоё тело — это твой слуга.

— Значит, душа любит переодеваться в новые тела? Интересно. Ну а что там… вселенная? У неё тоже есть душа?

— Да. Именно. Всё, что мы видим, весь Мир — это тело Вселенной. А её Душа — так же, как и наша Душа — она не видна… Кстати, наши Души, они все… едины. Они все как одно целое…

— Значит, тело вселенной тоже умирает?

— Ну… Да… Вот тогда и появляется Ничто. Когда исчезает Всё.

— А как оно выглядит, это ничто?

— Никак, конечно. Это же ничто.

— А, ну да, понятно. А куда все деваются?

— Вся материя сжимается в одну точку. А все души сливаются в одну большую Душу.

— А смысл? Зачем тогда… всё?

— Только в материи возможны изменения. Любая Душа может развиваться только при воплощении в материю. Там — за пределами пространства и времени изменений не происходит… Потому, что времени нет. Изменения — это события. А события возможны только тогда, когда есть время…

— Значит, было время, когда времени не было?

— Можно конечно и так сказать… Хотя время — это иллюзия. Можно сказать, что его и сейчас нет. Понятием времени пользуется наше сознание. Ему так удобно… И для него время существует только тогда, когда есть события. Есть событие, хоть самое маленькое — есть и время. Нет события — нет и времени. Как в видеоплеере. Идёт кино — на индикаторе бегут минуты и секунды. Нажал на паузу — события на экране остановились, и время на индикаторе замерло… Так что — да. Было время, когда ни времени, ни пространства не было.

— А зачем нужны все эти изменения, события?

— А разве ты не любишь перемены? Разве тебе интересно, когда ничего не происходит?

— Нет. Не интересно. Я люблю, чтобы всё время что-нибудь происходило…

— Вот и Мир тоже любит перемены. Каждая новая Вселенная уже другая. Более совершенная… Но вообще-то — это всё игра…

— Во что?

— В жизнь… В смерть… В…космос. Это же интересно. Интереснее, чем просто ничто.

— Значит, эта большая Душа… она… играет… в нас?

— Можно и так сказать. Она разделяется и начинает играть сама с собой.

— А мы? Мы же не играем?

— Смотря кого считать нами. Если Я — это в первую очередь Душа, значит — это мы играем. В Соню, в Стёпу…

— Ну а в «комнату страха» то мы будем играть? Я вот и скелет специально раздобыла.

— А кого мы будем пугать?

— Давай наших пап напугаем.

— Чем, рыбкиным скелетом? Думаешь, они не видели?..

— Ну, это смотря как пугать. Главное — неожиданность… А ты что-нибудь принёс?

— Да… вот у меня тут… — Стёпа полез в карман и извлёк оттуда бумажку от конфеты. — Вот.

— Что это? — удивилась Соня, разворачивая бумажку. Из бумажки на её ладонь выпали какие-то крошечные чёрные шарики, похожие на маковые зёрнышки.

— Это мушиные глазки.

— Ты что, выцарапывал мухам глаза? — Соня посмотрела на Стёпу, как на ужасное и одновременно мерзкое чудовище.

— Нет, это… бабушка… Варит варенье… — Стёпа попытался оправдаться, но было видно, что попытка не удалась.

— Как вам не стыдно издеваться над бедными мушками…

— Ну, ты же просила что-нибудь страшное принести…

— Это, по-твоему, страшно? Ты хочешь напугать пап этими… точками?

— Это ты хочешь напугать пап. Я тебе помогаю, — Стёпа решил защищаться. Он не считал себя виновным, и решил сразу отказаться от роли жертвы. Перейдя «в партер», Стёпа со стороны оценил ситуацию — как учил его дедушка Ульрих, взвесил все возможные варианты и выбрал из них один — самый лучший. Стёпе даже на мгновение показалось, что он видит себя со стороны… Соня прочитала в его глазах твёрдость и решимость, поэтому отступила, ослабив свой напор. Это, с её стороны, тоже был самый лучший вариант. Стёпа не был большим сторонником конфликтов, даже если без них нет развития. Поэтому он тут же смягчился, вернулся на сцену и опять стал самим собой. А развитие, не дождавшись конфликта, решило всё равно быть. Чего уж там…

— Ну… они, конечно, подсохли немножко. Вчера они были больше… — сказал Стёпа, глядя на мушиные глазки, которые Соня продолжала держать на ладони. Глазки и правда выглядели неказисто.

— Ладно… Давай их хотя бы размочим. Может, набухнут и станут страшными… Соня собрала все глазки и бросила их в стакан с водой, который стоял у неё на тумбочке.

— Надеюсь, ты моей Мусе глаза не выцарапаешь?

— Да я не…

— Ага, видела я вчера как ты «не»… От комариков даже мокрого места не оставил… Ну ладно. Что-нибудь ещё принёс?

— Нет. Только это…

— Не густо, — Соня посмотрела в стакан, но глазки пока не думали превращаться в глаза. Их было почти не видно в стакане.

— А у тебя ещё что-то есть? — спросил Стёпа, так внезапно растерявший весь свой вчерашний авторитет.

— Кроме скелета есть ещё папина чёрная перчатка…

— А разве она страшная? Разве твой папа боится свою перчатку?

— Мы из неё сделаем Чёрную Руку. Знаешь?

— Н-нет… а что это за чёрная рука? Друг индейцев?

— Да нет же. Это… есть такие страшные истории про Чёрную Руку. Как она на пианино играла… как она всю семью задушила… ещё на стене писала…

— Что писала? Надеюсь, что-то приличное?..

— Да приличное, приличное… Угрозы там всякие…

— Нет, я про такое не слышал…

— Ну, пойдём в шкаф, я тебе расскажу.

— А зачем в шкаф?

— Там темно. Где же ещё рассказывать истории про Чёрную Руку?

— Может потом… как-нибудь… ночью…

— Ну ладно. В общем, сделаем из перчатки Чёрную Руку. Я думаю, что наши папы не такие тёмные, как ты. Они-то должны быть в курсе. Испугаются как миленькие. Так… Что ещё?.. Надо, наверное, сделать дохлую голову. Как там — в Луна-Парке.

— А как мы её сделаем?

— Да очень просто. Возьмём швабру. Поставим её, и накрутим на ручку полотенце…

— Думаешь, будет похоже на голову?

— А мы нарисуем на бумажке череп и скотчем приклеим сверху. Если шторы закрыть, а потом внезапно посветить фонариком — может и сойдёт…

— А мы с папой читали про «Всадника Без Головы»… Майн Рида. Вот бы сделать…

— А кто это?

— Ну, это такой всадник… на коне… он… ну, в общем, не важно… главное, что он наводил ужас на всю округу. Все боялись ночью выйти из дома…

— Вот это здорово! Давай сделаем…

— А как?

— Можно взять мои зимние вещи. Вот у меня есть куртка, ватные штаны… варежки… Набьём внутрь тряпок, застегнём… там, где шея — красный шарф засунем… будет как кровь… Получится отличный всадник.

— А из чего сделаем коня? В книге конь был живой…

— Ну-у-у… не знаю… Может, сделаем и коня без головы? Так даже страшнее…

— Но ведь тогда бы они не наводили ужас на всю округу. Лежали бы себе тихонько в кустах… без голов-то.

— А вот у Барона Мюнхгаузена была лошадь без… зада.

— Как это?

— Ну, ей в бою оторвало… это… попу, в общем. Так она

ничего… живая была… Только напиться не могла. Вода из неё вытекала…

— Ты хочешь сделать всадника без головы на лошади без задницы?

— Ну, ладно. Давай вообще без лошади сделаем…

— Как без лошади? Всадник без лошади? На чём же он будет сидеть?

— Ну, на кровати… или на табуретке…

— Но это же будет уже не всадник. Всадник — это тот, кто… кого… всадили. А на табуретках все сидят. От этого они всадниками не становятся…

— О! Придумала! — Соня полезла под кровать и достала оттуда свой ночной горшок.

— Вот! У нас всадник будет на горшке сидеть. На горшок обычно сажают, так что всё по-честнаку… Ты не волнуйся, он чистый…

— Ты думаешь, что всадник на горшке это страшно?

— Да какая разница? У твоего… Майн… же… Рида, книга не называлась «Всадник На Коне»? Главное — что наш всадник будет БЕЗ ГОЛОВЫ. А на коне он, или на горшке — это не так уж и важно. Никто и не заметит, на чём он там сидит. Наведём ужас на всю округу, и не сомневайся. Пусть эта округа только попробует не прийти в ужас. Придёт как миленькая, — Соня умела отстоять свою позицию. Это качество она унаследовала, видимо от папы.

Стёпа, ещё не реабилитировавшийся после фиаско с мушиными глазками, на секунду опять сбегал в «зрительный зал», посмотрел на ситуацию оттуда и… не стал возражать. Вместе они набили чучело Всадника Без Головы, навертели на швабру Дохлую Голову — пришлось пожертвовать тремя полотенцами. Потом Соня, высунув язык, нарисовала на листе бумаги чёрным маркером череп, зачем-то пририсовав к нему пару костей внизу. Её движения при этом были уверенные — по всему было видно, что это один из любимых её сюжетов. Затем они скотчем приклеили этот лист на Дохлую Голову, отчего та стала квадратной. Периодически Соня бегала проверять — не отмокли ли мушиные глазки. Соня шевелила их пальцем, как бы поощряя поскорее стать похожими на Глаза В Стакане. Она считала, что должно получиться, как в фильме про Шерлока Холмса, у которого в стакане плавал настоящий глаз. Закончилось это тем, что глазки совсем размякли и превратились в какие-то бесформенные ошмётки. Но Соню это не расстроило. Она достала из ящика пластиковый шарик для настольного тенниса, нарисовала маркером на нём большой чёрный зрачок и бросила в стакан. И, хоть шарик совсем не хотел тонуть, а торчал из стакана

наружу, Соня считала, что их Глаз ничуть не менее страшный, чем у Шерлока Холмса… Последним штрихом было засовывание Сониных колготок в папину перчатку.

— А ничего, что колготки белые? Ведь рука-то чёрная? — спросил Стёпа.

— Ничего. Пусть думают, что это кость…

— А как эта рука будет душить?

— Ну-у-у… не знаю… О! Мы повесим её на верёвочке — прямо на входе. Так, чтобы если дверь открыть — то рука бы прямо в лицо… Подумают, что она прилетела… Ну-ка, стань вот сюда. Я сейчас привяжу.

Соня достала тонкий шпагат, привязала один конец к Чёрной Руке, потом залезла на табуретку и отмерила столько шпагата, чтобы Чёрная Рука была на уровне Стёпиного лица. Второй конец Соня кнопкой прикрепила к дверному косяку сверху.

— Ой, чуть не забыла. Огненные Пасти же ещё…

— Какие огненные пасти?

— Ореховые. У вас не делают разве?

— Нет. А как это?

— Вот. Берётся ореховая скорлупа. Поджигается. Потом она тухнет, но продолжает тлеть. Берёшь её зубами осторожно, чтобы язык не обжечь и начинаешь вздыхать. Воздух будет огонь раздувать и станет видно, что у тебя во рту. Только это надо в темноте делать, конечно… Но ничего. Шторы закроем — и так сойдёт. Главное — вздыхать пострашнее… Надо ещё фонарик проверить.

Наконец все приготовления были закончены. Всадник Без Головы сидел в углу комнаты ссутулившись и напоминал толстого рыбака на зимней рыбалке, у которого давно не клевало и он совсем закунял, опустив голову на грудь. Дохлая Голова бодро торчала на слегка покосившейся швабре, и своим жизнерадостным оскалом напоминала упитанного Весёлого Роджера из пиратских фильмов, прилежно сложившего свои костяные лапки. Коробочка с прахом несчастной рыбки как бы невзначай лежала на столе, и своим безмятежным видом как бы привлекала внимание ничего не подозревающих обывателей, которые должны были в ужасе отшатнуться, узрев зловещее содержимое этой невинной тары. Контраст между наивной простотой упаковки и ужасным содержанием, по мнению Сони, был залогом успеха, и должен был посрамить пресловутый Гроб На Колёсиках из Луна-Парка. Чёрная Рука угрожающе висела и, слегка вращаясь, открывая взору зловещую кость, которая, впрочем, не торчала, а предательски свисала, выдавая бутафорию своей сути. На всё это великолепие с изумлением взирал Глаз.

Выйдя из орбиты стакана, он оглядывал диспозицию не мигая и олицетворял собой одновременно ужас и удивление. Глаз, безусловно, являлся вишенкой на торте этого Праздника Страха. Оставалось поджечь свечи и потушить свет.

Соня подожгла зажигалкой две ореховые скорлупки и велела Стёпе поддерживать их тление. Задёрнув, как следует, шторы, Соня помчалась за папами.

— Сейчас придут! — крикнула она спустя полминуты, ворвавшись вихрем в комнату, отчего Чёрная Рука завертелась как волчок и стала похожа на пропеллер.

Ещё через полминуты раздался робкий стук в дверь.

— Входите, — как можно более зловещим голосом процедила сквозь сжатые зубы Соня, стараясь не обжечь язык.

Дверь приоткрылась и дядя Алик, ничего не подозревая, первым попытался проникнуть в Комнату Страха. Из-за его плеча выглядывал Стёпин папа. Дорогу им преградил шпагат, свисавший сверху. Дядя Алик посмотрел вниз и увидел свою перчатку, которая выглядела так, как будто хотела почесать ему живот.

Это был первый прокол. Наши страходелы не учли разницу в росте Стёпы и пап.

— Ну, что тут у вас? — спросил дядя Алик голосом, отнюдь не скованным ужасом, а наоборот — бодрым и весёлым. Он отвёл в сторону шпагат с Чёрной Рукой, пропуская вперёд Сониного папу.

— Х-х-х, — задышали усердно Стёпа с Соней, раздувая меха своих Огненных Пастей.

— Ой, кто это? — спросил театрально испуганным голосом Стёпин папа, первым сообразивший, что их пытаются пугать. В это время щёлкнула кнопка фонарика, и луч света выхватил из сумерек комнаты добродушную ухмылку Весёлого Роджера, совсем не пожелавшего быть Дохлой Головой, а скорее напоминавшего улыбку Чеширского Кота, когда-то умершего от смеха.

— Здесь, наверное, высокое напряжение? — продолжал валять дурака бестолковый дядя Алик.

— Да нет же, мы находимся на пиратском острове. А это, наверное, дикари-каннибалы, — сказал более толковый Сонин папа. Луч света тем временем скользнул в сторону и осветил фигуру Всадника Без Головы.

И на этот раз удача не была благосклонна к демиургам. Вместо того, чтобы осветить Всадника в выгодном ракурсе, сделав акцент на окровавленной шее, круг света сфокусировался чётко на горшке, размыв темнотой остальные — столь важные и

ужасающие детали. Не хватало только барабанной дроби для полной аналогии с цирком.

Поняв свою оплошность, осветитель попытался всё-таки исправить положение и нащупать в темноте кровоточащую шею несчастного Всадника. Но тут случилось непоправимое — ноги у горе-всадника разъехались, и он всем своим корпусом повалился вперёд, скрыв окончательно от взоров свою обезглавленную шею и предложив взамен этого свой круглый, плотно набитый тряпками зад, вздыбившийся над зияющей полыньёй ночной вазы.

Провал был, если не полный, то близкий к тому. Надо было срочно спасать положение. Вся надежда была на рыбку. И рыбка не подвела. Как только луч фонарика затрепыхался на коробочке, рыбка честно продемонстрировала все свои бренные останки, ничего не утаив… но и ничем особо не удивив.

Под занавес был представлен и Глаз, который всё это время таращился из темноты, а в самый нужный момент стыдливо отвёл свой зрачок в сторону, и стал похож на простой одуванчик в стакане с водой.

На этом представление было окончено. Шторы были раздвинуты, артисты склонились в глубоком поклоне, смущённо улыбаясь и щурясь от света. Почтеннейшая публика была невзыскательна и не скупилась на аплодисменты и возгласы «Браво». После этого Стёпа с папой засобирались домой, а Соня выбежала на крыльцо их проводить.

— Муся, Муся ты где? — крикнула она, попрощавшись со Стёпой и папой.

Тут из стайки мух, облепивших что-то, не очень аппетитное неподалёку от дома отделилась одна небольшая муха и подлетела к Соне.

— Мусечка! Иди ко мне, моя хорошая. Ты что там делала? Ела каку? Ай-яй-яй… Нельзя… А спатки ещё не хочешь? — слышали Стёпа с папой, удаляясь от дома.

Глава 19. Инстинкт

Когда шли обратно, папа был весь погружён в свои мысли. Стёпа даже не решался его спросить — о чём он думает. Проходя мимо ручейка, Стёпа опять увидел стайку комаров. Судя по всему, это было их излюбленное место.

— Папа, смотри — комары. Вот здесь я вчера их… Ну, в общем, поужинал.

— Да, действительно — комары, — прервал свои размышления папа. — А что, давай подкрепимся, что ли?

И папа смело пошёл прямо, в самую гущу. Войдя в облачко из комаров, он стал шлёпать языком направо и налево, пытаясь захватить добычу. Однако делал он это так не проворно, что остался не солоно хлебавши. Наконец он зацепил одного комарика, но вместо того, чтобы отправить его себе в рот — промахнулся и залепил языком очки. Стёпу это очень развеселило, а папа сконфуженно стал протирать очки, бормоча себе под нос что-то невразумительное. Потом, вспомнив совет дяди Алика, он спрятал очки в карман. Это было так непривычно… Папа прищурил глаза и стал похож на крота, который только что вылез из норы и был, вдобавок, покусан пчёлами.

— Папа, ты же не правильно охотишься. Вот смотри, — и Стёпа стал подкрадываться медленными движениями, а потом — молниеносно выбрасывая язык, совершил пять точных попаданий в цель. Папа сквозь туман смотрел на него и не узнавал. Это был не его Стёпа, а какой-то матёрый хищник. Глаза его горели хищным огнём, движения были точны и безупречны.

— Да, вот что значит инстинкт, — сказал папа, когда Стёпа съел пятого комара и облизнулся напоследок. Тем временем Стёпа преобразился обратно — взгляд его стал рассеянным, а движения прерывистыми. Теперь это был не хищник, а обычный Стёпа.

— А что такое инсти…к…нт? — Такого слова он раньше не слышал.

— Инстинкт — это своего рода программа, наработанная миллионами лет эволюции. Последовательность действий, которые нужно предпринимать в тех или иных условиях. Инстинкты заложены в нашем генотипе… ну это такой базовый объём информации, который передаётся от родителей к детям…

— Значит, ты передал мне всю эту информацию, а себе ничего не оставил?

— Нет, конечно, нет. Я просто… забыл… Мне так долго это

было не нужно, что я разучился… вернее… ну, это как мышцы. Если их не тренировать, они атрофируются и перестают работать.

— Но я же тоже никогда раньше не ловил комаров… Почему у меня сразу получилось?

— Ну, ты ещё молодой. Твои инстинкты ещё не глубоко зарыты…

— А чем они зарыты?

— Да всем, чем мы живём. Каждодневными делами… заботами… Если можно пойти на базар и купить комаров, мы постепенно забываем, как их ловить, тратим время на другое… Работаем…

— Значит, получается, что ты ходишь на работу для того, чтобы заработать деньги и купить на эти деньги комаров, которых можно поймать просто так, бесплатно?

— Ну… мы же тратим деньги не только на комаров… Вот велосипед тебе купили…

— Да, велосипед это хорошо. Но если бы мы не покупали комаров, то не тратили бы на них деньги и могли бы купить велосипед уже давно…

— Ну, как видишь, не покупать комаров у меня пока плохо получается… Так и с голоду помрёшь.

— Давай я тебя научу.

— Ну что ж, попробуй.

— В общем так. Берёшь… — Стёпа набрал в грудь воздуха, приготовившись посвятить папу во все тонкости охоты на комаров, но внезапно понял, что ему нечего сказать папе. Всё происходит, минуя Стёпино сознание. На бессознательном уровне. Тело само знает, что ему делать, а сознание в данном случае не только бесполезно, оно своим участием может лишь помешать телу. И, поскольку слова — это инструмент сознания, Стёпе нечего было сказать папе.

— Не знаю, пап. Оно как-то само всё получается. Я даже не помню, что я делал…

— Понимаю, сынок. Всё правильно. Так и должно быть. Это как в случае с сороконожкой, которую спросили — как это у неё получается ходить всеми сорока лапками и не спотыкаться…

— И что она ответила?

— А ничего. Она задумалась и не смогла сделать ни шагу. Так и осталась стоять, пока её не отвлекли от этих мыслей.

— Хочешь, я наловлю тебе комаров?

— Спасибо, дорогой. Не нужно. Думаю, что смогу со временем освоить это дело. Немного потренируюсь, и смогу.

— Ну, давай — потренируйся сейчас. Я подожду…

— Нет, сынок… В другой раз, — папа не хотел, чтобы Стёпа

опять был свидетелем его конфуза.

— Значит, ты будешь голодный?

— Ну почему голодный? Сейчас придём домой, поедим… — и папа со Стёпой продолжили путь домой.

— А у нас есть сырые комары?

— Ну… наверное, есть… в холодильнике. Кроме того, сразу переходить на сырое тоже не полезно. Организм должен приспособиться… Меня больше беспокоит, что мы скажем бабушке с дедушкой… Да и маме тоже надо будет всё объяснять…

— А что? Скажем, как есть. Мы же с тобой поняли… Значит и все поймут.

— Боюсь, что не всё так просто. Ну, маму, допустим, убедить будет не так сложно… Хотя, тоже не уверен… А вот дедушку с бабушкой… Я даже не знаю, с какой стороны подступиться…

— Ничего. Не бойся. Главное — никаких сомнений. И тогда всё получится. Если ты сам уверен в том, что говоришь, то нужные слова найдутся. Уля мне… Ой, — Стёпа зажал себе рот рукой, поняв, что сболтнул лишнего. Но папа не обратил на это внимания. Он опять погрузился в размышления.

— Да, ты прав, малыш. Но для меня это всё так непривычно… неожиданно… Я сам пока ещё не уверен…

— Почему?

— Слишком это всё… радикально. И быстро как-то произошло… Мне нужно всё это усвоить, разложить по полочкам. Чтобы всё это стало моим. И вот тогда сомнений уже не будет.

— А ты не передумаешь? Я ведь знаю… Сначала ты загораешься чем-нибудь… Вот как мы с тобой собирались бегать по утрам. Помнишь? Ты ведь сам предложил. Прочитал в журнале… Сказал, что это полезно… Даже кеды специально купил… Три дня мы побегали, потом у тебя нога заболела… потом ты устал…

— Да, с бегом недоразумение получилось… Наверное, мы слишком быстрый старт взяли. Тут тоже нужна постепенность. Наверное, нужно недельку повставать пораньше и просто походить. Потом начать чередовать пробежки с ходьбой. И только потом уже постепенно переходить к настоящему бегу. Ничего, я думаю, мы ещё побегаем с тобой… Вот и курить я бросил… надеюсь… Папа слегка нахмурил лоб и зачем-то пошарил в кармане, достал оттуда очки и тут же спрятал их обратно.

— Опять сомнения? Бросил. Конечно, бросил! — Стёпа заглянул папе за спину и увидел, что Ника кивает ему головой — мол, не беспокойся, всё на контроле.

Папа перестал хмуриться и стал напевать себе под нос какой-

то марш, приобняв Стёпу за плечо. Идти стало веселее. А тут и Шарик, откуда ни возьмись — налетел радостным шерстяным комочком.

Дома их уже заждались. Бабушка чувствовала себя получше, и с утра хлопотала на кухне. Дедушка успел сходить на рыбалку и набрал целую банку личинок комаров. Это было вкусно. Бабушка, закатав рукава, пекла блины. Целая стопка блинов уже дымилась на столе, заполняя своим волшебным запахом все ноздри, до которых этот запах только мог дотянуться.

Папа заметно приободрился, увидев, что готовится пиршество. Продолжая пупумкать себе под нос марш, он отправился к умывальнику. Мама с дедушкой тоже поспешили к столу, и только Стёпа стоял в прихожей, не зная, что ему делать.

— Стёпик, давай скорее мой руки. Будем кушать. Мы вас ждали, проголодались как… крокодилы, — сказала бабушка, отвлёкшись от плиты.

Стёпа увидел, что у бабушки хорошее настроение и понял, что не имеет никакого права портить его ей. Тем более, что за этим последует очередной приступ мигрени и всем будет плохо. Он молча пошёл мыть руки. Папа, вытирая полотенцем свои руки, всё понял без слов и по достоинству оценил Стёпино великодушие. Он потрепал его по макушке и весело подмигнул.

Блины и вправду были превкусные. Стёпа хотел съесть для приличия один блин, но не смог удержаться и, не смотря на то, что уже подкрепился комарами по дороге домой, слопал ещё один, обильно намазав его икрой из комариных личинок. Всем было очень вкусно, и чавканье прерывалось только похвалами бабушке с дедушкой за такой роскошный обед.

Наконец все наелись и приступили к чаепитию. Пришло время поговорить.

— Ну, как сходили? — спросила мама.

— Ражобралишь ш этими широедами, жабодай их комар? — поинтересовался дедушка.

— Да, хорошо сходили. Стёпа с Соней устроили целое представление. Комнату страха нам показали. Мы с Альбертом Васильевичем чуть не упись… в общем, было очень забавно.

— Что же это за комната такая? — опять спросила мама.

— Это всё Соня придумала. Она в такой комнате была. В другом городе. Там есть Луна-Парк. И в нём есть Комната Страха со всякими страшными… делами. Вот мы такое и…

— Сгенерировали, — помог Стёпе папа.

— Да.

— А где вы кошти вжяли? Неужто кого-то укокошили ради этой вашей комнаты штраха? — с иронией поинтересовался

дедушка.

— Нет. У Сони был маленький рыбкин скелетик… Но она сама умерла. Соня её нашла уже скелетиком…

— Ну а что там с этими глупостями про сырых комаров? Надеюсь, больше не будут забивать ребёнку голову, — вступила в разговор бабушка.

Стёпа с папой виновато переглянулись и как по команде вместе закашлялись.

— Что, неужели и тебя охмурили? — почуяла неладное бабушка, глядя в папины виноватые глаза без очков.

— Видите ли, мама… Вопрос оказался более серьёзным, чем я ожидал. Альберт Васильевич…

— Э-э-э… Тютя! Так я и знала… Ну что, ну что там ещё серьёзного? Блины-то вон, небось, за обе щеки уплетали… И что теперь? Мухлеты — отдельно, а мухи — отдельно? Так что ли?..

Тут Стёпе стало жалко папу. Таким беспомощным он его ещё никогда не видел.

— Бабушка, ты же не знаешь… Это же наука… Эволюция… Миллионы лет… — вскричал он почти сквозь слёзы.

— Миллионы лет мы ели пирожки с… блинами и ничего, не померли, небось…

— Тут вы ошибаетесь, мама. Готовить пищу наши предки стали относительно недавно. С наступлением Ледникового Периода. Учёные спорят о сроках, но эти сроки ничто по сравнению с миллионами лет формирования нашего пищеварительного аппарата. А он, как вы понимаете, не был рассчитан на блины с пирожками…

— Но мы же едим… Вы же тоже едите… И что плохого?

— По статистике, ещё никто не умер от естественных причин. От старости. Все умирают от тех или иных болезней…

— Ну и что? Всё равно умирать. От старости или от болезни, какая разница? Вот если бы ты мне вечную молодость дал, я бы, пожалуй, и без блинов прожила. Хотя… зачем такая жизнь… Без блинов-то?

— Но ведь не в блинах же счастье…

— А в чём?

— Бабушка, ты прямо как Карлсон!

— Ну, спасибо… Давай, издевайся над бабушкой. Вот оно — моё счастье… на старости лет.

— Но я же не хотел… Не сердись, пожалуйста. Ты очень хорошая и мы тебя очень любим. Для меня самое большое счастье — это быть вместе со всеми вами. Можно и без блинов…

— А что, с блинами разве хуже? — потеплела немного бабушка.

— Но ведь из-за блинов ты… мы… раньше расстанемся…

— Это ещё почему? Глупости какие…

— Блины-убийчы. Такого я ещё не шлышал. Про шоль шлышал, про шахар шлышал — што это белая шмерть. А вот про блины впервые шлышу… Это што, британшкие ушёные открыли?

— Учёные нас обманывают, — не унимался Стёпа.

— Что за глупости. Зачем им нас обманывать?

— А вот зачем, — папа достал из кармана очки и положил перед собой на стол.

Все, включая Стёпу, посмотрели на него, как на ненормального — тем более, что без очков он и выглядел… не вполне нормально…

— Дорогой, ты в порядке? Может, приляжешь? — забеспокоилась мама.

И тут папа вдруг преобразился. Он встал, расправил плечи, посмотрел вдаль и… произнёс свою, наверное, самую пламенную речь за всю жизнь. Речь была прекрасна. В ней было всё. И логика, и напор, и тезисы, и факты. Все смотрели на папу, открыв рты и забыв про чай…

Без очков папа видел мир слегка расплывчатым, непривычным. Наверное, это повлияло на него. Ему показалось, что сейчас он наедине с собой. Зрителей он видел плохо и поэтому решил не стесняться. Сейчас он говорил только то, что думал. А думал он вот что:

— Вы говорите, мама — зачем такая жизнь, если в ней нет блинов? Но ведь это так… неправильно. Жизнь такая огромная. В ней так много всего. Неужели вам самой нравится проводить бОльшую часть своей жизни у плиты? Ведь вы же… мы же попали в рабство к этой самой плите… Мы не можем без неё ступить ни шагу… Не можем путешествовать без кафе и ресторанов, для нас день без еды — это смертельно… Неужели мы живём для того, чтобы есть? С каких это пор? Мы едим для того, чтобы жить. И пьём. И дышим. Еда должна быть такой же незаметной, как вода и воздух. И тогда перед нами откроются небывалые просторы. Продолжительность жизни увеличится вдвое. Можно будет…

— Ну вот ещё, — возразила бабушка. И так еле ползаю — не знаю уж, как доживу… А тут ещё столько же живи?..

— Да как же вы не поймёте? Ведь если правильно питаться, жизнь будет не только продолжительной, но и качественной. Болезней не будет. Вы не будете ползать. Будете порхать…

— Ой, уморил…

— Непременно. Природе совсем не нужны немощные старики…

— А мне нравитша, — вдруг сказал дедушка. Я не хочу быть

штариком. Хочу жить качештвенно…

— Да кто ж тебе мешает? Живи себе, — посмотрела на него с укором бабушка. Она заподозрила в дедушке ещё одного перебежчика в лагерь сыроедов.

— А где мои жубы? Тю-тю. Ноги не ходют… Да и шпину ломит… Какой уж тут комфорт?

— Это от блинов-то?

— Не жнаю от чево, но раньше, когда я ел ширых комаров — такого не было…

— Э-э-э, вспомнила баба як дивкой була… Может, надо было вообще головастиком оставаться?

— Вы не поверите, — прервал их папа, но наш организм обладает гигантскими ресурсами. Если перестать загрязнять его и дать ему очиститься — он способен на чудеса. В любом возрасте. Начнётся регенерация тканей. Вырастут новые зубы! Спина пройдёт. Суставы очистятся от солей. Сосуды снова станут эластичными…

Как говорится, Остапа несло. Папа был неотразим. Он нарисовал такую радужную картину, что Нью Васюки просто обзавидовались бы. Не только дедушка, но и бабушка была готова сдать свои позиции. Не говоря уже про маму… Даже Шарик перестал жужжать в прихожей и заглядывал в комнату — кто это там так раздухарился?

— И это не только здоровье и свободное время! — никак не хотел уняться папа. — Наше сознание… оно перестанет отравляться токсинами… Это же… столько новых идей… мир преобразится до неузнаваемости…

Папа ещё долго рисовал перед всеми радужные картины светлого будущего. В конце концов, позиции были сданы. Последней капитулировала бабушка, не пожелавшая одна оставаться старой и больной на фоне молодого и зубастого дедушки… С завтрашнего дня все решили начать постепенно переходить к здоровому образу жизни. Папа дал бабушке брошюры дяди Алика, объяснил — как пользоваться рамкой для снятия головной боли и обещал дедушке узнать всё про боли в спине и как вырастить новые зубы…

А Стёпе с мамой он предложил с утра опять начать бегать. Стёпа с мамой согласились.

Вечером, лёжа в кровати, Стёпа решил проверить — как там его овечки. К своей радости он не обнаружил среди них чёрненькую.

— Вот и славно, — подумал он. Пора, наконец, мне заняться полётами.

Глава 20. Вино

На следующее утро папа чуть свет был уже на ногах:

— Эй вы, сонные тетери! Петушок давно пропел. Пора бегать, вставайте.

Мама сквозь сон бормотала что-то невразумительное, а вот Стёпа сразу вскочил. Поднять маму так и не удалось. Она нашла десять причин, по которым именно сегодня никак не может бегать, и тут же заснула опять. Зато Шарик был вполне готов к утренней пробежке. Несмотря на то, что он был упитанный, ленивым он не был, и даже без приглашения был не прочь пробежаться… то есть пролететься хоть сейчас.

— Вот что значит правильное — видовое питание — энергии хоть отбавляй, — сделал комплимент Шарику папа.

Шарик в ответ завилял своим упитанным жальцем и все трое пустились в бега. Памятуя о прошлой неудаче, папа предложил сделать небольшой кружок в очень лёгком темпе, чтобы не переусердствовать. Так и сделали. Как только бег перестал радовать, перешли на шаг (и сменили бреющий полёт на «самый малый вперёд»).

После бега все занялись водными процедурами. Папа со Стёпой, фыркая и брызгаясь во все стороны, умывались возле колонки с водой, а Шарик облизывал лапки своим хоботком, а потом лапками тщательно вычёсывал всю шёрстку.

Когда с умыванием было покончено, стали решать — чем бы таким полезным позавтракать.

— Я могу наловить комаров, — сказал Стёпа.

— А я, пожалуй, поем вчерашних блинов, — заявил папа, учуяв запах их, разогреваемых бабушкой.

— Но ведь они же не живые…

— Ничего. Я их с личинками поем. Личинки-то ведь не жареные. А сразу переходить на сырое тоже нельзя…

Стёпа хотел, было, что-то возразить, но тут открылась калитка и появилась Соня в сопровождении своей Муси.

— Привет, Соня — обрадовался Стёпа.

— Здравствуйте, — поприветствовала всех присутствующих Соня.

— З-з-з, — последовала её примеру уже воспитанная Муся.

— Повторуха-муха, старая старуха… — хихикнула Соня, на что Муся слегка обиделась и отлетела от Сони подальше.

— Ну прости, моя Мусечка… Это я не про тебя… Это я вспомнила, как Саша нас дразнил…

Муся была отходчива и, не долго думая, села Соне на кепку.

— Пойдём на речку, — предложила Соня Стёпе.

— Папа, можно мы с Соней пойдём на речку?

— А как же завтрак?

— Я там и позавтракаю. Знаешь, какие там комары? Как… Как Шарик, не меньше.

— Ну ладно. Смотри только не перепутай. Шарика не съешь по ошибке.

— Не съем, — пообещал Стёпа, и вся компания направилась к реке.

Впрочем, на полпути Шарик развернулся и полетел обратно. Может испугался, что Стёпа его и в самом деле съест, может вспомнил про какое-то важное дело, а может быть подумал, что из него опять захотят сделать Собаку Баскервилей и решил держаться от греха подальше.

Оставшись втроём, путешественники не растерялись и продолжали держать путь прямо к реке, пока не поравнялись с убежищем суслика Саши.

— Давай Сашу возьмём, он хотел пойти с нами на реку, — вспомнила Соня.

— Давай.

— Саша, Са-ша! Выходи, — стали кричать они в норку, но на этот раз никакого ответа не было.

— Саша, это мы — Соня и Стёпа. Мы идём на речку. Выходи.

Опять тишина.

— Вот ведь… дела, — озабоченно произнесла Соня. — Прямо, как в кино… Стёпа, ты видишь суслика?

— Н-нет…

— И я не вижу… А ведь он там есть… Ладно… давай залезем к нему в норку, — предложила Соня. Но Стёпа осмотрительно предложил этого не делать. Мало ли что там в этой норке. Да и сам Саша тоже какой-то странный…

— Муся, а ну слетай — посмотри, что там делается…

Муся покружилась над входом в норку, но лететь внутрь отказалась. И Стёпа её понял.

— Эх, жаль — фонарика нет. Посветили бы… Может быть, хоть что-то увидели бы… — расстроенно произнесла Соня.

— Давай у дяди Бори попросим — у него наверняка есть фонарик, — предложил Стёпа.

Сказано — сделано. До дяди Бориной сторожки было рукой подать. Но на стук в дверь никто не отозвался.

— Да что ж сегодня такое? Все вымерли, что ли? — сокрушалась Соня.

Стёпа слегка толкнул дверь и оказалось, что она не заперта. Друзья зашли внутрь, оставив Мусю караулить за дверью.

Сторожка изнутри показалась ещё меньше, чем снаружи. В ней было всего две комнаты, а точнее кухня и маленькая комната, дверь в которую была приоткрыта. Из-за двери доносились какие-то странные звуки, похожие на стоны.

— Может там призрак? — не-то испуганно, не-то обрадованно спросила Соня.

Стёпа был более скептически настроен насчёт призраков, и смело заглянул в комнатку. Там — на диванчике, лежал дядя Боря и крепко спал, похрапывая и постанывая сквозь сон.

Не решаясь его будить, Стёпа топтался на входе. Но Соня была не так щепетильна. Она пришла сюда по делу.

— Дядя Боря… а, дядя Боря, — тихонько позвала она. Дядя Боря и не думал просыпаться.

— Дядя Боря же… у вас есть фонарик? — спросила Соня уже громче.

— Фонарик… шептарик… — пробормотал дядя Боря сквозь сон и опять захрапел.

Тогда Соня решила подойти ближе и потрогать дядю Борю за плечо. Но внезапно зацепила ногой бутылку, которая стояла возле кровати. Бутылка была пустая и покатилась с громким стуком.

Дядя Боря приоткрыл один глаз и попытался навести резкость. Это ему слегка удалось.

— А-а, ребята… — пробормотал он, и даже попытался приподняться, но сон опять навалился на него, прижал как следует к подушке, и уже не отпускал.

Соня посмотрела на бутылку и увидела, что на ней было написано «Вино».

— Всё понятно, — сказала она. Фонарика нам не видать.

— Почему? — поинтересовался Стёпа.

— Потому, что дядя Боря пьяный. Теперь он, наверное, не скоро проснётся.

— А почему он пьяный?

— Потому, что выпил вино. Неужели не понятно?

Стёпа раньше никогда не имел дела ни с вином, ни с пьяными. Пару раз он видел на улице каких-то подозрительных персонажей, которые валялись под забором или сидели, подперев стену. Тогда мама сказала, что это алкоголики и что лучше держаться от них подальше. Алкоголики были совсем не похожи на дядю Борю. У них были красные носы и синяки под глазами. А дядя Боря был очень даже симпатичный. И весёлый.

— Как ты думаешь, он алкоголик? — спросил Стёпа Соню, которая, судя по всему, разбиралась в этих вопросах лучше Стёпы.

— Не знаю… Вроде не похож… Но давай-ка лучше пойдём отсюда…

Стёпа не стал возражать.

— Вот тебе и раз, — озадаченно произнёс он, выйдя из сторожки. — Надо же, такой вроде приличный с виду…

— Да уж… А мне жалко его… Может у него горе какое?

— А что, если горе, то надо пить вино?

— Не надо, но некоторые пьют.

— А зачем?

— Ну… наверное, если выпить, то забываешь про горе…

— Насовсем?

— Нет, конечно. Пока пьяный — забываешь, потом просыпаешься — и опять горе…

— Вот почему он не хочет просыпаться…

— Точно. Надо ему помочь.

— А как?

— Не знаю… Давай спросим у папы. Он должен знать.

— Давай, — поддержал идею Стёпа и все, включая Мусю, направились в обратный путь.

Проходя мимо Сашиной норки, решили всё же попытать счастья ещё разок.

— Саша, Саша-а! — закричали они в два голоса.

— Ну чего разорались? Делать нечего? Кричать по утрам, спать не давать… — раздался вдруг недовольный незнакомый голос. Вслед за этим из норки появилось недовольное незнакомое лицо. Лицо это выглядело очень заспанным и принадлежало то ли Сашиной маме, то ли Сашиному папе. Никаких отличительных признаков оно не имело. И голос был таким, что тоже мог принадлежать как маме, так и папе.

— Простите пожалуйста, а Саша выйдет? — спросила Соня непонятно кого.

— Спит ваш Саша. Идите, идите себе. Нечего тут… Раскричались, понимаешь…

И лицо отправилось обратно в своё сонное царство.

— А вы его… мама?… Или папа? — крикнула Соня вдогонку.

— Мама, мама, — раздалось откуда-то из-под земли.

— Ладно, пошли. Что с них взять. Суслики… они и есть суслики. Чего-чего, а вот спать они умеют…

— Хорошо, что хоть не пьяные, — Стёпа до сих пор был под впечатлением от истории с дядей Борей.

Когда пришли домой, Соня сразу кинулась в кабинет к папе.

— Папа, папа! Срочно нужна твоя помощь!

— А что случилось?

— Там дядя Боря… он… у него… беда.

— Какая беда?

— Не знаю… он пьяный… и не хочет просыпаться…

— Ну и что?

— Надо ему помочь…

— Помочь проснуться?

— Да нет же! У него, наверное, какое-то горе, и он поэтому пьяный.

— Может быть, он просто любит выпить?

— Да нет же. Он хороший…

— Ну, многие хорошие… любят выпить…

— Ты что? Это же алкоголики любят выпить. А дядя Боря… он… хороший. И не алкоголик. Мы его никогда пьяным не видели…

— А как давно вы его знаете?

— Ну, не очень давно… Недавно… Но он очень добрый. Он нас на лодке катал… Надо срочно его выручать!

— Ну, хорошо. Пойдём. Мне всё равно нужно было на реку сходить…

Папа прихватил свой дежурный рюкзачок, и команда спасателей отправилась на помощь доброму дяде Боре.

Когда все подошли к сторожке, папа предложил Соне со Стёпой пойти пока на речку — он подумал, что лишние свидетели в таком интимном вопросе не нужны. Так и сделали. Соня, Стёпа и Муся отправились на берег, а дядя Алик постучал в дверь доброго дяди Бори.

— Входите, — раздался довольно весёлый голос. Борис Борисыч был не только добрым, но и, судя по голосу, уже и бодрым.

Альберт Васильевич понял, что Соня опять что-то напутала, но отступать уже было некуда, и он вошёл внутрь.

Дядя Боря сидел на кухне и пил чай. Он приветливо придвинул табуретку дяде Алику и предложил ему чашку чаю.

— Спасибо, я уже позавтракал, — вежливо отказался дядя Алик.

— Чем могу служить? — поинтересовался дядя Боря.

— Я, собственно… Вы лодками заведуете?

— Да.

— Хотел тут… небольшую экспедицию на остров осуществить. Не поможете?

— Отчего же? С радостью. Вы бы когда хотели?

— Да вот прямо сейчас… Если можно…

— Можно и сейчас… Вот только приберусь немного… У меня вчера день рождения был. Посидели тут. С бобрами. Немножко… На гитарке поиграли… Песен попели…

— Поздравляю.

— Спасибо.

— А я не один. С детьми. Можно?

— Конечно. Я детей люблю…

— Ну, тогда мы вас подождём на берегу.

— Хорошо. Буду через пять минут.

Дядя Алик пошёл к реке, а дядя Боря принялся собирать мусор и подметать пол.

— Ну что там? — накинулись на дядю Алика Соня со Стёпой. — Он там ещё живой?

— Всё в порядке. Ложная тревога. Дядя Боря ваш жив и здоров. Никакого горя… У него был день рождения, и он с друзьями немного выпил по этому случаю…

— Значит, выпивают не только тогда, когда горе? — спросил Стёпа.

— Да, выпивают по любому поводу. Было бы желание…

— А отчего это желание?

— Видишь ли, Стёпа… Как бы тебе объяснить? Алкоголь — это своего рода аванс… кредит энергии. После принятия алкоголя поджелудочная железа начинает усиленно работать — выбрасывает в кровь ферменты. В том числе в кровь попадает большое количество эндорфинов — так называемых «гормонов счастья»…

— А что это за… гормоны счастья?

— Это вещество, которое стимулирует организм. Даёт ощущение прилива энергии, радости…

— Значит, счастье можно получить, если выпить вино?

— Многие так считают, но это далеко не так. Это не настоящее счастье. Искусственное. И за него приходится дорого платить…

— А чем платить?

— Своим здоровьем. Самочувствием. Кредит нужно возвращать. Наутро счёт будет предъявлен и организм недополучит всю ту энергию, которую накануне получил в избытке…

— Но ведь… я много раз был счастливый… и наутро ничего такого не было…

— Это потому, что твоё счастье из другого источника. Этот источник чистый. А вино — это источник отравленный. Это обман. Обман природы. А она этого не терпит. И никому не позволяет себя обманывать. Все стимуляторы являются наркотиками. Это значит, что кроме того, что они дают всего лишь иллюзию прилива энергии, они же потом эту энергию отнимают. Причём в гораздо бОльшем объёме. А ещё любой наркотик вызывает привыкание к себе. Иногда бывает достаточно одного — двух раз, чтобы потом организм уже не смог

существовать без этого стимулятора и требовал ещё и ещё…

— А эти… нар… котики… они…

— Эти котики такие злые? — вмешалась Соня.

— Почему злые? Они же не виноваты… Это обычные лекарства. Иногда они могут быть полезны… Для дезинфекции, например…

— А как это?

— Этиловый спирт, который входит в состав вина и всех алкогольных напитков является сильнейшим ядом. Он разрушает белок. А бактерии, которые вызывают заражение, состоят из белковых молекул. Поэтому раны и медицинские инструменты протирают спиртом. Конечно, при этом достаётся и нашим клеткам — часть из них умирает от контакта со спиртом, и мы ощущаем болезненное жжение. Но это незначительный ущерб по сравнению с последствиями возможного заражения и гибелью всего организма…

— А кофе — это тоже стимул… лятор? Моя мама говорит, что кофе её бодрит.

— Да. И кофе и чай. Они содержат кофеин — а это самый настоящий наркотик, и многие без него не могут жить…

— А я пью… пил чай… И не был пьяный… — сказал Стёпа.

— Да, чай не такой сильный наркотик, как этиловый спирт. Но всё равно — вреда от чая намного больше, чем пользы. Гораздо полезнее пить отвары из трав, не содержащих стимуляторы. Вот иван-чай, например. Сплошная польза. Никакого вреда. И вкусно, и полезно. Только заваривать его нужно не кипятком…

— А почему?

— Дело в том, что при кипении образуется тяжёлая вода, куда входит изотоп водорода — дейтерий. Дейтерий хорош для ракетных двигателей, а нашему организму он ничего хорошего не приносит. Кроме того, после нагревания воды свыше 60 градусов все минералы, которые содержатся в воде переходят из ионной формы в неорганическую. Образуются соли, которые выпадают в осадок. Они попадают в организм и оседают там — в почках, суставах и сосудах. Мы не можем усваивать минералы в таком виде. Это могут делать только растения. А мы усваиваем минералы, которые, кстати, очень нам нужны, только в ионно-коллоидной форме. Соли, которые попадают к нам в организм с кипятком, имеют структуру камня. Вода их не растворяет, поэтому вывести из организма их очень трудно. Ты можешь сам увидеть эти соли. Накипь на чайнике — это они и есть. Представь себе, что всё это у тебя внутри…

— Ой, а что же делать?

— Не нагревать воду свыше 60 градусов. И уж тем более ничего не варить. Заваривать травы лучше всего в термосе.

— Значит, кастрюли и сковородки не нужны?

— Да. Я думаю, что для приготовления пищи всё это не нужно. Может быть, для каких-то технических целей…

— Папа, а что такое счастье? — спросила вдруг Соня, смотря куда-то в даль.

— Счастье? Думаю, что правильный ответ на этот вопрос никто не знает. Это понятие относится к вещам абстрактным… Могу только сказать, как я понимаю счастье.

— Как?

— Я считаю так… У каждого из нас должна быть в жизни цель. Большая или малая — это не так уж и важно. У всех цели разные, но они обязательно есть. Для этого мы и рождаемся… Так вот, по-моему, ощущение счастья нам даёт свободная энергия. Именно прилив этой энергии заставляет нас петь и плясать, тогда, когда это… не требуется… Именно эта энергия выделяется в избытке при употреблении алкоголя… Поэтому пьяные… такие… весёлые… и… счастливые…

— А те, кто лежит под забором? Разве они весёлые и счастливые?

— Эти уже нет. Их энергия уже ушла. В песок… Забрав с собой остатки той энергии, которая была раньше… Они потому и лежат, что сил нет даже идти… Именно поэтому я и говорю, что нельзя искать счастья в вине…

— А при чём тут цель?

— Ах, да… Цель… Я считаю, что свободная энергия активизируется лучше всего при движении к нашей цели. Именно при движении. При достижении цели мы уже не счастливы, а вот при движении, иногда даже мучительном, мы бываем счастливы, как никогда.

— А почему так?

— Ну… потому, что природа… так распорядилась. Ей нужно, чтобы у каждого из нас обязательно была цель в жизни, и чтобы мы непременно двигались к этой цели. Вот этим ощущением счастья природа нас… стимулирует… поощряет… награждает…

— А я бываю счастлив, когда не двигаюсь ни к какой цели… — задумчиво произнёс Стёпа.

— И я тоже, — добавила повторуха-муха Соня.

— Это потому, что вы ещё маленькие. У детей очень сильная энергетика. Энергии — хоть отбавляй. Поэтому в детстве приливы счастья такие частые. Я по себе знаю…

— Но… тогда получается, что для счастья нужно сидеть и не двигаться — тогда вся энергия пойдёт… на счастье… А я бываю

счастливая больше всего тогда, когда бегаю и прыгаю, — недоверчиво сказала Соня.

— А вот тут ты ошибаешься. Энергия — это не… вода. Её не нужно копить. Она должна свободно циркулировать. Чем больше ты её тратишь, тем больше получаешь. И наоборот — лёжа на диване никогда счастлив не будешь…

Тут показался дядя Боря с двумя вёслами в руках.

— А-а, мои старые знакомые… Привет, ребятки, — улыбнулся дядя Боря Стёпе и Соне.

— Здравствуйте, дядя Боря, — сказали ребята, и в голосах их слышалось некоторое напряжение.

— З-з-з, — поприветствовала Борис Борисыча доверчивая Муся, совсем без напряжения взлетев с Сониной кепки и тут же вернувшись на место.

— Ну что, все готовы к отплытию?

— Так точно, — отрапортовал за всех дядя Алик.

— Отлично, отдаём концы, — скомандовал дядя Боря, который на время плавания стал дядей Боцманом.

Все, включая Мусю, погрузились на лодку, и путешествие на Остров началось.

Остров этот был не совсем остров. Его соединял с материком небольшой перешеек, который местные жители называли тисовой аллеей. Услышав это, Соня оживилась.

— Это, наверное, в честь сэра Баскервиля?

— Не знаю, возможно, и так, — сказал дядя Боцман. Он был не очень сведущ во всех хитросплетениях местной топографии и прочих укладов. Телевизора у него тоже не было, и про сэра Баскервиля он мог только догадываться.

— А как называется сам остров? — спросил дядя Алик. — Мы здесь не так давно, поэтому не всё ещё знаем.

— А никак… Вернее — Остров и называется. Он у нас один такой, поэтому названия и не придумали.

— Давайте назовём его Остров Баскервилей, — сразу предложила Соня. Возражений не последовало. Дядя Боцман только слегка усмехнулся в бороду.

— А зачем вам на Остров… Баскеври… Барбоски… ну, в общем, на Остров-то вам зачем? — поинтересовался он.

— С научной целью, — ответил за всех дядя Алик. — Хотим провести кое-какие энтомологические исследования.

— А-а, — понимающе кивнул дядя Боцман, и налёг на вёсла.

Путешествие продвигалось весьма интересно. Берега реки были очень живописны. После того, как лодка пересекла реку, дядя Боцман свернул в один из протоков и дальше плыли по узенькому извилистому каналу, который дядя Боря называл

«ерик». Дядя Алик рассказывал, какие деревья и кусты растут на берегах протоки. Иногда на воде появлялись жучки-водомерки, стрекозы и простые комарики.

Стёпа, который так и не успел позавтракать, зря времени не терял, и периодически щёлкал языком, ни разу не промахнувшись. Этим он вызвал уважение у дяди Алика и дяди Боцмана, восторг у Сони и тревогу у Муси. Она каждый раз беспокойно взлетала со своего аэродрома, садилась обратно и опять взлетала. Наконец ей это надоело, и она нашла себе новый насест — подальше от хищного Стёпы.

Тем временем дядя Алик стал рассказывать о фауне, которая населяет водные глубины их реки. Оказалось, что здесь должно водиться много рыбы. Начиная с краснопёрок и уклеек и заканчивая хищными щуками и даже сомами, которые достигают нескольких метров длины.

— А чем они питаются? — настороженно спросила Соня.

— Это самые настоящие хищники. Так что лучше нам с ними не встречаться. Хотя их здесь не так уж и много, в основном здесь обитают хищники поменьше. Караси, окуни и прочая плотва. А больше всего простых верховодок…

— А что едят эти верховодки?

— Всякую мелочь, которая попадает в воду. Тех же комаров, мушек и прочую живность.

После этих слов Муся тут же взлетела со своего запасного аэродрома и перебралась опять на базу, где она чувствовала себя в большей безопасности. Тем более что Стёпа уже наелся и перестал щёлкать языком. Муся беспокойно ползала по Сониной кепке, заглядывая то в одну, то в другую сторону. Наконец, убедившись в полной безопасности, она угнездилась на своём излюбленном месте — на пуговке по самому центру кепки.

Тем временем путешествие подходило к концу. Лодка уже подплывала к Острову. Дядя Боцман умело завёл судно в небольшую бухточку и стал швартоваться. После того, как лодка была надёжно пришвартована, дядя Боцман помог всей команде сойти на берег. Никаких попутных дел на этот раз у него не было, и он отправился в экспедицию вместе со всеми.

Глава 21. Ломехузы

Остров был необитаемым, если не считать бесчисленное количество всевозможных насекомых и птиц. Эти насекомые и были целью экспедиции. Дядя Алик объяснил, что ищет довольно редкий для этих мест вид жука — золотистую бронзовку. Зачем ему понадобилась эта бронзовка, он не сказал, но это было не так уж и важно. Путешествие нравилось всем. Даже Муся то и дело радостно взлетала и с интересом изучала одной ей понятные подробности Острова.

Когда все отошли довольно далеко от берега, местность изменилась. Кусты пропали совсем, а деревья стали преимущественно хвойные. Постепенно редколесье превратилось в настоящий лес. Это было не совсем то, что было нужно дяде Алику. Дело в том, что бронзовки в лесу не водятся, а слетаются, к примеру, на зонтики болиголова. В лесу это растение не растёт, поэтому нужно было возвращаться обратно на поляну. Однако внимание дяди Алика привлёк холм довольно больших размеров. Стёпа раньше ничего подобного не видел, а вот Соня сразу поняла, что это такое.

— Это муравейник, — сказала она.

— Да, это муравейник, — подтвердил папа. — Но это не обычный муравейник…

— А что с ним не так?

— Сейчас объясню. Но сначала немного расскажу о муравьях. Муравьи принадлежат к перепончатокрылым. Из всех видов насекомых — это самые, если так можно выразиться, социализированные существа. По своему общественному устройству муравейник превосходит любые известные нам сообщества.

Вот перед вами типичный купольный муравейник. Это жилище рыжего лесного муравья. Внутри такого муравейника, как правило, находится какой-нибудь гнилой пень или довольно крупная ветка, а под землёй находится камера, где живёт Царица…

— Настоящая? — удивился Стёпа.

— Самая настоящая — муравьиная. Конечно, у неё нет на голове короны, но в остальном она самая что ни на есть настоящая царица. Она управляет всем муравейником, который насчитывает десять тысяч особей. Царица откладывает до полутора тысяч яиц в день. За ней ухаживают рабочие муравьи… А управляет она с помощью запахов. Она выделяет особые ферромоны — пахучие вещества, которые содержат в себе

информацию обо всём, что необходимо знать муравьям. Прислуга царицы разносит эти ферромоны и передаёт их дальше, пока информация не дойдёт до самого последнего муравья-разведчика. Недалеко от царской камеры находятся камеры с яйцами, личинками и куколками. Дальше расположена зимовальная камера. В ней муравьи пережидают морозы, находясь в состоянии полуспячки. Выше расположен «хлебный амбар», где хранятся запасы семян. Рядом с ним — «мясная кладовая», куда заготовщики пищи приносят гусениц и другую живность. Ещё у муравьёв есть своя ферма…

— Неужели у них есть коровы? — удивился дядя Боря.

— Представьте себе — есть. Это мелкие насекомые, которые называются тли. Муравьи пасут этих тлей и ухаживают за ними. И всё это ради «молока» — особой жидкости, которую выделяют тли и которую муравьи очень любят. Впрочем, и «мясо» тлей они тоже едят. Так же в муравейнике есть своё кладбище, куда муравьи относят умерших собратьев и сваливают мусор. Ну, и почти в самом верху муравейника расположен «солярий» — камера, нагреваемая лучами солнца. В холодную погоду обитатели муравейника приходят сюда погреться. Кроме того, обогрев муравейника производится телами самих муравьёв. Нагреваясь на солнышке, они заходят в муравейник и там остывают. Таким образом, они повышают температуру внутри на 5-10 градусов. Ну и сверху — как видите, муравейник покрыт слоем хвои, палочек и листиков. Этот слой рабочие муравьи постоянно перемешивают, чтобы муравейник не загнивал…

— А где у них вход? — поинтересовался Стёпа.

— У муравейника примерно десять входов, которые служат также вентиляционными отверстиями. Все входы строго охраняются солдатами, поэтому близко подходить не стоит.

— А что это за солдаты? Тоже муравьи?

— Да. В муравейнике существует строгая иерархия — распределение обязанностей. Есть солдаты, рабочие — муравьи, которые выполняют всю работу в муравейнике. Они ухаживают за царицей и потомством, убирают и делают ремонт в помещениях. Ещё есть заготовщики пищи — фуражёры. Они ищут пищу по всей округе и передают её рабочим муравьям, которые складывают всю пищу в кладовые и только потом пища распределяется между всеми членами сообщества. Никто не имеет права сам есть найденную пищу. За это последует строгое наказание, вплоть до смерти…

— Ничего себе…

— Да, именно таким образом и может поддерживаться порядок в таком сложном образовании как муравейник. Лентяев

там тоже нет. Если фуражёр несколько раз приходит без пищи — его самого пускают на фураж…

— Прямо дикари-каннибалы какие-то… — возмутился дядя Боря.

— Зато у муравьёв развита социальная защита. Своих собратьев, которые больше не могут работать, муравьи будут кормить до самой смерти. Такая вот у них «пенсия»…

— Надо же…

— Кроме солдат, есть ещё и разведчики. Они должны уметь запоминать дорогу до пищи и объяснить фуражёрам, как её найти. Есть пастухи тлей, строители, няньки, сортировщики и простые разнорабочие…

— Да-а, не муравейник, а целый город… А что же с этим муравейником не так?

— А вот обратите внимание на купольную часть муравейника. Я уже говорил, что её необходимо постоянно вентилировать, чтобы муравейник не загнивал. А здесь видно, что уже долгое время никто этим не занимается…

— А почему?

— Судя по всему, этот муравейник заражён…

— Чем? Болезнью?

— Нет, хуже. Наверняка в этом муравейнике поселились ломехузы…

— А кто это такие?

— Это такой маленький жучок. Он меньше муравья…

— Но почему же муравьи их не прогонят? Как солдаты их пропустили?

— Всё дело в том, что ломехуза выделяет особое эфироподобное вещество, которое муравьи сразу слизывают и пьянеют, как будто выпили вино…

— Во дают, — оживился дядя Боря. — Не плохо…

— Ну, это смотря кому… Ломехузам — да, неплохо. Со временем они захватывают весь муравейник, размножаясь и поедая личинок и куколок муравьёв. Зато муравьям очень даже плохо. Вот посмотрите, — и дядя Алик показал на нескольких муравьёв, которые беспорядочно крутились возле муравейника. Это уже не муравьи…

— А кто же это?

— Специалисты мирмекологи, которые изучают муравьёв, называют этих особей псевдоэргатами. Это уже новое поколение муравьёв, которые родились после заражения муравейника ломехузами. Они не могут выполнять работу и бесцельно слоняются вокруг муравейника в то время, как остальные муравьи просто лежат внутри, напившись «вина» от ломехуз. Какая-то

жизнь в этом муравейнике ещё теплится, но он уже обречён. Скоро все запасы будут уничтожены, а размножившиеся ломехузы доедят остатки запасов и самих муравьёв…

— Какой ужас. И что, им никак нельзя помочь? — взволнованно спросила Соня.

— А как ты им поможешь? Ломехузы уже повсюду. Они откладывают яйца туда же, где находятся муравьиные яйца. Муравьи-няньки ухаживают за их куколками, и таким образом ломехузы заполняют весь муравейник. Как только муравьи выражают признаки недовольства, ломехузы выделяют «вино» и воля муравьёв оказывается подавлена…

— Неужели все муравьи алкоголики?

— Не все, но очень многие. Были случаи, когда некоторые муравьи из заражённого муравейника спасались, и переходили жить в другой муравейник. Их принимали, и эти «беженцы» передавали своим новым собратьям информацию о том, что случилось с их муравейником. После этого муравейник получал иммунитет от ломехуз. Любые попытки проникновения в муравейник пресекались, и ломехузы беспощадно уничтожались…

— А что, эти ломехузы сами работать не умеют? Когда они уничтожат всех муравьёв и доедят их запасы, что они будут есть?

— Да, сами они работать не могут. Они не организованы и способны только паразитировать. Когда этот муравейник будет исчерпан, часть ломехуз погибнет, а остальные разбегутся в поисках новой добычи…

— Надо сжечь этот муравейник вместе со всеми паразитами, — грозно нахмурив брови, сказала Соня.

— Не надо, — остудил её пыл папа. — Так и до пожара недалеко… Кроме того, природа сама распоряжается — кто должен жить, а кто — нет. У ломехуз тоже своя служба. Они дают муравьям прививку от пьянства, закаляют их волю. Пусть и таким жестоким образом. Происходит естественный отбор. Выживают наиболее приспособленные…

— А что муравьи делают, когда напьются этого ломехузьего вина? — поинтересовался дядя Боря, которому вся эта тема была близка.

— Они впадают в эйфорию, замирают и пребывают в оцепенении…

— Ну-у-у — это же скучно… Хоть бы поплясали… песен попели, что ли…

— Да. Не подготовились они… к пьянству-то… Ни гитар у них нет, ни гармошек… — усмехнулся дядя Алик.

— Я думаю, что именно поэтому они такие падкие на

выпивку, — заключил дядя Боря. — Надо уметь отдыхать, а не работать сутки напролёт…

— Ну, работают они не сутками… Ночью они все заползают в муравейник и отдыхают…

— Это не считается. Должны быть выходные, праздники. Дни рождения там…

— Тогда бы у них каждый день был бы праздник. Из 10 тысяч муравьёв наверняка каждый день нашлись бы именинники…

— Вот и отлично. Накрывали бы столы и после трудового дня угощали бы собратьев… — усмехнулся дядя Боря.

— Но ведь вино… это же не обязательно? Чтобы было весело… Можно же и так песни петь… и без вина, — посмотрел на дядю Борю Стёпа.

— Да, — подхватила Соня. — Вино нельзя пить… оно… Оно… нар…котик… Вот.

— З-з-з, — подтвердила, что пить вино нельзя Муся.

— … Все говорят, что пить нельзя… — усмехнулся в бороду дядя Боря. — Конечно, это не обязательно… И без вина тоже хорошо поётся… А с вином ещё лучше.

— А почему с вином лучше?

— Ну, веселее…

— Я скажу — почему, — вмешался дядя Алик. — Это воздействие глутаминовой кислоты. Она обладает сильным возбуждающим эффектом…

— Она содержится в вине?

— Нет. Она содержится в наших нервных клетках — нейронах. Под воздействием алкоголя внешняя оболочка нейронов начинает разрушаться, что приводит к выбрасыванию глутаминовой кислоты в кровь и — как следствие — вызывает состояние эйфории…

— Разрушается?

— Да. Кроме того, есть ещё один аспект: наша кровь состоит из эритроцитов. Это такие небольшие шайбочки. Их ещё называют красные кровяные тельца. Каждый эритроцит имеет липидный слой. Это тонкая жировая оболочка. Она нужна для смазки эритроцитов. Дело в том, что чем дальше от сердца — тем тоньше сосуды. На периферии есть капилляры толщиной всего в один эритроцит. Например, в мозгу или глазах. А основная задача эритроцита — разносить кислород по всему организму. Без кислорода организм жить не может. Начинается некроз — отмирание тканей. Так вот, когда эритроциты хорошо смазаны, они легко проникают в самые отдалённые участки мозга и питают его кислородом. А что получается при употреблении вина?

— Что?

— А вот что. В состав вина входит этиловый спирт. Даже самое слабое вино содержит его не меньше 9 процентов. Я уже не говорю про водку и другие крепкие напитки. Этиловый спирт является сильным жирорастворителем. Попадая в кровь, он как бы обезжиривает эритроциты, и те начинают слипаться друг с другом. Возникает «эффект виноградной грозди», когда целые конгломераты эритроцитов начинают циркулировать по кровеносной системе, образуя тромбы и не допуская приток крови к участкам головного мозга. От этого нейроны начинают испытывать кислородное голодание и погибают. Именно в этот момент ощущается головокружение, отключаются многие критические центры, ослабевают рефлексы. При этом поджелудочная железа усиленно работает и выделяет эндорфины. У нас ощущается прилив энергии, голова кружится, нам весело — хочется петь и танцевать… Но праздник быстро заканчивается… Наступает утро и приходит время за всё платить…

— Да уж… А почему на утро так тяжело?

— Дело в том, что нейроны мозга, которые умерли от недостатка кислорода, начинают разлагаться и отравлять организм трупным ядом. Организм не может этого допустить и закачивает в голову большой объём воды, чтобы вымыть оттуда все эти трупы. Из-за этого по утрам и ощущается сильная жажда, а голова начинает болеть. Потом мы идём в туалет и сливаем в унитаз то, что раньше было нашими мозгами…

Тут дядя Боря переменился в лице. Он перестал улыбаться и виновато заморгал глазами. Папа посмотрел на него внимательно и забил последний гвоздь в крышку гроба дяди Бориной привычки пить вино:

— Нейроны являются наиболее долгоживущими клетками в организме и поэтому восстанавливаются чрезвычайно медленно. И далеко не в полном объёме. А вот отмирают очень даже быстро. После вскрытия, мозг у любителей выпить напоминает губку. Это и есть последствия их «веселья». А ведь важны не только сами нейроны, но и их связи…

— К-какие с-связи?

— Синапсы. У каждого нейрона есть отростки, которые называются дендриты. Этими дендритами нейроны соединяются между собой, образуя нейронную сеть. Синапсы — это места соединения нейронов между собой. На одном нейроне их больше тысячи. Главной особенностью нейронной сети есть то, что она не является постоянной. Нейроны обладают способностью перестраивать связи между собой…

— А для чего?

— Для того, чтобы облегчить нам задачу по управлению

нашим телом и сознанием. Когда мы учимся чему-нибудь, всё происходит под полным контролем головного мозга. Именно поэтому в процессе обучения наши движения такие неуверенные и медлительные. Во время сна все навыки, которые мы приобрели днём, обрабатываются мозгом и создаётся программа, по которой нейроны устанавливают между собой новые связи. Теперь время для выполнения часто повторяющихся задач будет существенно сокращаться. В какой-то момент головной мозг будет исключён из процесса обработки данного движения, и оно начинает происходить рефлекторно, то есть только за счёт импульсов, передаваемых от нейрона к нейрону через синапсы.

— Точно, — поддержал дядя Боря. — Я когда учился играть на гитаре и представить себе не мог, что со временем пальцы сами будут знать, что им играть и как…

— А вот скажите, если как следует выпить — играть на гитаре так же легко?

— Ну, если как следует то, пожалуй, уже труднее… А если ещё… наподдать, то не то, что на гитаре… уже и ходить затруднительно…

— И что вы тогда делаете?

— Да что? Спать ложусь, конечно. Что же остаётся делать?

— Вот именно. Ведь при употреблении алкоголя погибают не только нейроны, но и синапсы. Разрушается нейронная сеть. Если не остановить процесс опьянения, то последствия могут быть необратимыми. Именно поэтому организм «выключает» нас и мы засыпаем…

— Под забором?

— Да, иногда в самом неожиданном месте и не в самой удачной позе…

— И что, во время сна вся… сеть восстанавливается?

— В том то и беда, что не восстанавливается… За один приём алкоголя тысячи… десятки тысяч нейронов погибают. Исчезают миллионы синапсов… А ведь самой большой ценностью для нас являются не собственно нервные клетки как таковые, а именно эти самые связи, которые между ними установлены. Именно в них закодирована наша долговременная память, именно эти связи определяют наши знания, умения и навыки. Конечно, самые важные навыки — такие как ходить, жевать и глотать организм в спешном порядке восстанавливает. Но за счёт других — менее важных на его взгляд. Ведь алкоголь не выбирает — бьёт по всем нейронам подряд. Выжившие нейроны берут на себя функцию своих погибших собратьев. И, если погибает нейрон, ответственный за сгибание колена или локтя, то его функцию начинает выполнять нейрон, ранее ответственный за моторику

пальцев при игре на гитаре или за управление голосовыми связками…

— А как же говорят: «мастерство не пропьёшь»?

— Кто говорит? Как правило те, кто сам этим активно занимается. Сколько этих «мастеров» с дрожащими руками не то, что деталь на станке выточить — гвоздя в стену забить не могут? А если ещё что-то и могут, то не благодаря, а вопреки своему пагубному увлечению… А ведь нейроны — это самая важная часть мозга. Они обеспечивают все логические связи. Отвечают за анализ ситуации. Без их работы мы просто превратимся в овощ… Хотя нет. Это несправедливо по отношению к овощу. Он очень хорошо ориентируется в пространстве и с логикой у него всё в порядке…

— И что, у муравьёв тоже все эти… эритроциты отмирают? — спросил дядя Боря убитым голосом.

— Нет. Там немного другая ситуация. Вещество, которое выделяет ломехуза — это не этиловый спирт. Оно тоже является наркотиком, но более сильным. Принцип его воздействия на организм другой. Оно разрушает центральную нервную систему и через короткий промежуток времени муравей не то, что плясать — он уже питаться самостоятельно не может и погибает от истощения.

— Бедные муравьишки… Мне их так жако, — произнесла Соня.

Назад все шли в задумчивости. Каждый думал о своём, но красноречивее всех думал дядя Боря. В нём боролись два чувства и, судя по всему, инстинкт самосохранения побеждал. Сейчас дядя Боря окончательно решил для себя, что веселиться лучше без всяких вспомогательных веществ. Тем более, что по натуре он был жизнерадостный бобёр и умел веселиться без стимуляторов. Осталось убедить остальных бобров…

На поляне, где были заросли болиголова, решили сделать привал. Дядя Алик достал из рюкзака коврик и Соня со Стёпой легли отдыхать. Дядя Боря немного воспрял духом, взобрался на возвышенность, и стал сочинять песню, махая травинкой себе в такт.

— Сидя на красивом холме… — доносилось до Стёпы и Сони.

Муся задремала на пуговке, крепко вцепившись лапками и держа ухо востро. А дядя Алик, прихватив сачок и пустую баночку, отправился искать золотистую бронзовку.

И не ошибся. Здесь царил бронзовый век. Бронзовки сновали туда-сюда, и от блеска их бронзовых доспехов рябило в глазах. Летали они не так, как летают обычно жуки. Они не поднимали надкрылья, а просовывали крылышки в специальные прорези и

лихо взмывали в воздух.

Дядя Алик поймал несколько достойных экземпляров и вернулся в лагерь.

Цель экспедиции была достигнута, и можно было собираться в обратный путь. Когда сворачивали коврик, Стёпа увидел на траве необычный предмет. Он был похож на металлический рыцарский доспех. Отливал голубовато-зеленоватым блеском, был небольшого размера, продолговатый и заострённый на конце. С внутренней стороны на нём были изображены какие-то дивные узоры, напоминавшие некий орнамент. Рисунок ритмично повторялся и не был похож ни на что, что Стёпа видел раньше. Он показал предмет дяде Алику и тот очень заинтересовался им. Странный предмет оказался надкрыльем какого-то жука, о котором дядя Алик не имел ни малейшего представления.

— Я думал, что знаю всех обитателей этой полосы, но такое вижу в первый раз. И в книгах ничего подобного не встречал. Молодец, Стёпа — это очень ценная находка.

После того, как лагерь был свёрнут — все, включая Мусю, занялись поисками второго надкрылья или ещё каких-нибудь останков невиданного жука. Но всё было тщетно. Ничего похожего больше не находилось. Все уже утомились, и пора было двигаться в обратный путь. Соня шла последней и, покидая поляну, она по инерции решила проверить — на месте ли Муся. Приложив руку к своей кепке она обнаружила, что Муси на месте нет.

— Муси нет! — крикнула она что есть сил и бросилась её искать. Все рассыпались по поляне и тоже принялись искать злополучную муху, ворча себе под нос. Впрочем, ворчал только дядя Боря. Наконец Соня, повинуясь какому-то своему внутреннему чутью, забрела на дальний край поляны и, постоянно взывая «Муся — Муся» наконец отыскала её, облепившую в компании таких же, как она сама, останки чего-то или кого-то, пахнувшего не очень аппетитно, а скорее даже очень неаппетитно.

— Муся, фу! — скомандовала Соня. — Сколько раз тебе говорила — не ешь с пола!

Как следует отчитав Мусю за беспечность и непослушание, Соня уже собиралась уходить из этого, не очень приветливого места, как вдруг в траве блеснуло металлом. Соня подбежала и вытащила из травы точно такое же надкрылье, как и то, что нашёл Стёпа. Только это было зеркально симметрично по отношению к первому. Ликованию дяди Алика не было предела. Впрочем, как и ликованию дяди Бори, который уже изрядно проголодался и давно был не прочь чего-нибудь погрызть.

Конечно, дядю Борю обрадовала не сама находка, а возможность наконец отправиться домой — что они с успехом и совершили. Дядя Боря опять стал на время дядей Боцманом, и в целости и сохранности доставил всю команду к месту назначения. По дороге Стёпа опять немного подкрепился свежими речными комарами. При этом Муся не стала слетать со своего насеста, памятуя о хищных обитателях речных глубин, однако не сводила со Стёпы своих немигающих, внимательных глаз и готовая при первой же опасности свечой взмыть в воздух.

На берегу все распрощались с дядей Борей, договорившись обязательно путешествовать вместе ещё. Дядя Боря долго тряс руку дяди Алика, выражая тем самым благодарность за то, что тот открыл ему глаза на некоторые вещи. Дядя Алик понимающе кивнул головой.

На обратном пути Соня не удержалась и опять кинулась к Сашиной норе.

— Саша! Са-ша-а! — стала она взывать в беспросветную мглу. Тщетно.

— Сашина ма-ма-а! А Сашина ма-ма-а… Сашина мама — же!..

Нора впитывала в себя Сонины вопли, ничего не отдавая взамен. Даже эха.

— Ладно. Видно не судьба, — с досадой произнесла Соня и все пошли дальше. На развилке Стёпа с Соней договорились, что завтра Стёпа придёт в гости к Соне. Мама уже заканчивает рисовать свой натюрморт и начнёт рисовать портрет Стёпы.

— А что для этого нужно? — в волнении произнёс Стёпа. Ещё никто и никогда не писал с него портретов…

— Ничего, только терпение…

— Ладно. Пойду запасаться терпением.

Перед сном Стёпа опять вспомнил про свои мысли. Он слегка пожурил их за то, что не напоминали ему целый день про полёт. Не держали перед ним картинку…

Но не тут то было. Одна из овечек подошла поближе к Стёпе и сказала ему, что такого указания они не получали. Когда Стёпа попросил, они — мысли спровадили Чернушку… куда подальше… Теперь пусть он распорядится, и тогда они будут в течение дня держать в его голове картинку полёта…

И Стёпа распорядился.

Глава 22. Бесконечность

На следующий день, с утра пораньше — сразу после пробежки, Стёпа уже был в мастерской Сониной мамы. Утро было солнечное, и свет в мастерской был подходящий. Стёпе решили облегчить задачу, и посадили его не просто на табурет, а за стол. Он сел, не зная, куда ему деть руки, куда смотреть и что делать. Соня предложила ему заранее почесать всё, что может зачесаться, потом расслабиться, не волноваться и быть самим собой. Мама добавила, что лучше всего подумать о чём-нибудь красивом, добром. Стёпа стал представлять себе, как он летит по небу и видит отражение солнца в верхушках облаков. От этих мыслей он приобрёл задумчивый, и даже мечтательный вид. Соня с мамой этот вид одобрили, и работа закипела.

Мама взяла лист картона, приколола его кнопками к мольберту, а Соня включила романтическую музыку, придвинула Стёпе тарелочку с персиками, оставшуюся после маминого натюрморта — на случай, если Стёпа проголодается, и ушла к себе, чтобы не мешать процессу…

Стёпа сидел как каменный, боясь пошевелиться, а мама то и дело выглядывала из-за мольберта и с шорохом чертила что-то карандашом на бумаге. Наконец набросок был готов. Основные черты лица были схвачены, осталось проработать детали. Для этого неподвижность была уже не нужна, и мама разрешила Стёпе расслабиться. Они стали разговаривать. Мама расспрашивала Стёпу обо всём. Сама рассказывала много интересного. Тоже обо всём. Но больше всего они говорили о творчестве.

— Я считаю, что творчество — это то, ради чего мы рождаемся на свет, — говорила мама. — Не обязательно это живопись. Творчеством может быть всё, что угодно. Даже подметать пол и мыть посуду можно творчески…

— А как это?

— А это значит, делать всё надо с любовью…

— А если мне не нравится подметать?

— Тут дело в самой простой лени. Но с ней можно справиться, и очень даже легко. Дело в том, что нашей Душе не нравится рутина — однообразное и неинтересное для неё занятие. И ей не нравится быть должной что-то делать. Даже быть должной самой себе она не хочет. Поэтому, нужно любое дело из повседневного и скучного превратить в увлекательное занятие — не считать его своей обязанностью. И тогда лень отступит. Сразу это может не получиться. Тогда можно немножко схитрить. Попробовать убедить себя, что тебе это нравится. Конечно,

обмануть свою Душу у тебя не получится, а вот разум — пожалуй, можно…

— Но ведь я могу это сделать только с помощью разума… Как же можно обмануть разум им же самим?

— Очень хороший вопрос. Вижу, что ты меня понимаешь. Но дело в том, что наш разум может разделяться. Причём, на несколько частей. Ты можешь поиграть в Наблюдателя. Наблюдай сначала за своим телом, считая себя Тем, Кто наблюдает. Потом попробуй понаблюдать за тем, кто наблюдает за телом… и так далее. Узнаешь много интересного о себе… Ну, так вот. Убедив себя в том, что ты очень любишь подметать пол, ты с удивлением обнаружишь, что это так и есть. Тебе по-настоящему будет нравиться это делать… Главное — делать всё добросовестно, вкладывая Душу.

Стёпа так недоверчиво посмотрел на Сонину маму, что она рассмеялась.

— Нет, я не обманываю. Сейчас попробую объяснить, как это происходит. Когда ты подметаешь нехотя — как бы выполняя свою обязанность, вся твоя энергия тратится на преодоление твоей же лени. А когда ты делаешь что-то с любовью, то подключается внешняя Сила. Она и помогает тебе…

— А что это за сила?

— Я могу сказать, что это Сила Любви, но это тебе ничего не даст. Давай, я объясню тебе по-другому. Ты уже задумывался, что представляет из себя время? Это поток…

— Я представляю себе, что это кинолента, которая движется в киноаппарате…

— Замечательно. Мне очень легко с тобой — ты схватываешь всё на лету. Так вот, наш Мир действительно похож на киноаппарат. У каждого из нас своё кино, это понятно. А вот Сила, о которой я тебе говорю — это тот мотор, который заставляет плёнку крутиться, понимаешь? Твоя реальность не должна останавливаться, кино должно крутиться постоянно — хочешь ты того или нет. Это закон. И ты своими мыслями и действиями крутишь своё кино, помогая Силе или мешая ей. Может быть, ты замечал, что когда делаешь то, что не хочется, время тянется медленно, а когда занимаешься любимым делом — время мчится незаметно?

— Да, это точно…

— Вот поэтому, когда ты делаешь что-то с любовью — ты как бы помогаешь внешней Силе крутить твоё кино. И она тоже устремляется тебе на помощь. Становится твоим другом. А когда ты с неохотой берёшься за нелюбимое дело — ты встаёшь на пути у Силы, мешаешь ей крутить твоё же кино. Ничего хорошего из

этого не будет. Сила сильнее тебя. Остановить её невозможно. Вступив с ней в противостояние, ты обессилишь сам и потеряешь такого могущественного друга, как она. Иногда, правда, систематическая лень побеждает. Её сила нарастает и, в конце концов, Сила жизни отступает. Ей надоедает бороться с ленью, и лента перестаёт крутиться… Понимаешь, что это значит?

— Смерть?

— Именно. Во все века те, кто любил трудиться жили намного дольше лентяев. Секрет их долголетия в привлечении Силы… Знаешь, есть такой монастырь Шаолинь?

— Да, мы смотрели… в передаче «Клуб Кинопутешественников» с папой…

— Ну, так вот. Там живут Мастера боевых искусств. Многие хотят попасть к ним в ученики. И для этих учеников у Мастера есть такое испытание. Он заставляет их выполнять какую-то рутинную работу, не имеющую никакого отношения к боевым искусствам. Например, подметать пол или копать землю. Ученик может это делать неделю, а может и целый год — пока ему не откроется истинная суть этого действия. Только тогда, когда ученик научится привлекать к себе эту магическую Силу, мастер начинает учить его боевым искусствам…

— Я понял. Обязательно попробую…

— Не сомневаюсь, что у тебя получится. Подходи к любому занятию творчески, и ты… очень удивишься. Обещаю тебе. Ведь творчество очень… поощряется… свыше. Ничто не сравнится с творческими муками и творческой радостью…

— А что это такое?

— Объяснить это трудно — это нужно прочувствовать. Когда ты по-настоящему творишь, ты не выдумываешь что-то своим умом. Ты подключаешься к высшим планам и, как бы черпаешь оттуда некую… информацию. Эту информацию ты получаешь в виде одному тебе понятных образов, и твоя задача превратить эти образы в слово, цвет, форму или ноты. Именно поэтому все искусства близки между собой — они из одного источника. Вся трудность состоит в том, чтобы при переводе этих образов в понятную всем форму, внести как можно меньше искажений.

— Каких искажений?

— Эти искажения привносит наш ум. Он необходим для перекодировки, перевода информации из одного вида в другой. Как будто ты прочитал текст на одном языке, и должен перевести его на другой — чтобы его поняли те, кто знает только один язык. Твоя задача перевести текст как можно ближе к оригиналу, учитывая особенности обоих языков… А ум иногда хочет приукрасить текст. Начинает выдумывать то, чего там и не было,

внося, таким образом, искажения в оригинал. Конечно, задача не из лёгких… особенно, если «текст» изначально был прочитан неправильно. Но и такое вот искусство «от ума» уже мало кому интересно. Умы у всех есть… А вот доступ туда… к Первоисточнику, имеет не каждый… Вернее, путь туда никому не закрыт, особенно в детстве… Но… многие хотят, чтобы им принесли, разжевали и в рот положили. А они ещё подумают — глотать или выплюнуть… И ведь иногда бывают правы, что выплёвывают… Сколько их, шарлатанов от искусства, которые черпают своё «вдохновение» в соседнем болоте, а потом:

Эй, народ, не скупись —
Покупай живопИсь!

А народ у нас простой, нахлебается этой живопИси, потом другого — настоящего уже и не хочет… А ведь Душе без этого нельзя. Это её пища. А без пищи как? Или без воды?

— А что, неужели нельзя всех научить самих… пить эту воду?

— Научить? Не знаю… Наверное, можно. И даже нужно. Но, пока так. Пока что самостоятельно пить эту воду готов далеко не каждый… Возможно, что когда-нибудь все научатся пить из этого источника и переводчики станут не нужны…

— А… если подметать — это тоже творчество… Какую при этом информацию с высших планов я… черпаю… и кому передаю?

— Чу-удесный вопрос, — мама выглянула из-за мольберта и посмотрела на Стёпу, как будто не поверила, что это именно он спросил. — Ай, молодца! Стёпа, ты просто в корень зришь. В том то всё и дело, что делая свою работу с любовью, вкладывая в неё Душу, мы уже тем самым подключаемся к высшим источникам. Та Сила, о которой я тебе говорила — она обитает именно там. Это Творческая Энергия. И если она становится твоим другом, она приносит тебе подарки — из того же самого Источника… Не зря Мастера Шаолиня лучшие в мире. Они обладают поистине сверхспособностями… Ну, ты и сам это видел… Они получили эти способности только благодаря тому, что им помогает Высшая Сила. А помогает она только тем, кто по-настоящему любит своё дело…

— А с кем я могу поделиться… творчеством, подметая пол?..

— Со всеми… Знаешь, есть такая шутка, что можно бесконечно смотреть на три вещи: как горит огонь, как течёт вода и как работает кто-то другой… В каждой шутке, как известно, есть только доля шутки. В этой тоже. Попробуй понаблюдать за мастером своего дела. Любого дела. Если мастер настоящий, то

неважно — что он делает. Глядя на его работу, ты получишь столько же, сколько получишь, побывав на концерте, в художественной галерее… в театре или кино…

— Что, даже простая уборщица?..

— Не веришь? Потом напомни мне, мы с тобой посмотрим выступление одной группы… «Стомп», называется. У них есть номер, где они изображают простых уборщиков. Это надо видеть… Завораживающее зрелище… Или Золушка, например. Кто она? Уборщица или… балерина? Посмотри, как она танцует с метлой… Сказка… Уверяю тебя, любой мастер своего дела — артист. И это правильно. Ведь все не могут быть музыкантами и художниками, да это и не нужно. А в Мире должна быть справедливость — всем хочется быть хоть в чём то лучшими… Вот Мир и даёт нам такую возможность — на своём месте стать лучшим в мире… Любому из нас… Можно обладать сверхспособностями не разбивая рукой кирпич, а укладывая этот кирпич в стену… И «Моцартом» можно быть в любом деле. При одном лишь условии — любить это дело… Ведь «информацию» из высшего Источника не обязательно перекодировать в звук или цвет. Можно переложить её в движение… Движение рук, ног, пальцев, мысли… — не важно, чего. Иногда очень трудно различить, где кончается уборщица и начинается танцовщица… Да… кто угодно… грузчик… официант… шофёр… даже продавец может быть виртуозом своего дела и сорвать аплодисменты. У нас вот на рынке такой есть… Гений… Ты будешь смотреть в упор, как он накладывает тебе клубнику в корзинку… Все ягоды одна к одной. А дома окажется, что на дне обязательно пара гнилых… Но при этом он наговорит тебе столько комплиментов… И «ягодкой» тебя назовёт… и «пэрсиком»… И улыбку тебе подарит… такую… Артист…

И не смотря на гнилую клубнику, в следующий раз всё равно идёшь к нему… И опять внимательно следишь за руками… И опять обнаруживаешь дома червивое яблоко или раздавленный помидор… Вот это я понимаю — высший пилотаж… Акопян своего дела… Да, что там… про иного токаря или слесаря говорят, что он скульптор по металлу… А плотники какие бывают? О-о-о… топором, тебе такую розу из бревна… вытешет… с колючками да с капелькой росы в придачу… Так что нет плохих профессий. Мастер своего дела может стать украшением любого места работы. Запомни это и старайся делать любую работу так, чтобы тобой любовались остальные…

— А что, любой может стать вот таким… мастером?

— Уверена, что любой. Главное — найти СВОЁ место. А вот с этим большие проблемы. Всем подавай «престижные» профессии.

Чтобы поменьше работать да побольше зарабатывать. Будь моя воля — я бы платила не за должность, а за мастерство…

— А эти… образы… которые из Источника… они какие?

— Проще всего, наверное, передать эти образы в музыке. Музыка проникает прямо в Душу, минуя сознание. Она ближе всего к Первоисточнику… Не вся, конечно. Некоторая «музыка» и музыкой не является… Одно название… Классическая музыка лучших мировых композиторов точнее всего передаёт то, что они там… зачерпнули…

— А муки творчества — это что?

— Молодец, не забыл. Я отвлеклась немного… Да… так вот, процесс перекодирования внеземных образов в понятные для всех формы и называется муками творчества… Но это сладкие муки. Познав их, ты будешь стремиться к ним. Ведь следом за муками приходит творческая радость, с которой мало что сравнится…

— А счастье может сравниться?..

— А это и есть счастье. Когда у тебя получается — ты весь переполнен творческой радостью, а эта радость, поверь мне, гораздо сильнее обычной радости. Я ведь говорила, что творчество — это смысл нашего существования и поощряется оно свыше сильнее всего.

— А что значит «свыше»?

— Это те Силы с высших планов, которые и создают наш Мир.

— А для чего им наше творчество?

— Это творчество нужно в первую очередь именно нам. Для нашего развития. Мир должен эволюционировать — развиваться. А это значит, что каждый на своём месте тоже должен развиваться, совершенствоваться. Дети должны быть выше, совершеннее родителей… И именно творчество даёт нам эту возможность. Без творчества начинается деградация — угасание. И нет более несчастных, чем те, в ком угас творческий огонь. А высшие Силы… они нас любят и не хотят, чтобы мы были несчастны. Их задача — обеспечить эволюцию всего мироздания. От самой маленькой клеточки до огромных галактик. И нас в том числе. Эти Силы и посылают нам — нашей Душе ту неземную радость, которая охватывает нас в творческом порыве. Я уверена, что каждый цветок, каждая клеточка — всё в Мире движимо творчеством. Все они стараются подойти к исполнению своих обязанностей творчески. За свою жизнь, пусть и короткую, стать немного лучше, совершеннее. И все они радуются, когда у них получается… Ведь каждая клеточка имеет свою Душу. Это самостоятельная эволюционирующая единица…

— А почему говорят, что природа отдыхает на детях? Ведь это значит, что родители более совершенны, чем их дети?

— Это не правильно. Так быть не должно. Конечно, в природе всякое случается. Бывает, что род начинает угасать — в силу разных причин. И тогда действительно, дети деградируют и род вымирает. Но чаще всего так говорят про детей талантливых родителей. Их родителям повезло — они нашли СВОЙ путь и полностью раскрыли свой потенциал. А детям, на которых «природа отдохнула» повезло меньше. Их отправили по ложному пути, считая, что они обязательно должны идти по стопам родителей. То, что дети, занимаясь не своим делом, добиваются хоть каких то результатов — уже говорит об их способностях. Никто даже не догадывается, на что они по-настоящему способны…

— А почему дети занимаются не своим делом?

— Скорее всего, их родители не уделяли им должного внимания. Были заняты своей карьерой… Бывает ещё, что у талантливых родителей слишком развито их Эго. Оно не терпит конкуренции и «топчет» всех вокруг. Страдают не только дети, но все близкие и окружающие. Часто такие родители угнетают своих детей — не дают им развиться во что-то, не менее талантливое, чем они сами. Не сознательно, конечно. Скорее всего, из-за того, что их Эго взяло верх над ними. Это их ошибка. Их дети, как правило, выше своих родителей… повторяю — это закон. Но детей знаменитых родителей с детства начинают с ними сравнивать, навязывать им не тот путь, который им предназначен. От этого их энергетика сворачивается, и они становятся посредственностями. Вместо того, чтобы отыскать свой путь и стать гениальным художником или музыкантом, такой ребёнок открывает первую попавшуюся дверь и идёт, например, в театральное училище, чтобы потом всю жизнь говорить: «Кушать подано» и страдать на второстепенных ролях во второсортных сериалах… Или, что ещё хуже, на главных ролях мучить зрителей своей бездарностью… И уж совсем беда, когда такой вот сын знаменитого папы идёт в режиссёры, и начинает снимать свои «нетленки», да ещё и за народные деньги… А взять наш музыкальный Олимп — сколько там безголосых отпрысков своих гениальных родителей? Да, природа отдохнула на их голосовых связках — ей не нужны одни только Карузо и… Пугачёвы… Ей нужны ещё и великие архитекторы. И великие учителя с агрономами. Что ей не нужно — так это трудовые династии. На Востоке есть хорошая поговорка: «Пусть расцветает сто цветов». Это значит, что всему должно быть место. Природа любит разнообразие. И родители должны быть внимательнее к своим детям. Распознавать — в чём их призвание, помогать им находить ИХ жизненный путь, а не ложиться поперёк него…

— А что такое эго?

— Эго? Это ощущение обособленного существования — когда мы воспринимаем Мир так, что мы есть отдельное, самостоятельное существо… Пусть и зависимое от различных обстоятельств, но отдельное. Это самая далёкая точка от единства всего со всем… Когда-то всё было единым. Но для развития было необходимо разделение. Точка разделилась на множество, и появилось Эго. Это инструмент, с помощью которого Душа заставляет наш разум играть в жизнь по-настоящему, без поддавков. Ведь Душа-то знает, что вся наша жизнь — игра. А разум, даже если ему сказать об этом — всё равно не поверит… или тут же забудет… Именно, благодаря Эго… Можно так сказать, что Эго — это антипод Души. Это некое корыстное начало в нас, которое заглушает в нас голос Души и побуждает нас думать и поступать так, как велит нам наш разум.

— А почему Эго берёт верх над нами?

— Это наша ошибка. Мы забываем — кто мы есть на самом деле. Уступаем место Души. А ведь главное — чтобы всё было на своих местах… Эго было необходимо для развития тела. Душа ведь больше занята собой. Ей интереснее восторг от красоты цветка, чем… то, что сегодня будет на ужин и где мы будем ночевать. Вот для этих целей и было создано Эго. Если ты заметил, всё в Мире имеет свою противоположность. Это называется дуальность. Всё должно быть в равновесии и поэтому для каждой вещи существует её антипод — чтобы одно не перевешивало другое. Есть даже такая теория. Она называется «Единство и борьба противоположностей»…

— Но у Любви же нет анти…пода?

— Что, что, что?.. Что ты сказал?

— У… Любви же… нет антипода?

— Ну-у-у, Стёпа… Да… ты не так-то прост. Надо же… Такие вещи понимаешь. Многие за всю свою жизнь так и не постигли этого…

— Это не я — это мне сказали…

— Всё равно, молодец. Не всем говорят такие вещи. Только подготовленным. Тем, кто готов это услышать. На Востоке говорят: «Готов ученик — готов и учитель»… Да, у Любви нет антипода. Потому, что антиподами могут быть только две отдельные и относительно равные вещи… А для Любви нет равной ей, и отдельной от неё… вещи. Если бы были такие весы, на одну чашу которых можно было бы положить Любовь, то… Такое было бы невозможно… Потому, что всё, что только есть на свете, и весы в том числе — это всё Любовь. Нет ничего за пределами Любви. Любовь обнимает всё Мироздание и ей нечего

противопоставить. Что бы мы не представили себе — оно находится внутри Любви…

— А одиночество?

— А разве оно есть? Я не знаю, что это такое. И не могу себе этого представить. А ты?

— Я тоже…

— А почему ты спросил?

— Я думал, что если оно есть — то оно могло бы быть антиподом Любви…

Сонина мама задумалась, даже перестала рисовать. Она очень серьёзно посмотрела на Стёпу, как будто опять не веря своим глазам, потом улыбнулась, покачав головой, и продолжила:

— Да, ты меня сегодня удивил… Определённо удивил… Верно ты говоришь. Я сейчас поняла, что так и есть. Когда Мир находится в непроявленном состоянии, Любовь всё равно есть — там, за пределами Пространства и Времени. А вот здесь — вместо всего этого, — мама обвела руками пространство вокруг себя, — появляется Одиночество…

— А как вам кажется, какое оно?

— Не знаю. Наверное, никакое. Это великое Ничто, хотя и размерами оно меньше самой маленькой точки…

— Я так и думал. И что, эта малюсенькая точка может противостоять Любви?

— Нет, не противостоять. Ведь ночь не противостоит дню. Они части одного целого. В Мире нет противостояния. Нет никакой борьбы противоположностей… Скажу тебе по секрету — я считаю, что в проявленном мире нет и никаких противоположностей. Это условность… Наше Пространство-Время похоже на каплю воды. Все противоположности уравновешены — нет абсолютно чёрного и абсолютно белого. Нет чёткой границы между днём и ночью, жарой и холодом, верхом и низом… Даже в Чёрной дыре есть Свет — как в пылесосе пыль…

— А как же дуализм?

— Это иллюзия. Его попросту нет… Есть Гармония.

— Гармония? А что это?

— Это… это состояние равновесия. Когда ничто не перевешивает, ничего не выпирает, нет острых углов. Когда то, что мы считаем противоположностями, согласуется друг с другом в единое целое. Наш Мир — это и есть Гармония. Его не нужно делить нА двое… если уж и делить, то на три…

— А почему на три?

— Так получается… Всё в Мире пропорционально. Всё состоит из частей. И первое деление происходит именно на три части… Всё, что только можно себе представить — всё вышло из

точки. И разделилось. Но не на две, а на три части: свет, тьма и… сумерки.

Жар, холод и… прохлада…. Верх, низ и… серединка… Что там ещё?..

— «Да», «нет» и… «наверное»…

— Правильно, молодец… Мир — это триединство. Три в одном… Учёные говорят, что наш Мир состоит из трёх составляющих. Это материя, информация и мера… У художников есть такое понятие как «Золотое сечение» — это форма, которая соответствует наилучшему зрительному восприятию. В Природе Золотое сечение присутствует постоянно — это тоже ничто иное, как триединство… Куда ни глянь — везде вокруг нас это триединство.

— А как же два глаза, два уха, две руки… ноги?

— Это не то… Парные органы не могут быть антиподами… Они же не противостоят друг другу, и не сменяют… Заменяют — да, для этого они и созданы парными… чтобы в случае утраты одного, остался второй… Такова жизнь…

— Да, точно. Это я… не то… перехвалили вы меня…

— Ничего, не перехвалила… Ты уникальный лягушонок. Никогда таких не видела… Так что, как видишь, нет никакой борьбы противоположностей. И противоположностей тоже нет. Это мы их придумали. Наше Эго придумало…

— А зачем?

— Ну, ему так легче делать своё дело. Чтобы тело не умерло от голода, Эго вынуждено было убедить разум в том, что в Мире существует противостояние. И если не ты съешь кого-то, то кто-то съест тебя. По отношению к телу это справедливо, но мы ведь не только тело… вернее не столько тело… Мы — это в первую очередь Душа.

— Значит, Любовь бесконечно большая, а Одиночество бесконечно маленькое?

— Ай да Стёпа… Ну ты голова-а… стик… Ты сегодня столько формул вывел… Многим академикам такого и не снилось… Но тут немножко не так… В жизни, во всяком случае… Мы ведь живём в мире иллюзий. И одиночество для многих из нас, к сожалению, не абстракция, а реальность… Как в пасмурную погоду — мы видим только тучи, хотя Солнце так близко… Точно так же, очень многие чувствуют себя одинокими. Только из-за того, что их Эго окутало их плотным слоем, и они сидят, как в коконе. А вокруг них море… океан Любви… Стоит им только проделать хоть маленькую дырочку в своём Эго, как к ним устремится поток Любви и от одиночества не останется и следа… Сразу оживёт Душа, которая по своей природе не может быть

одинокой. Она связана, вплетена во всю Вселенную с её бесконечным количеством таких же Душ… Какое уж там одиночество… А что касается бесконечно большого и бесконечно малого… Я думаю, что есть просто Бесконечность. А такие понятия как большое или маленькое — они… их не существует… Это тоже иллюзия.

— Как это?

— Ну, вот как ты себе представляешь Бесконечность?

— Я?.. Ну, наверное… когда летишь, летишь в Космосе и никак не прилетишь…

— То есть — нет никакой стенки в Космосе?

— Да.

— Но ведь и стенка — это тоже не конец… не… ничто? Сама стенка — это ведь тоже… что-то… И за стенкой обычно начинается другое пространство…

— Ну, я даже не знаю…

— Хочешь, покажу?

— Что, Бесконечность?

— Да.

Глаза у Стёпы округлились, рот непроизвольно открылся, а брови оказались в самой высшей своей точке.

— Конечно, хочу.

Сонина мама посмотрела по сторонам. Потом подошла к пылесосу и, отстегнув шланг, соединила начало и конец его между собой. Получилось овальное кольцо.

— Вот тебе модель Бесконечности.

— А-а, — протянул разочарованно Стёпа, который ожидал увидеть, по меньшей мере, небольшую чёрную дыру у Сониной мамы в кармане…

— Не веришь? Ну, вот представь себе муху, которая попала внутрь этой… этого шланга и захочет долететь до его конца… До стены…

— … А хотя да — действительно… бесконечность… В одну сторону…

— В две, если точнее. Но это же модель. Между прочим, в науке бесконечность обозначается вот так:

Сонина мама развернула концы «бесконечности» между собой так, что вместо буквы «О» получилась цифра «8».

— Вот такая, только горизонтальная восьмёрка и есть символ бесконечности.

— Стало немножко понятнее… Но всё равно, не могу себе представить Бесконечность…

— И это неудивительно. Нельзя конечным инструментом, каким является наш разум, измерить Бесконечность. Наш разум для этого не предназначен. Вот Душа отлично «знает», что такое Бесконечность. Это её стихия. Она там пребывает, как рыба в воде…

— Но ведь Душа — это же я. Почему она не покажет мне хоть капельку… Бесконечности?

— Капелька Бесконечности… Как это прекрасно звучит… Стёпа, да ты поэт. Стихи не пробовал писать?

— Нет… пока не пробовал. Папа пробовал… — сказал Стёпа и тут же пожалел об этом. Почувствовал, что выдал какую-то семейную тайну. Но Сонина мама не стала развивать эту тему.

— Хорошо, я тебе немножко помогу. Представь себе, что ты не летишь в Космосе, а растёшь…

— Как расту?

— Ну, как огурец на грядке… Вот ты стал высотой с дом. Продолжаешь расти. Вот ты уже высотой с гору. Растёшь дальше…

Вот ты увидел, что Земля круглая. Продолжаешь расти. Вот твоя голова уже за пределами атмосферы. Небо перестало быть голубым. Вокруг тебя звёзды и яркое Солнце одновременно… А небо теперь чёрное. Растёшь дальше. Вот мимо тебя проплыла маленькая Луна. А ты всё растёшь и растёшь. Видишь планеты, кометы, метеориты…

— Прямо как в мультике про «Голубой метеорит»…

— Да, точно. Ты растёшь, а он летит — Голубой метеорит… Потом Солнце, планеты становятся размером с шарики… А ты продолжаешь расти не переставая. Вот ты вырастаешь из Солнечной системы. Видишь вокруг себя туманности, похожие на кораллы и цветы. Ты очарован ими, но продолжаешь расти дальше. Начинаешь видеть нашу галактику — Млечный Путь. Она окружает твою шею, как разноцветный воротник из миллиардов лампочек… Ты крутишь головой во все стороны, глядя на эту красоту, а сам продолжаешь расти… Вот уже галактика стала для тебя размером с блюдце…

— А я не сломаю её?

— Нет. Представь себе, что твоё тело не плотное, а прозрачное — видимое только тебе одному… Итак, ты растёшь дальше. Теперь на чёрном небе ты видишь не звёзды, а галактики, которые стали размером как звёзды. Их так же много, как и звёзд

— всё пространство вокруг тебя усеяно ими. А ты растёшь и растёшь себе. Вот уже и галактик стало меньше. Они постепенно как бы растворяются в темноте. Ты ещё видишь отблески самых сильных квазаров, но скоро погружаешься в темноту. На какое-то время тебе кажется, что ты перестал расти. Вокруг тебя полная темнота. Но вот, как будто перед рассветом, ты видишь, что горизонт вокруг тебя начинает светлеть. Ты опять замечаешь, что растёшь не переставая. Постепенно свет вокруг тебя становится сильнее и ярче. Наконец, ты оказываешься весь окружён ярким светом. Теперь ты опять ничего не видишь вокруг себя. Только на этот раз из-за яркого света. Тебе опять кажется, что ты перестал расти. Но вдруг свет вокруг тебя становится местами ещё ярче. Ты как бы проходишь сквозь какие-то вспышки молний. Потом ты начинаешь различать вокруг себя какие-то тени. Свет становится не таким ярким, и ты видишь, как вокруг тебя что-то мелькает. Быстро-быстро. И ты опять замечаешь, что растёшь. Начинают прорисовываться какие-то объекты. Сферы, похожие на планеты. Только теперь небо вокруг тебя белое, а планеты — тёмные. Ты продолжаешь расти и видишь, что это не планеты. Ты находишься внутри атома. Вокруг тебя всё так и кишит. Электроны… позитроны… Они везде. Как песчаная буря. Они щекочут тебе нос, лезут в глаза, рот и уши. При этом они неуловимы… Вдалеке ты видишь Ядро, состоящее из протонов и нейтронов. Ты растёшь дальше, и ядро постепенно становится маленьким, как шарик… Этих шариков становится всё больше и больше. Ты начинаешь видеть вокруг себя какие-то геометрические фигуры. Какие-то слипшиеся шарики, палочки, спиральки… Свет становится ещё менее ярким, и ты видишь отдельные молекулы, которые как будто построены из конструктора.

Ты растёшь, и вот уже молекулы сливаются в одну сплошную массу. Пейзаж вокруг тебя стремительно меняется. Ты видишь горы и овраги, дивные долины с удивительными, неземными деревьями без листьев и веток. Как в стихотворении, ты на неведомых дорожках видишь следы невиданных зверей. Потом ты видишь и самих животных. Они пугают тебя своими огромными челюстями и волосатыми головами… Постепенно всё это уменьшается, и ты вдруг видишь, что находишься внутри… стула — такого же, как тот, на котором ты сейчас сидишь. Ты быстро-быстро растёшь дальше и вот уже видишь, что находишься на планете, похожей на Землю. Вокруг тебя деревья и дома. Ты растёшь, и видишь вдалеке речку, а ещё дальше — горы. Ты вырастаешь, и видишь что и эта планета круглая. Опять попадаешь в Космос и видишь Солнце и другие планеты — не такие, как наши, но очень похожие. И опять всё повторяется. Ты

опять оказываешься внутри атома. Опять попадаешь на планету. Может быть, на этот раз планета будет совсем не такая, как наша. Может быть, теперь на ней не будет никакого стула, а будут бушующие ураганы из метана и серной кислоты. В следующий раз ты увидишь диковинных зверей, похожих на наших динозавров…

Ты растёшь, растёшь, растёшь… и никак не вырастешь. Ты уже не понимаешь — где ты. Начинаешь путать Солнечные Системы и атомы — ведь они так похожи… Ты растёшь не переставая, но сколько бы ты ни рос — ты никогда не упрёшься головой ни во что. Ты будешь расти бесконечно. И тоже самое случилось бы с тобой, если бы ты начал не расти, а уменьшаться. Ровно то же самое, только в обратном порядке. Ты складывался бы до бесконечности и никогда бы не исчез совсем.

— Это похоже на матрёшек… — очнулся от оцепенения заворожённый Стёпа.

— Совершенно верно. Но только самая большая и самая маленькая из этих матрёшек соединены друг с другом, как концы этого шланга. Получается такая восьмёрка из матрёшек. Это трудно себе представить, потому что наше сознание представляет себе только три измерения — длину, ширину и высоту. На самом деле измерений гораздо больше. Их может быть и бесконечное множество. И в такой системе, как ты понимаешь, уже не может быть понятий большое — маленькое…

— Значит всё, что вокруг нас — это…

— Да, это своего рода иллюзия. На Востоке говорят — Майя. Мы видим только то, что способен видеть наш глаз, да и то — не всегда. Скорее то, что хочет видеть наше сознание. Оно рисует нам наш собственный мир. Нашу киноплёнку, как ты говоришь…

— Но мы же с вами сейчас видим одно и то же?

— Почти. Все видят мир немного по-разному…

— Насколько по-разному?

— Например — цвет. Я — художник, и мой глаз натренирован видеть такие цветовые оттенки, на которые ты можешь не обращать внимания. А ты можешь видеть фактуру дерева не так, как я… Но это незначительные различия. Я говорила о другом… Всё, что мы видим — это материя. Всё состоит из атомов… А теперь представь себе, что атом состоит из… пустоты. Расстояние между ядром и электроном атома гигантское. Если бы сделать атомарную модель водорода, то она выглядела бы как… ничто. Ядра его атомов исчезающе малы по сравнению с размерами самих атомов, не говоря уже про электроны… Представь себе ядро атома размером с мяч… Электрон будет размером с шарик для настольного тенниса. При этом расстояние между ними будет размером с футбольное

поле…

— Вот это да-а… А почему же мы тогда всё видим… ну, вот этот стул, например?

— Потому, что этот стул состоит не из мёртвой материи, как многие считают. А из… энергии.

— Кв… как это?

— Всё дело в частицах, из которых состоит атом. Они находятся в постоянном движении. Настолько в… постоянном, что в это трудно поверить… Один электрон может одновременно находиться в нескольких местах… Он и заполняет собой ту пустоту, которая существует в неподвижной модели атома…

— А почему мы видим стул не как кучу маленьких точечек, которые бегают туда-сюда, а как что-то целое?

— Именно потому, что мы видим не столько глазами, сколько сознанием. А ещё больше — подсознанием. В состоянии гипноза многие видят предметы сквозь стены, могут читать закрытые книги. Заметь — не угадывать, а видеть…

— А почему тогда этот стул на ощупь… твёрдый?

— Ощущение твёрдости создается силами отталкивания или притяжения между атомами, похожими на силы, действующие между двумя магнитами, поднесёнными друг к другу. Наши руки, ноги, пальцы на самом деле никогда ни к чему не прикасаются, а лишь испытывают силу отталкивания, которая создает ощущение твёрдости. Хочешь верь, хочешь нет, но на самом деле ты не касаешься стула, на котором сидишь, а скорее висишь над ним, за счёт того что атомы стула и твоего тела отталкивают друг друга. В действительности — всё скрепляет и заставляет реальность выглядеть твёрдой, океан колеблющейся энергии, а не что-то вещественное. Не только твоё тело, но и всё что ты видишь, чувствуешь и с чем взаимодействуешь — по большей части состоит из пустоты…

— Прямо чудеса какие-то…

— Можно и так сказать. Хотя это чудо называется «квантовая механика»… Но это ещё не все чудеса. Есть теория, по которой электрон ведёт себя по-разному в зависимости от того, наблюдаем мы за ним или нет…

— Как?..

— Теория называется «Корпускулярно-волновой дуализм» или «Квантовый парадокс» и говорит о том, что электроны ведут себя и как частицы и как волны, в зависимости от наличия наблюдателя…

— Правда?

— Не знаю… Такая вот теория… Получается, что Мир существует… ну то есть его можно потрогать — только в

настоящем. Пока мы его видим. И тут же растворяется…

— Значит, если на Луну никто не посмотрит, она сразу растворится?

— По этой теории получается что так. Но, уверяю тебя — Луне пока ничего не угрожает. Она под надёжным наблюдением…

— А если вдруг Луна всё-таки растворится, а потом на неё кто-нибудь посмотрит… Как она соберётся снова… так быстро? И ничего не перепутает…

— У Луны, как и у всего остального, из чего состоит наш видимый мир, есть свой прообраз, модель в мире невидимом. Мире идей. Его называют тонким миром. Всё сначала рождается там. Появляется мыслеформа. Потом эта мыслеформа обретает плотную форму. И пока идея не будет разрушена, она будет воспроизводиться снова и снова. Вообще-то это происходит постоянно. Дело в том, что кварки — кирпичики, из которых состоят атомы, живут всего лишь одну миллионную долю секунды. Это значит, что одни частицы исчезают, а на их месте появляются другие. Именно на месте. Ничего в мире не рассыпается и держит форму до тех пор, пока существует…

— Тонкое тело? Да, я слышал…

— Видишь, какой ты молодец… И клеточки, из которых состоит наше плотное тело, живут намного меньше нас. Но каждая новая клеточка появится строго на своём месте в соответствии с тонкими телами. Поэтому форма всегда меняется, а суть остаётся неизменной…

— Это похоже на камень в ручье. Вода течёт — значит, она всё время разная, а камень на дне один и тот же. Мы камень не видим, зато видим бурунчик на воде…

— Очень хороший пример. Камень — тонкое тело бурунчика. И этот камень намного прочнее самого бурунчика. Именно так и есть…

— А почему стул твёрдый, а вода — … мягкая?

— Просто их атомы и молекулы имеют разное строение. Разную плотность. Атомы урана, например, намного плотнее атомов железа. Это значит, что атомы урана родились в недрах более массивной звезды, внутри которой силы сжатия были намного… сильнее.

— А-а… понятно… А что, не все видят мир одинаково? Как мы с вами?

— Ну, мы с тобой похожие особи. А вот пчёлы, например, видят мир совсем по-другому. Они всё видят в ультрафиолетовом спектре, который наш глаз почти не различает. Да и глаз у них устроен совсем иначе, чем наш. Он имеет фасеточную структуру

— то есть состоит из множества маленьких глазков. Так что картина мира у пчёл очень отличается от нашей…

А наш глаз из всего спектра лучей, который существует, видит в лучшем случае один процент из ста. Некоторые виды лучей — такие как радиоволны или рентгеновские лучи нам помогают видеть приборы. Но это ещё один процент. А остальные 98 процентов пока от нас скрыты…

— Значит, радиоволны — это не… звук?

— Нет. Это «изображение», если так можно выразиться. Такое же, как и свет.

Стёпа явно был обескуражен. Он вдруг понял, что чем больше он узнаёт, тем больше понимает — как мало он знает. Это тоже была своего рода матрёшка бесконечности.

— Так можно и с ума сойти, — подумал он.

Сонина мама прочитала на его бесхитростном лице эти мысли и решила, что на сегодня хватит — и портретов, и бесконечностей. Пора было перекусить, и они отправились в столовую, где Стёпе вместо комаров предложили замечательный хумус из свежего горошка с приправами.

Глава 23. Хаос

После обеда дядя Алик пригласил Стёпу вместе с Соней к себе в лабораторию и обещал показать «нечто весьма интересное». Этим «нечто» оказалось надкрылье жука, которое нашёл Стёпа на Острове Баскервилей. Дядя Алик поместил под микроскоп его внутреннюю часть и вывел картинку на большой экран. Зрелище было и впрямь интересное. Даже невероятное. Это было похоже на то, что какой-то неведомый мастер взял кусок металла и невиданным инструментом вырезал в нём очень странный орнамент. Орнамент был одновременно и красивым и пугающе-неземным. Как будто это была часть космического корабля инопланетян. Узоры иногда повторялись, но были разного размера и глубоко уходили внутрь доспеха…

— Ума не приложу, для чего природе понадобилось создавать такую сложную структуру, — поделился дядя Алик своими соображениями. — Ни для прочности конструкции, ни для привлечения самок такой узор не нужен. Ведь он находится внутри надкрылья и виден только во время полёта. Я уже перерыл все книги, но так и не нашёл определения этого вида…

— Папа, а может быть это жук-инопланетянин? И он прилетел к нам из космоса…

— Всё может быть. Теперь я бы уже ни чему не удивился…

— А давайте совместим два надкрылья вместе, — предложил Стёпа.

Дядя Алик выключил экран и достал надкрылье из микроскопа. Вторе лежало у него на столе, в коробке с ватой — вверх орнаментом. Поднеся первое надкрылье к коробке, дядя Алик хотел положить его рядом со вторым, но нечаянно выронил. Вместо того, чтобы упасть в коробку, надкрылье зависло в воздухе, повисело секунду, а потом — плавно обогнув второе надкрылье, лежащее в коробке, приземлилось рядом с ним. Все это видели, но никто не поверил своим глазам. Пришлось повторить опыт ещё пять раз, меняя надкрылья местами. Повторяемость была стопроцентная. Каждый раз надкрылья вели себя точно так же — не желали соприкасаться и изо всех своих, неведомых науке, сил отталкивались друг от друга.

— Такое впечатление, что между ними находится электромагнитное поле, — сказал пришедший в себя дядя Алик.

Он тут же стал экспериментировать, забыв обо всём на свете. Стёпа с Соней стояли рядом и с интересом наблюдали за экспериментами.

Дядя Алик обнаружил, что надкрылья отталкивают не только

друг дружку, но и другие предметы. Но самое поразительное случилось тогда, когда он поместил надкрылья вертикально и рядом — так, как они располагаются во время полёта жука. Дядю Алика самого чуть не отбросила какая-то неведомая сила, которая образовалась между надкрыльями.

Сила была колоссальная. Дядя Алик закрепил надкрылья на двух дощечках и поместил их рядом. А потом стал исследовать поле, образовавшееся между надкрыльями. Он бросал туда разные предметы, но их отбрасывало в разные стороны. Потом вообще начались чудеса. Предметы не только отлетали в стороны, но и на некоторое время пропадали из вида. Взяв в руки дощечки с надкрыльями, дядя Алик направил их вниз и попытался прижать к столу, но не смог. Его сил для этого не хватило.

— Это просто фантастика! Антигравитация! Тёмная энергия! — восклицал дядя Алик и принимался за новые эксперименты.

— Я думаю, что здесь присутствует «эффект полостных структур», который есть и в сотах. Структура надкрыльев тоже ячеистая. Но более сложная, — говорил он то ли Стёпе с Соней, то ли себе самому и опять продолжал эксперименты. Потом он стал включать разные приборы и замерять всевозможные параметры. Соня решила, что на сегодня ничего интересного больше не будет, а папе лучше не мешать. Они со Стёпой тихонько вышли из лаборатории, прикрыв дверь плотнее.

— Надеюсь, ничего страшного с ним не случится, и он сам не исчезнет и не улетит в соседнюю галактику, — произнесла Соня, и Стёпа не понял — шутит она или нет.

— Я тоже надеюсь, — на всякий случай сказал он и стал прощаться до завтра. Потом Стёпа попрощался с Сониной мамой, договорившись завтра опять придти пораньше, чтобы закончить портрет.

Подкрепившись по дороге у комариного ручья, Стёпа прибыл домой к развязке весьма комичного случая. Он застал папу и бабушку возле окна. Бабушка держала в руке мухобойку, а папа вытирал слёзы. Оказалось, что слёзы были от смеха. Бабушка и сама не удержалась, чтобы не рассмеяться. Всё дело было в том, что папа нарисовал на окне чёрный кружочек — чтобы делать упражнения для глаз. А бабушка сослепу решила, что это муха…

— Полчаса я её шлёпала мухобойкой. Думала, что уже готовая отбивная… сырая…

И все опять засмеялись.

Вечером Стёпа рассказал папе про удивительную находку с Острова Баскервилей. Папа очень заинтересовался ей. Он тоже не мог поверить сразу и переспрашивал — действительно ли он всё

понял правильно… Стёпин рассказ настолько его увлёк, что папа решил завтра пойти вместе со Стёпой и посмотреть собственными глазами.

Перед сном Стёпа поблагодарил своих овечек за то, что в течение дня они послушно исполняли его волю и постоянно напоминали ему о полёте — держали картинку, как говорила Уля…

— Уля! Как я мог забыть про неё? — подумал Стёпа и понял, что очень соскучился за ней. — Пора бы ей уже навестить меня…

На следующее утро удалось, наконец, подключить к пробежке и маму. Не без труда, конечно. Но после пробежки и водных процедур мама благодарила Стёпу с папой за настойчивость и сказала, что теперь обязательно будет бегать каждое утро.

Позавтракав, Стёпа с папой отправились к Соне. Там они разделились — Стёпа с Соней пошли в мастерскую к маме, а папа с дядей Аликом уединились в лаборатории.

У Сони это утро не задалось. Муся опять куда-то запропала. Соня обегала все окрестности, вынюхивая все подозрительные объекты, которые, по её мнению, могли привлечь непритязательную Мусю. Но тщетно. Муси и след пропал…

— Хоть бы её не съел никто… — делилась она своей озабоченностью с мамой и Стёпой.

— Я не ел, честное слово, — попытался подбодрить Соню участливый Стёпа.

— Надеюсь, — удручённо ответила Соня.

— А я знаю, как её найти, — сказала вдруг мама, выглянув из-за мольберта.

— Как? — встрепенулась Соня.

— Твоя Душа… Она ведь знает… Нужно спросить у неё.

— Да я спрашивала. Ничего она не знает…

— Знает, знает. Она всё знает. Только ты не слышишь, что она тебе говорит. Твоё сознание мешает. Оно слишком возбуждено. Надо его успокоить…

— А как?

— На Востоке есть такая практика. Называется «чистый лист». Монахи с её помощью добиваются «молчания ума».

— И что это за лист?

— Необходимо сформулировать вопрос, на который ты хочешь получить ответ. Потом закрыть глаза и представить себе чистый лист бумаги. Сознание тут же начнёт набрасывать на этот лист кучу всякого хлама, а ты должна метёлкой весь этот хлам сметать. Сначала это будет нелегко. Но ты продолжай и продолжай расчищать лист, даже если вместо хлама на нём станут появляться красивые картины… или мультики… Вместе с

этими образами ты будешь стирать и свой внутренний диалог. Через какое-то время тебе удастся расчистить середину листа, но ты не прекращай работу. Поднимай глаза — закрытые конечно, вверх и вычищай всё до самого верха, потом — вниз, влево, вправо. Не обращай внимания на то, что тебе вдруг срочно захочется в туалет или почесать ухо — это сознание таким образом не хочет отступать со своей территории. Оно привыкло безраздельно властвовать в твоей голове и считает себя тобой. А это не так. Это твой слуга и он должен знать своё место. Продолжай очищать лист до тех пор, пока он не станет абсолютно белым. С первого раза может и не получиться — твоё сознание с перепугу может отключиться. Ничего страшного, если ты заснёшь. Продолжишь, когда проснёшься. Кстати, от бессонницы это тоже замечательное средство…

— А как же ответ на вопрос?

— Когда лист станет белым — ты получишь ответ на свой вопрос.

— А как? Раздастся голос с небес?

— Не обязательно. Он может прийти в виде образа, картинки, мысли… Просто, в какой-то момент ты поймёшь, что знаешь ответ на свой вопрос. Главное — ты научишься слышать свою Душу. Со временем ты научишься видеть белый лист почти моментально — как только закроешь глаза. И сможешь быстро получать ответы на свои вопросы…

— Мама, а ты не можешь спросить… посмотреть… где Муся? А то я пока научусь…

Мама на секунду опустила глаза и сказала, что ничего страшного с Мусей не случилось, и она где-то рядом.

— Но ты всё же не ленись, — продолжила мама. Я не смогу всегда приходить тебе на помощь. Как говорят на Востоке: «Лучше иметь удочку, чем рыбу».

— Да, спасибо. Я пойду — попробую…

И Соня убежала к себе. Стёпе тоже понравилась эта идея. Вопросов у него всегда было больше, чем ответов.

Тем временем работа над портретом продолжалась. Сонина мама рисовала уже красками, и Стёпа чувствовал знакомый с садика запах гуаши.

— А если рисовать портрет… это тоже творчество? — спросил Стёпа.

— Конечно. А почему ты спросил?

— Но ведь вы меня видите здесь… не там… свыше.

— А, поняла, что ты хочешь сказать. Да, я тебя вижу глазами, а не в виде образа… Так нам кажется. На самом деле мы видим не только глазами… Даже, я бы сказала, не столько глазами…

— А чем?

— Знаешь… было много случаев, когда духовно просветлённые мастера были слепыми, но видели намного лучше, чем их зрячие ученики. Они могли видеть сквозь предметы и замечали то, что никто, кроме них не видел… А глаза… Глаза — это довольно точные приборы. Они снимают картинку и передают её в мозг. А вот дальше всё очень индивидуально. Каждый из нас видит своё кино — мы вчера об этом говорили… Когда мы учились в художественной школе, у нас были задания — всем классом рисовать… допустим, вазу. Так вот, из двадцати наших рисунков не было двух одинаковых. Каждый из нас видел вазу по-своему. И это — ваза, можно сказать, предмет неодушевлённый. А тут портрет… Ведь ты мне являешь не только свой облик. Ты — целая Вселенная. Одни твои глаза чего стоят… В них отражены все твои предыдущие жизни… Начиная с… камешка… Я должна уметь всё это считывать с тебя… Художник вообще должен видеть гораздо больше…

Стёпа засмущался и опустил глаза.

— Ничего, не волнуйся. Никаких твоих секретов я выдавать не собираюсь… Знаешь, не только портрет… даже фотография — это искусство. Настоящий фотограф своим присутствием, своими вибрациями настраивает того, кого он фотографирует на особый лад… Сейчас, правда, уже мало таких мастеров… Сейчас каждый сам себе фотограф… Поколение селфи… Но раньше, фотографирование… это была целая церемония. Фотограф долго разговаривал с клиентами. Не просто так. Он должен был раскрыть клиента. Раскрепостить его. Клиент не должен был быть зажатым. Он должен был проявить свою суть на фото. И, хочу тебе сказать, это очень не просто… Но зато посмотри на работы старых мастеров. На фотокарточки с клеймом фотографа. Посмотри — какие там лица… Ведь это целые истории… В их глазах целый мир… А групповые фото? Там каждое лицо рассказывает свою историю. Даже если оно малюсенькое и черт лица не разобрать… А как ты думаешь, почему так ценятся старые картины? Не все конечно… Но… что такого особенного в «Джоконде»? Почему она бесценна?

— Почему?

— Для того чтобы это понять, нужно увидеть оригинал. Даже не столько увидеть, сколько прочувствовать. Всё дело в личности художника. Он оставляет на холсте свои вибрации. Свою Душу. Те, кто понимают живопись — ценят именно это. Они считывают эту информацию. Содержание такой картины в разы больше, чем её форма. Форма может быть совсем примитивной… какой-нибудь квадрат, например. Но стоит постоять перед этим

квадратом… именно перед этим — копия тебе ничего не расскажет — и перед тобой откроется… бездна… Ты проникнешь в великую тайну… Как будто ты прожил ещё одну… или несколько жизней… Вот за это ценители платят миллионы… Хотя многие, как обезьяны — платят, не понимая, за что они платят. Скупают подделки, потому что живопись — это модно… Или чтобы рассовать свои миллионы, приумножить их… А картины… Картины умирают в частных коллекциях. Они живут, подпитываясь от зрителей. Каждый, кто, глядя на картину, переживает сильные эмоции — запечатлевает на ней свой слой. Эти эмоции, наслаиваясь, делают картину ещё живее. Ещё ценнее. И тут большая ответственность художника — какие эмоции он вызовет своим творением. Ведь эмоции бывают разные — от самых возвышенных до самых низменных, которым место в самых потаённых закоулках…

— А как художник может вызвать эти низменные эмоции?

— Так же, как и возвышенные — своими чувствами. Своим внутренним миром. Не зря великие мастера неделями постились и отрешались перед тем, как начать писать картину…

— А для чего?

— Для того, чтобы сбросить с себя всё мирское. Чтобы ничто земное не примешивалось к их творению, и чтобы наиболее точно передать то, что их Душа видит на высших планах. Для этого им необходимо очиститься от страстей, возвыситься — пропитаться высшими вибрациями и потом наслоить на холст эти вибрации. Заключить их с помощью краски на века… Кстати, эти узелки на холсте, толстые мазки краски, шероховатости и неровности помогают лучше сохранить вибрации мастера…

— А почему?

— Эти неровности служат как бы ловушками для его психической энергии. А эта энергия как раз и оживляет картины. Именно её мы ценим больше, чем мастерство художника. И именно поэтому подделки не имеют цены… вернее, имеют цену репродукции…

— Это значит, что художник должен не столько уметь рисовать, сколько…

— … Уметь любить. Да, так и есть… Ты думаешь, почему подделки так сложно отличить от оригинала?

— Сложно?

— Да, невероятно сложно. Без специальных аппаратов с рентгеновскими лучами и ультразвуком это практически невозможно…

— А почему?

— Потому, что у нас ещё нет аппаратов, которые могут

определять количество… любви… вернее, они есть, причём у каждого из нас — это наше сердце, но… как мало тех, кто умеет им пользоваться… Именно поэтому так сложно распознать подделку… Ведь техника живописи… мастерство… в наше время достигли небывалых высот. Сейчас любой талантливый студент нарисует не хуже, чем Рафаэль или Леонардо… Я имею ввиду только технику письма… форму… Но это стоит недорого… Если бы картины покупали те, кто действительно чувствует их, то никакие приборы были бы не нужны. Достаточно просто подойти к картине… даже с закрытыми глазами… И ты почувствуешь этот невероятный поток энергии… Или не почувствуешь. Кстати, энергия эта может различаться по своему качеству. Есть картины-вампиры, а есть — доноры.

— Как это?

— Дело в том, что настоящий художник отдаёт картине очень много своей энергии. Почти всю. И очень важно, чтобы эта энергия была «чистой»…

— А что это значит?

— «Чистая» энергия идёт из Космоса, из Земли… из Природы… А «грязную» энергию художник черпает из того, что под рукой… Это может быть шоколад, вино, табак… а чаще всего такой художник заряжается от тех, кто ему позирует, от своих близких и друзей… Многие художники, как губка высасывают энергию из окружающих, чтобы отдать её картине… Вот, например, Джоконда… Она умерла ещё до того, как её портрет был готов…

— Неужели Леонардо был… вампир? — Стёпа поверить не мог, что его любимый Леонардо…

— Да, к сожалению, это так. И прекрасная картина может убить… Ведь смертью Моны Лизы всё не закончилось…

— А что ещё случилось?

— Очень многие впечатлительные натуры падают в обморок, стоит им только постоять возле «Джоконды»… С тех пор, как Лувр открыли для публики, произошло уже больше сотни обмороков… А первым упал, если не ошибаюсь, писатель Стендаль…

— Вот это да-а…

— И не только Леонардо… Рембрандт, Гойя, Модильяни, Пикассо… Репин… Они тоже не брезговали «грязной» энергией. Их близкие, члены их семей буквально чахли на глазах, когда они рисовали… Многие их модели умерли вскорости после того, как картины были готовы…

— А от чего они умерли? От истощения?

— Нет… Это… особое воздействие… Был случай… в музее… Там в каком-то зале умирали одна за одной смотрительницы, а

многие зрители жаловались на плохое самочувствие, после того, как они находились возле одной из картин. Специалисты обследовали эту картину вдоль и поперёк. Но ничего не нашли. Тогда они решили обследовать зрителей картины. И обнаружилось, что картина распространяет вокруг себя энергию, которая заставляет мозг вибрировать на большой частоте… Далеко не каждый организм способен вынести такое воздействие.

— А что же это за энергия такая?

— Когда учёные исследовали художников, то с помощью термографа было зафиксировано, что в состоянии «творческого экстаза» в мозг художника поступает большое количество энергии, у него наступает так называемое «изменённое состояние сознания»… На приборе в это время наблюдаются особые медленные волны, характерные для активной работы подсознания. Именно в таком состоянии некоторые художники и способны «творить чудеса». Во многих случаях было обнаружено, что когда у художника энергия повышается, у его натурщика резко снижается биопотенциал мозга. Такой художник «сжигает» свою модель, подпитываясь её энергией…

Стёпа заметно заволновался, и мама это заметила.

— Не волнуйся, дорогой, — улыбнулась она. — Это совсем не значит, что все художники… такие… Многие художники не забирают энергию, а наоборот — отдают её своим моделям. Вот к примеру Рафаэль, Сальвадор Дали, Рубенс… их модели и члены их семей буквально расцветали на глазах во время работы художников… Эта палка о двух концах… Бывают картины-убийцы, а бывают и целители…

— А это какие картины?

— Картины Андрея Рублёва, например… Кажется, что они светятся изнутри… Или, например, картины Николая и Святослава Рерихов… Учёные провели множество экспериментов и пришли к выводу, что эти картины обладают терапевтическим эффектом… Или, взять, к примеру, картины Николо Пиросмани. Это Наив — картины похожи на детские рисунки. Многие считают, что смогли бы нарисовать не хуже. Наивные… Пусть попробуют. Картины Пиросмани излучают Свет. Если бы всё-таки был такой прибор, который замеряет Любовь, я думаю, что его картины показали бы результат гораздо лучший, чем работы многих мастеров, в совершенстве овладевших техникой живописи.

— А разве можно овладеть чем-то в совершенстве? Говорят, что совершенству нет предела…

— Правильно говорят. Конечно нельзя… Я имела в виду безупречную технику. Техника может быть безупречной, а вот

картины… или музыка… или стихи… безупречными быть не должны. Творчество и… совершенство — это не одно и то же. Нужно оставлять немножечко места для… хаоса. Это моё мнение. Наверное, поэтому на многих картинах, выполненных безупречно, внизу стоит корявая подпись автора…

— А почему так?

— Я полагаю, что всё дело — по прежнему, в Любви. Возможно, я выскажу непопулярную точку зрения, но мне кажется, что Любовь… она… ближе к хаосу, чем к порядку.

— Как это?

— Видишь ли, Стёпа… Дело в том, что Любовь нельзя описать. Её нельзя сформулировать. Нельзя сфотографировать. Её можно только чувствовать. Именно поэтому Любовь — это хаос с позиции нашего разума. А законченность, строгие линии, симметрия — это… ну скажем так, Инферно.

— А что такое… Ин…ферно?

— Ну… это ещё один антипод Любви, если так можно выразится… Хотя и условный, как ты понимаешь. Ведь мы же знаем, что у Любви нет антиподов. Но, поскольку наше сознание живёт в мире дуальностей, оно выдумало Инферно для обозначения этого понятия.

— А в чём его… особенность?

— Инферно? Оно стремится всё упорядочить… разложить по полочкам… расставить симметрично… сдуть пылинки…

— А разве это плохо?

— Нет, не плохо… И не хорошо. Это данность…

— Но если Любовь это — хорошо. То Инферно, как антипод Любви, хоть и условный… это должно быть плохо?

— Да, ты прав. Существуют две логики. Логика Души и логика Разума. Раз уж мы находимся в логике Разума, то будем условно считать, что Инферно — это плохо.

— Но почему порядок и симметрия — это плохо?

— Ну, хотя бы потому, что в Природе ты нигде не встретишь порядка и симметрии… Нет, не правильно я сказала. Порядок в природе есть. Это гармония. Она как раз и объединяет Хаос и Инферно. Чего в Природе нет, так это законченности… А симметрия — это конец. Предел… Посмотри на дерево. Там нет двух одинаковых веток, нет симметрии. И законченностью оно тоже не пахнет… Посмотри на реки, горы, облака — ни капли расчёта, полная импровизация. Даже кристаллы льда и то — сплошная асимметрия. Да что там — двух одинаковых снежинок и то не найти… Предел симметрии в природе — это фрактал… Ты вот видел в дикой природе что-то, похожее на шахматную доску или цепь?

— Нет. Не видел…

— Вот и я тоже. Природа — это скорее поэзия, чем геометрия. Там нет прямых линий. И именно она для нас должна являться образцом, эталоном. Пусть и не достижимым…

— А почему Природа?

— Природа — это зримая форма Любви. Можно сказать, что Природа — это творчество самой Любви…

— А в Природе всегда был… беспорядок?

— Нет, не всегда… Наш Мир… наша Вселенная… она родилась из сингулярности…

— Из чего?

— Сингулярность. Это самая малая точка, которую только можно себе представить. Но зато с бесконечной плотностью. И вот из этой Точки и появилась наша Вселенная. Точка — это антипод хаоса. Что может быть более упорядоченным, чем точка? Но, как только появился Мир — появился и Хаос.

— А как появился Мир?

— Ну… есть разные теории… Есть, например, «Теория Большого Взрыва»…

— Да, я слышал…

— Это название мне не очень нравится. Я бы назвала её «Теория Большого Выдоха». На Востоке считается, что Вселенная — как и всё остальное, живёт циклами. Засыпает и просыпается. Когда она засыпает — всё сворачивается в Ничто, и остаётся в непроявленном состоянии. Потом из Ничто проявляется Всё, и так бесконечно…

— А как проявляется это Всё?

— Как сказано в одной книге: «В начале было Слово…»

— А что это за слово?

— Слово или Логос в данном случае обозначает вибрацию… Первым проявлением видимой Вселенной была вибрация — то есть движение. Причиной этой вибрации была Воля. Высшая Воля тех Сил, которые управляют всем Мирозданием. Сущностью этой вибрации была Любовь. А следствием этой вибрации было появление Пространства и Времени… Из Ничто родилось Всё…

— Сразу?

— Нет, конечно. Вначале Пространство было… чистым. Однородным. Если бы мы тогда могли посмотреть, что происходит, то, скорее всего, не увидели бы ничего. Была сплошная тьма. И полный порядок, то есть Инферно. Дело в том, что Праматерия, из которой тогда всё состояло, была настолько разреженная, что мало была похожа на материю. Говорят, что это был Дух. Ни один из современных приборов не способен был бы зафиксировать там ни малейшей частички. Но тьму видели бы

мы. А на самом деле, как ни парадоксально это звучит, это был Свет. Чистейший Свет и ничего больше. Не тот свет, к которому мы привыкли и который состоит из фотонов. Нет. Первичный Свет состоит из частиц, бесконечно малых по отношению к фотонам. Вот поэтому Инферно нельзя считать чем-то плохим. На Востоке эта Праматерия называется Люцида, что значит светоносная, а Вибрация или Сила, которая вызвала Жизнь называется Фохат.

— А что было дальше?

— Дальше? Ты знаешь, как делают сливочное масло?

— Из молока?

— Да. Его взбивают. Специальными машинами — сепараторами. Они своими вибрациями отделяют весь жир, который содержится в молоке от жидкости. Так и получается масло…

— И что?

— А то, что наша видимая Вселенная создавалась похожим образом. Первичная Вибрация разошлась по всему Пространству. Разделилась на бесконечное множество отдельных… скажем так, импульсов. Учёные называют эту Силу тёмной энергией — потому, что не могут её видеть… И вот начался процесс пахтания — так называется взбивание масла. Ты наверняка слышал про чёрные дыры?

— Да.

— Современная наука считает, что чёрные дыры произошли из-за того, что сверхмассивные звёзды выработали всё своё топливо и сколлапсировали — то есть были раздавлены собственной массой, сжались в сверхмалые объекты с огромной массой и гравитационным полем…

— А… а это не так?

— Я конечно, не учёный, но мне ближе теория, по которой чёрные дыры — это как раз те импульсы или силы, на которые и разделилась первичная Вибрация. Именно они своей вибрацией и вращением послужили созданию всех видимых объектов в нашей Вселенной. Чёрные дыры являются центрами всех галактик. Их гравитационное поле и придаёт галактикам спиралевидную форму. Не знаю точно, но мне кажется, что в центре Вселенной существует ещё одна — самая мощная Чёрная Дыра, которая закручивает вокруг своей оси всю Вселенную. Именно она и была тем первичным Импульсом, с которого всё началось…

— А что делают эти чёрные дыры?

— Про Фохат говорят, что он «роет дыры в пространстве». Разделившись на бесконечное количество гравитационных воронок, Фохат «врезался» в молоко, которое из себя

представляла первичная материя, и стал взбивать её в более крупные фракции — те шарики жира, из которых и состоит масло. Таким образом, можно сказать, что из Духа стала рождаться Материя. Появилось вещество. Под воздействием сил гравитации и антигравитации это вещество стало разогреваться. Появились фотоны, а с ними и тот свет, который виден нашему глазу. Потом появились первые атомы. Это был водород — строительный материал Вселенной. Из него произошёл гелий и всё остальное…

— А как появились планеты?

— Сначала появились звёзды. Силы гравитации были теперь повсюду. Водород и гелий стали концентрироваться вместе. Появились облака раскалённого газа. Вместе с веществом появились силы трения, которые разогревали эти облака ещё сильнее. Облака формировались в сферы. Так образовались первые звёзды. Температура в них достигала миллионов градусов, и начались термоядерные реакции. Из атомов водорода и гелия стали образовываться другие элементы. Чем массивнее становилась звезда, тем интенсивнее внутри неё происходили процессы ядерного синтеза. Тем более тяжёлые элементы рождались в её недрах. Со временем водород, как основное топливо звёзд, выгорал, и тогда внешняя сила гравитации побеждала внутреннюю силу ядерных реакций. И всё вещество, из которого состояла звезда действительно коллапсировало. Звезда сжималась, но не в чёрную дыру, а в сверхновую — так называются звёзды на стадии взрыва. Взрываясь, звезда разбрасывает вокруг всё то, что она насинтезировала внутри себя. Получается туманность — громадное облако космической пыли, которая миллионы лет плавает в пространстве, постепенно собираясь вокруг гравитационной воронки. Силы гравитации собирают всю эту звёздную пыль веничком на совочек, формируя из неё круглый колобок. Таким образом и рождаются планеты. И не только планеты…

— А что ещё?

— Да вот ты, например.

— Ква-к это? — вырвалось у Стёпы. Такого поворота он не ожидал.

— Да, представь себе. Твоё тело состоит из звёздной пыли. Все элементы, из которых ты состоишь, были рождены в недрах какой-то далёкой звезды, которая взорвалась миллиарды лет назад…

— Взорвалась? — в глазах Стёпы ужас смешался с жалостью и… любовью.

— Да, дружочек. Мир так устроен. Без смерти нет рождения.

Всё дуально. И Вселенная когда-нибудь тоже заснёт. Тот Импульс, который был дан для рождения Вселенной, со временем ослабнет. Как и любой выдох, он превратится во вдох. И наша Вселенная сожмётся в точку. И так будет всегда…

— Как это грустно…

— Без грусти тоже нельзя…

— А почему?

— Ну, хотя бы потому, что радость надо чем то уравновесить… Мир был бы намного беднее, если бы в нём не было грусти… Представь себе музыку из одних только мажорных нот… Сколько прекрасных мелодий были бы нам недоступны?

— Значит, порядок во всём всё-таки есть?

— Да, порядок всегда будет соседствовать с беспорядком. После взрыва всегда будет колобок… или пояс астероидов… А мы должны находить баланс между порядком и беспорядком. Искать срединный путь, как говорят на Востоке. Это и есть Гармония. Мусор должен лежать в мусорном ведре, а не на полу, а вот парк должен быть слегка запущенным… На мой взгляд. Многим, конечно, нравятся регулярные, расчерченные как на чертеже парки с подстриженными кубами кустов и шарами деревьев… Или новые микрорайоны с одинаковыми коробками домов… Но мне ближе какие-нибудь неправильные домики… кособокинькие и немножко со щербинкой, чем идеальные и безупречные небоскрёбы из стекла и бетона…

— Да, мне тоже… Они живые, а небоскрёбы… мёртвые.

— Именно. На кладбище порядка всегда больше, чем в лесу… Вот поэтому я и считаю, что Любовь — это не точка, а многоточие… Даже если взять нашу… земную любовь. Она всегда нелогична, нерациональна, хаотична, если можно так выразиться. Есть даже такая поговорка: «Любовь зла — полюбишь и козла».

— А что, разве козла не надо любить?

— Надо конечно. Но смысл поговорки в том, что сердцу не прикажешь. Умом ты понимаешь, что любить надо того, кто… ну, в общем… рационально. Чтобы, как говорится, и красив был и умён… Но ум — это Инферно… А сердце, то есть Душа — это Любовь. И горе тому, кто идёт на поводу у Инферно. Счастья ему не видать никогда… Помнишь сказку про Снежную Королеву?

— Да.

— Так вот, эта сказка про Любовь и Инферно. Королевство Снежной Королевы — типичное Инферно. Всё идеально. Безупречный порядок. Всё из стекла и бетона… то есть изо льда. Вокруг холод и покой. А Любви нет. Только Вечность. И тут Герда… Маленький тёплый комочек, состоящий в основном из Любви… ну ещё немножко ума… совсем чуть-чуть… Даже шубку

свою она потеряла… Будь Герда умнее, разве отправилась бы она в такое путешествие? Ни за что. А наша Герда — она как… Иванушка Дурачок… Не долго думая, вернее — совсем не думая, взяла и отправилась. И растопила всю эту Вечность и Рациональность. И наступило Счастье… Так что сердцу лучше не приказывать… Запомни это — потом пригодится.

— Когда?

— Когда нужно будет делать выбор между купеческой дочкой и… простой лягушкой на болоте… Потом поймёшь, а пока — просто запомни этот наш разговор.

— Хорошо… спасибо вам.

— И тебе спасибо… Да, кстати, и портрет т вой готов. Можешь посмотреть.

Стёпа подошёл к мольберту и увидел… вот что:

— Ну как? Нравится?

— Д-да… спасибо…

— Не спеши благодарить. Он ещё не живой… Вернее, он только родился и ещё не зажил своей жизнью. Подожди немного. Поживи с ним… Пусть другие посмотрят… Потом скажешь.

— Ладно. Но всё равно спасибо… Ой, он оживает. Я вижу… правда. Он просыпается… — Стёпа с неподдельным восторгом стал смотреть на портрет и его глаза не врали.

— Я рада. Это ты его разбудил. Пусть он будет твоим другом.

Глава 24. Деньги

Ну а что же другие? Как там обстоят дела?

Папы с головой погрузились в изучение странных артефактов. Дяде Алику очень пригодились технические навыки и знания Стёпиного папы. Вместе они далеко продвинулись в исследованиях. Надкрылья были измеряны вдоль и поперёк. Зафиксированы все параметры, сделан спектральный анализ и замерен радиационный фон. Осталось только два вопроса: «как?» и «зачем?» Впрочем, «зачем» было более-менее понятно — для полётов. Хотя, другие жуки ведь летают без всяких этих… заморочек… Но вот как это всё работает?

— Уму не постижимо, — в сотый раз сказал дядя Алик.

— Согласен, коллега, — в сотый же раз резюмировал Стёпин папа. Наконец ему надоело однообразие и, не дожидаясь сто первого раза, папа предложил:

— Объект слишком маленький. Не подберёшься… Я предлагаю вот что. У нас на работе есть трёхмерный сканер, а на днях должны были привезти и 3D принтер. Я предлагаю эти… детали отсканировать, создать трёхмерную модель. Потом увеличить и распечатать…

— Гениально. Это было бы… замечательно.

— У меня уже родилась идея летательного аппарата. Я отпечатаю детали по несколько штук, и мы сделаем… нечто вроде летающей доски… самокат… то есть самолёт. На руле будет управление скоростью и высотой…

— Грандиозно…

— Если у нас получится, то… Ладно. Не будем загадывать раньше времени.

— Да, правильно.

На том и порешили. Стёпин папа завтра же отправляется домой вместе с находками и… Там будет видно.

А что же Соня? Соня радостно бежала навстречу Стёпе, когда он спустился в коридор.

— Стёпа! Муся нашлась!

— Ой. А где?

— Представляешь!. Я… прикольно!.. Работает!.. В кладовке…

Выяснилось, что Мусю заперли в кладовке. Папа вечером ходил туда, а Муся залетела следом и замешкалась там. Вот папа её и запер. А Соня нашла.

— Я всё сделала, как мама сказала… Белый лист… Начала, короче, его чистить… Ну, там — да, всякого мусора куча… Какие-то листья, цветы, бумажки… букашки… Я всё подметаю,

подметаю… Потом уже вроде чисто всё… Потом какие-то… банки, типа… Я опять подметаю, а они всё лезут и лезут… Потом, такая, мысль — кладовка. Ну, я туда, короче, а там… Мусечка сидит… Голодная… Вся посинела уже…

Муся сидела на своём коронном месте, вцепившись лапками в пуговку кепки, выпучив свои красноватые глазки и, не мигая, смотрела на Стёпу. Спинка её и правда отливала голубоватым металлическим блеском, но Стёпа сильно засомневался, что это от голода и недостатка кислорода.

— Пойдём ко мне. Я тебя научу. Может тоже что-нибудь найдёшь… — предложила Соня, и Стёпа не стал возражать.

Вопрос у Стёпы был один — как ему научиться летать? А вот у Сони в вопросах недостатка, судя по всему, не было. Не успели они зайти в комнату, Соня кинулась на пол, села в позу лотоса и закрыла глаза. Стёпа решил не отставать. Сел на диван. Закрыл глаза и начал представлять себе белый лист. Вместо белого листа внутреннему взору Стёпы предстал белый экран — как в кинотеатре. Стёпа не раз представлял себе такой экран, когда хотел посмотреть мультики. Он продлил его во все стороны до бесконечности, взял в руку тряпку и приготовился вытирать мусор. И мусор не заставил себя долго ждать… Чего там только не было. Наверное, кроме банок, было всё. Даже какие-то лыжи и арбузы были. Сначала поток всего этого был нескончаемым. Причём не только видео, но и аудио. Мысли в голове теснились, как шпроты в банке, и были слегка подзвучены некоей звуковой… массой, похожей на то облако звуков, которое висит над оркестровой ямой, когда не все музыканты ещё пришли, а те, кто пришёл, продувают свои тромбоны и размазывают канифоль по смычкам. Стёпа не успевал орудовать тряпкой. Его виртуальная рука устала, и он включил виртуальные дворники — как в автобусе. С дворниками стало намного легче. Появились белые просветы… Со временем, центр экрана приобрёл более-менее чистый вид. Хотя по бокам всё ещё клубились всевозможные Крокодилы Гены и чёрные дыры в малиновых разводах. Мыслей тоже заметно поубавилось. Наконец, осталась только одна мысль. Короткая мысль — «Уля». Она была не только аудио, но и видео. Посреди экрана появился Улин домик и стал вращаться, гипнотизируя Стёпу своей спиралью. Стёпа стал медленно отключаться. Весь экран заволокло туманом, а от спирали осталась только центральная точка. Вдруг Стёпу что-то внезапно толкнуло. Он открыл глаза и увидел… Улю.

Уля сидела рядом с ним на диване и ещё не успела выпустить свои усики-глазки из домика. Зато Соня успела открыть глаза. Да ещё как открыть. Таких больших глаз Стёпа никогда не видел.

— П-привет, — сказал Стёпа Уле, продолжая смотреть на Сонины глаза — они его загипнотизировали.

— Ой, приветик… Как ты пожива… — сказала Уля и прервалась на полуслове, увидев Соню.

Соня закрыла рот и стала быстро-быстро моргать глазами. Это дало возможность Стёпе оторвать свой взгляд от неё и посмотреть на Улю.

— Это Уля, — сказал он, глядя на Улю. Потом он перевёл свой взгляд на Соню и произнёс: «Это Соня».

— Очень приятно, — сказали Уля и Соня одновременно.

Когда все перевели дух, начали потихоньку прояснять ситуацию.

— Я думала, что ты один, — сказала Уля Стёпе. Я настроилась, и никого рядом с тобой не… было…

— А… это мы играли… в молчание ума…

— Не могу сказать про тебя, но у… Сони молчание было полным…

— Да… она раньше меня потренировалась… а я ещё не умею…

— А вы… ты кто? — спросила начавшая приходить в себя Соня.

— Это Уля… Она улитка… Она моя… мы с ней друзья… Она из города… Она умеет…

— Летать, — облегчила Стёпе задачу Уля.

— Как летать? Как… птица?

— Нет, как летающая тарелка, — уточнил Стёпа.

— Как летающая кто?

— Тарелка… ну… такая… тарелка, — Стёпа стал руками изображать тарелку так интенсивно, что было больше похоже на шар.

— А ты… живая?

— Конечно, — сказала Уля.

— Она живая. Мы с ней вместе в садик ходим… У неё и дедушка есть… Уль…рих, — Стёпа не знал, какие ещё доводы привести в пользу того, что Уля действительно живая и ничем не отличается от них с Соней…

— Только ты не рассказывай никому, что она… летает.

— Ладно… А как летают летающие… тарелки?

— Ну, они… сворачивают пространство… и время… Как коврик…

— Ой. А это не больно?

— Нет, совсем не больно. Небольшой холодок только… И всё, — ответила Уля.

— А почему ты мне не рассказывал про Улю? Тоже мне —

друг называется…

— Соня, это я его попросила никому не рассказывать… Я же не знала, что он будет твоим другом…

— А теперь можно?

— Да чего уж теперь, — сказала Уля, и все засмеялись.

— А ты в… любое место можешь… прилететь? — поинтересовалась Соня, и Стёпа понял, что её посетила очередная идея.

— Нет. Не в любое. Мне нужно представлять себе это место… или того, кто находится в этом месте.

— Понимаешь, у нас есть друг — Саша. Он суслик… Ну… в хорошем смысле. Настоящий суслик, а не… В общем, он пропал. Не откликается. А живёт он в норе. В тёмной и страшной… Нужно его спасти.

— А почему спасти? Ему что-то угрожает?

— Ему всё угрожает. Видела бы ты его маму…

— А что с ней?

— Она сама — одна сплошная угроза. Не удивительно, что Саша пропал… В общем, нужна спасательная экспедиция. Ты бы нам очень помогла…

— А чем?

— Ну… проникла бы… В нору. Посмотрела бы там… где Саша… Может быть, привязала бы к нему верёвочку, а мы бы со Стёпой его вытащили бы…

— А вдруг он не захотел бы?

— Как не захотел бы? Он знаешь какой? Он столько всего знает… И про тесто… и про говядину… Захотел бы, как миленький… У него ещё пятеро сусликов есть… и хомяк в придачу…

— Ну… я не знаю… Стёпа, а ты что думаешь?

— Я думаю, что… Саша, наверное, спит… Спал… Тогда.

— Ой… у него, наверное, это… литургия… — опять заволновалась Соня.

— Летаргия?

— Да. Точно. Это когда спят, как мёртвые. Их ещё хоронят, а они просыпаются потом в гробу, и ворочаются там… переворачиваются… вот.

— Ты думаешь, что Сашу похоронили?

— А где же он по-твоему? Небось, ворочается уже бедненький. Надо спешить. Может ещё успеем… откопать.

Стёпа с Улей переглянулись, но Соня уже стала метаться по комнате, собирая в рюкзачок разные предметы, которые, по её мнению, могли пригодиться в раскопках сусликов. Совок, фонарик и верёвка были уложены первым делом. Потом в

рюкзаке оказались плоскогубцы, молоток и шило.

— Для вскрытия гроба, — подумал Стёпа.

Следом за шилом в рюкзак отправилось мыло — вымыть руки от земли. Апофеозом снаряжения была фляга с водой и бананы из вазочки.

— Эх, жалко, что шахтёрской каски у меня нет…

— Ничего, мой домик не хуже каски защищает, — утешила Соню Уля.

— Вот и отлично.

Экспедиция была готова к отправлению. Улю с рюкзаком посадили в коляску — для придания стремительности всему процессу. Соня написала записку, прикнопила её у себя на двери и команда спасателей-археологов двинулась в путь.

Стёпа с Соней толкали коляску, и довольно быстро процессия оказалась у входа в подземные чертоги. Чёткого плана пока выработано не было, решили действовать по обстоятельствам. Возле норы экспедиция спешилась. Уля была спущена на землю, и все вместе стали держать совет.

Соня хотела сразу начинать раскопки — пока Саша не задохнулся. Стёпа резонно возразил, что им пока не известно место захоронения. А Уля предложила не спешить с раскопками и попробовать ещё раз вызвать Сашу.

Но и этого делать не пришлось. На шум из норы опять показалось «лицо» и поинтересовалось — что всё это значит?

— А, Сашина мама! Здравствуйте! — обрадовалась Соня.

— Ну, положим, я не мама… А папа…

— Ой… извините… Мне в прошлый раз послышалось, что вы сказали «мама».

— В какой прошлый раз? Я что-то не припомню…

Тут внизу послышалась какая то возня, и «лицо» пропало. Через секунду оно опять возникло и опять поинтересовалось — что всё это значит?

— Я и говорю, что думала, что вы мама, а вы оказывается папа…

— Да мама же я, мама, — сказало «лицо» слегка изменившимся голосом. — А вам что опять нужно?

— Н-нам… Опять С-сашу… А он… ещё… есть?

— Есть, есть… А вы кто такие?

— А мы его друзья. Я — Соня. Это — Стёпа, а она — Уля… А… хотите банан?

— Это ещё что такое?

— Вы не знаете? Это такой… вот, возьмите, — и Соня протянула папо-маме банан. «Лицо» обнюхало банан и откусило кусок, не очистив кожуру.

— А чем вы его… нафаршировали?

— Мы… нет. Это так и было… Только это надо почистить…

— Ладно, разберёмся. Сейчас позову вашего Сашу, — сказало «лицо» и пропало из виду.

Путники вздохнули. Самое страшное уже не грозило… Минут через пять из норы показалась голова Саши. Он моргал и озирался по сторонам.

— Привет. Ну и здоров же ты спать… Мы тут кричали, кричали тебе…

— А я и не спал вовсе… Я в другой норке был. У нас тут их много…

— А как же ты здесь оказался?

— Так они все сообщаются…

— А где твои друзья?

— Какие друзья?

— Ну… как их там… Сеня… Света и… Савелий… — так кажется?

— А, эти…. Они разъехались. На каникулы. К бабушкам. Остался только хомяк. Серёжа.

— А-а. Жалко… А мы хотели… Ой, познакомься — это Уля. Она улитка.

— Здрасьте, — сказал Саша, слегка смущаясь.

— Очень приятно, — улыбнулась Уля.

— Ну, что же — тащи своего этого… хомяка… Серёжу. Пойдём на речку, — предложила Соня.

— Щас, — сказал Саша и тут же пропал.

Ждать пришлось долго. Экспедиция расположилась лагерем и устроила обеденный перерыв. Соня с Улей подкрепились бананом, а Стёпа наловил в окрестностях мошек. Уля подивилась тому, как ловко Стёпа охотился. А Стёпа рассказал Уле, что он теперь питается только живой пищей, и что варенье, оказывается, вредно.

— А как же заготавливать ягоды, чтобы они были живыми? — поинтересовалась Уля.

— А в дегидраторе, — сказала компетентная Соня.

— А что это? — спросили хором Уля и Стёпа.

— Это такая сушилка. Там такие полочки и вентилятор. Он горячим ветром обдувает и всё быстро сохнет.

— А горячий ветер не… убивает ягоды? — испугался Стёпа.

— Нет. Он не совсем горячий… он тёплый. Надо, чтобы дегидратор был с регулятором температуры. Папа ставит на 40 градусов и всё получается вкусное и живое.

— А что ещё можно де…гидрировать?

— Да что угодно. Из арбузов и дынь такие вкусняшки

получаются… Пальчики оближешь. Лучше всяких конфет…

— Дегидраторы-регуляторы… подумаешь… Воображала — хвост поджала, и под печку убежала… А под печкой крокодил — воображалу укусил, — раздалось вдруг из норки. Все повернулись и увидели, что из норки торчала голова Саши. Его губы при этом не шевелились, а голос шёл откуда-то снизу. Саша вылез из норы и, следом за ним, показалась… с трудом показалась ещё одна голова. Она принадлежала, судя по всему, хомяку Серёже. Голова была толстенькая и не пролазила в отверстие норки. Сделав пару попыток выбраться наружу, не увенчавшихся, впрочем, успехом, голова сделала вид, что ей не нужно наверх, а она просто… просто так.

— Жирный, жирный — поезд пассажирный! — пропел Саша, на этот раз уже своими губами, обращаясь к толстенькой голове.

— Э-э. Ща как дам… — так грозно пообещала толстенькая голова, что Саша попятился и, споткнувшись, упал на спину.

— Толстый пончик, съел батончик! — с досадой прошептал себе под нос Саша.

— Так тебе и надо, курица-помада! — не остался в долгу Серёжа, продолжавший находиться в норке и поглядывая оттуда то одним, то другим глазом. Глаза у Серёжи были по краям толстенькой головы и одновременно в норку не пролазили.

— Ну-ка, залезь обратно, щас я… — Саша бесцеремонно затолкал ногами Серёжу в норку, нырнул в неё следом и стал бросать наружу горстями землю. Когда проход был расширен, Серёжа смог предстать перед почтеннейшей публикой во весь свой, не очень уж и большой рост. Судя по размерам его головы, Соня ожидала увидеть нечто более… более. Впрочем, для хомяка Серёжино… туловище было весьма даже корпулентным. Он отличался хорошим аппетитом, был запаслив, как все хомяки, и первое, чем он поинтересовался после того, как был представлен всем, а все были представлены ему, были конфеты:

— Что это вы тут говорили про конфеты?

— А, это мы говорили, что если высушить арбуз или дыню — получатся замечательные конфеты.

— В шоколаде?

— Зачем в шоколаде?

— А чё, карамельки? — спросил Серёжа, слегка понизив свой интерес.

— Да нет же. Просто вяленые… кусочки.

— А-а-а, — совсем уже разочарованно протянул Серёжа и повернулся к Саше.

— Чего звал? — говорил его красноречивый взгляд.

— Мы собрались на речку. Играть в этих… семеро…х

смелы…х.

— А как это?

— А это очень… просто, — подхватила Соня. — Надо взять…

— А кто седьмой? — Не стал слушать дальше Серёжа.

— Ну… ещё дядя Боря есть… может быть, он тоже захочет с нами играть… Он моряк…

— Моряк — с печки бряк, растянулся как червяк! — бесцеремонно процедил Серёжа.

— Ну… пусть будет шестеро… смелых, — не сдавалась Соня.

— А кто шестой? — не сдавался и Серёжа.

— А вот Муся у меня…

Муся приветственно взлетела с пуговки, и тут же приземлилась… прикепилась обратно.

Серёжа сделал вид, что хочет щёлкнуть Мусю своим толстеньким пальцем. Муся в ужасе шарахнулась в сторону — она не привыкла к такой бесцеремонности.

— Обманули дурака на четыре кулака! — нахально ухмыльнувшись, пропел Серёжа.

— Вы… ты что? Совсем уже?..

— Э-э-э, тоже мне… Делать мне больше нечего, только с помойными мухами играть… Кто больше дохлятины съест — что ли?

Соня не ожидала такого хамства, и расплакалась. Ей стало очень обидно за свою Мусю.

— Обезьяна «Чи-чи-чи» продавала кирпичи. А кирпич горячий — обезьяна плачет! — осклабился Серёжа.

— Эй ты… Извинись сейчас же, — вступился за Соню Стёпа.

— Ещё чего?

— Извинись, я тебе говорю…

— А то чё?

— А то… я тебе… мор… лицо побью…

— Ага… если допрыгнешь…

— Стёпа, не надо… — всхлипывая, сказала Соня сквозь слёзы. — Ну его…

— Нет, пусть извиняется, — Стёпа не мог допустить такой несправедливости.

— Командир полка — нос до потолка. Уши до дверей, а сам, как муравей!

— А ты…

— Командир полка — нос до потолка. Уши до забора, а сам, как помидора!

— Ты… сам как помидора… Давай, извиняйся сейчас же…

— Ой-ёй-ёй. Командир полка — нос до потолка. Уши до дивана, а сам, как обезьяна!

Стёпа не ожидал такого фейерверка красноречия и слегка оторопел.

— Командир полка — нос до потолка. Уши до лампочки, а сам лезет к мамочке! — сделал контрольный выстрел Серёжа. Соня тем временем всхлипывала не переставая.

— Серёг, ты чего в самом деле? — вступился за Соню и Саша.

Серёжа, отбомбившись по Стёпе и посчитав, что тот полностью уничтожен и не стоит больше его внимания, принялся за Соню:

— Рёва-корёва, дай молочка! Сколько стоит — три пятачка! — застрекотал он, как из пулемёта…

— Послушай, Серёжа. Ты большой и сильный. Неужели ты считаешь возможным для себя обижать маленьких и слабых? — произнесла молчавшая до сих пор Уля и посмотрела прямо в его маленькие глазки. Серёжа слегка смутился и сделал пару шагов назад.

— Да ну вас… Тоже мне… Семеро смелых — на горшках… сиделых… И вообще, мне обедать пора, — сказал Серёжа, стараясь больше не смотреть никому в глаза. Он не без труда залез обратно в нору, а Саша стоял, опустив голову — ему было стыдно за своего друга…

— Кто со мной — тот герой, а кто без меня — тот паршивая свинья! — снова бодрым голосом произнёс из-под земли Серёжа.

— Да чего ты…

— Ну, как хочешь. Давай, до свидания…

— Ладно, пойду… вы… ты… его… не того… В общем… пока, — и Саша моментально исчез — как сквозь землю провалился.

Настроение у всех было безнадёжно испорчено. Было уже не до речки. Молча погрузившись, все отправились домой. Со стороны процессия напоминала бременских музыкантов, которых не пустили во дворец, и они одинокие — без Трубадура, плелись восвояси. Коляска подчёркивала сходство. Не хватало только грустной музыки…

Стёпа втайне надеялся, что сейчас раздастся бодрый голос Трубадура:

— …Смех и радость мы приносим людям!!!

И дальше все радостно подхватят:

— Нам дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы…

Но чуда не случилось. Дойдя до развилки, Соня стала прощаться.

— Давай, мы тебя домой проводим, — стал настаивать Стёпа, но Соня сказала, что хочет побыть одна.

— Ладно… до завтра…

— До завтра… Спасибо тебе, Стёп.

— За что?

— Так. За всё. Пока, Уля.

— До свидания, Соня… Ты очень… хорошая… Не грусти…

— Да всё нормально… Спасибо.

Соня с коляской пошла домой, а Стёпа с Улей пошли к Стёпе. Какое-то время они ещё молчали, но постепенно молчание стало отступать. Им было что обсудить. Новостей накопилась уйма. Стёпа представил Улю своим домашним и повёл её наверх, в свою комнату. Там они удобно расположились, и Стёпа стал угощать Улю разными свежими вкусностями. Он рассказал ей всё, что знал о пользе живой пищи и о вреде варёной. Уля очень быстро согласилась с этим и обещала рассказать всё дедушке.

— Думаю, он тоже не будет против. Он, хоть и старенький, но не считает себя умнее всех на свете и любит учиться чему-то новому. Сейчас вот увлёкся гимнастикой…

— Какой гимнастикой?

— Цигун называется.

— А что это за гимнастика?

— О, это очень древняя гимнастика. Она помогает управлять нашей жизненной энергией.

— А что это за энергия и как ей управляют?

— Она называется Ци. И течёт сквозь нас двумя потоками. Сверху вниз и снизу вверх. Когда она течёт свободно — мы здоровы и бодры. Если что-то мешает ей течь и образуется застой — мы можем заболеть. Гимнастика позволяет прочищать все каналы, по которым течёт энергия…

— А отчего может произойти застой?

— От многого… От малоподвижности, например… От… неправильного питания, кстати, тоже… А любой застой — это плохо… Энергия должна циркулировать в нас постоянно — не останавливаясь. Чем больше мы потратим энергии — тем больше получим. Необходимо постоянно двигаться. Жизнь — это движение. Не даром все долгожители очень подвижные, а лежебоки долго не живут…

— А ты тоже делаешь эту гимнастику?

— Пока не делаю. Я ещё молодая — и так много двигаюсь. А вот старичкам она очень нужна…

— Надо будет моим дедушке с бабушкой сказать… Они болеют…

— Обязательно скажи. Думаю, что в вашей библиотеке есть книжки про Цигун…

— Да… Вот дедушка много ходит и болеет меньше. А

бабушка целый день стоит у плиты, а потом лежит на диване…

— Это очень плохо. Всё должно двигаться. Мир так устроен. Как батарейка. Есть два потенциала — плюс и минус. И всё устремляется от одного потенциала к другому. А любой застой — это смерть. В дедушкиной книге написано, что даже деньги нельзя копить. Деньги — это тоже энергия. И они тоже не должны лежать на диване… или под матрасом… Должны постоянно циркулировать. И тогда в них не будет недостатка…

— Так что же, надо все деньги тратить?

— Нет. Это значит, что их не надо копить…

— А если надо купить что-то, на что сейчас не хватает… велосипед, например?

— Можно деньги откладывать. Копить и откладывать — это разные вещи… А можно купить на те деньги, что есть сейчас… ну, например, краски и бумагу. Нарисовать картины. Продать их и купить велосипед…

— Интересная мысль… А если отнести деньги в банк? Там их будут давать другим…

— Понимаешь, тут дело не в том, чтобы деньги не лежали у тебя дома. Дело в тебе самом. Твои деньги — это твоя энергия. Её видимая часть. Покупая краску и бумагу, ты живёшь активной жизнью. Ты двигаешься. Именно это и нужно. Для того, чтобы иметь много денег нужно иметь много свободной энергии. А банк… Он будет работать за тебя. И деньги будет получать за тебя.

— А вот есть ещё биржи. Там можно что-то купить, потом продать…

— Ой. Это не хорошо. Это называется спекуляция…

— Почему?

— Ну, они же продают и покупают… деньги…

— Как это?

— Они ничего не производят… Только и делают, что покупают подешевле а потом продают подороже, и наоборот…

— Но ведь купцы тоже так делали…

— Нет. Купцы производили услуги. Они строили корабли. Рисковали жизнью, плавая по морю, и привозили товары. А что производят торговцы на бирже?

— Не знаю…

— Они перепродают не товары, а воздух… вернее нолики в компьютере. Из-за них цены растут на всё… а должны снижаться…

— А почему они должны снижаться?

— Ну, потому, что технологии… совершенствуются… Если раньше ложку надо было пол дня долбить из полена, то сейчас —

шлёп и готово. Та ложка стоила… ну, скажем, пять рублей, а эта — уже пятьдесят копеек…

— А ведь не стоит…

— Да уж. Те, кто печатает деньги… они… не честные. Они должны были напечатать денег столько, сколько у них было товаров и ценностей. А они напечатали столько, сколько… захотели. Вот поэтому цены и растут — эти деньги надо куда-то девать.

— Но ведь это не справедливо! А ты говорила, что справедливость торжествует всегда.

— Торжествует. Торжествует — не сомневайся. Высшая, во всяком случае, точно.

— А как же мы? Нас же обманывают! Отнимают у нас деньги…

— Значит так надо… Чтобы фильм был интереснее…

— А что же интересного, когда тебя обманывают?

— Есть такая поговорка: «Голь на выдумку хитра»… Чем меньше денег — тем больше приходится приспосабливаться, придумывать что-нибудь. Тем интереснее жизнь…

— Значит, мы тоже должны обманывать тех, кто нас обманывает?

— Зачем? Не обязательно. Обманывать не хорошо. Те, кто нас обманывают, счастливы всё равно не будут. Дедушка читал в газете, что по статистике самые счастливые живут именно в бедных странах. Так что справедливость всегда есть.

— А вот Соня… Разве с ней справедливо поступил этот… хомяк?

— Хомяк — нет. А Мир — справедливо.

— А в чём эта справедливость? За что её так?..

— Ну, не всегда можно ставить вопрос: «За что»? Иногда нужно спрашивать: «Для чего»? Возможно, Соне нужно было кое-что понять о Мире. Вот он ей и показал свою ещё одну сторону, попросив Серёжу ему в этом помочь. Я не думаю, что этот Серёжа такой уж плохой. Просто он сыграл перед нами такую вот роль. Хотя, конечно, не всем Мир предлагает играть такие роли… Если Серёжа не изменится, то его ждут бо-ольшие неприятности. Поверь мне. Справедливость — очень точная штука. Отвесит всё до миллиграмма…

— А как ты думаешь, что должна была понять Соня?

— Мне сложно судить — я её почти не знаю… Возможно, что она, как говорится «витала в облаках». Не воспринимала Мир адекватно. Думала, что все — такие же, как она. Только и мечтают, что поиграть в «Семеро смелых»…

— Но ведь она же…

— Да, я тебя понимаю… Ты хочешь сказать — от чистого сердца. Это так. И Мусю она тоже любит от чистого сердца. И это очень хорошо… Но так уж Мир устроен. Сердце уравновешивается умом. Нужно и в облаках витать, но и на земле стоять тоже. Раз уж мы родились тут… Вот Серёжа — этот как раз наоборот. На земле стоит очень прочно. Двумя ногами. Вот ему бы не помешало немножко полетать… Думаю, что если бы они подружились с Соней — это было бы полезно им обоим… Возможно, сегодняшняя встреча была началом их дружбы…

— Но как же?.. Как они могут подружиться? Ведь они такие… разные. У этого Серёжи одна… еда на уме…

— Вот именно — на уме. А внутри у него растёт красивый и нежный цветок. Такой же, как и у тебя, и у Сони… Его Душа. И этот цветок сейчас находится в бетонном саркофаге Серёжиного… нет, даже не ума — ума там пока не много. Скорее Эго. И этот саркофаг душит цветок. Не даёт ему расти… Ты думаешь, Серёжа счастлив? Его счастье в конфетах. Можешь себе представить, что это за счастье…

— А как это получилось?

— Об этом надо спросить его родителей. Они сделали его таким…

— А мы можем ему помочь?

— Не только можем, но и должны. Спроси свою Душу — готова ли она смириться с тем, что чья-то Душа рядом с ней будет томиться в темнице?

— А как ей… ему помочь?

— Любовью. Это универсальный ключ от всех темниц. Если у тебя нет намерения что-то получить, а только отдать — ты обязательно получишь всё, что тебе надо. Это закон Любви.

— А как его любить? Он же такой… Он не захочет…

— Кто тебе сказал? Ещё как захочет. Он истосковался по Любви…

— А разве родители его не любят?

— Любят, конечно… Но их любовь сузилась до размеров холодильника. Им главное — накормить Серёжу. На этом их любовь заканчивается…

— А почему?

— Тоже Эго. Не зря говорят, что яблоко от яблони недалеко падает… Они и себя так же любят — не выше живота…

— Мне показалось, что Серёжа только себя и любит.

— Ах, если бы… Себялюбие и самовлюблённость — это ещё не Любовь. Это карикатура на Любовь.

— Значит, его родителям тоже надо помогать?

— Помогать надо всем, кто нуждается в твоей помощи.

Навязываться не нужно, а вот любовью своей ты никому не навредишь… А поможешь обязательно.

— А как их… любить? Они и разговаривать со мной не захотят…

— И не обязательно с ними разговаривать. Для начала просто почувствуй своё единство с ними. Пойми, что они такие же, как ты. Просто попали в беду. Выстроили вокруг себя стену. Нечаянно. По незнанию…

— А потом?

— Потом нужно настроится на их Душу. Поймать её… частоту. Твоя Душа знает, как это сделать. Имя здесь играет очень важную роль. Это как пароль к Душе. Пользуйся этим. А когда ваши Души установят контакт, тебе будет намного легче. Ты будешь чувствовать, что надо делать. Что можно говорить, а что нельзя. И каким тоном. Душа тебя поведёт. Главное — это не спешить. Иначе можно всё испортить…

— Как испортить?

— Они замкнутся и перестанут тебе доверять. Контакта не будет. Чтобы этого не случилось — ни в коем случае не ставь под сомнение их знАчимость. Пока что это их главная ценность. Хоть они и не любят себя, но считают, что они находятся в центре Вселенной и Мир вращается вокруг них. Не надо их в этом разубеждать. Придёт время — и они сами поймут, что ошибались… И вообще, без особой причины лучше никого не критиковать. Никто этого не любит, даже если и понимает, что ты прав. Правых тоже не любят. Любят сами быть правыми. На этот счёт есть очень хорошее правило: «Позволь себе быть собой, а другим — быть другими». Не пытайся никого переделать. Да и себя не нужно. Пусть это происходит само собой. Без усилий. Лучше делать подарки…

— Какие подарки?

— Комплименты, например. Только не фальшивые. Душа сразу распознает подделку. Тут нужна искренность.

— А как это сделать?

— Помнишь правила Глеба Жеглова?

— Ну…

— Прояви интерес к окружающим. Говори с ними не о том, что интересует тебя, а о том, что интересует их.

— А, помню. Там ещё этот… Тузик… приёмниками увлекался…

— Верно. Как только ты отвлечёшься от себя и проявишь интерес к окружающим, они сразу обратят на тебя внимание. Ведь для них это такая редкость, чтобы кто-то по настоящему интересовался ими. Все вокруг них заняты исключительно

собой…

— А как мне привлечь их внимание?

— Дай им высказаться, и они будут считать тебя самым интересным собеседником. Сначала согласись со всем, что они говорят, и лишь потом высказывай своё мнение. Главное — смотреть в одну сторону с ними. Тогда можно договориться.

— А вдруг не получится… Что делать?

— Если ты совершил ошибку, не пытайся оправдаться. Лучше сразу признать свою ошибку и тогда последствия будут намного мягче…

— А говорят, что лучшая защита — это нападение.

— Это не так. Признаваясь в своей ошибке, ты не посягаешь ни на чью значимость. И тот, кто собирался тебя обвинять, примет великодушную и снисходительную позицию…

— А если я не виноват?

— Если ты соглашаешься по собственной воле — твоя значимость тоже не страдает. Тебя ведь никто не принуждал — ты сам играешь так, как хочешь. Главное — настроить собеседника на свой лад. Иногда полезно показать свою слабость. Мнимую слабость. Подчеркнув тем самым значимость другого. Потом вы разберётесь — кто прав, кто виноват. Не забывай, что всё это — игра. А у тебя должно быть право на ошибки. У всех оно есть… Но если ты будешь замечать, когда кто-то оказался прав и говорить об этом вслух — это будет лучшим подарком для него. Особенно, если при этом будут другие свидетели, а ты будешь говорить о ком-то хорошо не ему самому, а другим. И даже если тебе ничего не скажут, ты станешь самым желанным собеседником… Кстати, подарок тем и отличается от простого комплимента. За комплимент тебе скажут «спасибо» и тут же забудут. Он достигает только сознания. А подарок может запомниться навсегда, потому, что он проникает глубоко в Душу…

— И всё-таки, я совсем не представляю себе Серёжу… летающего… то есть витающего в облаках…

— А ты представляй. Тем самым ты поможешь ему. Это очень хорошо — представлять кого-то, кому ты хочешь сделать приятное, как будто он счастлив и делает что-то такое, что приносит ему ещё больше счастья…

— Кстати, о полётах. Тут такие новости… — и Стёпа рассказал Уле про чудесную находку на Острове Баскервилей. Он ещё не знал, что папы замыслили проект летательного аппарата, но чувствовал, что скоро его мечта может осуществиться.

— Всё, как вы с дедушкой говорили. Сначала — мысли, потом… форма.

— Вот видишь. Главное — иметь намерение и не заботиться о

способе, которым это намерение реализуется. Если твоё намерение — действительно намерение, а не простое желание, то оно исполнится обязательно. Не может не исполниться. Главное — никаких сомнений. Даже если тебе кажется, что что-то идёт не так… Откуда нам знать, как должно быть? А может быть, твоя Душа поведёт тебя более коротким путём? А тебе будет казаться, что всё пропало и ничего не исполнится…

— И что надо делать?

— Принимать все события в твоей жизни как наиболее благоприятные для тебя. Если угодно — радоваться неудачам. Любую неудачу надо рассматривать как дополнительную возможность, не учтённую тобой ранее. Представь себе, что ты идёшь по тропинке в лесу к своей цели. И вот ты подходишь к развилке, и не знаешь — какую дорогу выбрать. Ты считаешь это неудачей. А судьба — наоборот, решила подбросить тебе более короткий путь к твоей цели. Но раз ты думаешь, что это проблема — Мир соглашается с тобой. И эта возможность превращается в неудачу. Ты сам строишь свою реальность. Поэтому — что бы с тобой не происходило, пусть первая твоя мысль будет такая: «Мне повезло — мой мир даёт мне новую возможность…» Заведи себе такую мысль и держи её всегда под рукой…

— Хорошо…

— Ладно. Мне, пожалуй, пора. Очень рада была тебя повидать…

— А ты ещё прилетишь?

— Постараюсь. Конечно, в этот раз накладочка вышла… Я же не знала, что вы будете играть в эту вашу… молчанку. Смотрю — ты один. Рядом никого… Вот и полетела…

— Ничего. Соня никому не расскажет…

— Да. Соня молодец. Передавай ей привет. Она очень хорошая. У неё золотое сердце.

— А ты передавай привет дедушке. Скажи, что я за ним очень скучаю.

— Хорошо, передам. Он тоже передавал тебе привет и сказал, что ты в его сердце навсегда.

Уля улыбнулась Стёпе на прощанье, втянула усики-антенны в домик и, сжавшись в точку, капелькой булькнула в зеркало Пространства-Времени, оставив после себя лёгкую рябь.

Глава 25. Пангея

Стёпа с грустью посмотрел на то место, где только что сидела Уля, и отправился в гостиную. Папа уже вернулся от Альберта Васильевича. Он принёс портрет Стёпы, и вся семья громко любовалась им.

— Хороший, — сказала мама.

— Жамечательный, — сказал, сами понимаете кто.

— Что-то не очень похож, — не могла не возразить дедушке… ну, вы поняли.

Папе портрет тоже понравился. Когда Стёпа вошёл, все стали смотреть то на него, то на портрет, сравнивая оригинал и копию. В чём было единодушие, так это в том, что оригинал лучше копии.

Потом папа доложил, что должен съездить в город, но скоро вернётся опять. Стёпа сразу догадался, что эта поездка как-то связана с его находкой на Острове Баскервилей. Но расспрашивать папу не стал. Папа всегда всё рассказывал сам, если считал нужным, а Стёпа был тактичный лягушонок. Проходя мимо кухни, он увидел, как бабушка взяла веник и хотела подмести пол. Стёпа вспомнил про мастеров Шаолиня и захотел попробовать себя на роль их ученика. Он коршуном кинулся к бабушке и отобрал у неё веник.

— Бабушка, можно я сам подмету?

— Да нашто тебе?

— Мне надо…

— Ну подметай… Чего уж. Совок вон там — в углу, возле ведёрка, — бабушка пожала плечами и пошла смотреть телевизор.

Стёпа, держа веник в руке, стал представлять себя учеником Мастера и вспомнил про легендарного ниндзя-Леонардо. Но тут же он вспомнил и про не очень красивую историю с портретом Моны Лизы Джоконды… Вспомнил про Рафаэля… Подумал, и решил не менять фаворитов — мало ли, что там всплывёт ещё со временем… Может быть окажется, что портрет-вампир — это как раз подделка, а оригинал вовсе и не вампир, а как раз наоборот — донор. Висит себе где-нибудь в… подвале Ватикана и услаждает взоры… кое-кого… Стёпа замечтался, вспоминая о тех приятных минутах, которые они провели вместе с Леонардо… Потом он вспомнил своего Велю и чуть не всплакнул — как же он соскучился за ним. Погрезив ещё немного, Стёпа решил всё-таки пройти своё послушание подметанием. Для начала он захотел познакомиться с веником:

— Привет, Веня. Меня зовут Стёпа…

— Я знаю, — прошелестел приветливым шёпотом Веня.

— А подметать, это… легко?

— Да… Ничего трудного… Шуршишь себе…

— А давай поиграем в гравитацию.

— Как это?

— Ну, давай играть в то, что кухня — это галактика…

— Что?

— Ты что, телевизор не смотрел? «Очевидное — невероятное»…

— Нет… Я только радио слушаю…

— Ну… галактика — это в космосе…

— А-а… я понял. Ух-ты, давай…

— Значит так, кухня — это галактика. Мусор — это космическая пыль после взрыва сверхновой звезды…

— Здорово…

— А мы с тобой будем гравитацией. Наша задача — собрать всю пыль, и тогда из неё получится новая планета…

— Вот это да-а-а… А ведро возьмём играть?

— Конечно. Куда ж без него?

— Его зовут Ведя…

— Привет, Ведя!

— Здравствуйте, — скромно потупясь, сказало ведро.

— Будешь с нами играть?

— А можно?

— Конечно. Нам без тебя никак нельзя. Ты будешь той Силой, которая придаёт планетам форму шара…

— Ой… Я хочу…

— Ну, тогда поехали… Только чур, подметать хорошо. Нельзя пропустить ни одной пылинки…

— А почему?

— Потому, что… ей будет одиноко одной… в космосе… Она станет метеоритом, упадёт на нашу планету… И все динозавры вымрут…

— А кто такие эти динозабры? — спросил Ведя, который был не такой шустрый, как Веня и многого не знал.

Стёпа принялся подметать и в процессе работы рассказал своим новым друзьям всё, что знал про динозавров, ихтиозавров, мамонтов и саблезубых тигров в придачу. Когда весь мусор был сметён в кучку — весь до последней пылинки, в игру вступил ещё один участник — совок Савик. Его тоже не пришлось уговаривать, и он с радостью согласился быть гравитационным полем. А когда мусор оказался в ведре, новую планету решили назвать Мусей. Стёпа решил, что Сонина Муся не обидится:

— В честь какой ещё мухи назвали бы целую планету? — подумал он.

Игра так увлекла всех, что расставаться совсем не хотелось. Позвали ещё двоих — Тряпу и Шваню. С их помощью пол был вылизан до блеска… Это был не пол, а…

— Инферно, — подумал Стёпа и украдкой — чтобы не объяснять своим новым друзьям, что такое Инферно, бросил под стол — туда, где никто не видит, обгорелую спичку.

— Пусть будет комета, — решил Стёпа.

Время промчалось незаметно. Усталости не было совсем. Когда бабушка вернулась на кухню, то глазам своим не поверила — всё сверкало и блестело. Снежная Королева, наверное, позеленела бы от зависти, увидев такую безупречность (конечно, если бы ей не пришла мысль заглянуть под стол)…

— Работает! Не обманула Сонина мама, — подумал Стёпа, чувствуя себя Логосом.

Перед сном Стёпа извлёк из ниоткуда новую овечку. Она была самая беленькая из всех.

— Я назову тебя Люба. Ты будешь моя мысль о том, что мой мир меня любит и ничего плохого мне никогда не предлагает. Всё, что случается со мной — это для моей пользы. Будь всегда рядом со мной. Если подойдёт кто-то чужой по имени «Неприятность» или «Проблема» — гони их прочь. В нашем мире таких быть не должно…

— Хорошо, — ответила Люба и помахала своим маленьким беленьким хвостиком.

На следующее утро, после семейной пробежки, Стёпа проводил папу на станцию и оттуда направился к Соне. Он уже освоился, и дорогу нашёл сразу.

Соня была такая же весёлая, как и всегда. Она уже и думать забыла про вчерашние неприятности. Муся тоже — жужжала как ни в чём не бывало.

— Пойдём к твоей маме — хочу сказать ей ещё раз спасибо за портрет. Нашим всем он тоже понравился…

Маме было очень приятно. Это и была та творческая радость, ради которой нужно терпеть творческие муки.

— Смотри, что мне сделала мама, — похвасталась Соня и показала маленький голубенький воздушный шарик, на котором жёлтым цветом было что-то нарисовано.

— Что это? — спросил Стёпа.

— Это наша Земля. Она была такой сто миллионов лет назад…

— Такой маленькой?

— Ну, это же модель…

— А почему нет материков? И что это жёлтое?

— А это и есть материк. Называется Пангея. А океан вокруг него называется Панталасса…

— А это… точно Земля? Что-то не похоже…

— Смотри, — лукаво сверкнула глазами Соня и стала надувать шарик. Шарик стал расти, и вместе с ним Пангея стала расползаться. Стёпа увидел, как она разделилась на несколько частей, которые стали отдаляться друг от друга, приобретая знакомые Стёпе очертания континентов.

— Ух ты! — воскликнул он, как будто увидел чудо превращения. — Неужели так всё и было?

— Да. Именно так, — подхватила мама. — Пангея образовалась в пермском периоде и раскололась в юрский период на два континента. Северный континент Лавразия позже раскололся на Евразию и Северную Америку, в то время как из южного континента Гондвана позже образовались Африка, Южная Америка, Индия, Австралия и Антарктида…

— Это был самый первый континент на Земле?

— Нет. До него был огромный континент Родиния. Он распался 750 миллионов лет назад…

— А почему Земля… надулась?

— Она не просто надулась. Увеличился не только её объём, но и масса. Это значит, что Земля… растёт.

— Как арбуз на поле?

— Именно.

— А откуда она берёт… вещество?

— На этот счёт есть много гипотез. Есть водородная, нейтринная…

— А что это такое?

— Ядерные реакции, происходящие в ядре Солнца, приводят к образованию большого количества частиц под названием нейтрино. Эти частицы постоянно «бомбардируют» Землю. И, хоть они ничтожно малы, количество их огромно. Настолько огромно, что со времён мезозоя Земля увеличила свою массу вдвое…

— Они и нас обстреливают? Мы тоже растём из-за… нейтринов?

— Нет. Они проходят сквозь нас и задерживаются только в земном ядре — оно их примагничивает.

— Потому, что железное?

— Да.

— А если ходить в каске?

— Ну, может быть тогда за сто миллионов лет объём твоей головы и вырастет… Вдвое.

И все засмеялись.

— А водородная гипотеза?

— Она похожа на нейтринную. Только вместо нейтрино выступает водород…

— Он тоже бомбардирует?..

— Нет. Водорода в космосе навалом… Это самый распространённый элемент. Есть он и в земном ядре. В больших количествах. А водород — это строительный материал вселенной. Вот в земном ядре и происходит синтез разных элементов. В том числе и воды…

— Так вот откуда берётся вода под землёй?

— Не только. Много воды проникает снаружи. Но иногда подземные источники бьют с очень большим напором. Закачать в землю воду под таким давлением невозможно. Поэтому и решили, что вода синтезируется внутри Земли. Как и нефть… Некоторые учёные предполагают, что под землёй воды больше, чем на поверхности.

— А что было на Земле, когда она была маленькая?

— В юрском периоде?

— Да.

— Была эпоха мезозоя. Царство динозавров…

— А потом прилетел метеорит и всех динозавров убил?

— Нет. Динозавры умерли своей смертью… вернее трансформировались… в птиц.

— В кв…ого?

— В птиц. Учёные считают, что птицы — это прямые потомки динозавров.

— Но как же?..

— Да. Такая вот эволюция… Пока Земля была маленькая — сила тяжести на ней была небольшая и такие гиганты, как динозавры могли существовать. А вот сейчас они не смогли бы сделать и шагу…

— Почему?

— Они были бы раздавлены собственным весом… Ты видел кита, выброшенного на берег?

— Нет…

— Кит — это не рыба. Это млекопитающее. Но он может жить только в воде. Именно из-за своей гигантской массы. Если кита приливом выбрасывает на берег — он не может даже пошевелиться. Сила гравитации буквально вдавливает его в землю… А ведь кит — это просто дельфинчик по сравнению с бронтозавром или диплодоком…

— Значит… динозавры… уменьшились и превратились в птичек?

— Да… не сразу конечно… Первые птицы были ого-го… Мало

чем отличались от динозавров. Страус просто птенчик по сравнению с гиганторaптором, высота которого превышала 3 метра, а общая длина тела вместе с хвостом составляла около 8 метров. Вес этой «птички» был полторы-две тонны… А вот ютираннус был высотой 3,5 и длиной 9 метров. Перья на нём были — 15 сантиметров… Между прочим — ближайший родственник тираннозавра.

— Так значит, метеорит на Землю не падал? — разочарованно произнёс Стёпа… Конечно, он не был таким кровожадным и не хотел катаклизмов. Просто ему было жалко авторитета папы, который говорил, что динозавры вымерли именно из-за метеорита.

— Нет, катаклизмы на Земле конечно были. И метеориты падали… Но динозавров они не убивали. Всех, во всяком случае… Я, конечно, не утверждаю, что все динозавры превратились в птиц. Скорее всего, некоторые виды — самые гигантские, просто вымерли, а все остальные приспособились, как могли…

— Значит, чем больше Земля — тем меньше на ней… жители?

— Да. Зависимость прямая. Ещё совсем недавно жители Земли были намного больше. Мамонты были намного крупнее слонов. Олени, носороги и другие ископаемые млекопитающие были гораздо массивнее своих современных потомков… Кроме того, во времена динозавров в земной атмосфере было гораздо больше кислорода. И это тоже было необходимым условием для их выживания…

— А вот на Луне сила тяжести совсем маленькая. Там динозавры смогли бы выжить?

— Ну, разве что в скафандрах — ведь кислорода на Луне нет вообще. Зато есть сильная радиация, которая убивает всё живое…

Соня хихикнула, представив себе динозавров, разгуливающих по Луне в скафандрах. А вот Стёпе было не до смеха. Радиация его напугала.

— А у нас нет этой радиации? — спросил он взволнованно.

— Нас защищает магнитное поле Земли. Её железное ядро создаёт мощное электромагнитное поле, которое отводит от Земли радиацию и другие вредные излучения.

— Значит, через сто миллионов лет моя голова не вырастет, а наоборот — я стану совсем маленьким из-за того, что Земля станет ещё больше?

— Ну, посмотрим. Может быть и так. Хотя небольшие организмы не претерпели особых изменений. Быть маленьким оказалось выгоднее всего. Ящерицы как были во времена динозавров — так и остались… Так что нам с тобой, думаю, тоже

ничего не грозит. Через сто миллионов лет твои потомки будут смотреть на твой портрет и говорить: «А наш Павлик-то как похож на своего пра-пра-пра… дедушку Стёпу.»

— Лучше не Павлик…

— А почему?

— Да есть у нас в группе один… Павлик… Не хочу, чтобы моего пра-пра-пра… потомка звали Павликом.

— Ну, ладно. Думаю, что его будут звать как-нибудь типа Зед. Или Ким…

— Или Буран, — подхватила Соня.

— В лучшем случае… Времена длинных имён проходят. Наверное, это тоже зависит от силы земного притяжения. Дормидонтов Евлампиевичей уже не выпускают — слишком громоздко… Хорошо, если у наших потомков вообще будут имена. А то ещё будут номера присваивать…

— Не хочу номер…

— А может и Земли уже не будет? Через сто миллионов лет? — вдруг испугалась Соня.

— Через сто миллионов, наверное, ещё будет… А вот через пять-шесть миллиардов лет нам уже понадобится другой домик. Солнце исчерпает весь водород в своем ядре и начнёт сжигать водород в окружающих слоях. Это станет началом конца Солнца — ядро будет сокращаться, а внешние слои расширяться, и звезда станет красным гигантом. Со временем наша Земля будет поглощена этим огромным красным шаром…

— Ой. Страшно… Надо строить корабли… лететь… искать другую планету… с кислородом…

— Думаю, что к тому времени мы уже пройдём эволюцию плотных тел, и нам незачем будет искать планету с кислородом…

— А почему?

— Потому, что в тонком теле мы сможем жить на любой планете, и даже на звезде…

— Значит, все наши планеты тоже обитаемы?

— Конечно. Там жизнь бьёт ключом…

— А кто там живёт?

— Такие же Души, как и мы… Ну, может быть, более развитые…

— А с ними можно… познакомиться?

— Наверное, можно. Но для этого нам самим нужно стать более развитыми. Чтобы понять их… Я думаю, что они всё-таки присматривают за нами. И даже иногда вмешиваются в нашу жизнь. В критические моменты…

— А зачем?

— Чтобы мы чего-нибудь не натворили тут…

— А чего мы можем натворить?

— Да много чего можем… Как хорошего, так и не очень…

— Так значит, космические корабли нам не нужны?

— Для спасения наших туловищ — точно не нужны… К тому же, я думаю, что такие корабли построить не реально.

— А почему?

— Потому, что жить наши тела могут только на планетах. А планеты могут жить только возле звёзд. В нашей солнечной системе обитаемых планет для наших нежных тел пока нет. Значит, нужно лететь как минимум к ближайшей звезде. Ближайшая к нам звезда — Проксима Центавра, которая находится в системе Альфа Центавра. Её отделяет от нас расстояние больше чем четыре световых года. Это значит, что при существующих технологиях на это путешествие уйдёт 80 000 лет…

— Ого… А за четыре года нельзя долететь? Со скоростью света?

— Пока таких кораблей нет. И не предвидится… Да и не понятно, сможем ли мы перенести такую скорость. Придётся несколько тысяч лет разгоняться, а потом ещё несколько тысяч лет тормозить — чтобы нас не расплющило внутри… И не факт ещё, что в системе Альфа Центавра будет подходящая планета для нас. Так и будем скитаться по галактике…

— А на летающей тарелке нельзя долететь? Она не разгоняется — у неё это… безынерционное движение… вот.

— Ишь ты. Безынерционное… Ну, посмотрим. Может быть, и полетим… на тарелке. Хотя по мне, так лучшего космического корабля, чем наша Душа и не надо. И быстро и дёшево и комфортно…

— Быстрее скорости света?

— Быстрее скорости. Мгновенно. В любую точку Вселенной. На самую жаркую звезду или в самую чёрную дыру… И главное — это билет в оба конца. Никакая сингулярность тебя не засосёт.

— А как это сделать?

— Ты уже это делаешь. Твоя Душа летает везде, где хочет. Осталось только дать возможность разуму всё это… вместить…

— Мама, а ты можешь это вместить?..

— Не всё пока. Но я работаю над этим…

— А можешь что-нибудь рассказать про… это?..

— Боюсь, что вы мало чего поймёте из моего рассказа… Это непередаваемо… словами. Вот — кое-что я уже нарисовала. Думаю, что ещё буду рисовать…

Мама достала большую папку и стала показывать невероятные пейзажи. Это были завораживающие виды. Неземные

ландшафты, необычайной красоты туманности и галактики. Иногда было непонятно — в космосе это или внутри атома. На некоторых картинах были изображены дивные животные и не менее дивные растения. Картины были очень живописны и Стёпа с Соней «провалились» в них. Им казалось, что они сами летят в неведомые дали, и своими глазами видят всё это.

— Мама, а ты правда всё это видела?

— Конечно… только не глазами…

— А чем?

— Внутренним взором…

— Третьим глазом?

— Ну, можно и так сказать…

— А что это за третий глаз? — заинтересовался Стёпа.

— Это у этих… как их… Йогов. Такой глаз на лбу… — показала Соня.

— А кто такие эти…ёги? Большие ёжики?

Мама с Соней засмеялись, хотя Соня сама толком не знала, кто такие йоги.

— Йоги — это те, кто занимается йогой. А йога — это упражнения по раскрытию возможностей нашего тела и сознания, — уточнила мама.

Стёпа стал пристально вглядываться в лоб Сониной мамы, но ничего сверхъестественного там не обнаружил. Мама объяснила, что третий глаз это не физический орган, а скорее метафизический и искать его на голове бесполезно.

— А он у всех есть?

— У всех. Но у большинства он спит.

— А как его разбудить? Упражнениями?

— Его не нужно будить. Он сам проснётся, когда это будет нужно. Надо просто жить в гармонии с собой и с Миром. Любить Мир и слушать свою Душу. Не позволять своему Эго управлять нами, а разуму шуметь… Когда вы были маленькими, ваш третий глаз не спал. Если постараетесь, то вспомните. Может быть, даже узнаете что-то из того, что я вам сейчас показала.

— Стёпа зажмурился и напрягся до узоров перед глазами. Но ничего похожего не вспомнил. Соня тоже.

— Ничего, — успокоила мама. Если захотите, всё увидите. Самое главное — научиться не думать…

— А нам в садике всё время говорят, что самое главное — научиться думать, — недоумённо произнёс Стёпа.

— На самом деле всё немножко не так. Думать могут все. О чём — это уже другой вопрос. А вот попробуй не думать ни о чём хотя бы две минуты. Не всякий сможет… Вот этому как раз нужно учиться…

— А почему так? Ведь мы же можем управлять своей рукой или ногой… Можем двигать, а можем и не двигать… Почему же тогда мы не можем управлять своей головой?

— Потому, что голова — это более сложный орган, чем рука или нога. Принято считать, что мы думаем нашим мозгом. На самом деле это не совсем так. Мозг отвечает скорее не за мышление, а за правильную работу всех органов и систем организма, контролирует наше дыхание, сердцебиение, выработку необходимых гормонов и ферментов… Так считается… Возможно, это и не так… В газетах описано много случаев, когда кто-то мог обходиться совсем без мозга. В прямом смысле. Из-за болезни, травмы или аномалии. При этом они почти ничем не отличались от остальных. У многих из них отсутствие мозга было обнаружено уже после смерти…

— А кто же у них всё контролировал?

— Не знаю… Наш организм полон загадок. Возможно, функции мозга выполняли другие органы… Возможно, тонкие тела…

— А чем мы думаем?

— Чем? Ну… скажем так, полем. Нашим биополем. Оно очень многослойно. Есть специальный морфологический слой, который отвечает за мышление…

— А, это наше тело… это… как его? Ментальное… вот.

— Да, молодец, что знаешь… Так вот, наше ментальное тело — это своего рода электромагнитное поле. Вокруг каждого из нас есть это поле…

— Это как электричество, только не в розетке, а… на свободе?

— Ну, примерно так… Вообще в мире всё работает на электричестве. Наша жизненная энергия тоже имеет электрическую природу. Электричество — это проявление жизненной энергии на уровне «неживой» материи. Сама Праматерия — материя Люцида, о которой я тебе говорила — это чистое электричество. Его ещё называют эфир. Энергии такого эфира размером с электрическую лампочку хватит, чтобы вскипятить все океаны Земли…

— А почему мы не пользуемся этой энергией? Почему сжигаем дрова и бензин?

— Потому что это выгодно тем, кто продаёт бензин. Не самим продавцам конечно, а хозяевам бензина. Если бы мы получали энергию из эфира, то её было бы столько, что она была бы бесплатная. Торговцы бензином не могут этого допустить… Был такой исследователь, его звали Никола Тесла. Он научился добывать энергию из эфира и готов был обеспечить всех жителей

планеты бесплатной энергией…

— И что с ним случилось?

— Он внезапно умер, а все его чертежи пропали…

— А больше никто не занимается этим… эфиром?

— Знаешь, есть такая таблица элементов — Периодическая Система? В ней перечислены элементы, из которых состоит всё в природе. Начиная с самого лёгкого — водорода, и заканчивая самым тяжёлым — пока что это коперникий…

— Да, мне папа рассказывал…

— Так вот, раньше в этой таблице был нулевой ряд, в котором должны были находиться элементы, которые легче водорода. Там были инертные газы. Такие, как короний, например. Там же был и эфир — его назвали ньютоний. Потом этот ряд из таблицы убрали…

— А почему?

— Его посчитали противоречащим науке… Но я думаю, что это сделали те, кому не выгодно, чтобы энергия была бесплатной…

— Но ведь этих торговцев же мало… Почему все остальные их слушаются?

— Это сложный вопрос. Может быть, мы пока не готовы к бесплатной энергии. Нравственно не готовы…

— Почему? Я бы очень хотел, чтобы у всех была бесплатная энергия…

— Я бы тоже этого хотела… Но своей собственной энергией ты можешь пользоваться совершенно бесплатно. Пока, во всяком случае…

— А почему говорят, что мы думаем головой? Нам в садике часто говорят: «Думай своей головой» — как будто я могу думать чужой… Или: «Включай мозги» — как будто я могу их выключать…

— Наш мозг это очень сложный орган. Учёные знают больше о космосе или океане, чем о собственном мозге. А уж про тонкие тела многие учёные и не знают… Или не хотят знать… Поэтому и считают, что мы думаем именно мозгом… Конечно, мозг связан с нашим биополем. В нейронах мозга тоже идут электрические процессы. Не зря он потребляет калорий больше, чем мышцы. Наш мозг — это большой обжора… Ты слышал про синапсы?

— Да, дядя Алик рассказывал нам…

— Какой хороший дядя Алик… Так вот, скорее всего основная функция мозга, помимо управления системами организма, создание и поддержание нейронной сети… А все размышления происходят именно в ментальном теле, и уже оттуда передаются нам… Возможно, через мозг — у кого он есть,

конечно… Скорее всего, он выполняет роль оперативной памяти в компьютере. Основная информация хранится на жёстком диске — то есть в нашем биополе, а мозг — это посредник между информацией, которая вокруг нас и информацией, которая внутри нас. Он обрабатывает всю поступающую информацию, отделяет нужную от ненужной, и ночью — когда мы спим, сгружает нужную информацию на жёсткий диск, а от ненужной избавляется…

— Как избавляется?

— Забывает.

— А почему моя бабушка ВСЁ забывает — даже то, что ей нужно?

— Наверное, у неё нарушены связи между… оперативной памятью и жёстким диском. Ведь как происходит процесс вспоминания нужной нам информации? Оперативная память — то есть наш мозг посылает запрос жёсткому диску, тот ищет эту информацию у себя в поле и, если находит — отправляет обратно в мозг. Наша память, как и мышцы нуждается в постоянной тренировке. Твоей бабушке необходимо больше читать и меньше смотреть телевизор…

— А почему?

— Потому, что чтение — это активный обмен информацией. Это зарядка для ума. При чтении информация циркулирует в двух направлениях, мозг трудится. А при просмотре телевизора идёт пассивный процесс засорения оперативной памяти чем попало…

— Значит, телевизор — это плохо?

— Нет. Всё можно использовать на благо, а можно и во вред. Если посмотреть хороший фильм или передачу — это благо. А если смотреть всё подряд — это вредно.

— А зачем тогда передают всё подряд?

— Потому, что все разные. Кому-то нравится смотреть передачи про огород, а кому-то про космос…

— А если кому-то нравится смотреть и про огород, и про космос?

— К сожалению, хороших передач про огород и космос мало. В основном идут какие-то пустые сериалы или шоу… Так что целый день смотреть телевизор совсем не обязательно, и даже вредно.

— А если оперативная память засорилась, как её почистить?

— Засорение нашей оперативной памяти — это как раз и есть причина, по которой мы не можем не думать… Как очистить память? Компьютер обычно перезагружают. У нас такой перезагрузкой является сон…

— А если память засорилась днём, и спать ещё рано?

— Да, к сожалению это так и бывает. Ну что тут предпринять? Конечно, стараться поменьше засорять себя. Ведь информационная грязь гораздо вреднее обычной грязи. И избавиться от неё труднее. У йогов, кстати, есть много упражнений для этого. «Чистый лист» вы уже знаете. Я думаю, что для начала вам хватит. Лучшее упражнение для ума — это интересоваться не только собой. Смотреть по сторонам. Замечать всё необычное. Это гораздо лучше телевизора. Поверьте, в мире много необычного и чудесного. Не надо и лететь никуда. Посмотрите внутрь цветка — там целый космос. А крылья бабочки? Это же планета Пандора, не меньше… Наблюдая за Природой, вы никогда не загрязнитесь. Эта информация «чистая». Наоборот — глядя на небо или на речку, вы как бы информационно «умываетесь», сбрасываете с себя информационный «мусор». Поэтому так важно бывать на природе и так опасно постоянно жить в городе…

Когда Стёпа шёл домой — он чуть не плакал. Он смотрел вокруг с такой нежностью, что готов был целовать каждую травинку и каждую букашку на своём пути. О том, чтобы подкрепиться комарами и речи быть не могло. Сейчас он не был способен съесть даже листик… даже камешек. Всё для него было живое и прекрасное. Всё смотрело на него приветливо и улыбалось ему. И Стёпа улыбался всему и всем…

Перед сном Стёпа собрал всех своих овечек и попросил их на время покинуть лужайку. Даже Любу попросил пойти прогуляться. Стёпа решил проверить — сможет ли он не думать. Как только овечки разошлись, на лужайку стали сползаться и слетаться все, кому не лень. Начиная с мошек и мушек и заканчивая лосями и жирафами. Пришли все. Даже слон Гобо, которого Стёпа видел когда-то в цирке, и то — не поленился и притопал. Даже кит, которого выбросило прибоем на берег, превозмог земное притяжение и, сокращаясь как гусеничка, приполз, чтобы почтить Стёпу своим присутствием. А уж от археоптериксов и птеранодонов просто отбоя не было. Они кружили над лужайкой, щёлкали клювами, каркали и чирикали, пытаясь привлечь внимание Стёпы своим ярким оперением, острыми зубами и когтями. Стёпа долго упрашивал всех разойтись, разлететься, расползтись и оставить его одного. Все не возражали, и с топотом, шорохом и шлёпаньем покидали лужайку. Но на их место тут же сползались и слетались другие. Доходило до толкотни и давки. Всем понадобилось срочно увидеть Стёпу. Именно сейчас. Как ни уговаривал их Стёпа, как ни пытался никого больше не принимать — очередь к нему была нескончаемой. Закончилось это тем, что на лужайку прилетела

целая планета Шелезяка с кучей роботов. Эти роботы друг за другом стали спускаются по трапу с планеты, подходить к Стёпе, приветствуя его. После настоятельной просьбы покинуть лужайку, они разворачивались и — опять по трапу, убывали обратно на свою планету. Роботов было так много, что Стёпино сознание не справилось с их наплывом, и он заснул, думая о том, что не думать — это самое трудное, что только можно себе представить.

Глава 26. Акуна Матата

Пока папы не было, Стёпа зря времени не терял. Он записался в местную библиотеку и взял там книгу о гимнастике Цигун. Вместе с бабушкой и дедушкой они прочитали книгу и выписали в блокнот все упражнения. Теперь каждое утро Стёпа с мамой совершали пробежку, а бабушка с дедушкой в это время делали плавные движения, или стояли в позе богомола возле крыльца. Всё это заметно укрепило их дух и тело. Бабушка с дедушкой пришли в полную гармонию с собой и между собой. Теперь уже нельзя было за несколько кварталов от их дома узнать, что бабушка думает о дедушке и куда следует идти бабушке. Они теперь понимали друг друга без слов. Достаточно было одного, пусть и красноречивого взгляда, и дедушка уже знал, что ему нужно делать, в каком объёме и как быстро…

А через несколько дней вернулся папа. Вернулся он не на автобусе, а на машине. Папин знакомый, дядя Виля ехал по своим делам в ту же сторону, что и папа и согласился попутно подбросить его. Это было очень кстати, потому, что ехал папа не с пустыми руками. Машина остановилась у дома Альберта Васильевича, и они с папой ещё долго носили в мастерскую какие-то доски, коробки и мешки. Потом папа отправился к себе и все стали крепко обниматься.

На следующий день оба папы заперлись в мастерской, и работа закипела. Стёпиному папе удалось не только изготовить трёхмерную модель надкрылий, но и распечатать их увеличенную копию в нескольких экземплярах. Копии получились не такие красивые, как оригинал — они были из серого ударопрочного углепластика. Кроме того, папа набросал на ватмане чертёж самолёта. Конструкция его была похожа на самокат — горизонтальная доска и вертикальная стойка, на которой был руль. Только вместо колёс в горизонтальную доску были вмонтированы отпечатанные надкрылья. По три штуки в два ряда. Они располагались на отдельных планках и были подвижны, как жалюзи. Папа с дядей Аликом решили, что антигравитационная сила надкрылий служит жуку только для подъёма в воздух. Летает же он с помощью крыльев. Поэтому на папином самолёте был предусмотрен небольшой аккумулятор от мопеда, который питал электромоторчик. Этот электромоторчик должен был вращать пропеллер, который располагался сзади самолёта и сообщать ему поступательное движение. Была в папином чертеже предусмотрена и альтернативная тяга. Реактивная. Для этих целей у папы был припасён небольшой баллончик с закисью

азота…

Однако ни пропеллер, ни закись азота не понадобились. Практика опрокинула все теории. В буквальном смысле. Когда папы начали воплощать чертёж в жизнь и укрепили копии надкрыльев на планки, они попробовали с помощью ручки управления перевести планки в рабочее положение. Самолёт буквально рванул с места, опрокинув пару пап и пару табуреток на пол. Хорошо ещё, что на рукоятке управления была предусмотрена пружина, и она автоматически выключила тягу, приведя надкрылья в пассивное состояние. Иначе самолёт — как вырвавшаяся из клетки птица, стал бы летать по мастерской, ломая и круша всё вокруг… Таким образом, с тягой у самолёта было всё в порядке. Возможно, что на её мощность повлияло увеличение размеров надкрыльев. Жуку для полёта нужны были крылья, а самолёту ничего, кроме неба больше не требовалось. Управление планками с надкрыльями вывели на руль. Правая рукоятка отвечала за скорость, а левая — за высоту. Направление полёта задавалось поворотом руля, который поворачивал планки с надкрыльями влево или вправо. Сами надкрылья двигались по двум осям и, регулируя ручками углы наклона, можно было управлять скоростью и высотой.

Когда всё было собрано и отрегулировано, решили испытать самолёт во дворе. Испытание доверили Стёпиному папе, как главному механику. На всякий случай он оделся в зимнюю телогрейку и ватные штаны дяди Алика, а на голову надел две зимних шапки — вместо шлема.

Для начала папа осторожно повернул рукоятку высоты и к великой его и дяди Аликовой радости, самолёт стал плавно подниматься в воздух. Поднявшись вверх, метров на пять, папа слегка повернул на себя правую рукоятку, и самолёт послушно полетел вперёд. Медленно и плавно. Превозмогая чувство ликования, папа попробовал руль и сделал два круга — вправо и влево. Самолёт послушно исполнил все его команды. Тогда, убедившись, что поблизости нет электрических проводов и других препятствий, папа решил немножко «поддать газу». Он развернул самолёт от деревни в сторону леса и стал набирать скорость и высоту. И тут произошло нечто совсем уж необычайное. По мере увеличения скорости и высоты папа ожидал ощутить встречный ветер и свист в ушах. Но ничего этого не было. Он как будто находился в стеклянной кабине. Ни малейшего дуновения ветерка… Папа решил ещё прибавить скорости и дал, что называется, «газу до отказу». Самолёт мигом достиг облаков, но по-прежнему никакого ветра не было. Внизу быстро удалялась деревня, а вокруг открывались бескрайние просторы лесов и

лугов. Скоро папа забрался ещё выше, и его глазам открылась изумительная картина. Это было… это был сон. Самолёт плавно скользил сквозь облака и папа обратил внимание, что облака расступались перед ним на расстоянии около метра. Облака как бы обтекали папу со всех сторон. Он как бы находился в сфере из толстого стекла. Ни один звук не доносился до него. Зато изображение было красоты необычайной. А вот сила тяжести пропала совсем. Папа буквально парил в небе. Поднявшись ещё выше, он как чайка Джонатан Ливингстон стал носиться среди облаков, кувыркаясь и делая всевозможные фигуры. Он совсем забыл, что он папа и что совсем ещё недавно он и представить себе не мог, что всё это возможно. Папе казалось, что так было всегда и что этот сон никогда не закончится… Так прошло минут пять. Наконец папа очнулся и стал снижаться. Оказалось, что он улетел довольно далеко. Спустившись ниже облаков и поняв — где он находится, папа на бреющем полёте устремился обратно к дому. Завидев дом и дядю Алика издалека, папа стал потихоньку сбрасывать скорость и высоту. Когда скорость стала совсем маленькой, папа обратил внимание, что появился звук. До него стало доноситься птичье пение и шелест деревьев. Он ощутил на лице дуновение ветра и увидел, как колышутся ворсинки на шапке. Поравнявшись с дядей Аликом, папа совсем сбросил скорость и, как на лифте, плавно приземлился рядом с ним. Первую минуту папа не мог произнести ни слова. Его глаза горели таким огнём, что дядя Алик решил дать ему возможность отдышаться и только потом они принялись громко и бурно обсуждать произошедшее. Это был полный триумф. О таком результате они и мечтать не могли…

Но оказалось, что Стёпин папа видел далеко не всё. Снизу его полёт выглядел не менее удивительно. Сначала, когда он поднимался вверх и летел на маленькой скорости, он выглядел вполне обычно, если только можно считать обычным чьего-то папу, летающего по воздуху на самокате. Но потом — когда папа увеличил скорость, он стал похож на светящийся шар. А когда этот светящийся шар ещё прибавил скорости, он вообще пропал из виду. Дядя Алик сначала очень испугался и решил, что случилась беда, но потом он вспомнил, что некоторые предметы тоже пропадали из виду, когда попадали в антигравитационное поле надкрыльев. Дядя Алик немного успокоился, но Стёпин папа всё не появлялся и не появлялся. Прошло уже, наверное, полчаса и дядя Алик не знал, что ему делать. В этот момент светящийся шар опять появился. Немного с другой стороны и гораздо дальше, чем он был до исчезновения. По мере приближения шар терял скорость и опять превратился в Сониного папу…

— Как, неужели я летал так долго? Мне показалось, что я летал минут пять-шесть…

Дядя Алик вспомнил, что при изучении «эффекта полостных структур» его часы также вели себя странно. Решили провести ещё один эксперимент. На этот раз летать была очередь дяди Алика. Стёпин папа подробно проинструктировал его по всем вопросам. Потом они сверили часы. Часы папы отставали больше, чем на 20 минут. Сравняв показания часов, они договорились, что через пять минут дядя Алик должен будет вернуться. Когда секундная стрелка часов дошла до верхней отметки, дядя Алик плавно оторвался от земли и по диагонали стал набирать скорость и высоту. Как только он поравнялся с верхушками деревьев, он действительно превратился в большой мыльный пузырь, внутри которого ничего нельзя было рассмотреть потому, что он отражал всё, что было вокруг него. Скорость его возрастала, и в какой-то момент времени пузырь исчез, словно растворился в воздухе. Стёпин папа машинально посмотрел на часы и отметил, что прошла минута со времени старта. Когда на его часах прошло 27 минут, светящийся шар опять появился. Он вынырнул из ниоткуда, и стал снижаться, постепенно уменьшая яркость своего свечения. Метрах в тридцати от земли шар превратился в дядю Алика. Но не совсем… Светящимися шарами были глаза дяди Алика. Таких глаз Стёпин папа отродясь ещё не видел.

— Неужели и у меня были такие же глаза? — подумал он и опять машинально посмотрел на часы. Прошло 28 с половиной минут.

Дядя Алик чуть-чуть не рассчитал и выкрутил рукоятку высоты до упора немного раньше, когда был ещё в воздухе на высоте около метра. Самолёт послушно выполнил команду и упал вместе с дядей Аликом в мягкую траву. Высота была небольшая, ватные штаны и телогрейка смягчили удар, и всё обошлось. Отдышавшись и придя в себя после головокружительного полёта, дядя Алик сверил часы со Стёпиным папой. Разность во времени составила 23 с хвостиком минуты. Таким образом, папы пришли к выводу, что время в «пузыре» замедлялось. Это было ещё одно их великое открытие. На сегодня великих открытий было достаточно и, прихватив самолёт, папы отправились в дом.

Все их манипуляции остались никем не замеченными. Мама рисовала у себя в мастерской, а Соня вместе со Стёпой с утра отправились на речку.

Со времени их путешествия на Остров Баскервилей, Соню не покидала мысль о бедных муравьях, которых оккупировали наглые ломехузы. Она не могла смириться с мыслью, что скоро

все муравьишки погибнут или превратятся в каких-то мутантов — псевдоэргатов. Дни и ночи напролёт Соня продумывала план спасательной экспедиции. Какие только варианты она ни рассматривала. От самых фантастических — типа создания армии управляемых роботов-муравьёв и войны с ломехузами, до разборки муравейника по прутику и эвакуации всех живых муравьёв с последующей реабилитацией их в муравьином вытрезвителе…

Как это ни было похоже на Соню, но на этот раз она решила действовать обдуманно, и не бросаться опрометчиво в очередную спасательную афёру. Душа подсказывала ей, что на этот раз дело действительно серьёзное и торопиться не следует. Когда все предложения разума были рассмотрены и отвергнуты, Соня решила прибегнуть к помощи Души. Сформулировав чётко и внятно свой вопрос, она села на кровать и принялась очищать свой разум от шума. В этот раз ей удалось угомонить свой ум довольно быстро. Через пять минут лист перед ней был уже абсолютно белым. Ум молчал. Молчала и Душа. Ни шороха. И тут раздалось знакомое жужжание. Это Муся вдруг решила размять затёкшие крылья и сделать кружок-другой вокруг Сониной головы.

— Муся, ну как тебе не стыдно? — подумала Соня.

Муся, как будто услышав эти мысли, моментально затихла. Но Соня уже не могла избавиться от мыслей о ней. Как навязчивая муха, слово «Муся» стало лезть на белый лист, жужжать в ушах и даже щекотать в носу.

— Муся. МУСЯ. МУ-СЯ!!! — кричало оно.

— Стоп. Муся… А ведь Муся-то как раз — это то, что мне и нужно, — обрадовалась Соня и расцеловала испуганную муху.

— Муся, ты должна будешь найти царицу муравьёв и всё рассказать ей. Пусть она прикажет своим солдатам прогнать этих противных ломехуз и никогда больше не пускать их…

Муся внимательно слушала Соню, слегка повернув голову набок — как собака.

— Дело очень опасное, ты можешь отказаться, — говорила Соня дрожащим голосом, понимая, что отправляет Мусю на верную смерть. Но другого выхода у Сони не было. И Муся это понимала. Ни один мускул не дрогнул на её мужественном… в общем не дрогнул. Ни один. Ради Сони Муся была готова на всё. Она молча выслушала все инструкции и наставления по технике безопасности. Соня раздобыла у папы план муравейника и весь вечер они с Мусей прорабатывали различные варианты проникновения в царицыны покои, и возможные пути отхода…

— Эх, жалко что «уменьшатора» у меня нет. Я бы пошла с

тобой, — сокрушалась Соня, обдумывая, какие ещё непредвиденные обстоятельства она не учла. Наконец подготовка была закончена, и Соня с Мусей забылись тревожным сном. Всю ночь Соню мучили кошмары. Ей снилось, что Мусю захватили коварные ломехузы, привязали на прутик лапкми кверху — как поросёнка, и тащат её на костёр. Муся беспомощно таращила на Соню свои красноватые глазки, а Соня ничем не могла ей помочь. Потом Соню осенила блестящая мысль. Она крикнула Мусе:

— Лети!

Муся послушно зажужжала и поднялась в воздух вместе с прутиком и несколькими ломехузами, которые несли её на костёр. Жужжа, она стала кружить вокруг Сони, пока та не проснулась. Муся — бодрая и бесстрашная, рвалась в бой и действительно жужжала у Сони на подушке. Соня вскочила, моментально собрала свой рюкзачок и, слегка подкрепившись, они вместе отправились к Стёпе, с которым накануне договорились обо всём.

Стёпа был верный товарищ. Он не стал отговаривать Соню и был готов на всё ради её спокойствия. Впрочем, ему тоже было жалко несчастных муравьишек и, если был шанс им помочь, то Стёпа не мог им не воспользоваться.

Проходя мимо Сашиной норки, Соня печально посмотрела на то место, где они так нехорошо расстались с Сашей. Что-то внутри толкало её позвать Сашу — помощники им сейчас были очень нужны, но мысли о возможной встрече с Серёжей не позволили этому чему-то воплотить его намерение.

Стёпа не мог не заметить эту внутреннюю борьбу на Сонином лице. Он всё понял и, чтобы подбодрить Соню сказал:

— А Саша наверняка дрыхнет, как… суслик.

Соня горько усмехнулась в ответ — она тоже поняла, что Стёпа пытается её подбодрить. Но тут из-под земли зазвучал знакомый голос:

— …Кто обзывается — сам на себя…

— Саша, выходи! — обрадовалась Соня и бросилась к норке.

Саша не заставил себя долго ждать и уже торчал как столбик, щурясь от яркого солнца. Соня кратко обрисовала ему план их миссии и предложила принять в ней самое непосредственное участие. Саша не вполне разделял Сонину озабоченность судьбой муравейника, но делать ему было нечего, и от скуки он решил принять предложение. Теперь путь экспедиции лежал к дяди Бориной сторожке. Ещё издали, подходя к ней, они услышали звуки гитары, и голос самого дяди Бори. Это обнадёживало — ведь без дяди Бори никакой экспедиции состояться не могло. Подойдя ещё ближе, они услышали следующее:

— Всё суета сует и всяческая суета… но даже суета бывает та или не та… — нараспев проговаривал дядя Боря, пытаясь подобрать нужный аккорд под этот… текст.

Текст был слегка странный, и Стёпа решил, что дядя Боря опять прибег к помощи стимулятора. На их стук в дверь раздалось бодрое: «Прошу», и вся компания очутилась внутри коморки.

Дядя Боря сидел за столом. В руках у него была гитара, а на столе стоял стакан в подстаканнике, лежал лист бумаги и карандаш. В стакане было что-то, похожее на чай и у Стёпы отлегло от сердца. Дядя боря, судя по всему, сочинял новую песню и, когда они вошли, он как раз что-то записал на бумажке.

— А, ребята. Милости прошу. Проходите, присаживайтесь. Сейчас мы будем пить чай… Хм… хорошая строчка, — и дядя Боря опять что-то пометил карандашом. — У меня теперь особенный чай. Иван-чай. Сейчас он как раз цветёт… — дядя Боря чиркнул на листочке очередную пометку и продолжил:

— Самое время его запасать. У меня есть секрет. Я его сначала на мясорубке прокручиваю. Потом в тепле держу — начинается ферментация. Потом на солнышке сушу. Получается живой чай. Очень вкусный и главное — полезный… И завариваю не кипятком. Только вода начинает шуметь — сразу огонь выключаю и завариваю… Так что не сомневайтесь и не стесняйтесь — рассаживайтесь вот тут… Мне приятно делать гостям приятно, — тараторил дядя Боря, периодически помечая что-то на бумажке.

— А это кто? По-моему я тебя раньше не встречал, — сказал дядя Боря, заметив Сашу.

— Это Саша. Он из семейства сусликов… и наш друг.

— Замечательно. Куда путь держите? — спросил дядя Боря, разливая по чашкам душистый Иван-чай.

Соня, как застрельщица всего мероприятия, стала сбивчиво объяснять дяде Боре цель их похода, робко отхлёбывая из чашки ароматный напиток. Дядя Боря слушал внимательно, не перебивая. Только изредка что-то помечал у себя на бумажке.

— Да-а-а, дела-а, — сказал он, когда Соня закончила свой рассказ. — Ну что ж… я конечно не против спасения муравьишек. Вот только… не представляю себе, как эта… Муся сможет проникнуть в самое сердце муравейника, обмануть охрану… Ведь для муравьёв она самая настоящая… еда. Даже для пьяных… Закуска из неё — то что надо… — сказал дядя Боря таким голосом, что Мусю всю аж передёрнуло.

— А что же делать? — в отчаянии воскликнула Соня. Все её тревоги и сомнения вспыхнули с новой силой.

— Ну, во-первых — не переживать. Пейте чай и не волнуйтесь. Что-нибудь придумаем…

— Да как же не волноваться? Ведь Мусю могут съесть…

— Пока что ей ничего не грозит. Просто так на съедение мы её не отдадим. Что-нибудь придумаем… Главное — это сохранять спокойствие и… гармонию.

— Какую ещё гармонию?

— Гармонию мира…

— А что это такое?

— Это? Ну, как сказать? Гармония мира… она… она не знает границ. Вы пейте, пейте. Вот ещё подливайте, тёпленького… Дело тут вот в чём. Я давно заметил, что Мир — это сплошная гармония. То есть он, как мелодия. Красивая мелодия. Всё в нём ладно. Одна нота перетекает в другую. Стройно, без единой фальши. Как говорят музыканты: полный консонанс. А вот мы всё норовим порушить этот консонанс. Вносим диссонанс своими метаниями, переживаниями… желаниями… Мир течёт как река, а мы бьём руками по воде, нарушаем плавное течение… Суетимся, пытаемся привлечь к себе внимание. Создаём такой… всплеск на воде…

— А Миру это не нравится?

— Конечно. Миру не нужны всплески… Суета… Он никуда не спешит…

— И что он делает?

— Он… он гасит эти наши всплески…

— А как?

— Он посылает некие силы, которые уравновешивают все наши волны… прекращают качку…

— А что это за силы?

— Ну… это… не знаю, как их назвать… Равновесные силы, скажем так…

— А как они выглядят?

— А как угодно. Сами силы никто не видит. Но их действие может выглядеть как болезни, неприятности, проблемы. Если нам что-то мешает — значит, мы что-то делаем не так. Если мы всё делаем так, то Мир нам помогает…

— А что я делаю не так? — спросила недоумённо Соня.

— Ты? Ты придаёшь чрезмерное значение своей… идее. Завышаешь её важность. Для тебя Мир перестаёт существовать. Только твоя идея…

— Да… А это плохо?

— Это не правильно. Ты как будто всё время бьёшь в барабан. Привлекаешь к себе внимание… Отпусти важность своей идеи. Пусть она будет, но… пусть она будет не такой важной… Разреши

и другим инструментам звучать в тебе… И Мир тебе поможет…

— А как это сделать?

— Успокоиться. Сказать себе: «Всё в порядке. Нет проблем…»

— Как в мультике, — поддержал Стёпа. — Акуна Матата.

— Точно, — обрадовался дядя Боря и опять что-то записал у себя на листочке.

— Акуна матата, Соня, — запел он и стал подыгрывать себе на гитаре. Соня улыбнулась, и тревога ушла из её сердца.

Тут Саша внезапно прервал молчание:

— А где сидит эта… царица муравьёв? — спросил он.

— Она находится в камере, которая расположена в самом низу муравейника. Под землёй…

— А как она выглядит? В короне что ли?..

— Нет. Как муравей… только с крылышками… А что?

— Я могу попробовать прорыть нору снизу муравейника и попасть прямо к царице…

— Ур-а! — закричала обрадованно Соня и тут же зажала себе рот, боясь произвести всплеск и нарушить гармонию Мира.

— Вот видишь — я же говорил, что выход найдётся. Отпусти проблему и она решит себя сама… Вернее, Мир поможет нам её решить, ну и Саша конечно, — улыбнулся дядя Боря.

Обсудив ещё кое-какие детали и прихватив кое-что из снаряжения, команда спасателей направилась к лодке. Добрались быстро и без приключений. Саша раньше никогда не плавал на лодке, и ему путешествие очень понравилось. Дядя Боря всю дорогу напевал на разные лады Акуну Матату, гребя вёслами. А все остальные, включая Мусю, хлопали, стучали, шуршали и жужжали в такт песни. Дядя Боря грёб тихо и без всплесков, так что гармония была полная. Муравейник тоже отыскали довольно быстро. Никаких перемен в нём пока не произошло. Вокруг муравейника по прежнему слонялись псевдомуравьи — лентяи, которые совсем не обращали внимания на расположившуюся лагерем экспедицию.

Не тратя времени попусту, Саша тут же принялся рыть подкоп. Он прикинул на глаз направление и глубину тоннеля, поплевал на руки и перешёл к делу. Надо признаться, что рыть он был мастер. Не прошло и минуты, как его уже и след пропал. Из только что образовавшейся норы так и летели горсти земли — одна за одной. Периодически земля переставала лететь — Саша зарывался всё глубже и глубже. Потом он принимался выбрасывать накопившуюся землю, и всё повторялось. Возле входа в нору выросла уже целая куча земли. Сначала она была чёрная, потом постепенно пожелтела — видимо Саша докопался до песка. Потом, на какое-то время, всё затихло, после чего опять

полетели комья — на этот раз уже серого цвета. Видимо, Саша забурился в пласт глины. Соня сначала порывалась помогать ему, но всякий раз попадала под душ из песка и земли.

— Акуна Матата, Соня, не шебурши, — успокаивал её дядя Боря, и Соня отходила в сторону, отряхиваясь и отплёвываясь.

Наконец мелькание комьев земли надолго стихло. Прошло уже минут десять, а Саша всё не появлялся. Соня, не смотря на Акуну Матату, опять заволновалась и стала прилаживать фонарик себе на голову, готовясь идти на выручку Саше. Тут внезапно опять посыпалась земля, вперемешку с чем-то трухлявым, пахнущим плесенью и болотом. Потом показался Саша, весь перепачканный в глине и песке.

— Фу-х, — сказал он, переводя дыхание. Там у них старый пень внутри. Большой. Никак не подрыть под него… В глине прямо сидит… Корней — куча…

— Эх, мне бы пойти — я бы их мигом все перегрыз, — ударил рукой себя по колену дядя Боря.

— Не-е. Вы не пролезете… слишком большой… Ща я отдышусь и ещё попробую… Может, получится его обойти. Я, конечно, не крот, но думаю, что справлюсь…

Саша вытер пот со лба рукой, отряхнулся как следует, и опять исчез в норе. Минут через десять он вынырнул.

— Ну, как? — подскочила к нему Соня.

— Кажется, есть, — сказал устало Саша. — Дайте мне фонарик и какую-нибудь коробочку…

Соня прикрепила на лоб Саше походный фонарик, а дядя Боря дал ему алюминиевый цилиндр с крышечкой — когда-то в нём была сигара, а теперь дядя Боря хранил там спички в лодке — чтобы не намокали. Саша взял цилиндр, включил фонарик и моментально исчез в норе. Через пять минут он появился, бережно держа в руках цилиндр.

— Вот, принёс, — сказал он и аккуратно положил цилиндр на землю. — Она кажется спит…

Соня сбегала к своему рюкзачку и принесла оттуда небольшую подушечку. Затаив дыхание, она осторожно открутила крышечку цилиндра и наклонила его над подушечкой. Раздалось лёгкое шуршание, посыпались мелкие песчинки и вдруг на подушечку выпала… выпал большой муравей с длинным брюшком и прозрачно-воздушными крылышками. Муравей упал на подушку и не двигался.

— Да, это она! — радостно воскликнула Соня, которая как следует подготовилась к экспедиции и знала, как должна выглядеть царица лесных муравьёв.

Муравей продолжал лежать на подушечке без движения и,

как будто, не дыша.

— Неужели она умерла? — воскликнула Соня в отчаянии.

В это время царица слегка пошевелила усиками, и из-за Сониной спины раздался вздох облегчения. Соня достала из кармана маленький пузырёк и капнула из него какую-то жидкость себе на палец. Потом она поднесла палец к голове царицы.

— Это сахарный сироп. Они его очень любят. Ей надо подкрепиться — она очень ослабла, — стала объяснять Соня свои действия. Царица опять пошевелила усиками. Учуяв запах любимого лакомства, она потрогала Сонин палец с капелькой нектара своим щупиком, который располагался возле челюстей, называемых жвалами. Соня пододвинула палец ещё ближе и вдруг капелька стала уменьшаться, пока совсем не исчезла под одобрительный гул всех членов экспедиции. Соня налила ещё немного нектара, а дядя Боря предложил всем отойти в сторонку.

— Не будем им мешать. Соня знает, что надо делать…

Пока Соня и Муся колдовали над муравьиной царицей, все остальные занялись своими делами. Саша лежал и отдыхал после изнурительного тоннелестроения. Стёпа захотел просто побродить по лесу и полюбоваться красивыми растениями. А дядя Боря не стал терять времени даром и решил отыскать корень дягеля.

Через полчаса Соня встала и все поспешили к ней.

— Ну что там? Как успехи?

— Кажется, всё получилось. Мы с Мусей всё ей рассказали, и она вроде бы нас поняла.

— А откуда ты знаешь? Разве она умеет говорить?

— Я услышала её… Голос… Он прозвучал прямо у меня в голове… Сначала мы долго всё объясняли ей. Про ломехуз этих, про то, что муравейник может погибнуть… Потом я включила «молчание ума» и через какое-то время услышала слабый голос. Он сказал… Не сказал… Но я услышала…

— А что она тебе сказала?

— Сказала спасибо. Сказала, что всё поняла. Она даст команду своим слугам, и они с помощью запаха разнесут приказ царицы по всему муравейнику и наведут порядок в нём.

— А как её зовут, она не сказала? — спросил Стёпа.

— Сказала, но я не знаю, как это произнести…

— А на что это похоже?

— На… музыку…

— Ну, спой, — предложил дядя Боря.

Соня задумалась, потом попыталась спеть несколько нот. Получилось протяжное А-и-е.

— Нет, не могу… Хотите, я буду думать, а вы послушайте…

Все окружили Соню плотным кольцом, закрыли глаза и постарались уловить её мысли. Стёпа сначала ничего такого не слышал, как вдруг… в его Душе зазвучала прекраснейшая из мелодий. Она была короткая — всего три ноты, но ничего красивее её Стёпа никогда не слышал. Он забыл обо всём на свете и вывалился из Пространства и Времени, как будто его околдовали… Когда он открыл глаза — круг уже разомкнулся, но было видно, что все услышали эту дивную музыку. Лица у всех светились, и всем было радостно и спокойно на Душе.

Соня аккуратно положила царицу обратно в цилиндр, и Саша с большими предосторожностями доставил её на место, замазав камеру глиной и засыпав её землёй. Пришло время возвращаться домой. Настроение у всех было приподнятое. Всю дорогу до реки только и разговоров было про Сашину доблесть. Саша был герой дня. Если бы не он — ничего бы не вышло.

Когда стали грузиться в лодку — откуда ни возьмись, появился ещё один бобёр. Это был приятель дяди Бори — дядя Витя. Они как следует обнялись, и дядя Боря представил дядю Витю. Оказалось, что он тоже любит музыку и пишет иногда песни. Дядя Боря познакомил дядю Витю со свей командой, и рассказал про Сашины подвиги. Дядя Витя был рад знакомству, и пообещал написать песню про Сашу и его геройство. Забегая вперёд скажем, что своё обещание дядя Витя выполнил и написал песню, которая так и называется: «Саша».

На обратном пути Соня разговорилась с Сашей. Саша вначале смущался — ему до сих пор было неудобно за поведение своего друга Серёжи. Но постепенно напряжение ушло, и доверие между ними восстановилось. Саша очень зауважал Соню — за её целеустремлённость и доброту. А уж как Соня зауважала Сашу за его храбрость и мастерство — и говорить не приходится. Теперь они крепко сдружились, и Стёпа был рад, что когда он уедет в город, Соня не останется одна.

На берегу все долго прощались и обнимались с дядей Борей. То, что они пережили вместе, когда слушали имя царицы муравьёв, сделало их Души ещё более родственными, чем раньше. Теперь у них была общая тайна, которую они, даже если бы захотели, никому не смогли бы рассказать. Дядя Боря поспешил к своей гитаре, вдохновлённый и окрылённый. Стёпа с Соней проводили Сашу домой, договорившись завтра опять встретиться, и расстались у развилки.

Глава 27. Совесть

Когда Стёпа вернулся домой, папы ещё не было. Стёпа пожалел, что не пошёл вместе с Соней — ему не терпелось узнать, чем же занимались их папы. Когда папа, наконец, явился домой, его было не узнать. Стёпа сам был в приподнятом настроении и горел желанием рассказать папе об их успешной экспедиции на Остров Баскервилей. Но когда он увидел лицо папы — он забыл и про остров и про царицу и про всё остальное. Это было не лицо. Это было…

Солнце, наверное, выглядело бы чёрной дырой, если бы его сейчас решили сравнить с папиным лицом… Наполеон при Аустерлице позорно бежал бы при одном только виде триумфатора — папы…

Но каково же было Стёпе, когда папа отказался рассказывать о причинах своего сияния, ограничившись скупым: «Завтра сам всё увидишь». Пришлось Стёпе вспоминать о своих приключениях и докладывать о них папе. Папа, не смотря на свой триумф, был очень горд Стёпой за то, что тот участвовал в таком благородном деле.

На следующий день Стёпа еле дождался конца пробежки, и с нетерпением ждал, пока папа прожуёт своих комаров. Всю дорогу к Соне он тащил папу, как буксир тащит баржу. И спешил он, как оказалось не зря. Когда они с папой прибыли на место, выяснилось, что Соня с мамой уже прокатились на самолёте. Ещё вчера. Дядя Алик не смог удержаться и устроил для них презентацию. Соня с горящими глазами, взахлёб стала рассказывать Стёпе об изобретении их пап и описывать все радости, которые он должен испытать в воздухе — как бы поощряя Стёпу не откладывать полёт и самому ощутить все его прелести. Наивная. Знала бы она, как долго Стёпа мечтал об этом. И, не смотря на то, что Стёпа, который своим намерением сделал возможным этот полёт для всех, а сам оказался последним, кто ещё не летал — он не обиделся и радовался вместе с Соней.

Потом дядя Алик сходил в сарай и Стёпа, наконец, своими глазами смог увидеть чудо инженерной мысли его папы. Самолёт его поразил своей простотой. После эмоционального Сониного рассказа, Стёпа был готов увидеть всё, что угодно, только не деревянный самокат без колёс. Даже если бы дядя Алик выкатил из сарая небольшой реактивный истребитель или, на худой конец, среднего размера гравицапу, Стёпа удивился бы меньше. А теперь он был готов поверить, что его разыграли, и никакого

полёта не будет. Но папа, не замечая Стёпиной растерянности, предложил ему для начала прокатиться вместе с ним — пока Стёпа не освоится с управлением. Папа встал на платформу и взялся за руль. Стёпа встал впереди него и крепко схватился за вертикальную стойку руля. Его роста хватало для того, чтобы всё хорошо было видно. Скафандр из телогреек и шапок решили не одевать — при аккуратном управлении нужды в нём не было. Всё было готово к полёту, и самолёт стал медленно взлетать…

Сначала Стёпа почувствовал себя как на колесе обозрения. Они плавно поднимались, а всё вокруг них плавно опускалось. Скорость была совсем маленькая, но всё равно — внутри Стёпиного живота образовался какой-то пузырь и стал медленно подниматься к его горлу. Когда они поднялись выше деревьев, папа сказал, чтобы Стёпа держался крепче, и самолёт стал быстро-быстро набирать высоту и скорость. Стёпу слегка придавило к платформе и заложило уши. А пузырь, который только подбирался к горлу, вдруг стал размером с самого Стёпу. Это был пузырь восторга. Он наполнил Стёпу всего до последней клеточки. Стёпа готов был лопнуть от этого восторга. Дышать он уже не мог. Он смотрел вниз и по сторонам, не веря своим глазам. Казалось, что все органы чувств тоже смотрели по сторонам, забыв о своих обязанностях. Слух пропал совсем. Дыхание было каким-то нитеобразным. Без запахов. Рук и ног Стёпа не чувствовал. И только глаза ещё продолжали с ним сотрудничать, периодически отвлекаясь, увидев что-то необычное. А смотреть там было на что…

Чем выше они поднимались — тем больше всего представало их взору. При этом линия горизонта вместо того, чтобы загибаться вниз — почему-то загибалась немного вверх. Это было странным и, скорее всего, связано с тем, что самолёт во время полёта находился в некой прозрачной сфере, которая снаружи выглядела как светящийся шар. Эта сфера и давала такое искажение. Но Стёпа очень быстро перестал обращать на это внимание. Они уже были довольно высоко. Облаков сегодня почти не было и ничто не мешало им видеть всё, что происходило внизу и вокруг них. Деревня уже пропала из виду. Вокруг были только бескрайние леса и луга. Сзади ещё была видна речка с бесконечными протоками и озерками. Папа выкрутил рукоятку высоты до упора и самолёт забрался на такую высоту, что линия горизонта всё-таки ушла вниз, и стало видно, что Земля всё-таки круглая. Стёпа продолжал вертеть головой во все стороны и восторг, который распирал его изнутри, вырывался из глаз и бил во все стороны. И не смотря на это, давление восторга не уменьшалось. Казалось, что его напор был неиссякаем. Вдруг

Стёпа ощутил какую-то вибрацию. Она шла сверху, и Стёпа машинально поднял голову. Он увидел, что папа смотрит на него и что-то говорит. Но слышно ничего не было. Еле-еле до Стёпы доносились какие-то звуки, похожие на голоса китов, когда они переговариваются между собой в океане. Стёпа немного испугался, но папа улыбнулся и стал показывать пальцем куда-то вперёд. Стёпа посмотрел туда и увидел, что папа показывает ему на облака, которые были видны прямо по курсу. Папа направил руль на облака и выкрутил ручку скорости до упора. Облака стали очень быстро приближаться. Папа снизил высоту, и они на полной скорости врезались в большое и пушистое облако. Это было так здорово, что Стёпа аж взвизгнул от восторга. Восторг, которому и так было тесно в Стёпе, уже просто хлынул из него. Впрочем, своего голоса Стёпа тоже не услышал. Только ощутил какую-то вибрацию у себя в голове. А папа принялся утюжить облака вдоль и поперёк. Он то взлетал над ними, то с разбегу нырял внутрь и пронизывал их насквозь, выныривая снизу. Потом папа делал мёртвую петлю, переворачиваясь вниз головой и, набирая высоту, опять оказывался над облаками. Стёпа сначала испугался, когда оказался вниз головой, и ещё сильнее вцепился в стойку руля. Но, увидев, что гравитации больше нет, и ничего ему не угрожает, он успокоился и опять уступил место восторгу, который всё прибывал и прибывал. Казалось, что в Стёпе был уже не один восторг, а несколько. Было похоже, что его восторг позвал в гости в Стёпу всех своих родственников и друзей. И теперь в Стёпе умещалась целая компания восторгов. Вернее не умещалась. Эти восторги лились из Стёпы как из ведра… как из шланга… из брандспойта… Теперь не только глаза, теперь весь Стёпа источал эти восторги. Если бы на Стёпе был прибор, который измеряет счастье, то его циферблат давно бы уже лопнул, стрелка улетела бы вправо до упора, а красная лампочка перегрузки надулась бы и позеленела от… перегрузки.

Наконец, накувыркавшись как следует в облаках, папа снизился и взял обратный курс. Они с крейсерской скоростью понеслись домой. Под ними быстро проплыли синие тени от облаков, и стал надвигаться лес. Папа ещё немного снизился, не сбавляя скорости, и лес побежал под ними как большой зелёный ковёр. С размаху проскочив лес, папа со Стёпой вылетели на просторы реки. Поняв, где они находятся, папа развернул самолёт и полетел в сторону деревни, потихоньку снижая скорость и высоту. Возвращались они уже с другой стороны. Стёпа видел внизу знакомые места. Вот река закончилась и проплыла сторожка дяди Бори со спичечным коробком туалетика рядом… Вот их дом проскочил внизу, и Стёпа даже не успел заметить —

что там и как. Наконец папа совсем снизил скорость, и они стали плавно приземляться. Дядя Алик, Соня и мама всё ещё были во дворе. Они сидели на скамеечке за столом и пили чай, когда увидели светящийся шар, летящий прямо на них. Поравнявшись с домом, папа выключил скорость, и самолёт стал плавно опускаться вертикально вниз. Когда они приземлились, Стёпа всё ещё сжимал руками стойку и смотрел перед собой стеклянными глазами как зачарованный. Папа потрепал его по голове и Стёпа услышал его привычный голос:

— Ну как, понравилось?

Вопрос был довольно глупый, но Стёпа решил на него ответить. Однако его органы продолжали жить своей жизнью. Всё время полёта Стёпа провёл с открытым ртом. Восторгам было так тесно в нём, что если бы он не открыл рта, то восторги разорвали бы его изнутри. Теперь же Стёпа захлопнул рот и только промычал в ответ, качая головой вниз и вверх. Он стоял, как пришибленный. Если в воздухе всё рвалось из него наружу, то теперь было ровно наоборот. Звуки, запахи, гравитация — всё устремилось к нему и облепило его со всех сторон плотным комом. Стёпа был оглушён и ослеплён. На ватных ногах он попытался было слезть с самолёта, но чуть не упал. Всё плыло у него перед глазами. Голоса опять стали китовьими. Стёпа сквозь туман видел, что Соня что-то ему говорит, но слов он разобрать не смог. Был сплошной гул, а перед глазами возникло целое облако мурашек, которые шумели и пульсировали, не пропуская ничего перед собой. Наконец облако рассеялось, и звуки из китовьих стали постепенно превращаться в обычные. Стёпа навёл резкость, и опять увидел Соню, которая всё это время тарахтела не умолкая:

— …облака… А сверху солнце… Ващще… Скажи, круто? Я такого никогда не видела…

Что Стёпа мог сказать? Конечно, круто. Кто бы спорил…

Оказалось, что они летали больше двух часов по земному времени. Этот феномен ещё предстояло изучить. Так же, как и полный вакуум внутри сферы, которая окружает самолёт во время полёта. Стёпа обошёл самолёт вокруг. Теперь он смотрел на него совсем другими глазами. Никакая гравицапа не смогла бы вызвать большего Стёпиного уважения, чем этот невзрачный самокатик.

Папа решил, что этот самолёт останется у дяди Алика, а им они построят другой — такой же. Антигравитационных пластинок напечатано было достаточно. Стёпа с Соней подпрыгнули от радости — теперь они смогут летать вдвоём! Оставив пап мастерить второй самолёт, Стёпа с Соней отправились к Саше —

ведь они вчера договорились о встрече.

Саша был на месте. И не один. Ещё издалека Стёпа с Соней увидели широкую серую спину. Это был Серёжа. Не сговариваясь, Соня и Стёпа — как по команде замедлили шаг. Этой встречи они совсем не ждали. Но отступать было некуда и, пересилив себя, Стёпа зашагал вперёд, держа Соню за руку. На ходу Стёпа стал вспоминать все Улины наставления и настраивать себя на дружественный лад. Соня же тревожно моргала глазами и, на всякий случай, поправляла кепку на голове.

Серёжа с Сашей сидели у края Сашиной норы, свесив ноги вниз и болтая ими. Саша рассказывал Серёже про их вчерашнее приключение. Серёжа грыз семечки, плюя лушпайки куда попало, и вполуха слушая Сашину болтовню. Когда они услышали приближающиеся шаги, Серёжа оглянулся и, увидев Соню со Стёпой, сразу оживился:

— А, семеро смелых? Ну, как делишки? С чем пожаловали?

Стёпа, помня о том, что необходимо нащупать ключ к Серёжиной Душе, не ставя под сомнение его значимость, решил не спешить и, тщательно подбирая слова, ответил:

— Привет, ребята. А мы… вот решили… Я думаю, нам лучше помириться… А то как-то…

Серёжа, не ожидая такого вступления, совсем развернулся к Стёпе и с интересом смерил его взглядом.

— Ладно, давай… — произнёс он, и вдруг стал быстро-быстро бубнить — как будто сыпать горох:

Мирись, мирись, мирись,
И больше не дерись.
А если будешь драться,
Я буду кусаться.
А кусаться не при чём,
Буду драться кирпичом.
А кирпич ломается,
Дружба начинается!

Протарахтел скороговоркой Серёжа хорошо заученный текст. По всему было видно, что ссориться и мириться для Серёжи так же просто, как для Стёпы теперь ловить комаров…

Стёпа с Соней невольно заулыбались, и напряжение растворилось в воздухе.

— Садитесь… Семок хотите? — добродушно протянул кулак, наполненный семечками Серёжа.

— Давай…

Серёжа насыпал Стёпе и Соне в ладошки по горсти семечек и

слегка подвинулся, уступая место. Стёпа щёлкнул одну семечку, но почувствовал, что она жареная. Он переглянулся с Соней, но решил не подавать виду. Стёпа подумал, что сейчас лучше и не заикаться про живую и мёртвую еду.

— Так чё там дальше-то было? Докопался ты до этой королевы-то? — переключил своё внимание Серёжа опять на Сашу.

Саша, смущаясь перед Соней и Стёпой, кое-как закончил свой рассказ. Серёжа опять повернулся к Стёпе.

— Муравьёв, значит, любите? — с насмешкой спросил он.

— Любим, — не без достоинства ответил Стёпа. — А ты что любишь?

— Я-то? Семки вот люблю…

— А больше всего что любишь? — продолжал Стёпа, соблюдая правила Глеба Жеглова.

— А тебе зачем? — заподозрил неладное Серёжа.

— Так… интересно… — как можно доверительнее произнёс Стёпа и щёлкнул ещё одну семечку.

— Ну чё? Чё? Много чего люблю… Чипсы там, сухарики… газировку… печеньки всякие… Не, больше всего морожку люблю. Крем-брюле…

— Ой, и я тоже! — обрадовался Стёпа, но потом вспомнил, что мороженое он теперь не ест.

— Саша, а ты что любишь? — вступила в разговор Соня.

— Саня у нас горох обожает, — ответил Серёжа вместо смущённого Саши, чем засмущал его ещё больше.

— Правда? Я тоже горох очень люблю, — хлопнула в ладоши Соня. — Особенно молоденький. Он такой сладенький…

— А я знаю, где горох растёт. Айда со мной, — вскочил довольно резво для своей комплекции Серёжа.

Никто возражать не стал, все подхватились и последовали за Серёжей, который продолжал лузгать семечки и плевать в разные стороны шелуху. Стёпа за спиной у Серёжи украдкой выбросил свои семечки под куст. Соня сделала то же самое.

Пройдя до конца деревни и свернув в сторону, компания пошла к видневшемуся впереди зелёному полю. Серёжа шёл впереди, и было видно, что он тут частый гость. Стёпа шёл следом, оглядываясь по сторонам. Замыкали процессию Саша с Соней.

— А тут сторожа нет? — вполголоса спросил Стёпа.

— А чё? Боисся?

— Нет… но… может нельзя?..

— Не дрейфь, — успокоил Стёпу Серёжа и свернул прямо в поле. Вся компания растянулась по одному и гуськом пошла по

едва заметной тропинке. Поблуждав немного, Серёжа вывел всех на небольшую полянку.

— Всё. Налетай, — показал он вокруг себя руками, и первый подал пример, сорвав зелёный скрипящий стручок и очень профессионально разделав его.

Высыпав всё содержимое стручка себе за щёку, Серёжа с наслаждением зачавкал, отчего его глаза превратились в узенькие щёлочки. Никто не заставил себя уговаривать. Все рассыпались в разные стороны, и принялись объедать близлежащие кусты. Стёпа съел несколько горошин. Это была не его еда, но отрываться от коллектива Стёпа не захотел. Соня тоже много есть не стала, хотя и любила горошек. Просто, она много есть не умела. Зато Серёжа был неподражаем. Он загружал себе за обе щеки по целой охапке горошин и, сосредоточенно сопя, перемалывал всё это, срывая тем временем следующую порцию. Саша, хоть и любил горох больше всех из этой компании, и в подмётки Серёже не годился. Все уже давно наелись и сидели на полянке, когда Серёжа наконец перестал чавкать и с хрустом вылез из зарослей гороха.

— Ну чё. В ловитки или в жмуритки? — с ходу спросил он, как будто и не устал совсем.

Решили играть в жмурки. Стали считать — кому водить:

Ехала машина темным лесом
За каким-то интересом.
Инте-инте-интерес,
Выходи на букву «С».
А на буквочке звезда,
Отправляет поезда.
Если поезд не придёт,
Пассажир с ума сойдет…

Забубнил Саша, тыкая в каждого пальцем. Водить выпало Соне. Она отвернулась от всех, закрыла глаза руками и стала считать:

— Раз-два-три-четыре-пять. Я иду тебя искать… Кто не спрятался — я не виновата…

Тем временем вся компания мигом рассыпалась по кустам и с шорохом принялась прятаться — кто куда. Соня, досчитав до конца, повернулась и пошла на ближайший шорох. Шорох стал удаляться в глубь поля… Зато по сторонам послышался какой-то шёпот. Или Соне это только показалось? Она метнулась на звук, но никого не обнаружила. А шорох всё не стихал. Тогда она побежала прямо на этот шорох. Вдруг впереди послышался какой-то сдавленный писк. Соня пробежала ещё немного и увидела

следующую картину: Серёжин толстый зад, а из-под него слегка примятое Сашино… лицо. Зрелище было довольно потешное, и Соня, не смотря на конфуз и одного, и второго, разразилась заливистым смехом.

А дело было так. Саша успел окопаться и вырыл небольшую норку, наблюдая оттуда за игрой, и готовый сразу юркнуть вниз. Серёжа, своим шорохом привлёкший Сонино внимание, услышал, что его преследуют, и побежал. Видя, что его настигают, он со всего маху прыгнул в Сашину норку. Но не рассчитал. Во-первых — норка была не глубокая, и двоим там было не поместиться. Во-вторых — норка была не широкая, и Серёжа застрял в ней, придавив Сашу. В таком нелепом виде Соня их и застала.

Следующим водил Серёжа и довольно быстро откопал Сашу из очередной норы. Затем была очередь Саши, и он быстро обнаружил Серёжу, распластавшегося под кустом. Так повторилось несколько раз. Стёпа был чемпионом по маскировке, а Соня умела быстро-быстро бегать, и никто не мог её догнать.

Дома кашу не варить,
А по городу ходить!

Слышался периодически хрипловатый Серёжин баритончик…

Наигравшись как следует, решили ещё раз подкрепиться. На дорожку. Серёжа в этот раз съел не меньше, чем в прошлый. Совсем обессилевший, он рухнул на полянку и стал смотреть на небо.

— Э-э-х. Сейчас бы полететь в небо, — вдруг сказал он мечтательным голосом.

Соня со Стёпой переглянулись, а Саша с насмешкой сказал:

— Рождённый хомячить — летать не может…

— Тебе-то откуда знать? Сусля ты…

— Серый, а ты с парашютом попробуй. С дерева, — предложил Саша.

— Не-е. С дерева не то. В небо хочу. Вверх, а не вниз. Может, сделаем летучего змея? Большого…

— Да тебя разве поднимешь? Ты вон какой…

— Ах ты… сусля-мюсля колбаса, — сказал нарочно сердитым голосом Серёжа, схватил Сашу, придавил ему локтём шею и стал второй рукой натирать ему голову так, что чуб встал торчком. Саша со смехом вырвался и отбежал в сторону.

— Нет, ребзя, я по правде. Может, всё-таки, сделаем змея? Или дельтаплан какой-нибудь? Так полетать хочется… Я с дерева уже пробовал. С зонтиком сначала. Больно. Потом с простынёй… Тоже не то… По-настоящему хочется… Как во сне.

— А как во сне?

— Как, как? Каком кверху. Как птица… Не… не как птица… Как рыба. Только в воздухе. Все смотрят, а я лечу… Могу на крышу залететь, могу на дерево…

— Ой, держите меня… Хомяк-летун… Чип и Дейл спешат на помощь… Карлсон нервно курит в сторонке, а… Железный Человек и… этот… Бэтмен с… Суперменом стоят в очереди за автографом, — покатывался со смеху Саша. Однако кроме него никому больше смешно не было.

— А мы тоже со Стёпой летали, — вдруг сказала Соня.

— Что значит тоже? Во сне, что ли? — очнулся от своих грёз Серёжа.

— Нет — мы так летали… На само… лёте.

— А-а. Везуха вам. Я ещё ни разику не летал на самолёте…

— А хочешь полетать?

— Конечно, хочу. Только это вряд ли. Мои черепа никуда не летают — сидят в норе как сус… как кроты.

— Какие черепа?

— Ну, в смысле родоки… Сколько раз просил их — давайте слетаем к дяде Пете. На море… Не. Ни в какую… «Нам и здесь хорошо», — говорят… «Тепло, светло и жраки полный холодильник.» А что мне их жрака? Я летать хочу…

— Ты не расстраивайся, — участливо произнесла Соня. — Полетишь ещё. Вот увидишь…

— Да-а. С этими полетишь… Был бы хоть белкой — может и полетал бы… А так…

— Не говори так. Родители тебя любят…

— Любят… любят… А что мне с того?

— Как что? Ведь они же твои родители. Ведь без них ты бы не появился на свет…

— Да знаю… И чего?

— Как чего? Ты живой…

— Ну живой… А что толку?

— Как что? Ведь ты… живёшь… Родители дали тебе Жизнь. Самое дорогое, что только может быть…

— Можно подумать, они эту жизнь у себя отняли и мне подарили… Они ведь тоже живут…

— Как ты можешь так говорить? Неужели ты их не любишь?

— А чего их любить? Что они, мороженое — что ли?

— А ты любишь только мороженое?

— Ну чё прицепилась? Чего надо, то и люблю…

— Серёж… ты конечно прав — родители должны не только кормить нас, — пришёл на помощь Соне Стёпа. — Нельзя жить только одной едой. Душа тоже хочет еды…

— Какая ещё душа?

— Твоя Душа. Это она хочет летать. И ты молодец, что слышишь её…

— Ну слышу. И чё? Чем я её накормлю?

— Любовью…

— Какой ещё любовью?

— Своей. Ты окутан ей. Вокруг тебя волны Любви. Ты только почувствуй их… И обязательно полетишь.

— Шутишь, да?

— Нет, что ты… Я хочу… сделать тебе подарок…

— Какой ещё подарок? — оживился Серёжа.

— Хочу, чтобы ты знал… Что всё в мире возможно. И летать тоже… И ты это можешь… Надо только полюбить мир вокруг себя… А мир полюбит тебя. Откроет тебе свои тайны. И ты сможешь летать…

— Прикалываешься, да? — Серёжа уже был не рад, что доверил всем свою тайну и поделился своей сокровенной мечтой.

— Поверь мне… это так… Я точно знаю.

— А чего ж тогда сам не летаешь? Бла-бла-бла все могут… А ты сам полюби свой мир и полетай — тогда и будешь меня лечить…

— А он и так летал, — опять встряла Соня.

— На самолёте несчитОво. Пусть сам полетает…

— Обещаю тебе, — продолжил Стёпа. Если ты полюбишь мир, то завтра сам полетишь.

— Завтра?

— Ага.

— Да ладно… Хорош разводить…

— Спорим?

— На чё?

— На… на желание.

— На любое?

— Любое.

— Лады. Санёк, ну-ка — перебей…

Серёжа и Стёпа сложили ладони в замок, а Саша ребром своей ладони разбил их рукопожатие.

— Всё. Забились. Завтра ты у меня…

— А ты понял, что надо сделать?

— Да понял…

— Можешь объяснить?

— Полюбить… этот… ну мир, короче.

— А как ты это сделаешь?

— Да как, как? Каком кверху. Считай, что я уже его полюбил…

— Что значит считай? Ведь это не мне нужно… а тебе.

— Ну и всё… Полюбил короче… Что мне с ним — целоваться, что ли?

— По-твоему любить — это значит целоваться?

— Ну а чё ещё?

— Любить — это значит чувствовать…

— Ах… чувствовать… — передразнил Серёжа Стёпу. — Девчонское это всё… чувства всякие…

— А мужчинское тогда что?

— Што-што… куриное капшто.

— По-твоему, только девчонки умеют любить?

— Да чё пристал? Надо тебе — целуйся со своей… Сонькой вон… — надулся Серёжа и отвернулся обиженно.

Стёпа понял, что это провал. Если и не полный, то близко к тому… На помощь неожиданно пришла Соня. Вместо того, чтобы обидеться, она вдруг засмеялась и сказала:

— Ну вы все даёте… То Саша нас «тили-тили тестом» обзывал, теперь ты говоришь целуйтесь…

Серёжа продолжал барсучиться, а Саша засмущался и даже слегка покраснел — насколько суслики могут краснеть.

— Серёж… не сердись… вот только представь себе, что всё вокруг тебя и ты — это одно целое… — пересилив себя опять начал Стёпа.

— Ну и чё с того? — не поворачиваясь процедил Серёжа.

— А то, что когда ты это поймёшь, почувствуешь — ты полюбишь весь Мир. Ведь любить кого-то — это не значит целоваться с ним… Это значит почувствовать своё единство…

— Ну, почувствую я… и чё дальше?

— Когда ты это почувствуешь, ты не будешь спрашивать, что дальше…

— Почему?

— Потому, что ты будешь знать — что дальше. Твоя Душа выйдет на передний план и поведёт тебя…

— Душа — мушА… Любовь — морковь… Ладно. Мне обедать пора…

— А как насчёт нашего договора?

— А чё? Договорились же… Завтра и посмотрим.

На этом поход на гороховое поле был закончен. Все разошлись по домам, договорившись встретиться завтра.

Перед сном Стёпу посетила Совесть. Сначала она послала гонцов — Сомнение и Беспокойство. Стёпа в задумчивости ходил весь вечер. Что-то не давало ему покоя, смущало его. Даже когда внезапно появился папа, прилетев на новом самолёте домой, и все высыпали на улицу, Стёпу продолжали терзать какие-то

смутные мысли…

Потом, правда, эти мысли ненадолго покинули его — начались испытания самолёта, в которых приняли участие все, даже Шарик. Он сопровождал катающихся на самолёте до тех пор, пока самолёт не набирал скорость и не исчезал из виду. Самолёт произвёл настоящий фурор. Даже бабушка отважилась прокатиться, хотя её и пришлось уговаривать. Папа долго пытался объяснить ей — где какая ручка и что чем управляет, но бабушка никак не могла понять, что от неё хотят. А вот дедушка сразу освоился и лихо нарезал кружок — до реки и обратно. Закончилось тем, что дедушка прокатил бабушку так же, как папа катал Стёпу. Бабушка была в полном восторге. Она снова ощутила себя маленькой девочкой. Восторг её был так велик, что она впервые за долгие годы почувствовала себя счастливой. Мама тоже. Она самостоятельно освоилась с управлением и со свойственной ей аккуратностью проделала первый в своей жизни полёт. Она, так же как и все, прилетела радостная и счастливая.

Радость и счастье были спутниками всех пассажиров самолёта. Мама предложила назвать папино изобретение Добролёт.

— Ведь он столько пользы может принести… На нём можно летать… куда угодно… И совершенно бесплатно… — восторгалась мама.

— Папа, а торговцы бензином не будут против Добролёта? — забеспокоился Стёпа.

— А почему они должны быть против?

— Но если у всех будут добролёты, никто не захочет покупать бензин…

— Значит, будут продавать что-нибудь другое… Хотя я бы хотел, чтобы денег вообще не было.

— А как же тогда?

— Пусть бы все имели то, что им необходимо…

— Но ведь тогда никто не ходил бы на работу.

— Да… Тут ты прав. Не все ещё готовы к тому, чтобы всё было бесплатно… Но ничего… я думаю, что очень скоро настанут времена, когда деньги станут не нужны. Всё станет бесплатно, но лентяев не будет…

— А что с ними станет?

— С кем?

— С лентяями… Ведь они и сейчас есть, когда всё не бесплатно и нужно работать…

— Я думаю, что когда работа станет не принуждением, а радостью — лентяев не станет. Они полюбят работать.

— А почему работа станет радостью?

— Потому, что она станет творческой. Творчество нравится всем. Скоро такие изобретения, как Добролёт избавят нас от механического, однообразного труда и все начнут заниматься тем, что им интересно. Ведь без работы на самом деле очень трудно. И лентяи устают гораздо больше тех, кто радостно трудится…

— Папа, а можно я завтра сам покатаюсь на Добролёте?

— Только если обещаешь мне, что будешь внимательным и аккуратным…

— Обещаю.

— Ладно. Я тебе верю.

— Спасибо, пап. Ты самый лучший. Стёпа бросился к папе на шею и обнял его крепко-крепко.

Потом он решил, что его Добролёту нужно своё имя.

— Добролёт — это название. Такое же, как и «велосипед» и «самокат». А теперь ему нужно имя, — подумал Стёпа.

— Я назову тебя Лётик. Лётя. Нравится? — спросил он у стоявшего рядом добролёта.

Добролёт молча кивнул.

— Ну и хорошо. Завтра мы с тобой… И тут Стёпу опять стали одолевать смутные сомнения и тревоги. Так и не поняв причины этих тревог, Стёпа лёг в кровать. И тут с ним заговорила Совесть:

— Стёпа. Ты не должен был так поступать, — сказала она тихим шёпотом.

— Как?

— Ты не должен был торговать Любовью.

— Но я же… Разве я… торговал?

— Именно. Зачем было обещать Серёже что-то взамен Любви? Ведь Любовь — это высшее сокровище. Никакие полёты не сравнятся с ней…

— Но ведь…

— Ты хотел заработать на этом, верно?

— Что заработать?

— А твой спор на желание? Разве это не корысть?

— Но мне…

— И с чего ты взял, что имеешь право кого-то награждать за то, что он полюбит?

— Я…

— Да, ты. Разве это не гордыня?

— А что такое гордыня?

— Это торжество твоего Эго.

— А разве торжество — это плохо?

— Гордыня — это самость. Это чувство собственного превосходства над другими. Какое уж тут единство, когда «Я» —

это что то одно, а «он» — это что-то другое… и «Я» буду «его» поучать, а потом, если он будет таким, как «Я» хочу — я смогу его наградить…

— Но я же хотел… сделать подарок…

— Когда хотят сделать подарок — делают его, а не говорят об этом. Вспомни, что тебе говорила Уля, думай о других. Старайся отдать, а не получить…

— Но ведь Серёжа так хотел летать… Я хотел ему помочь…

— Вот и надо было помогать, а не торговаться: ты мне — я тебе. Отдавай и не думай о получении. Тогда получишь всё сполна.

— Но я хотел научить его…

— Сначала научись сам. Лучший учитель — собственный пример. Будь достоин того, чтобы с тебя брали пример. Никакие слова не помогут тебе, если ты сам не достиг того, чему хочешь научить…

— Но я думал, что я…

— Слишком много «я»… И перестань спорить. Чувство собственной правоты не лучшее чувство. Это тоже гордыня. Не старайся всегда быть правым. Просто будь. Учись. Люби. Отдавай. А я тебе буду помогать…

— А ты кто?

— Я твоя Душа.

— Ой. Правда?

— Да. Я — это ты… каким ты должен быть…

— Вот здорово! Я так хотел тебя услышать! Ты теперь всегда будешь со мной?

— Я всегда была, всегда есть и всегда буду с тобой. Я — это ты. Помни это. Если меня нет — это значит, что и тебя нет… Ты же знаешь, как трудно не думать?

— Д-да… а при чём тут?..

— А при том, что если меня не слышно, а ты принимаешь решения под влиянием мыслей, которые ты сам не контролируешь, то задумайся — кто принимает решение? Ты ли это?

— А что мне делать?

— Не спи наяву. Осознанно делай всё. Не позволяй собой руководить. Слушай мой голос, я всегда с тобой…

— Спасибо. Я… можно, я теперь буду говорить «мы»?

— Конечно.

— Мы… — Стёпа почувствовал, что как только он решил не говорить «я», так сразу отпала куча вопросов. Вдруг его сознание переключилось, и он на секунду почувствовал себя не Стёпой, а Душой. Это было непередаваемое чувство. Он моментально понял

всё, что ему говорила перед этим Душа. И ещё много чего понял. Он сразу повзрослел. С этой секунды в нём поселилась Мудрость. В отличие от опыта, мудрость не обязательно приходит вместе со старостью. Стёпа одномоментно постиг то, что многие не постигают и к старости. Он понял, откуда в Уле столько взрослости. Вернувшись в себя, Стёпа уже не был прежним Стёпой. Он понял, что уже никогда им не будет. Но это не расстроило его. Он попрощался не с детством, а с… неосознанностью. Он осознал — кто он, зачем он здесь и куда он идёт. Но, несмотря на то, что он это осознал, он не смог бы никому объяснить то, что он понял. Это было высшее Знание. И если бы он захотел кому-то рассказать о том, что он постиг — лучшее средство для выражения этого была бы музыка. Только музыка смогла бы наиболее точно передать его чувства. Разумеется, тому, кто обладал бы ключом к этой музыке. Ведь не секрет, что язык музыки понимают далеко не все. Особенно, если это настоящая Музыка. С этой минуты Музыка стала звучать внутри Стёпы постоянно. Она стала привычной для него. Она стала помогать ему. Если всё было хорошо — звучала красивая и гармоничная музыка. Если начинала звучать тревожная музыка, Стёпа знал, что что-то пошло не так, и следует быть начеку. Тогда он «включал» осознанность происходящего с ним, просыпался наяву и сам руководил своими мыслями и поступками. Но всё это в будущем. А пока Стёпа успокоился и заснул под прекрасную колыбельную мелодию.

Глава 28. Полёт

На следующий день Стёпа вместе с папой отправились на Лётике вместе. Им было по пути. Стёпа спешил к Соне, а папа к Альберту Васильевичу. Лётик справился со своей задачей на отлично. Он был такой же, как и первый добролёт. Практически ничем не отличался. Папы собирались сегодня попытаться ещё раз проникнуть в тайны антигравитационных надкрылий, приводящих в движения добролёты. У Стёпиного папы появилась новая гипотеза, и он хотел обсудить её с Альбертом Васильевичем. А Стёпа хотел покататься на добролётах с Соней.

Для начала устроили совместное чаепитие, на котором Стёпин папа поделился своей гипотезой. Он считал, что в основе антигравитационных свойств надкрылий лежала энергия позитрона. Что такое позитрон папа не стал подробно рассказывать, но Стёпа понял, что это заряд, противоположный электрону. Противоположный во всём. И если в основе сил гравитации лежит электрон, то в основе антигравитации или левитации лежит позитрон. Отсюда и все феномены, сопровождающие полёт добролёта.

— Дело в том, — продолжал объяснять папа, — что если энергия электрона центробежная, то есть направлена наружу, то энергия позитрона центростремительная и направлена внутрь. Она впитывает все излучения. Именно поэтому пропадают все звуки, а сам объект становится невидимым. Этим же эффектом объясняются и скачки времени.

Натолкнула папу на эту гипотезу статья в журнале «Наука и жизнь». Статья была про торнадо. Там говорилось о том, что по свидетельству очевидцев, в самом хоботе торнадо и поблизости от него происходят странные явления. Пропадает звук, происходят временнЫе сдвиги. Кроме того, даже небольшой торнадо с лёгкостью поднимает в воздух довольно массивные предметы — такие как дома, автомобили или крупный рогатый скот. Объяснений этим феноменам статья не давала, однако папа вспомнил, что не так давно он изучал материалы по позитронной энергии. Это и натолкнуло его на мысль, что при возникновении торнадо предметы заряжаются именно позитронной энергией. Это объясняет все феномены, присущие торнадо. Мало того, папа с уверенностью заявил, что по его мнению так называемые летающие тарелки тоже передвигаются на позитронной энергии. Именно этим и объясняется их исчезновение в воздухе и появление в другом месте. А также отсутствие звука работающего двигателя.

— А какой тип энергии по-вашему они используют? — поинтересовался дядя Алик.

— Всё это одна и та же энергия — электрическая. Тарелки летают, как заряженные частицы…

— А наш самолёт?

— Так же — на электрической энергии. На энергии эфира. Его антигравитационные мембраны преобразуют эфир в позитронную энергию и появляется эффект левитации…

— Надо же…

— Я считаю, что в эту гипотезу укладываются и все остальные феномены. Любые, даже вновь открытые факты, встанут на своё место, как камешки в мозаике…

— Прямо по Гельвецию…

— Точно, коллега…

— А что такое Гельвеция? — вмешался в разговор Стёпа.

— Гельвеций, — поправила его Сонина мама. — Был такой философ Клод Адриан Гельвеций. Он сказал, что знание некоторых принципов легко возмещает незнание некоторых фактов.

— А как это понимать? — поддержала взрослый разговор Соня.

— А так и понимать. Есть два способа познания мира. Фактология и методология. Фактология основывается на знании как можно большего количества фактов — чем собственно и занимается в основном наша наука и образование…

— К сожалению, — поддержал дядя Алик.

— А почему? — не поняла Соня.

— Представь себе калейдоскоп…

— Ну, представила…

— Допустим, что цветные камешки, которые есть в калейдоскопе — это набор фактов, которые мы имеем на данный момент. При этом мы видим определённую картинку. Эту картинку принимают за аксиому — то есть как законченную и неизменную картину мира. Но, стоит нам чуть-чуть повернуть калейдоскоп, или добавить туда ещё хоть один камешек — и картинка меняется кардинально. Все наши представления о чём-то могут перевернуться с ног на голову из-за ещё одного, вновь открытого факта. И что тогда делать? Ведь уже написаны диссертации и получены нобелевские премии…

— И что делают?

— Ну что делают? Начинают скрывать или подтасовывать факты — лишь бы уложиться в существующую теорию. Взять хотя бы Теорию Относительности. Она уже давно трещит по швам, а наши учёные всё никак не хотят признаться себе, что эта теория

несостоятельна и не учитывает кое-каких нюансов…

— А методология учитывает? — спросил Стёпа.

— Методология — принципиально другой метод познания. Он похож не на калейдоскоп, а на мозаику. Знаешь, как делают мозаику?

— Как?

— Сначала рисуют план. Потом подбирают камешки и выкладывают их каждый на своё место…

— Как паззлы?

— Да. Точно так же. В таком случае, если тебе не хватает нескольких камешков или паззлов, твоя картинка будет сложена и без них. А при нахождении этих камешков или недостающих фактов, они встанут чётко на своё место. И наша картина мира не перевернётся с ног на голову.

— А где взять план для мозаики?

— Хороший вопрос. Этим и должны заниматься учёные. Не тасовать факты, как карты в колоде, а пытаться понять принципы, по которым развивается наш Мир… В крайнем случае не бояться менять свою картину мира, быть честными перед собой и перед наукой… Тогда можно начертить и неправильный план — его всегда можно будет исправить… В отличие от калейдоскопа…

— Значит, эта метоло… догия… лучше, чем калейдоскопия? — вставила свои пять копеек Соня.

— Конечно, — убеждённо вступился Стёпин папа. Ведь сейчас в школах детей десятки лет учат не думать, а зубрить. Количество информации на Земле каждые пять лет удваивается. Скоро этих фактов будет так много, что учить их нужно будет половину всей жизни. А какой толк от этого? Дети забывают эти факты на следующий день после экзаменов. И у них такая каша в голове, что ни о какой целостной картине мира и речи быть не может… А методология позволяет в разы сократить время на обучение. Не нужно будет учить бесконечные наборы фактов и даты их событий. Достаточно будет освоить принципы мироустройства. А факты при желании можно будет найти в специальной литературе. Но именно те, которые нам нужны. А не все подряд…

— Значит и фактология всё-таки тоже нужна? — спросил Стёпа.

— Факты нужны. А фактология — как система, на мой взгляд, ошибочна. Это путь к хаосу. А методология — путь к порядку.

Тут Стёпа посмотрел на Сонину маму, и смело выдвинул свой тезис:

— А почему должна быть только одна система? Почему нельзя идти средним путём? Пусть будет и то и другое. Ведь хаосу тоже должно быть место, а полный порядок — это смерть…

— Но… я не знаю… Это же не научно… Должна быть одна понятная система… — заволновался папа.

— А почему? Кто сказал, что должна быть одна система? На Востоке говорят: «Пусть расцветает сто цветов» — так вроде? — сказал Стёпа и посмотрел на Сонину маму. Мама утвердительно кивнула головой, с интересом слушая Стёпины речи.

— Но что плохого в одной понятной системе, если она зарекомендовала себя только с положительной стороны? — горячился папа. — Методология — это логика и предсказуемость. А фактология — это хаос и каша в голове…

— Но ведь бывают же ошибки и в методологии?

— Бывают, конечно, но значительно меньше, чем в фактологии.

— А почему всегда нужно выбирать из двух одно? Почему нам говорят, что первое — правильно, а второе — неправильно, и нужно выбирать только правильное… Разве есть хоть что-то в Мире абсолютно правильное или абсолютно неправильное?.. Как можно выбрать что-то одно, если Душа хочет одного, а разум другого?..

— Но ведь никто не предлагает тебе ограничиться чем-то одним. Выбирай себе на здоровье… Речь идёт о науке… Должна быть одна универсальная система…

— Но ведь методология и фактология не противоречат друг другу? Они идут к одной цели, только разными путями… Так почему бы не объединить эти два метода? Не взять всё лучшее, и не соединить в… «методофактологию»… например. Тогда будет Гармония, и все будут довольны. Ведь предсказуемость не всегда хороша… В ней нет места для чуда… Зато в хаосе есть место для… Любви…

— Но наука не может оперировать такими понятиями, как чудо или любовь… Наука — это логика и система…

— Может быть, именно поэтому наука застряла в развитии? Может быть, ей не хватает поэтов и… романтиков?

— Лириков, ты хочешь сказать?

— И лириков тоже.

— А с чего ты решил, что наука застряла в развитии?

— Но ведь ты же мне и говорил, что сейчас в науке ничего существенного не происходит. По сравнению с прошлым веком она застряла в развитии…

— Разве? Ну… может быть, и говорил… — почесал затылок папа.

Да-а. Новый Стёпа удивил не только Сониных родителей, но и Соню, и своего собственного папу. Папа смотрел на него и не узнавал. Слушал и не мог поверить своим ушам…

— Пусть каждый выбирает сам — какой метод ему ближе, — продолжал Стёпа. Не нужно никого заставлять. Кто-то мыслит прямолинейно — ему ближе методология. А кому-то нравится разбираться в хитросплетениях фактов и делать фантастические гипотезы. Пусть и это будет… Ведь многие открытия были сделаны непредсказуемо. Кому-то яблоко упало на голову, кто-то залез в ванну с водой, а кто-то вообще во сне увидел своё открытие… Какая уж тут логика?

— Ну вот, ты сам себе противоречишь, коллега, — радостно воскликнул папа. — Сам ведь говоришь, что нужно объединить две системы в одну, и тут же говоришь, что должны быть две системы, и пусть каждый выбирает себе по душе…

Папа был опытный полемист, и дискуссии на учёном совете были его родной стихией…

— Да, наверное… ты прав… Не нужно заталкивать всё в одну систему… Пусть будет и методология, и фактология, и ещё с десяток других … лОгий… сОфий… нЕтик и мЕтрий… Пусть расцветают сто цветов, а наука пусть будет… непредсказуемой… Пусть не только физика будет «занимательной»… Пусть дети тоже занимаются наукой, а учёные пусть будут… как дети… Пусть они не будут такими серьёзными, и пусть знают, что они не всё ещё знают… Дважды два, хоть и равно четыре, но… пусть они допускают, что иногда это и не так… Ведь даже электрон может одновременно быть в разных местах… Что делать учёному, если он захочет его… их сосчитать? Пусть он допустит, что может быть чудо… Что Земля может быть плоской… или квадратной… Кто знает… И тогда чудеса станут наукой, а наука станет чудесной… Ведь вы же сами говорили, что надкрылья жука — это чудо… это невозможно с точки зрения науки… Значит, если бы вы не увидели своими глазами, а прочитали бы о них в газете, то сказали бы, что это невозможно… что это лженаука… А теперь вот и слово подходящее нашлось — позитрон… Давайте не будем ничего отвергать… даже, если оно кажется вредным или невозможным… Если мы поймём, что нет в Мире ничего вредного, что всё создано нам на пользу, то тогда… не будет ничего невозможного… Слушатели сидели с открытыми ртами. Первым не выдержал дядя Алик:

— Браво, коллега! — воскликнул он. — Вы были неподражаемы… Мы действительно стали слишком серьёзны. Мы перестали делать прекрасные глупости и… как там дальше?

— Лазить в окна к любимым женщинам, — напомнила Сонина мама.

— …да, именно… Наша жизнь стала более предсказуемой, а любви стало меньше… И счастья стало меньше… Ведь счастье

нельзя запрограммировать… Так же, как и великое открытие… Взять хотя бы наше открытие. Если бы не случай, мы не нашли бы чудесные, — дядя Алик в упор посмотрел на Стёпиного папу, — надкрылья чудесного, неведомого науке, — опять посмотрел, — жука. Науке нельзя консервироваться в себе. Консервация — это вырождение. Как в биологии. Должен быть приток свежей крови. Иначе будет болото. Все эти комиссии по лженауке нужно упразднить. Пусть расцветают сто… тысячи цветов… Спасибо, коллега. Позвольте пожать вашу руку…

Дядя Алик без тени иронии пожал Стёпину руку. Следом за ним пожала руку Сонина мама и покачала головой. Этот лягушонок не переставал её удивлять. Следом за мамой пристроилась и обезьяна-Соня. Она и половины не поняла из того, что говорил Стёпа — возраст её не позволял вникнуть во все нюансы. Но она не менее серьёзно пожала Стёпину руку и сказала дежурное: «поздравляю, коллега». Последним пожал руку Стёпин папа. Он ещё сопоставлял какие-то мысли, пытаясь возразить, но не найдя достойных контр-аргументов, был вынужден сдаться и признать Стёпину правоту.

На этом чаепитие закончилось. Папы удалились в кабинет продолжать обсуждать свои открытия, взяв на вооружение Стёпину новоиспечённую теорию о том, что в Мире всё возможно и ничего нельзя отвергать.

Мама, потрепав Стёпу и Соню по затылкам отправилась рисовать, а Соня пошла в сарай за своим добролётом. Настало время для их совместного полёта.

Соня уже летала в одиночку, и довольно уверенно держала руль. А Стёпа ещё немного потренировался на земле — он ведь обещал папе быть предельно аккуратным. Наконец предстартовая подготовка закончилась. Соня, а за ней и Стёпа плавно поднялись в воздух и взяли курс на реку.

Для начала они захотели просто полетать и насладиться самим фактом полёта. Поднявшись выше всех проводов, они полетели прямо к реке. Когда они летели медленно, Стёпа обратил внимание, что он отбрасывал обычную тень. Когда скорость увеличилась, тень стала круглая и размытая. А когда ещё прибавили газу, тень пропала совсем. Они пролетели над деревней незамеченными. Подлетев к реке, они поравнялись и полетели бок о бок. При этом Стёпа и Соня отлично видели друг друга. Это было замечательно — лететь вместе. Они то и дело переглядывались и радостно улыбались друг другу. Внизу, под ними широко раскинулась река. Её голубая лента серебрилась мелкой рябью волн. С высоты были видны все отмели и глубокие места. Кое-где у берегов были видны заросли водорослей. Муся,

как всегда сидя на своём коронном месте — на пуговке Сониной кепки, тоже с интересом смотрела вниз. И, хоть она и привыкла летать, такое зрелище она видела впервые. Это был первый её полёт на добролёте — в прошлый раз Соня была без Муси. Муся таращила свои кругленькие фасеточные глазки и с интересом разглядывала всё, что проплывало внизу. Внезапно её посетила какая-то, одной ей известная идея. Муся взлетела со своего стапеля и хотела было отправиться в свободный полёт — её, наверное, тоже охватило чувство восторга, которое охватывало всех, кто впервые совершал полёт на добролёте, а выражать свои чувства Муся умела только крыльями. Однако не тут-то было. Далеко ей улететь не удалось. Какая то неведомая сила отбросила Мусю и не дала ей преодолеть границы невидимой сферы, окружавшей добролёт в полёте. Сделав ещё пару попыток вырваться на свободу, таких же безрезультатных, Муся успокоилась и заняла свою прежнюю позицию. Слегка расстроенная, впрочем. Она привыкла сама управлять своей реальностью, и не нуждалась ни в каких барьерах. Так считала Муся.

Тем временем река закончилась, и начались бескрайние плавни с камышами. Там интересного было мало и Стёпа с Соней, переглянувшись, стали разворачиваться. Решили лететь в обратную сторону. Поравнявшись с домиком дяди Бори, они, не сговариваясь, сбросили скорость и стали снижаться. Проскочив сходу место, где находилась Сашина норка, они опять развернулись и стали заходить на посадку. Подлетая, они увидели, что за ними наблюдают две пары восторженных глаз. Когда же тени, отбрасываемые ими перестали быть круглыми и размытыми, а стали их обычными тенями, глаза, наблюдавшие за ними, из восторженных превратились в ошалелые. Принадлежали эти две пары глаз, как вы, наверное, догадались, Саше и Серёже. Они давно уже встретились и сидели, разговаривая о всякой чепухе и поджидая Стёпу с Соней. Конечно, они не верили, что Серёжа сможет сегодня полететь. Серёжа уже и желание придумал для Стёпы — залезть на холмик, недалеко от Сашиной норки и три раза прокукарекать как можно громче. Это всё, на что была способна Серёжина, судя по всему, небогатая, фантазия. Но то, что они увидели, опрокинуло самые смелые их ожидания. Сначала, откуда ни возьмись, в небе появились два большущих мыльных пузыря, несущихся на бешеной скорости мимо них. Потом пузыри замедлили свой бег, развернулись и полетели прямо на Сашу с Серёжей. Не долетев метров пятидесяти, пузыри — как в кино со спецэффектами, превратились в Стёпу с Соней, стоящих на каких-то самокатах. Самокаты подлетали, плавно

сбрасывая скорость и высоту…

— Вау-у! — только и смог произнести Серёжа.

— Й-ё-ё! — вторил ему Саша.

И тот и другой раскрыли всё, что только можно — рты, глаза, ноздри и уши, и пребывали в таком состоянии, пока Стёпа с Соней не приземлились и не припарковали свои добролёты рядом с холмиком.

— Привет, ребята! — радостно поздоровались Стёпа и Соня с Сашей и Серёжей, отметив про себя впечатление, которое произвёл их полёт и довольно эффектное приземление.

Понадобилась небольшая пауза, прежде чем рты, глаза, носы и уши Саши и Серёжи пришли в своё обычное состояние. Но как только рты захлопнулись, их пришлось тут же распечатывать снова для того, чтобы произнести очередное «красава» и «крутяк»… «й-ё-ё-ху» и «ни-и-и-штяк».

— Вот это ховерборды! Просто улёт! — продолжал петь дифирамбы Саша.

— Крутые тачилы! — довесил начинавший приходить в себя Серёжа.

Триумф был полный. После этого Стёпе с Соней можно было ничего не говорить и не делать целую неделю, наслаждаясь безраздельной властью над сделавшимися сразу жалкими Сашей и Серёжей. Но Стёпа с Соней были не из таких. Они не хотели для себя такой славы, и не ждали никаких привилегий. Тем более за счёт унижения других.

— Вот… — скромно потупившись, произнёс Стёпа.

— Это наши само… добролёты — не менее скромно произнесла Соня.

— Можно позырить? — спросил для порядку Серёжа и, не дождавшись ответа, поковылял к стоящим рядом добролётам. Саша молча последовал за ним.

Подойдя ближе, они, не переставая восхищаться, принялись обсматривать и общупывать каждый сантиметр добролётов. Ни Сашу, ни Серёжу нисколько не смутил примитивный вид аппаратов. Воображение, наверное, дорисовывало Саше и Серёже недостающие детали и отсутствующие прибамбасы. Поцокав языками и обнюхав всё как следует, Саша с Серёжей вернулись на свои места и переключили своё внимание на Стёпу с Соней, периодически косясь на добролёты. Настала очередь расспросов.

Стёпа представлял себе, что он ответит на все «откуда?» и «почём?». Он отдавал себе отчёт, что придётся уступить Серёже, и дать прокатиться на Лётике. В конце концов, он сам вчера обещал — никто его за язык не тянул…

Но чего совершенно не ожидал Стёпа — так это Серёжиного

«подари». Он даже не поверил своим ушам и решил, что ему послышалось, когда рядом раздался сдавленный шёпот:

— Подари… мне… его…

Стёпа стал оглядываться по сторонам, чтобы уточнить — что же это было, и увидел, что Саша смотрит на Серёжу, как на диковинное животное — со страхом и восхищением. Значит он — Стёпа не ослышался? И Серёжа действительно это произнёс?

— Подари, слышь… — подтвердил Серёжа своё желание, и судорожно облизал пересохшие губы. Глаза его при этом ничего не выражали и только блуждали по небольшому пространству, отведённому им на довольно обширной территории Серёжиного лица…

— Ну хочешь — давай меняться… Ну чё ты хочешь? Хочешь — приставку дам… игровую… картриджи… — бормотал как в полусне Серёжа, потихоньку наступая на Стёпу. Стёпа стал пятиться назад, не понимая, как ему себя вести. Саша с Соней стояли, разинув рты.

— Ну, ты же хотел мне сделать подарок… Так подари… Будь другом…

Стёпа был так ошарашен, что ничего не мог произнести. Он совсем не обращал внимания на тревожную музыку, которая играла у него внутри. Вместо того, чтобы проснуться и призвать на помощь своего лучшего друга и советника — свою Душу, Стёпа пребывал в оцепенении и только пятился назад… В конце концов, можно было сказать, что вещь не его, а папина, и что он просто не имеет права ей распоряжаться… Но Стёпа пятился и пятился, не отрывая своих глаз от пустых и страшных глаз Серёжи.

Уже Саша, придя в себя, стал потихоньку нашёптывать:

— Серёнь, ты чего? Отвянь…

Но Серёжа всё шёл и шёл. А Стёпа всё отступал и отступал. Постепенно его реальность стало заволакивать туманом. Всё поплыло у Стёпы перед глазами. И только Серёжины холодные безжизненные глаза — как у хищной рыбы, Стёпа видел чётко и ясно.

Вдруг раздался громкий крик — это Соня, испугавшись всего, что происходит, не выдержала и закричала. Серёжа на секунду остановился. В его глазах появилось что-то осмысленное. Ещё секунда, и он придёт в себя… Но Стёпа, воспользовавшись замешательством Серёжи, воткнул свой взгляд в землю и, боясь ещё хоть раз взглянуть в холодную бездну Серёжиных глаз, молча метнулся к добролётам, схватил первый попавшийся и пулей взвился в небо. Всё произошло так стремительно, что никто и моргнуть не успел, как Стёпа исчез из виду, минуя стадию сверкающего шара.

Первой очнулась Соня. Она тут же вскочила на второй добролёт и стала быстро набирать скорость и высоту, оглядываясь во все стороны и пытаясь отыскать Стёпу. Она не знала, что при различных скоростях это было невозможно. Видеть друг друга можно было только летя вместе, с одной скоростью.

Соня растерялась и стала метаться из стороны в сторону, крутя головой. Руль, вслед за её взором поворачивался, и добролёт послушно выписывал восьмёрки над рекой. Муся, не понимая, что происходит, но, чувствуя, что происходит что-то неладное, вцепилась всеми лапками в пуговку и сидела не шевелясь. Так прошло неизвестно, сколько времени. Тем более, что в воздухе время текло совсем по-другому…

— А что же Стёпа? — спросите вы. И будете правы. Что же случилось со Стёпой?

Стёпа был уже далеко. Он сразу вывернул обе ручки на себя до отказа и держал их побелевшими костяшками пальцев, не отпуская. Добролёт молниеносно достиг заоблачных высот, и Стёпа не видел — куда он летит и с какой скоростью. В его голове пульсировала кровь. Перед глазами росли и умирали чёрные цветы, а в ушах не смолкала душераздирающая музыка, из-за которой еле слышно доносились шепчущие крики Стёпиной Души. Что она кричала, он расслышать не мог. Да и не пытался. Сцепив зубы, он продолжал лететь, пока не очутился на такой высоте, что стал задыхаться. Ничего не соображая, Стёпа отпустил рукоятки добролёта. Пружины сработали, и привели пластины в пассивное состояние. Из-за этого защитная сфера пропала. Добролёт превратился в кусок обычной деревяшки, и Стёпа стал падать с огромной высоты.

На него сразу набросился ужасающий ветер. Всё тело сковал ужасающий холод. Каким то чудом Стёпе удалось схватить добролёт за вертикальную стойку. Стёпа падал вниз, а добролёт летел над ним, платформой вверх. Из-за пронзительного ветра Стёпа не мог ничего видеть. Когда ему удалось чуть-чуть приоткрыть один глаз, он увидел вокруг себя сплошной дым… или пар.

— Я в облаках, — машинально пронеслось у него в голове.

Ветер продолжал свистать и рвать у него из рук хрупкий добролёт. Стёпе казалось, что вот-вот стойка сломается пополам, и он продолжит своё падение уже в одиночестве. Наконец облака закончились, и Стёпа вывалился из них. Ветер стал не такой холодный, и Стёпа разглядел, что он падает над какой-то заболоченной местностью. Сквозь свист ветра и завывания музыки Стёпа слышал какие-то обрывки фраз. Что-то кричала шёпотом его Душа. К её голосу примешивался ещё один голос.

Вроде знакомый, но Стёпа не мог вспомнить — чей это голос. Продолжая падать, Стёпа стал потихоньку, перебирая пальцами, пытаться нащупать руль. Наконец ему удалось добраться до левой рукоятки. Стёпа слегка покрутил её — больше не позволяло его положение. Панели чуть-чуть повернулись, и включилась антигравитация. Добролёт замедлил своё падение.

Но было уже слишком поздно. Не успел Стёпа осмотреться по сторонам, как вдруг раздался громкий треск, стук и всплеск чего-то жидкого. В глазах у Стёпы почернело, а в ушах стал нарастать какой-то гул. Вдруг перед глазами всё пришло в движение. Стёпа оказался в каком-то узком и чёрном тоннеле. Тоннель стал медленно двигаться на Стёпу, как будто Стёпа один — без поезда, ехал в метро. Скорость стала быстро увеличиваться, а гул нарастать. Через несколько мгновений Стёпа уже нёсся в этом тоннеле быстрее, чем недавно падал. Он чувствовал, как его тело наливается тяжестью. Дыхание спёрло. Виски сдавило, и сам он не мог пошевелиться. Только летел, всё набирая и набирая скорость, а вместе с ней и гул в ушах. Внезапно гул прекратился. Совсем. Стёпа подумал, что лопнули его барабанные перепонки, и он оглох. Но тут ему показалось, что скорость его тоже стала замедляться, а тоннель уже не был таким чёрным. Вдалеке как будто стало светлее. Постепенно скорость уменьшалась, а света становилось всё больше и больше. Наконец света стало так много, что Стёпины глаза не могли на него смотреть. Он зажмурился и… очнулся.

Оглянувшись по сторонам, Стёпа увидел, что лежит в каком-то болоте, зацепившись рукой за корягу. Рядом плавала платформа от его добролёта. Вернее не его. Только сейчас Стёпа понял, что схватил не Лётика, а Сонин добролёт. Чуть поодаль — в болотной жиже, колыхалась переломанная пополам стойка руля, из которой торчали два троса. Самого руля видно не было. Стёпа попробовал пошевелиться. Это ему с трудом, но удалось. Руки вроде слушались его. Пощупав себя за голову и туловище и поняв, что никаких повреждений нет, Стёпа пошевелил ногами. Ноги тоже слушались его. В голове продолжало что-то пульсировать, и опять звучала ужасающая музыка. С трудом превозмогая тошноту, Стёпа попытался выбраться из болота. Не сразу, но и это ему удалось. Какое-то время он лежал на илистом берегу, собираясь с силами. Наконец, превозмогая тошноту и боль в голове, он привстал на колени и схватился рукой за ветку. Облизав сухие губы, Стёпа внезапно почувствовал сильную жажду. Он оглянулся и увидел, что невдалеке — в гуще ряски, есть окошко чистой воды. Стёпа собрал все силы и двинулся к этому окошку, стараясь опять не потерять сознание. Добравшись

до воды и напившись, Стёпа взобрался на кувшинку, росшую неподалёку, и почувствовал небольшое облегчение. Пульсация в голове стала меньше. Музыка тоже стала тише, но не менее зловещей. Как в страшных фильмах — она стала тихой, но такой леденящей, что Стёпа по-настоящему испугался. Его всего сковал какой-то липкий ужас. Оцепенение опять навалилось на него, и глаза стало заволакивать туманом. Музыка стала ещё тише и стала уступать место какому-то шипящему шёпоту. Постепенно Стёпа стал понимать, что это не просто шипение. Шипение стало вырисовываться в какие-то слова, которые Стёпа пока не понимал. Наконец он стал различать отдельные звуки, а потом до него стали доноситься и целые слова:

— … ш-ш-ш-ить… ж-ж-жать… с-с-сни… ж-ж-жиз-з-знь… с-с-смер-р-р-т-т-ть… в-вс-с-сё… р-рав-н-но-о… с-с-па-т-ть… х-хо-ро-ш-ш-шо… ус-с-с-н-и… — шептал таинственный голос, и Стёпе вдруг так сильно захотелось спать, что перед глазами опять всё поплыло.

Из последних сил он посмотрел по сторонам и… О ужас. Прямо перед собой он вдруг отчётливо увидел два жёлто-зеленоватых глаза, смотрящих прямо на него. Таких глаз он никогда не видел. Зрачки их были вертикальные и совсем узкие, как лезвия ножа. Глаза эти были ещё менее живые, чем у хищных рыб. Казалось, что от них веет смертью. Увидев эти глаза, Стёпа попытался отвести свой взгляд и не смотреть на них. Но не смог этого сделать. Глаза приковали к себе Стёпин взор и уже не отпускали. Голос в его голове стал более отчётливым, заглушая музыку и другие голоса, кричавшие ему что-то вдалеке.

— Иди… ко мне-е-е, — звал голос. — Покой… вот, что я тебе дам… Вечный покой… И тишину… Ты хочешь покой — я знаю… Иди и возьми его… Он твой…

Глаза продолжали гипнотизировать Стёпу. Его воля совсем ослабла. Он увидел маленький раздвоенный язычок, который на мгновение показался между глаз. Но глаза так горели и жгли своим холодным огнём, что Стёпа не обратил внимания на этот язычок. Откуда-то из глубины Стёпы, как пузырь воздуха всплыли слова:

— Это змея… ЭТО ЖЕ ЗМЕЯ!

Но Стёпа почти не обратил внимания на эти слова. Глаза были сильнее. А ещё голос, который гипнотизировал так же, как и глаза:

— Сейчас ты уснёшь… крепко уснёшь… Ты заслужил покой… Вечный покой…

Глаза увеличились и заняли всё пространство Стёпиного экрана. Стёпа различал самые маленькие чёрточки в этих глазах,

а лезвия зрачков превратились в две огромные бездны. Медленно-медленно глаза стали приближаться ещё ближе, наползая и заполняя весь горизонт. Голос стал тише и спокойнее:

— Покой… Вечный покой… Ты и я… — уже не слышал, а как бы знал Стёпа.

Внезапно он ощутил, какое-то волнение. Голос стал сворачиваться в трубочку, а глаза поблёкли и перестали жечь его своим огнём. Вместо этого стала нарастать какая-то вибрация. Постепенно её пульсация переросла в голос. Это был другой голос. До боли родной и знакомый голос:

— Стёпа, ты меня слышишь? — говорил он. — Это я — дедушка Ульрих… Слушай меня внимательно… Ты в большой опасности. Слушай и делай всё, что я тебе скажу. Не медли… Слушай внимательно…

Голос был так близко, как будто бы дедушка Ульрих находился рядом со Стёпой. Стёпа даже краем глаза посмотрел по сторонам, не отрываясь от поблёкших, но продолжавших его магнитить змеиных глаз. Но никого не увидел.

— Сосредоточься, — скомандовал дедушка Ульрих. — Сейчас я помогу тебе перенестись в другое место. Для этого ты должен представить себе это место в мельчайших подробностях. Это пространство должно стать твоим пространством вместо того, где ты сейчас находишься. Делай. А я помогу тебе…

Стёпа машинально стал представлять себе свою комнату в доме бабушки и дедушки. Он очень отчётливо увидел свою кровать, коврик на стене. Потолок, побеленный желтоватой извёсткой, весь в мелких трещинках. Стёпа уловил запах своей комнаты. Это был запах сельского дома. В городе, где жил Стёпа таких запахов не было… Вдруг всё пространство Стёпиной комнаты колыхнулось навстречу ему, как будто оно было сделано из жидкого киселя. Кисель, как живой кинулся навстречу Стёпе и молниеносно вобрал его в себя — как будто проглотил, слегка булькнув и всколыхнув поверхность воды, над которой только что сидел Стёпа.

Змея выползла из тени и быстро приблизилась туда, откуда ещё мгновение назад на неё смотрел своими немигающими и невидящими глазами Стёпа. Не обнаружив там никого и не веря своим глазам, змея потрогала тоненьким раздвоенным язычком опустевшее пространство. Запах был, а Стёпы не было. Ничего не поняв, и пожав мысленно плечами, она опять отправилась в тень, немного раздосадованная, бормоча что-то себе под нос, пришепётывая и присвистывая…

Заключение

Итак, дорогие читатели, наша повесть подходит к концу. У вас наверняка возникли вопросы:

— Что же случилось со Стёпой?

— Почему его мир перестал его любить и допустил встречу со змеёй, из-за которой Стёпа чуть не погиб?

— Что случилось с Серёжей? Почему он вёл себя, как зомби?

— Каким образом дедушке Ульриху удалось вырвать Стёпу из лап смерти?

— Что стало с Соней?

— Чем закончилась вся история, и что стало со всеми остальными?

Что вам сказать? Конечно же, Мир не перестал любить Стёпу. Мир вокруг нас — это зеркало. И это зеркало отражает всё, что видит. Стёпа стал другим, и его мир тоже изменился. Мир Стёпы не стал лучше или хуже. Он не стал враждебным Стёпе. Он стал… более взрослым. Стёпа как бы вышел на новый виток своей жизни. Он как бы пересел с велосипеда на автомобиль (или на добролёт). Его возможности вместе со скоростью увеличились. Теперь он сможет ставить себе более сложные задачи и быстрее их решать. Но вместе со скоростью, увеличилась и опасность. А значит и ответственность. Теперь он уже не сможет ездить, не держась за руль. Теперь он просто обязан знать правила дорожного движения. Ведь если упасть с велосипеда просто больно, то автомобильная авария влечёт за собой куда более серьёзные последствия. Чем старше мы становимся — тем больше ответственности лежит на нас. Чем больше мы узнаём — тем больше с нас спрос.

— Кто с нас спрашивает? — спросите вы.

Наш Мир. Или Бог. Или Любовь — кому что ближе. Суть от этого не меняется.

Есть такое мнение, что чем больше Бог кого-то любит, тем больше он его наказывает. Это не так. Вернее, не совсем так. Бог любит всех одинаково. И никого не наказывает. Вернее, наказывает всем одинаково. Именно всем, а не всех. Наказ — это завет, предписание — что нам нужно делать, а чего нам делать не следует. Мы же подменили понятие предписания понятием кары. А Бог никого не карает. Это мы караем преступников. Из-за того, что не сумели их правильно воспитать. Но ведь мы же для Бога не преступники. Мы Его дети, созданные по образу и подобию Его. То есть — безгрешные. За что же нас карать? Караем мы себя сами. Своим неведением. Считая события, не соответствующие

нашим представлениям о благополучии наказанием. А может быть, стоит посмотреть под другим углом? Может быть наказание — это не кара, а новая возможность? И может быть, благополучие — это не то, к чему надо стремиться? Ведь если только получать, сосуд может быстро переполниться. Наступит пресыщение. Нам станет нечего больше хотеть. По статистике, наибольшее число самоубийств среди обеспеченных людей — тех, для кого благополучие было смыслом жизни. Они получили всё, чего хотели, и для них жизнь потеряла свой смысл. Ставя целью своей жизни получение благ, мы становимся зависимыми. Получив блага, мы боимся их потерять. Не получив их, мы боимся их не получить. Страх потери рождает агрессию. Страх не получить рождает уныние. И то и другое лишает нас энергии. А ведь блага — это та же энергия. Только в более материальном виде. А энергию надо не только получать, но и отдавать. Тогда и недостатка в ней не будет. Многие из нас просто не готовы к благополучию. Ведь оно требует большой отдачи энергии, которой у многих просто нет. На вопрос: «чего бы ты хотел от жизни?» многие ответят: «яхту, виллу, самолёт и Роллс-Ройс». А готовы ли они получить всё это? Представляют ли они — сколько энергии нужно, чтобы иметь яхту? Содержать команду. Заправлять топливо. Оплачивать стоянку и ремонт. А ведь ещё хотелось бы, чтобы с вертолётом была… и с батискафом желательно. А ради чего все эти хлопоты? Чтобы раз в году недельку поплавать с девочками…?

А Роллс-Ройс? Сколько с ним хлопот? Это вам не «Приору» занижать. Там одно зеркало стоит, как малогабаритная квартира где-нибудь за МКАДом… Масло поменять — зарплата учителя лет за пять… А если какая-нибудь гнида ещё гвоздиком чего-нибудь нацарапает?.. Не каждая картина в музее столько стоит, сколько покраска встанет…

И с виллой этой тоже мороки не оберёшься… Садовнику плати, сайдинг-шмайдинг делай, септик-шмептик меняй, бассейн чисть… камин дымит… крыша течёт…

Не зря мудрые говорят: «Поосторожнее с желаниями — ведь они могут и сбыться»…

Так что начинать нужно с начала. Сначала заняться своей энергетикой, а потом уже желать по полной… И вместо благополучия пусть лучше будет благоциркуляция. Как правило — это и происходит с нами. Получаем мы столько, сколько можем усвоить. И отдаём по мере сил…

Или нет? Может быть, Бог несправедлив, и лишает нас законных благ?

Бог нас любит. Этого достаточно. А у Любви свои законы. Чем

больше мы узнаём — тем больше с нас спрос. Чем больше прав мы получаем — тем больше ответственности мы несём. Это закон соответствия. Законы надо знать. И соблюдать. И тогда жить станет легче. Понятнее. Тогда Мир не будет нам враждебен. И змеи не будут встречаться на нашем пути.

— Соблюдать законы — это скучно, — скажут некоторые. — Всё будет предсказуемо. Ведь закон — это порядок. А порядок — это инферно. Мы не хотим инферно. Пусть лучше будет хаос. Мы хотим, чтобы было не скучно… Чтобы непредсказуемым было не только будущее, но и прошлое…

Что тут сказать? Материальная жизнь не может существовать ни на одном из полюсов. Чистый Свет Хаоса столь же губителен, как и абсолютный порядок Инферно. Хаос жизнетворен, но мимолётен. Все процессы в нём настолько быстротечны, что набор опыта и развитие невозможны. А Порядок безжизненен и неизменчив. Жизнь возникает там, и только там, где действия обеих Сил примерно равны. И то, что мы считаем хаосом есть всего лишь некая нелинейная упорядоченность, которая не может быть замечена нами в силу отсутствия у нас способностей или возможностей к обнаружению этой упорядоченности…

Нам вовсе не нужно выбирать один из полюсов. Не нужно делать выбор между капитализмом и социализмом, между белым и чёрным, между добром и злом… Их нет — а абсолютном измерении. Вместо этого выбора мы должны выбрать Гармонию, Золотое сечение… Гармония знает, в какой пропорции нам необходим капитализм, а в какой — социализм… Сколько мы сможем переварить демократии, а сколько — либерализма, консерватизма, патриотизма и… других «измов»… Именно эта Гармония, поддерживающая Жизнь, и есть Закон.

Нужно ли его соблюдать? А нужно ли соблюдать закон Ома? И можно ли его не соблюдать? Он есть. И всё. Хотим мы того или нет. Скучный он? Или весёлый? Смотря, что считать весельем. Веселье веселью рознь. Многие законы написаны кровью. Например, по технике безопасности. Или Правила Дорожного Движения. Сколько горя в мире из-за незнания или нарушения этих законов. Сколько надгробных плит можно украсить надписью «Тормоза придумали трусы»…

Что же делать? Как жить? Нужна диалектика — законы соблюдаем, а в рамках этих законов делаем что хотим. И скучно не будет. В Мире столько неизведанного… Столько тайн и загадок… Зная и соблюдая законы соответствия можно продвинуться так далеко, как нам и не снилось…

Вместо того, чтобы топтаться на месте и, сопя, конкурировать между собой за нефть или газ, можно получить неисчерпаемые

источники энергии из эфира. Вместо того, чтобы тратить тонны зерна или травы на выкармливание одной коровы, можно, перейдя на живое питание, легко решить проблему голода и болезней на всей Земле. Да много чего можно сделать в гармонии с собой и Миром…

Что значит в гармонии? Это значит, что всему должно быть своё место. Это тоже закон соответствия. Если Эго по своему статусу ниже Души, то оно и должно быть ниже. У него есть определённая задача, которую оно и должно решать. Иначе получится как с Серёжей, Эго которого взяло на себя управление всем Серёжей. Именно так и получаются преступники, для которых существует только их «хочу». «И пусть весь мир подождёт» — говорит их раздувшееся Эго. Вместо роли слуги, Эго берёт на себя роль хозяина. А это путь раковой клетки. Работать только на себя. Какое-то время эта клетка будет чувствовать себя хорошо. Ей будет казаться, что она в центре Вселенной, весь Мир вращается вокруг неё и создан для того, чтобы обслуживать её интересы. Это и называется эгоцентризм. Но так продолжаться долго не может. Начинается мутация. Клетка становится опухолью и весь организм погибает…

Что будет дальше с Серёжей? Если он не изменится — может случиться что-то нехорошее. Или он станет преступником, или разочаруется в жизни и впадёт в уныние… Лучше бы до этого не дошло. Будем надеяться, что Соня этого не допустит. У неё действительно золотое сердце — оно подскажет ей, как помочь Серёже…

А Стёпа? Стёпа теперь может летать. Даже без добролёта. Дедушка Ульрих открыл для Стёпы эту возможность. Хоть и при таких драматических обстоятельствах. Почему со Стёпой случились все эти неприятности? Ведь он всё делал правильно…

Не всегда правильно — это верно. Правильно — от слова право. Но нельзя всё время ехать только вправо. Иногда нужно поступать и неправильно. Вспомните наши сказки. Их бы не было, если бы все ехали прямо, и без приключений добирались бы до пункта назначения. Почему наш главный герой — Иванушка-дурачок? Потому, что он всё делал неправильно — с точки зрения остальных. Почему он был дурачок? Потому, что поступал нелогично — с точки зрения остальных. На самом деле он был логичнее всех остальных. Просто он жил в двух логиках. В логике земли и в логике неба. Он жил не только умом, но и сердцем. Не только Разумом, но и Душой. Из-за этого многие его не понимали. И не понимают. Считают, что ему просто везёт. А им — нет. «Дуракам всегда везёт» — говорят они. А почему ВСЕГДА? Ведь если всегда — то это уже не случай. Это уже закон. А что же

это за закон такой? Почему счастье дуракам, а не нам? Именно потому, что счастье — это птица. А птица принадлежит и земле и небу. Птица тоже живёт в двух логиках. Иванушка ведь и от богатства не отказывался. И от красавицы жены. То есть, ему не чужды были и наши земные радости. Но он бы не был Иванушкой, если бы жил только этим. И Конёк-Горбунок не помогал бы ему, если бы Иванушка был простым, логичным обывателем с обычными земными интересами. Иванушкой-дурачком его сделала Душа, которая вышла на передний план и заняла подобающее ей место, задвинув Эго на второй — подобающий ему, план. Именно этот закон соответствия и соблюдают иванушки-дурачки. Поэтому им и везёт. А неприятности становятся неприятностями от того, что мы их не принимаем. Наш язык очень мудрый. Как только мы перестанем считать неприятности таковыми и примем их с благодарностью, они сразу станут приятностями. Попробуйте.

А наша история не закончилась. Стёпу и всех остальных ждут ещё много событий и приключений. Радостных и не очень. Но только не скучных. Ведь мы рождаемся не для скуки…

Желаем всем Счастья и Любви.

Благодарности

Маме, папе, Юле, Соне, Вадиму Зеланду, Сергею Лазареву, Михаилу Советову, Юрию Фролову, Владимиру Жданову, Путнику, Виктору Гребенникову, Алексею Сидоренко, Евгению Гришковцу, Алисе Фрейндлих, Юрию Норштейну, Борису Гребенщикову, Леониду Агутину, Татьяне Толстой, Хаяо Миязаки.

notes

Примечания

1

А также для тех, кто удовлетворён своим нынешним статусом.